

Печатается по решению Ученого совета факультета политологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор исторических наук *С.В. Соколовский*
кандидат исторических наук *В.В. Степанов*

Тишков В.А., Шабаев Ю.П.

Т47 Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев. — М.: Издательство Московского университета, 2019. — 416 с. — (Библиотека факультета политологии МГУ).

ISBN 978-5-19-011367-9

Учебник подготовлен академиком, научным руководителем Института этнологии и антропологии Российской академии наук В.А. Тишковым и известным специалистом в области этнополитологии, доктором исторических наук, профессором Сыктывкарского университета им. Питирима Сорокина Ю.П. Шабаевым. В работе представлены основные положения и проблемы современной этнополитологии — науки о политических функциях этничности и о политическом взаимодействии государства и этнических сообществ. Рассмотрены предмет и методы науки, теоретические подходы к анализу исследовательских направлений, проблемы политической организации многоэтнических обществ, этнонационализма, конфликтов и прикладное значение науки.

Для студентов, преподавателей гуманитарных факультетов, специалистов в области этнополитологии, социального управления и политического менеджмента культурно-сложными обществами.

УДК 323/1; 227/39; 316:35:39
ББК 60.54; 66.5

© В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев, 2019
© Факультет политологии МГУ, 2019

ISBN 978-5-19-011367-9 © Издательство Московского университета, 2019

Введение	8
Глава 1. Предмет, объект и методы этнополитологии	14
Предмет этнополитологии	14
Развитие этнополитологии как науки.	19
Методы этнополитологии	22
Функции этнополитологии	26
Глава 2. Теории этничности и политика	33
Примордиализм как научное направление	34
Функционализм о природе этничности	37
Конструктивизм в этнологии	39
Сущность инструментального подхода в этнологии	42
Глава 3. Этничность и национализм	47
Этнос, этническая общность и этничность	47
Национализм и этничность	54
Нации и национализм	60
Глава 4. Как понимать «народ» и «нацию»	68
Соотношение понятий «народ» и «нация»	68
Представления об этнической и гражданской нации	71
Нация и полиэтничность	74
Нациестроительство на постсоветском пространстве	77
Глава 5. Этничность как политический ресурс	80
Политический ресурс этничности	80
Политизация этничности.	86
Официальное признание этнополитики.	91
Конструирование идентичности.	101

Глава 6. Этничность и государство	114
Содержание понятия «национальное государство»	114
Роль этнической стратификации в политических процессах	121
Роль категории «гражданство» в этнополитике.	126
Политическая роль этнических меньшинств	131
Глава 7. Этничность и демократия	138
Модели демократии	139
Критика моделей демократии	149
Демократия и проблемы меньшинств	150
Глава 8. Этнополитические конфликты	157
Сущность этнополитического конфликта.	158
Типы этнополитических конфликтов.	163
Проблема управления конфликтом	167
Глава 9. Этничность и власть	180
Этничность как легитиматор власти.	180
Издержки этнизации власти	184
Культура и политика насилия	189
Глава 10. Модели этнополитики	199
Ассимиляторская модель этнополитики.	199
Мультикультурализм	207
Расизм и геноцид как крайние формы этнополитики	219
Глава 11. Институты этнополитики.	232
Государственные институты этнополитики	232
Территориальная и культурная автономии	242
Институты альтернативного представительства	250
Консультативные институты	253
Правовые институты	256
Общественные институты	260
Региональные институты этнополитики в России	261
Глава 12. Этничность и право.	266
Основные правовые коллизии в этнополитике.	267
Обычное право и урегулирование споров с общинами коренных народов	275
Право наций на самоопределение и правовое поле этнополитики	277

Культурные права	290
Язык правовых документов и правоприменительная практика	292
Глава 13. Этнополитика в образовательной и информационной сферах	297
Школа в системе этнополитики.	297
Этническая проблематика в СМИ	305
Социальная реклама и информационные кампании.	311
Глава 14. Этнополитические мифы	314
Сущность этнополитических мифов.	314
Практика этнополитического мифотворчества	321
Плоды этнополитического мифотворчества в странах Балтии	326
Глава 15. Глобализация и этничность	336
Глобализация и проблема сохранения этничности	337
Глобализация и политическая кооперация этнических сообществ	338
Глава 16. Этнополитика в России	
Истоки российской этнополитики	352
Советская этнополитика	361
Формирование государственной национальной политики Российской Федерации	377
Современная стратегия государственной национальной политики.	385
Заключение	397
Терминологический словарь	404
Примерные темы рефератов и курсовых работ	414

Этнополитология — молодая научная дисциплина. Она появилась как ответ научного общества на этнополитические проблемы в последней трети XX столетия. Рост этнического национализма и вооруженных этнических конфликтов во многих регионах мира, распад основанных на этнотерриториальном принципе федеративных государств СССР, Югославии и Чехословакии не просто актуализировали этнополитическую проблематику, но позволили говорить «взрыве этничности», «этническом парадоксе современности», «бунтующей этничности». Стало очевидно, что роль этнического фактора в политических процессах, а также в управлении многоэтничными государствами долгое время недооценивалась.

Важную роль в становлении этнополитологии как науки сыграли масштабные политические перемены, обусловленные двумя мировыми войнами XX в. Первая мировая война, существенно изменив карту Европы, привела к созданию ряда новых государств, возникших после распада династических империй. Эти государства отличались относительно однородным этническим составом населения, что стимулировало формирование этнонационального самосознания в странах, где, казалось бы, самоопределились одна или несколько этнических общностей (этнонаций). Так было в Польше, Венгрии, Чехословакии, Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия), странах Балтии. На самом деле создание новых государств обострило проблему этнических меньшинств и привело к политизации этничности, поскольку эти государства сами столкнулись с национализмом от имени титульных этнонаций и так называемых разделенных народов.

Другим стимулом к политизации этничности стала международно-правовая система, возникшая после заключения Версальского мирного договора, который подвел итог Первой мировой войне. Учрежденная странами-победительницами Лига Наций следовала принципам желательного совпадения этнических и государственных границ. Именно поэтому она поддерживала массовые переселения (обмен меньшинствами) представителей этнических групп из одних стран в другие. Именно Лига Наций впервые стала претворять в жизнь систему защиты меньшинств и требовать от вступивших в нее имперских держав проведения «рациональной» колониальной политики.

После Второй мировой войны возникла Организация Объединенных Наций, были сформулированы основополагающие принципы международного права, в числе которых важное место заняло право наций на самоопределение. Этот принцип позволил осуществить процесс деколонизации, в результате которого на основе разноплеменного населения бывших колоний были созданы десятки новых государств, и процессы национально-государственного строительства приобрели мировой размах.

Уроки Второй мировой войны привели международное сообщество к пониманию необходимости диагностировать субъекты самоопределения не в этнических, а в территориально-гражданских категориях. Поэтому ООН в своих документах, касающихся государственного суверенитета и политических прав, не отождествляла территориальные сообщества с этническими группами, а рассматривала народ — субъект самоопределения — как все население страны или региона. Тем не менее старые подходы не ушли в прошлое, в результате чего в международном праве и в политической практике возникла конкуренция/конфликт между этничностью и гражданственностью, между принципом самоопределения и принципом территориальной целостности государств. Преодолеть этот конфликт не удается до сих пор по причине живучести этнического национализма, который трактует самоопределение как надделение государственно-административным статусом и «своей» территорией представителей одной этнической группы или же как ее отделение (сепарацию) от общего государства.

Наконец, окончание «холодной войны» и демонтаж авторитарных режимов в Европе привели к «освобождению этничности» от государственного контроля и актуализации

этнополитических движений, в идейных позициях которых этничность и гражданственность нередко противопоставлялись. Началась масштабная политизация этничности, которая, с одной стороны, была порождена прежними издержками государственной политики, а с другой — стала инструментом в реализации политических замыслов определенных политических сил. Итогом накопления политического ресурса этничности на протяжении XX в. стал драматичный распад Югославии, неправовой демонтаж СССР и не очень корректный раздел Чехословакии на словацкое и чешское государства, актуализация этнонационалистических и сепаратистских движений в других регионах мира. Стало очевидно, что этничность — это не только форма социальной и культурной организации, но и политический ресурс, который можно использовать в целях как созидания, так и разрушения. Вследствие этого этнополитологическая проблематика заняла важное место в обществоведческих исследованиях.

Этнополитическая проблематика не только привлекает внимание ученых, но и стала неким «пугалом цивилизации», ибо рассуждения о «столкновении цивилизаций» из сферы научной превращаются в предмет политических дискуссий. Провал проекта единой Европейской конституции, иммиграционный и политический кризис в Европейском союзе, отмеченный процессом выхода из него Великобритании и ростом экстремистских настроений среди религиозных меньшинств и иммигрантов, кризисом политики мультикультурализма и этнополитическим сепаратизмом в Шотландии, Каталонии, показали, что старая политическая система и политика многокультурности в разных ее вариантах не справляются с этнополитическими вызовами современности.

В научной литературе и в политической публицистике появляются прогнозы, согласно которым в обозримом будущем в быстро растущих иммигрантских общинах европейских стран сформируется своя элита, и элита эта не только станет выразителем интересов иммигрантского населения Европы, но в конечном итоге оттеснит коренное население от рычагов политического влияния. Некоторые зарубежные специалисты предсказывают рост межэтнической, межконфессиональной напряженности не только в Европе, но и в Америке. Американский консерватор Патрик Бьюкенен в своей книге «Гибель Запада» анализирует схему нарастания этноконфессиональной

и расовой напряженности, которая якобы угрожает в ближайшем будущем расколоть США.

Мрачные прогнозы по поводу будущего России как полиэтнического государства регулярно озвучивают российские ультра-патриоты и радикальные националисты. Например, высказывается мнение о «цивилизационной отсталости» северокавказских республик и неминуемом «уходе» из России, утверждается, что среди финно-угорских народов усиливаются сепаратистские настроения, которые поддерживаются из-за рубежа в надежде возродить идею «Великой Финляндии». Устремления тюркских народов по той же логике якобы ориентированы на Турцию и на некую тюрко-исламскую цивилизацию. Дальний Восток в результате проникновения туда китайцев, по мнению некоторых российских авторов, отойдет к Китаю. В конечном итоге, не мифологические факторы, одобренные ксенофобией в отношении «выходцев с Кавказа» и иммигрантов из Средней Азии, лежат в основе этнополитических проблем. **Прежде всего, неэффективное управление в сфере этнополитики и ее слабая экспертная обеспеченность порождают социальные, культурные и политические проблемы и приводят к открытым конфликтам в среде многоэтничного народа.**

Осознание того, что нельзя игнорировать этнополитическую проблематику, стало очевидным в начале 1990-х гг., когда этнический фактор (или так называемый национальный вопрос) дал о себе знать в целом ряде государств. Формирование и всплеск активности этнокультурных и националистических групп, организаций и даже массовых движений в России породили интерес отечественных исследователей к этнополитической проблематике. Политизация этничности потребовала от российских властей реагирования на вызовы времени. Как следствие этой реакции появляются государственные службы федерального и регионального уровней, призванные обеспечивать этнокультурные и этнополитические запросы населения страны в целом и в отдельных ее регионах. Национальная политика становится одним из важных направлений внутренней политики государства. В конце 1991 г. был создан Государственный комитет по национальной политике Российской Федерации, председатель которого имел ранг федерального министра, а затем и профильное министерство (просуществовало с разными названиями до 2000 г.). В 1996 г. указом Пре-

зидента РФ была принята Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. В том же году Государственная дума приняла Закон о национально-культурной автономии. Стало очевидно, что этнополитика не только получает официальное признание, но и требует теоретического анализа и прикладного осмысления.

Стабилизация политической ситуации в России в начале XXI в., ослабление политических позиций этнонационалистических сил породили у части общества иллюзии относительно неактуальности этнического фактора в политической жизни страны. Результатом таких иллюзий стало упразднение федерального министерства по делам национальностей и придание национальной политике некоей фольклорно-фестивальной направленности. Однако достаточно быстро стало очевидно, что ослаблять внимание к этнополитике нельзя, и об этом было однозначно заявлено первыми лицами государства, а сама доктринальная основа государственной национальной политики была существенно обновлена и нацелена на усиление интеграционных тенденций в российском обществе. Указом Президента РФ в 2012 г. была утверждена новая Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. (в 2018 г. принята ее новая редакция), а в 2014 г. создано Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) как орган исполнительной власти, ответственный за этнонациональную политику.

Исторический опыт показал, что упрощенные теоретические модели типа советской «новой исторической общности людей» и американской «плавильного котла» не дают возможности оценить всю сложность взаимодействия между этничностью и политикой. Чтобы выстроить систему взглядов и представлений о роли этничности в политике и роли политики в этнических процессах, данное взаимодействие необходимо рассматривать более обстоятельно. Именно с этой целью в предлагаемом учебнике излагаются подходы, которые имеют большое значение для использования опыта этнополитики.

Учебник ориентирован не только на обучение студентов. Он рассчитан на подготовку и переподготовку кадров государственных служащих, работников правоохранительных органов и социальных служб. В полиэтничной и поликонфессиональной России современные политические менеджеры, блюстители закона, работники в сфере культуры, образования

и информации должны обладать знаниями в области этнополитологии, чтобы разбираться в сложных социальных явлениях и принимать адекватные управленческие решения. Опыт СССР и российской государственности показывает, что неэффективные и неверные решения в этнонациональной сфере не просто оборачиваются политическими издержками, а приводят к социальным потрясениям. Цена им, как оказывается, не только потерянные десятки и сотни миллиардов рублей, огромные материальные разрушения, но и человеческие жизни. Предлагаемый учебник содержит системный анализ важнейших проблем этнополитики, оценивает происходящие в современном мире этнополитические процессы, предлагает ответы на вызовы времени.

ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТ И МЕТОДЫ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

Предмет этнополитологии

Предмет этнополитологии вытекает из самого названия этой научной дисциплины. Очевидно, что дисциплина имеет непосредственную связь с этнологией и политологией, является пограничной наукой, использующей методы анализа как политических наук, так и этнологии. Ее предмет и объект представляют собой специфическую сферу, где пересекается политика и этничность. **Этнополитика — это проявление этнического фактора в политике, участие этнических групп в делах государства и роль политики и государства в делах этнических сообществ, управление многоэтничными государствами, институты и механизмы обеспечения межэтнического согласия, преодоления этнополитических конфликтов.**

Этнополитология есть та предметная область этнологии (и политологии), которая связана с изучением государственной политики в сфере обеспечения как *личных прав* представителей этнических сообществ, так и коллективных *интересов* этнических групп, составляющих население страны. Этнополитология связана с изучением роли этничности в политических процессах на региональном, федеральном и международном уровнях, что выражается в мотивированных этническим фактором воззрениях и действиях граждан, в деятельности этнонациональных общественных организаций и движений, политических групп и отдельных политиков, некоторых международных структур и информационно-сетевых сообществ.

В самом общем плане предметом этнополитологии являются политические функции этничности. В более конкретном плане **предметом этнополитологии являются источники, мотивы и закономерности формирования этнонациональной**

политики, модели и механизмы ее реализации, идеология и практика этнополитических движений и организаций, этнополитические ориентации населения и формы их выражения.

Сам предмет дисциплины указывает на то, что может и должно быть *объектом* этнополитического анализа. **Объектом этнополитологии являются этнические группы (а точнее, действующие от их имени лидеры и организации), находящиеся в политическом взаимодействии с государством и его институтами или с другими аналогичными группами.**

Слабостью многих учебников, словарей, пособий и монографических работ по данной дисциплине является устаревший подход к самому феномену этничности, сводящий основное на этнической идентичности многообразие культурных проявлений и коллективных действий к якобы фундаментальной форме человеческого коллектива под названием «этнос» и его высшей стадии — нации. Этим подходом руководствуется расизм и шовинизм разного толка и этнические сепаратисты, отвергающие общее государство и культурную сложность его населения. На самом деле, феномен этничности — это прежде всего сфера идентичности человека и культурная традиция, на основе которых существуют в различных конфигурациях и взаимосвязях человеческие сообщества, называемые этническими. В разных странах их могут называть народами, национальностями или нациями.

Потребность в системном изложении этнополитологических знаний, в освещении проблем этнополитики стала остро ощущаться во второй половине XX в. Это привело к учреждению серии периодических изданий, посвященных проблемам этнополитики и национализма. В их числе следует назвать североамериканские журналы “Nationalities Papers” (с 1977 г.), “Canadian Review of Studies in Nationalism” (с 1973 г.) и международный журнал “Ethnic and Racial Studies” (1978), европейские научные журналы “Nations & Nationalism” (с 1995 г.), “Nationalism & Ethnic Politics” (1995), “National Identities” (с 1995 г.), “Journal on Ethnopolitics and Minorities Issue sin Europe” (с 2001 г.), “Global Review of Ethnopolitics” (с 2003 г.), российский журнал «Вестник российской нации» (с 2008 г.). Проблемы этнополитики регулярно рассматриваются в политологических, социологических, исторических, географических журналах, в изданиях, посвященных международным отношениям и регионалистике.

Исторические корни современной этнополитологии усматриваются еще в Античности. Попытки использовать знания о других народах в целях практической политики имели место еще в Древнем Риме и Византии, но особенно широко эти знания стали применяться в колониальной практике европейских государств в Новое и Новейшее время. Классики социальной антропологии К. Леви-Стросс, Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун, Э. Эванс-Притчард отмечали необходимость изучения механизмов управления в туземных обществах, познания традиционных политических систем, сформировавшихся в колониальных странах до прихода туда европейцев. Д. и Дж. Джерри в «Большом толковом социологическом словаре» отмечали, что «политическая антропология (political anthropology) — часть социальной антропологии, изучающая политический процесс и политические учреждения в простых обществах». Однако содержание политической антропологии меняется. Прежде она, главным образом, обращала внимание на ранние формы политических институтов, и образцом такого исследования служит изданный в 1940 г. труд М. Фортеса и Э. Эванс-Притчарда «Африканские политические системы». Но в 1966 г. под редакцией М. Шварца, В. Тернера и А. Таддена был издан коллективный труд «Политическая антропология», где понятия «политический процесс» и «политика» были определены более широко, введены категории «конфликт», «борьба», «политическая арена», «политический интерес» и др. Антропологи отошли от статичного видения политической системы и культуры и обратили внимание на то, как различные группы и партии оперируют и даже манипулируют различного рода мифическими верованиями и символами для достижения своих интересов. Политически значимые верования, ритуалы и символы стали рассматриваться не только как культурные основания политических действий, но и как явления повседневной социальной жизни, а также исследоваться в контексте конструирования новых групп и коалиций и их взаимоотношений.

Современные антропологи, работая в сложных обществах, где этнические и религиозные различия, экономическое неравенство, политическая и правовая неоднородность сосуществуют в границах изучаемых сообществ, обратили внимание на политическое поле как на культурный процесс и культур-

ное действие и отказались от восприятия политической антропологии как науки о «древних» и «вечных» политических системах. Появились разработки ключевых элементов политического процесса, например таких, как принуждение и его разновидности — сила, поддержка и легитимность, политический статус, официальность, принятие решения, составляющие власти, принуждение и влияние, мобилизация, конфликты и их разрешение.

Подлинное переосмысление политической антропологии произошло в 1990-е гг. в значительной мере благодаря усилиям европейских социальных антропологов, координирующих свои исследования в рамках созданной в 1990 г. Европейской ассоциации социальных антропологов (European Association of Social Anthropologists — EASA). Одним из заметных событий стала публикация в 1997 г. под редакцией британских ученых К. Шора и С. Райт книги «Антропология политики», основанной на материалах сессии «Политика, мораль и искусство управления» в рамках очередного съезда ЕАСА в г. Осло в 1994 году. В этом же ключе написана переведенная с французского на русский язык книга Жоржа Баландые «Политическая антропология».

Сегодня понимание того, что культурные модели, стереотипы, образы и интерпретации могут иметь политическое значение, стало вполне определенным. При этом современные отношения внутри политических элит порой описываются с помощью антропологических терминов «племя», «ритуал», «реципрокальный обмен» и т.п. Примером подобного рода работ является известное исследование политической сферы США — «Племена на Холме» (Weatherford, 1981). Ее автор, профессиональный антрополог, будучи помощником сенатора Дж. Глена, провел исследование повседневной жизни Конгресса США методом включенного наблюдения и сделал довольно критичный «коллективный портрет» американских конгрессменов.

Что означает на практике анализ культуры в целях политического управления, можно проследить на примере упущенных возможностей мирного урегулирования политических конфликтов. Наиболее яркий пример подобного рода приводится профессором Иллинойского университета Г. Триандисом (см. Кэйс 1).

Кэйс 1. Культурные особенности общения

9 января 1991 г. тогдашний министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз и госсекретарь США Джеймс Бейкер встретились в Женеве с целью попытаться достичь компромисса и избежать войны. В паре с Азизом в переговорах участвовал родной брат иракского президента Саддама Хусейна. Последний постоянно связывался с Багдадом и сообщал Хусейну о ходе переговоров. Бейкер же средствами связи не пользовался и сосредоточился только на изложении позиции своей страны, однозначно указав иракской стороне, что США атакуют Ирак, если он не выведет свои войска из Кувейта (который был оккупирован Ираком незадолго до того). Однако иракцы не обратили внимания на содержание заявлений Бейкера, но внимательно следили за тем, как он говорил. После встречи брат Хусейна сообщил в Багдад, что американцы нападать на Ирак не будут. Через шесть дней началась американская операция «Буря в пустыне».

«Если бы Бейкер, — пишет Триандис, — учел культурные особенности общения и взаимодействия, типичные для иракцев, использовал бы для выражения своих мыслей более жесткие выражения (например, “Мы сделаем из вас отбивную”), стукнул бы кулаком по столу и сделал свирепую гримасу. Если бы он действительно хотел произвести нужное впечатление, он мог бы раздраженно бросить телефонную книгу в сторону Азиза!»

Большинство “вестернизированных” арабов не считают, что такие формы поведения необходимы... Они стремятся вести себя в соответствии с западными нормами и образцами и могут испытывать затруднения с интерпретацией традиционных образцов поведения представителей собственной культуры. Хусейн и его брат, в отличие от многих арабов, знакомых с западной культурой, знали о ней не так много и, вполне вероятно, “неправильно” интерпретировали содержание речи Бейкера во время переговоров. Также и Бейкер, скорее всего, недостаточно эффектно выразил степень решимости намерений США. Возможность мирного разрешения проблемы была упущена, поскольку ни одна из сторон не учла в достаточной степени кросс-культурные особенности диалога»¹.

В итоге началась «война в заливе», следствием которой стали десятки тысяч жертв с иракской стороны, огромный материальный урон иракской экономике и появление дополнительного источника для роста антиамериканизма в арабском мире, который является стимулом для усиления политического ислама и активизации радикальных сил. Впрочем, американцам удалось отчасти извлечь уроки из своих действий в Ираке и определенная стабилизация в этой стране была достигнута благодаря тому, что генерал Дэвид Петреус стал активно работать с иракскими племенами и использовал ресурс традиционной организации иракского общества для решения военных проблем.

Тем не менее не следует смешивать политическую антропологию и этнополитологию. В своем учебнике Н.Н. Крадин определяет политическую антропологию как **антропологическую дисциплину, изучающую народы мира с целью выявления особенностей политической организации в исторической динамике**¹. В отличие от политической антропологии, этнополитология в первую очередь анализирует роль этнического фактора в политике и характер взаимодействия государственных институтов и этнических сообществ. Этнополитология также проводит разграничительную линию с достаточно самостоятельной сферой изучения урегулирования международных конфликтов, в которых, как правило, участвуют государства или их отдельные регионы, а этнокультурный фактор не является определяющим. По этому направлению имеются отдельные учебные пособия, рассчитанные на студентов-международников².

Развитие этнополитологии как науки

Утверждение этнополитологии в качестве самостоятельной дисциплины является следствием так называемого «этнического парадокса современности», ибо актуализация этнического фактора в политической жизни многих государств и мирового сообщества в целом не только обратила внимание исследователей на изучение конкретных этнополитических ситуаций, но и потребовала научных обобщений, построения теоретических моделей этнополитических процессов, механизмов их регулирования.

Предтечей этнополитологии можно считать довольно противоречивую дисциплину «Геополитика», которая пытается в своем предмете объединить политику, географическое пространство и населенные разными народами территории. Географическое пространство объединялось с политикой еще в работе немецкого географа Ф. Ратцеля, опубликовавшего в 1897 г. книгу «Политическая география». Классик немецкой геополитической мысли прошлого века К. Хаусхофер рассмотрел вопрос о связи земли и народа, о трудностях фиксации расовых и племенных границ, о том, что государственные

¹ Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Логос, 2004. С. 14.

² См., напр.: Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 1999.

¹ Триандис Г. Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. С. 52.

границы не совпадают с этническими территориями. Тем не менее в рамках геополитики серьезного внимания изучению роли этничности в политической жизни стран и регионов не уделялось. Политические проекции этничности не были предметом изучения и в отечественной этнографии. Они игнорировались в политических науках. Положение дел в мировом общественном знании стало меняться только в 1970-х гг., когда выяснилась несостоятельность ряда фундаментальных концептов западной антропологической мысли, когда стало очевидно, что этничность не «затухает», а проявляет себя активно, в том числе в сфере политики.

У истоков формирования актуального представления об этническом возрождении, механизмах включения этнических и расовых сообществ в политическую жизнь стояли американцы Н. Глейзер и Д. Мойнихен, указавшие, что концепция «плавильного тигля нации» более не отражает реалии современного американского общества и необходимо новое видение феномена этничности в социальных и политических процессах. К проблеме изучения соотношения этничности и политики с 1970-х гг. обратились не только этнологи, но и социологи, психологи, историки и сами политики. Одна из первых попыток дать систематизированное представление об этнополитике и изложить принципы этнополитологии была сделана Дж. Родшильдом, который в 1981 г. опубликовал книгу «Этнополитика». В ней он доказывал, что этнонационалистические позиции и стратегии, соответствующим образом оформленные и обеспеченные ресурсом, гарантируют преимущество перед другими политическими позициями и стратегиями. Люди во всех столкновениях чаще всего встают на кровную сторону: права она или не права¹. Проявлений такого феномена этнополитической солидарности можно найти достаточно в мире, а в России тем более. Этнически мотивированная солидарность и ее политическая роль остаются одной из главных тем дисциплины и сегодня.

В 1990–2000-е гг. появились труды российских авторов по проблемам государственного строительства в сложных по составу населения обществах, идентичности и самоопределения, национализма, конфликтов, миграции, истории этнополитики

в России и в других странах мира (В.А. Авксентьев, М.Н. Губогло, М.В. Горшков, А.В. Дмитриев, Л.М. Дробижева, А.Г. Здравомыслов, В.Ю. Зорин, А.В. Малашенко, В.А. Михайлов, А.В. Миллер, Э.А. Паин, С.В. Соколовский, В.В. Степанов, И.С. Стефаненко, Е.И. Филиппова, В.А. Шнирельман и др.). Одним из авторов данного учебника были изданы книги и статьи, в которых впервые излагались критические оценки старых понятийных категорий и теорий так называемой национальной политики и формировались понятия этнополитики и нациестроительства после распада СССР¹.

В последние 20–25 лет на русский язык были переведены основные зарубежные авторы, работы которых по данному направлению считаются классическими и которые обрели популярность в последние годы (Б. Андерсон, Ф. Барт, Д. Горовиц, Л. Гринфельд, У. Коннор, Д. Лейтин, Д. Комарофф, К. Вердери, М. Белзер, М. Олкотт, А. Ливен, Д. Ливен, Ч. Тилли, П. Колсто, Э. Смит, Ю. Хабермас, Э. Каррер Данкосс, Г. Симон, А. Каппеллер, Т. Мартин, Ж. Кадио и др.). В них представлены мировые подходы трактовки этнического как партикулярно-группового и как гражданско-политического феномена, а также история этнонациональной политики в России/СССР.

С 2008 г. в России стал выходить общественно-политический и научный журнал «Вестник российской нации» как орган Общероссийского союза общественных объединений «Российская нация». На его страницах освещаются разные аспекты существования и развития многоэтничного российского народа как гражданской нации, а также пути утверждения в России национального самосознания и патриотизма при сохранении и поддержке этнонационального и религиозного разнообразия. На всероссийских съездах этнографов и антропологов этнополитическая тематика заняла ведущее положение. Этнополитика как тема и как дисциплинарная сфера представлена в программах российских и международных конгрессов не только этнологов и антропологов, но и философов, историков, социологов, политологов.

¹ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997; *Он же*. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001; *Он же*. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

¹ *Rothschild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981.*

Методы этнополитологии

Методы этнополитологии существенно не отличаются от методов других общественных наук, и их можно разделить на общенаучные и специальные. Из общенаучных методов наибольшее значение для этнополитологии имеет *социологический*, который предполагает выявление зависимостей в функционировании общественных институтов, в социальном поведении людей, а в этнополитологических исследованиях этот метод означает изучение воздействия социальных факторов на решение этнонациональных проблем и на сферу политической активности этнических групп. Социологический метод предполагает системное изучение явлений общественной жизни, т.е. рассмотрение их через призму всей совокупности связей и отношений, через выявление стабилизирующих и дестабилизирующих условий социальной среды.

Помимо общесоциологического подхода к изучению этнополитических процессов и явлений, на вооружении этнополитологии находятся конкретно-социологические приемы и методы исследований. В числе этих методов и приемов следует назвать опросы, анкетирование, интервьюирование, статистический анализ. В результате их использования ученый получает массовый формализованный материал, который поддается обработке и позволяет выявить зависимости одних явлений от других, определить тенденции развития социальных процессов, сделать прогнозы.

К числу методов изучения этнополитических проблем относятся и *мониторинговые исследования*. Мониторинг — это сбор данных о состоянии среды (природной и социальной) по формализованным показателям на какой-либо определенной территории. В случае с этнополитологией речь идет о сборе данных, характеризующих состояние межэтнических отношений, политическую активность этнополитических организаций, деятельность органов власти в области этнонациональной политики и т.д. Системный анализ всех этих показателей позволяет выявлять проблемные ситуации на стадии их зарождения, а в случае открытого конфликта — не допускать его эскалации и разработать стратегию его трансформации и разрешения. Примером эффективного использования данного метода является Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), созданная Инсти-

тутом этнологии и антропологии РАН в 1994 году. Эта сеть есть не что иное, как сообщество ведущих экспертов, которые собирают и анализируют сведения об этнополитической ситуации в большинстве субъектов Российской Федерации и ряде стран СНГ. Сеть издает экспертные доклады, публикует оценку степени конфликтности и напряженности в различных регионах России, готовит ежегодные доклады с анализом актуальных проблем и этнополитической ситуации. За разработку метода этнологического мониторинга и научные достижения в области социально-культурной антропологии создатель Сети академик В.А. Тишков в 2015 г. был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий.

Сходные задачи решают некоторые другие экспертные сообщества и группы: в странах Западной Африки действует общественная организация WANEP (West Africa Network for Peacebuilding) — сетевая организация, выпускающая квартальные обзоры по состоянию конфликтов и бюллетень «Этнический конфликт», проводящая тренинг-семинары и осуществляющая миротворческую деятельность. Из западных организаций можно назвать «Международную тревогу» (International Alert) со штаб-квартирой в Лондоне и «Группу по урегулированию конфликтов» (Conflict Management Group), ассоциированную с Гарвардским университетом в США. Существуют международные исследовательские организации в области изучения, предотвращения и разрешения этнополитических конфликтов. Одной из них является Международный институт мира в Осло (PRIO), издающий авторитетный журнал «Journal of Peace Research». Германская общественная организация (частный фонд) Бергхофский центр по конструктивному разрешению конфликтов (Berghof Research Center for Constructive Conflict Management) издала настольную книгу-пособие практической направленности по методам и подходам разрешения этнополитических конфликтов¹.

Помимо мониторинга глобального и регионального характера, существуют локальные сети по предупреждению конфликтов, как, например, Международный исследовательский институт конфликтов (International Conflict Research Institute — INCORE) при Ольстерском университете в Северной Ирландии.

¹ Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра / Ред. русского издания В. Тишков, М. Устинова. М.: Наука, 2007.

дии. Очевидно, что многочисленные очаги этнополитической напряженности в мире, наличие непризнанных государственных образований, рост терроризма заставят и далее развивать деятельность служб по предупреждению конфликтов и мониторинговых систем. **Мониторинг — это метод, предусматривающий систематический и долговременный анализ ситуации в сфере межэтнических отношений, а значит, и создания исследовательских структур, обеспечение деятельности которых требует определенных финансовых затрат и организационных усилий.**

Не менее востребованным является метод *этнологической экспертизы*. Этот метод связан с решением прикладных задач, в числе которых значатся «рецензирование проектов нормативных правовых документов (законов, постановлений, концепций, федеральных, региональных и местных программ, подзаконных актов)... оценка мероприятий по сохранению и восстановлению аборигенной культуры, подвергшейся напору «цивилизации», анализ социально-культурных последствий внедрения промышленных и строительных проектов... анализ документов судебных расследований, выработка рекомендаций по предупреждению и урегулированию общественных конфликтов...»¹. В Республике Саха (Якутия) принят республиканский закон об этнологической экспертизе, но многие специалисты и управленцы на местах заявляют о необходимости принятия федерального закона, и разработка такого законодательного акта ведется.

Важным дополнением к профессиональным исследовательским и мониторинговым сетям может служить система информационных центров, которая создана при поддержке международных организаций и ведет сбор информации о положении национальных меньшинств и аборигенных малочисленных народов. Наиболее известной является Международная рабочая группа по делам аборигенных народов (International Working Group for Indigenous Affairs — IWGIA), которая уже несколько десятилетий ведет по всему миру мониторинг положения аборигенных народов и выступает в их защиту в случае дискриминации и угрозы их существования. Длительное время в центре внимания этой деятельности были народы аборигенного происхождения в странах, возникших

на основе колонизации (страны Америки, Австралия и Новая Зеландия). Затем в понятие аборигенных народов были включены малочисленные группы населения, которые проживают во многих странах мира и в силу природных, исторических и социально-культурных условий пребывают в уязвимом положении и нуждаются в дополнительной, в том числе международной протекции.

В России в эту группу народов попадают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (более 40 этнических сообществ), которые с момента Первого съезда народов Севера в 1989 г. начали активную общественно-политическую деятельность по защите своих интересов. В 1990 г. была создана Российская ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНСС и ДВ), которая входит в международную общественную организацию Международная циркумполярная конференция (International Circumpolar Conference — ICC), а также имеет членство в межправительственной организации северных стран — Международном арктическом совете. Ее информационные центры осуществляют свою деятельность при поддержке активистов этнополитических организаций коренных малочисленных народов и, главным образом, сообщают на своих информационных сайтах о фактах нарушений прав этих народов, о посягательствах властей и промышленных компаний на их родовые угодья и природные ресурсы.

Следующим методом в этнополитологии является *компаративистский* метод исследований. Его суть заключается в сопоставлении двух или более объектов изучения, анализируемых по сходным параметрам. Сравнительное исследование имеет строгую логическую последовательность. На первом этапе происходит отбор и описание изучаемых фактов или явлений, на последующем — выявление и описание тождества и различий, обнаруженных в данных фактах или явлениях, далее следует анализ связей между составляющими этнополитических процессов и явлений с другими социальными реалиями и формулирование гипотез и, наконец, проверка гипотез, подтверждение их достоверности.

Сравнительный этнополитический анализ необходим в странах с полиэтничным составом населения, неоднородных в этническом, религиозном и расовом отношениях. Сопоставление различных политических практик и инструментов по-

¹ Степанов В.В. Принципы, объекты и терминология этнологической экспертизы // Расы и народы. Вып. 34. М., 2009. С. 144.

литической защиты интересов этнических, конфессиональных или расовых меньшинств в разное время и в разных странах позволяет выработать модель государственной политики в сфере отношений с миноритарными сообществами (сообществами меньшинств), которая учитывает интересы как большинства, так и меньшинства населения. Речь идет о поиске баланса этих интересов, допустимого в данной конкретной стране и в данное время и не нарушающего общенациональной стабильности.

В этнополитологии значимым является *психологический* метод, поскольку этническое самосознание признается на сегодня этнологами, пожалуй, главным этнодифференцирующим фактором, ибо особенности быта, хозяйства и многие другие факторы, которые прежде играли значительную роль, во многих случаях перестали являться отличительными признаками этнической группы или сообщества. Психологический метод нацелен на изучение субъективных механизмов политического поведения, специфики восприятия политических лидеров, политических институтов и политических действий этническими сообществами, а также типичных механизмов психологических мотиваций. Особую роль в этой связи играет изучение этнических стереотипов поведения, этнических установок на электоральное поведение, на принятие или отторжение политических и других решений. Исключительную актуальность обретает психологический анализ механизмов индоктринации и рекрутирования членов социально уязвимых молодежных, мигрантских групп в число сторонников и исполнителей террористических актов, включая феномен «живых бомб».

Функции этнополитологии

Любая наука имеет свои функции, которые определяют ее общественное значение. Как система научного знания, этнополитология выполняет *гносеологическую (познавательную) функцию*, т.е. она призвана создавать целостную систему представлений об определенной области общественного бытия. Прежде всего, она призвана выявлять и оценивать то, каким образом этничность оказывает влияние на политику и как политика воздействует на этнические процессы, какие объективные связи и закономерности ей присущи.

Этнополитология призвана не только изучать закономерности, тенденции и противоречия, свойственные политической сфере жизни общества и ее этнополитической составляющей, но и выполнять функцию рационализации этнонациональной политики, предлагая меры по формированию «демократии согласия», при которой достигается баланс интересов доминантных этнических сообществ и миноритарных групп. Она предлагает и обосновывает пути создания и реформирования специальных политических институтов для регулирования межэтнических отношений и для решения местных проблем этнических сообществ и групп. Тем самым этнополитология помогает «встраивать» этническую составляющую в общие политические процессы, предварительно определив необходимость такого «встраивания».

Важной функцией, которая становится все более актуальной в демократических странах, является функция политической социализации, т.е. вовлечение этнических меньшинств в политическую жизнь, особенно тех, которые с помощью обычных демократических процедур не имеют возможности обеспечить политическое представительство своих сообществ в федеральных и региональных органах власти и в органах местного самоуправления. Этнополитология способствует формированию политической культуры населения, предлагая пути и механизмы формирования культуры этнической толерантности как части общей политической культуры. Она обеспечивает оптимальное соотношение между общегражданскими интересами и интересами локальных сообществ и групп, помогает выработать отношения к этнополитическим движениям и организациям.

Логически связанной с указанными функциями является прогностическая функция этнополитологии, которая имеет существенное значение в любой прикладной научной дисциплине. В прогностические задачи этнополитологии входит анализ развития межэтнических отношений в различных регионах страны в краткосрочной и долгосрочной перспективах, оценка деятельности органов государственной власти с точки зрения того, как те или иные меры скажутся на межэтнической напряженности в стране в целом и в проблемных регионах в частности. Значимую часть этнополитического прогнозирования составляет оценка степени влияния программных положений и политической тактики политических партий

на общественные настроения отдельных этнонациональных групп и меньшинств, а также анализ степени воздействия на массовое сознание идеологии и политической практики этнонациональных организаций и неформальных (сетевых) сообществ.

Все функции этнополитологии связаны между собой. Выполнять свое социальное предназначение этнополитология может эффективно лишь тогда, когда в обществе и среди «потребителей» этнополитологических знаний будет должное понимание актуальности и значимости этих знаний для развития и эффективного функционирования государственных и общественных институтов. Такое понимание возможно тогда, когда этнополитология войдет в арсенал государственного регулирования в качестве инструмента экспертизы и компонента при принятии политических решений. **Отсутствие этнополитологического анализа и нежелание властной элиты считаться с его результатами приводит к политическим, экономическим и человеческим утратам.**

К примеру, очевидная межэтническая напряженность в Нагорном Карабахе задолго до стадии открытого конфликта была зафиксирована советскими этнологами, которые направляли в правительственные органы докладные записки о необходимости принятия превентивных мер, чтобы не допустить в этом регионе взрыва этнического насилия. Эти предупреждения не были услышаны. В результате в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в этом регионе Закавказья произошел открытый конфликт между азербайджанцами и армянами, карабахский узел противоречий до сих пор осложняет ситуацию на Кавказе.

Обосновывая необходимость конструктивно-прикладного осмысления процессов этнокультурного развития народов и территорий и принятия мер по политическому регулированию этих процессов, нельзя ограничиваться только опытом России. Свидетельств того, что такое регулирование необходимо, много и в других странах. Причем такое регулирование должно иметь своим приоритетом интересы и запросы людей, преследовать цели обеспечения безопасности, стабильности и развития, а не удовлетворять узкие озабоченности бюрократии или амбиции этнических активистов. Весьма показательными в этой связи являются действия некоторых североамериканских индейских общин, которые в 1960–1970-е гг. запретили

социальным антропологам проводить исследования на своих резервационных территориях. Основанием для этого стали обвинения в том, что, проводя многочисленные исследования на индейских территориях, антропологи ничего не делали, чтобы помочь индейским общинам.

С 1970-х гг. крупные общины и индейские организации стали сами финансировать проведение исследований, связанных с контролем над сохранением ресурсов, оптимизацией хозяйственного развития территорий, анализом воздействия правительственных решений, касающихся аборигенных народов, проблемами сохранения традиций и развития образования и т.д. Саамы скандинавских стран в 1973 г. создали свой научно-исследовательский институт — Sami Instituhtta (Институт северных саамов), который ставил своей целью создание условий для подготовки собственных экспертов по различным дисциплинам, необходимым для анализа саамских проблем. Иными словами, потребность в прикладных этносоциологических и этнополитологических исследованиях ощутили сами представители меньшинств.

Еще раньше эту же потребность ощутили социальные антропологи. Классик социальной антропологии Клод Леви-Строс в своей работе «Первобытное мышление» писал: «Антропология должна изменить саму свою сущность, она должна признать, что из логических и моральных соображений почти невозможно продолжать рассматривать общества только как объекты изучения, которые кое-кто из ученых хотел бы сохранить. Теперь эти общества стали коллективными субъектами и требуют прав на нужные им перемены»¹. В XX в. прикладная антропология и этнология получили широкое развитие. Особо значимым это направление научной деятельности стало после Первой мировой войны. Так, одним из наиболее важных аргументов в пользу создания Института этнографии (ИЕ) во Франции в 1925 г. стал тезис о том, что страна нуждается в понимании колонизируемых ею народов. В 1941 г. учеными США было основано «Общество прикладной социологии», а затем стал издаваться журнал ассоциации — «Прикладная антропология».

Прикладные антропологи пытались минимизировать негативные последствия столкновения различных культур. Вме-

¹ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: ТЕРРА, 1999. С. 35.

сте с тем они нередко принимали участие в политически ангажированных исследовательских проектах, результаты которых использовались не столько для блага местных сообществ, сколько для удовлетворения политических интересов заказчика, а таковым часто выступала колониальная администрация. Последнее обстоятельство стало основанием для того, чтобы деятельность антропологов стала ассоциироваться с колониализмом. Эта критика заставила антропологов и этнологов строже подойти к содержанию своей исследовательской деятельности и выработать специальные правила научной работы.

Изучение этнических сообществ и этнополитических проблем перестало быть сферой только научного интереса, и сегодня антропологическая (этнологическая) экспертиза стала частью политического менеджмента, не говоря о хозяйственно-промышленной деятельности. Тем не менее среди зарубежных и отечественных ученых, занимающихся этнической проблематикой, нет единого мнения относительно того, насколько этнические исследования должны быть привязаны к политике и на каких сферах «пересечения» этничности и политики следует сосредоточить исследовательский интерес. Но актуальность «этнополитического дискурса» очевидна, и расширение исследовательского поля этнологии требует совершенствования методов исследований и выхода исследователей за рамки старых школ, чтобы видеть суть и масштабы этнополитических проблем.

Безусловно, что для изучения этнических сообществ как политических субъектов, для анализа этнополитических процессов и подготовки качественных прогнозов необходимо развитие теории и практики этнополитологических исследований. В числе позитивных примеров, ориентированных на практику научных разработок, можно назвать многолетнюю серию (с 1990 г. вышло более 250 докладов) «Исследования по неотложной и прикладной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН, а также независимые экспертные доклады по таким многоаспектным проблемам, как, например, обеспечение стабильности на Северном Кавказе или развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока¹. Позитивную оценку получили инициатива ученых

¹ Пути мира на Северном Кавказе: Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 1999; Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Вос-

подготовить своего рода пособие для российских политиков по истории и культуре народов Северного Кавказа¹, а также издание этнополитических справочников, «Уральская языковая семья: народы, регионы и страны», «Народы Севера России: обычаи, традиции, культура», подготовленных группой исследователей из разных научных центров страны².

Контрольные вопросы и задания

1. В чем состоит предмет этнополитологии?
2. Каковы методы этнополитологии как науки и как они соотносятся с методами этнологии и политологии?
3. В чем состоят функции этнополитологии как науки?
4. Каково прикладное значение этнополитологии?
5. Что такое этнологический мониторинг, какие организации и группы в области мониторинга и предотвращения конфликтов существуют в России и в мире?

Литература

- Баландье Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001.
 Политическая антропология: Хрестоматия: В 2 т. / Сост. В.В. Бочаров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
 Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
 В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях / Под ред. Е.А. Пивневой и Д.А. Функа. М.: Наука, 2005.
 Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Логос, 2004.
 Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005.
 Мухаметшина Н.С. Этничность и политика: Учебное пособие. Самара, 2005.
 Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002.
 Национальная политика России: история и современность / Под ред. В.А. Михайлова. М.: Русский мир, 1997.
 Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Наука, 1998.
 Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
 Тишков В.А. Опыт этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 2004.
 Тишков В.А. Этнология и политика. 2-е доп. изд. М.: Наука, 2004.
 Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта: Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. М.: ИЭА РАН, 2004.

тока: Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2004.

¹ Российский Кавказ: Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007.

² Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: Этнополитический справочник. 2-е изд., испр. и доп., илл. / Под ред. Ю.П. Шабаева, А.П. Садохина, В.Э. Шарапова. М.; Берлин, 2015; Народы Севера России: обычаи, традиции, культура: Справочник / Под ред. А.П. Садохина и Ю.П. Шабаева. М.: Кнорус, 2017.

- Тураев В.А. Этнополитология: Учебное пособие. М.: Логос, 2004.
- Фадеева М.А. Человек в этнополитике: Концепция этнонационального бытия. Екатеринбург: УрО РАН, 2003.
- Этнологический мониторинг: разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России / Ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2017.
- Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука, 2007.
- Foster M. Applied Anthropology. Boston: Little, Brown and Co., 1969.
- Rotshild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981.
- The Anthropology of Politics: A Reader in ethnography, theory, and critique / Ed. by J. Vincent. Oxford: Blackwall, 2002.
- Weatherford J. Tribes on the Hill. N.Y.: Rawson-Wade (Scribners), 1981.

Основным объектом изучения советской, а затем и российской этнологии (этнографии) долгое время считались этносы или народы, т.е. сообщества, объединенные общностью культуры, языка и самосознания. Западная социально-культурная антропология (аналог российской этнологии) основное внимание уделяла изучению культур и основанных на них социальных структур. Поэтому в западной литературе почти не используется термин «этнос», а широко распространено понятие «этничность», которое рассматривается как культурная черта, отличающая одну группу от другой или как некое коллективное ощущение (идентичность). К примеру, норвежский ученый Т.Х. Эриксен отмечает, что «этничность есть аспект социального взаимодействия между агентами, которые считают себя культурно отличными от членов других групп, с которыми они имеют хотя бы минимум регулярного взаимодействия... Когда культурные различия регулярно воспроизводятся во взаимодействии между членами групп, социальные взаимоотношения обретают этнический элемент»¹.

Сегодня большинство российских этнологов также трактуют понятие этничности как **комплекс чувств, связанных с проявлением принадлежности к культурной общности**. Принципиальное значение имеет разница в теоретических подходах к анализу сущности этничности и этнической культуры. Здесь у исследователей нет единства, но многообразие подходов сводится к нескольким теоретическим моделям: примордиализму, функционализму, конструктивизму и инструментализму.

¹ Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological perspectives. L.: Pluto Press, 1999. P. 12.

Примордиализм как научное направление

Примордиализм (эссенциализм, субстанционализм) — это подход, согласно которому с самых древних и даже первобытных времен существуют коллективные общности под названием *этносы*. Их природа и отличительные особенности являются не столько продуктами социального развития, сколько есть изначальная данность, в том числе биологически обусловленная. Эти воззрения на природу этничности изначально проявились в рамках социально-биологического подхода. Социобиологи распространяют законы естественного отбора, сформулированные Ч. Дарвином, на человеческое общество и полагают, что каждый человек подчиняется инстинкту самосохранения и продолжения рода. Он природой «запрограммирован» на сохранение и распространение своих генов. Эволюционно его борьба за существование происходила в коллективе, и стремление быть частью коллектива заложено в природу человека. В коллективе, который формировался длительное время и сохранял при этом некую устойчивость, постепенно создается определенный генофонд, носители которого совместно борются с другими человеческими популяциями за собственное выживание и выживание своих генов, прилагают усилия для поддержания биологического здоровья сообщества и его самовоспроизводства.

Из отечественных исследователей этничности определеннее всех социобиологический подход был сформулирован в популярных у широкой публики, но далеко не безупречных в научном плане трудах Л.Н. Гумилева. Согласно его теории, «с точки зрения эволюции вида как целого этносы были всегда... Этнос — не следствие, а предпосылка социальной эволюции человечества»¹. Сторонниками этого же подхода можно назвать ряд известных отечественных ученых (Ю.И. Семенов, В.И. Козлов, В.В. Пименов и др.), и многочисленных неопитов, которые берутся писать книги и даже учебники по «исторической этнологии», «этнопсихологии» или «философии этноса» (С.В. Лурье, С.Е. Рыбаков, А.И. Кравченко, В.Г. Крысько, Т.Г. Стефаненко и др.).

Французская исследовательница Марлен Ларюэль считает, что примордиалистская традиция имеет в России глубокие

корни, но она также обращает внимание на то, что идеологические конструкции «новых правых» на Западе близки по содержанию к теории Гумилева и взглядам его последователей и приверженцев: «Эссенциалистское видение культуры теоретиками “новых правых” и биологизаторская концепция этноса Гумилева имеют немало общего: примат группы над индивидом; утверждение о том, что истинными действующими лицами истории являются национальные общности; отказ от западной политической системы, основанной на представительной демократии и либерализме; примордиалистское понимание народов; отказ от смешения во имя сохранения уникальной специфики каждой национальной группы»¹.

В чистом виде социобиологический подход в науке сегодня непопулярен. Чаще всего имеют место приближенные к данному подходу трактовки природы этничности. Среди таковых, к примеру, можно назвать взгляды, изложенные в ранних работах американского антрополога Клиффорда Гиртца и американского социолога Эдварда Шилза. Среди имен видных европейских представителей примордиализма можно назвать англичанина Энтони Смита. В его концепции этносы являются основой современных наций, и поэтому изучение последних не может обойтись без изучения этнической истории. В концепции Э. Смита выделено два типа развития этносов: латеральный и вертикальный. Латеральные этносы развивались вширь в результате завоеваний, в процессе которых в обширных империях формировался элитный слой, в состав которого входили представители разных народов, а точнее, их вожди, племенная верхушка, аристократия. По существу, в таких имперских сообществах только элита и могла считаться протонацией. Примером подобных народов, по мнению Смита, являются турки-османы и русские.

Большинство этносов Западной Европы развивалось иначе — по вертикали. Широкая территориальная экспансия у них не могла осуществляться вследствие сопротивления влиятельных соседей. Поэтому элиты европейских государств были ориентированы на связи внутри этноса, в результате чего возникла общность элиты и народа. Таким образом, этническая культура становилась общей для всех социальных слоев, и

¹ Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социологические исследования. 1992. № 1. С. 51.

¹ Ларюэль М. Теория этноса Льва Гумилева и доктрины западных «новых правых» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 42.

тем самым возникали определенные этнические границы при взаимодействии с другими этносами, представители которых с трудом могли интегрироваться в такие сообщества. Вместо фигуры священного царя в массовом сознании главную роль играло представление о священной общности людей, ставшее основой для образования наций и укоренения демократических институтов.

Формирование национализма как идеологии начинается с «национализации» культуры. На первом этапе группа интеллектуалов открывает для широкой публики свою этническую культуру. В этой истории выбираются значимые символические элементы, которые ставятся на службу политическим целям. Затем интерпретированная идеологами национализма этническая история, которая может быть как реальной, так и выдуманной, преподносится широким слоям населения как символ веры, как политический ориентир.

Современные последователи примордиализма готовы согласиться с тем, что нация является социальным конструктом, творением элит. Для них важно подчеркнуть значение реальной культурной основы, которая служит регулятором процесса нациестроительства. В этом отношении примером является так называемая советская теория этноса, основные положения которой были изложены в трудах академика Ю.В. Бромлея. Приверженцы этой теории признают естественную природу этнических сообществ, говорят о них как об «объективной реальности», как об «организме» (этносоциальный — у Бромлея, социально-исторический — «социор» — у Семенова), но сводят понимание природы этих социальных общностей к некоему набору признаков. Согласно Ю.В. Бромлею, этнос есть исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований. Бромлей выделял две формы существования этноса: этнос в широком смысле слова (ЭСО или этносоциальный организм) и этнос в узком смысле слова (*этникос* как все наличные носители определенной этничности).

Сегодня примордиализм в российском обществоведении утратил ведущие позиции, но он по-прежнему имеет немало сторонников среди этнологов, социологов, философов и по-

литологов, которые заявляют об «объективной природе» этносов и рассматривают этническое сообщество как своего рода «коллективное тело». В этой связи японский исследователь Т. Уяма отмечает, что на Западе сдвиг от примордиализма к инструментализму/конструктивизму произошел после 1960-х гг., но «советская наука этногенеза была настолько хорошо организована и оформлена, что преодоление ее наследия до сих пор представляется проблематичным»¹. Особенно сильны примордиалистские мотивы среди ученых-обществоведов из российских республик, а идеология этнонациональных движений строится именно на примордиалистском субстрате. Природная обоснованность прав на отличительность, а отсюда и прав на ресурсы и власть, есть наиболее убедительный аргумент, по мнению сторонников политизации этничности, в борьбе за культурные, социальные, политические и экономические права этнических общностей. Именно этнические активисты при поддержке последователей ортодоксальных подходов среди ученых являются апологетами примордиалистского понимания природы этнических общностей. Именно они активно выступают против концепта гражданской полиэтнической нации, особенно если речь идет о России и о российском народе.

Функционализм о природе этничности

Следующим подходом к анализу этничности необходимо назвать *функционализм*, основы которого были заложены еще трудами Огюста Конта и Герберта Спенсера. Функционалисты рассматривают этничность как ограниченное во времени явление. Для сторонников функционализма значимо то, как функционирует культура, какие потребности людей она удовлетворяет, как осуществляется трансляция культурных норм и ценностей. Виднейшими представителями этого научного направления были британские ученые Б. Малиновский и А.Р. Рэдклифф-Браун, которые сформулировали основные положения функционализма. В трудах британских антропологов главным предметом анализа чаще всего высту-

¹ Уяма Т. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сб. статей / Под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2003. С. 43.

пает социальная структура изучаемых обществ в виде систем родства, родовых, общинных, племенных и классовых образований¹. Они полагали, что при исследовании общества необходимо описывать проявления культурной жизни в их целостности и взаимосвязи, абстрагируясь от происхождения и динамики культуры в целом. Культура, согласно концепции Малиновского, представляет собой совокупность взаимосвязанных институтов, призванных удовлетворять первичные биологические и вторичные, порожденные самой культурой, потребности. Различия между культурами обусловлены способами удовлетворения базовых потребностей, которые не зависят от культуры. Эти способы он назвал «культурным стандартом жизни». Помимо базовых потребностей есть еще и производные потребности, формируемые самой культурной средой. Позднее из этого понятия базовых потребностей некоторые специалисты по этническим конфликтам сформулировали теорию, оправдывающую насилие и даже терроризм во имя достижения «национального самоопределения», и эта теория стала одним из постулатов западной конфликтологии (Дж. Бартон, А. Сандоле).

Развивая свои взгляды, А. Рэдклифф-Браун подчеркивал важность соединения метода «исторических изучений», присущего этнологии, с методом «социологических изучений», являющегося главным инструментом познания в социальной антропологии. В своих рассуждениях он, как и Малиновский, пользовался понятием «потребности», но не придавал им инструментального значения. Такой подход привел к тому, что его исследования акцентировали внимание на политической организации различных культур, особенностях систем родства и их роли в социальных системах, на функциональный анализ структур первобытных форм верований.

Функционализм первым из всех направлений этнологии заявил о своем прикладном характере. Его последователи стремились создать социальную антропологию как прикладную науку, обеспечивающую решение политических задач в английских колониях Африки и в Британской Индии. К ним относилась организация управления на территориях с доминированием традиционных обществ. Не без влияния функ-

ционализма в английской колониальной политике была разработана концепция «косвенного» управления, решавшая задачи контроля территорий, населявших их племен и народов с помощью традиционных институтов политической власти. Не чурались британские функционалисты и разработкой номенклатуры племен, определения территорий их управления, чем предвосхитили направление, получившее название конструктивизма. Функционализм был распространен в российской дореволюционной и в советской гуманитарной науке (Н.Я. Марр, В.Г. Богораз, В.И. Йохельсон, С.М. Широкого-ров, В.О. Долгих, Н.А. Бутинов, Л.Е. Куббель), а структурализм, позднее развитый французом Клодом Леви-Стросом, остается в арсенале российских этнологов. Тем более что интеллектуальные основы структурализма в значительной мере оформились и развивались в российской науке (Р.О. Якобсон, В.Я. Пропп, Ю.М. Лотман, Е.М. Мелетинский, С.А. Старостин, А.К. Байбурун и др.).

Конструктивизм в этнологии

В последние десятилетия весьма распространенным в социальных науках стал *конструктивистский* подход и его разновидности. Стимулом для его формирования в самостоятельное научное направление стал выход в 1967 г. книги Питера Бергера и Томаса Лукмана «Социальное конструирование реальности». Основная идея данного труда состоит в том, что общество как объективная реальность одновременно является и продуктом деятельности людей, и в этом смысле оно есть социальный конструкт. Авторы, оценивая социальную реальность, указывали: «Люди вместе создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социокультурных и психологических образований, ни одно из которых нельзя понять в качестве продуктов биологической конструкции человека, которая... устанавливает лишь внешние пределы производительной деятельности человека»¹.

Конец 1960-х гг. на Западе стал эпохой социальных потрясений. В это время происходило становление многих молодых независимых государств, формирование новых межгосудар-

¹ Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 86.

ственных объединений. Происходила повсеместная переоценка ценностей, которая коснулась и академической среды. Структурно-функционалистский подход был подвергнут критике, и он стал рассматриваться многими исследователями нового поколения как средство оправдания устоявшегося общественного порядка. Так появился стимул и условия для смены приоритетных направлений в обществоведении.

Изначально конструктивистский подход получил распространение в США и в других иммигрантских странах. Популярность конструктивистского подхода в этих странах объясняется отсутствием в них давней укорененности этнических групп (за исключением аборигенного населения), в отличие от полиэтничных государств, сложившихся на основе объединения в государственных образованиях носителей автохтонных культур. Согласно конструктивистскому подходу, порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины являются интеллектуальным конструктом, сознательно создаваемым писателями, учеными, политиками. Этот подход уделяет особое внимание роли сознания и языка как ключевого символа, вокруг которого формируется понимание этнической отличительности.

Наиболее распространенное в мировой науке понимание этничности связывают с именем норвежского ученого Фредерика Барта, определившего этничность как категорию социальной идентичности, как ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения. Барт полагает, что «этническая граница направляет социальную жизнь», т.е. этнические границы выделяются в качестве важнейшего критерия формирования основы групповой отличительности. Но границы должны быть связаны с «наличием общих критериев для оценки и суждения», а эти критерии строятся на «культурном знании», которое присуще членам данного этнического сообщества.

Сторонники конструктивизма специфическим образом иллюстрируют образование традиций, в частности приводят в качестве примера знаменитую шотландскую мужскую юбку (килт), которая была придумана англичанином и благодаря деятельности любителей гэльской культуры стала ассоциироваться с гэльскими кланами. Для конструктивизма этничность — вопрос сознания, членство в этнической группе

зависит от того, как индивид представляет себе эту группу. Поэтому для определения этничности решающее значение имеет не «культура этноса» вообще, а те ее характеристики, которые в данный момент подчеркивают различия и групповые границы.

Этнос в конструктивизме — это общность людей, формирующаяся на основе культурной самоидентификации (самоопределения) по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях. Эта концепция этничности отличается от других не добавлением в определение понятий этноса новых признаков, а введением в любой подобный перечень элемента «представления об этих признаках». В таком понимании **этничность — это процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями, единым типом культуры и идей или мифом об общности происхождения и общей истории.**

Примером конструктивистского подхода к анализу этнонациональных проблем, процесса нациестроительства является книга Б. Андерсона «Воображаемые сообщества». В его понимании нация — это как раз и есть воображаемое сообщество, которое конструируется сознательно и с использованием совершенно определенных механизмов. Андерсон опровергает представление о том, что нация стала фактом общественной жизни лишь в результате Великой французской революции. Известно, что солдаты республиканской армии шли в атаку с возгласами: «Да здравствует нация!» Известно также, что именно деятели французской революции ввели в оборот термин «национализм». Но сам национализм, как полагает Андерсон, появился впервые не в Европе, а в Латинской Америке во время борьбы испанских колоний за независимость. Этот свой вывод он делает исходя из того, что население 18 латиноамериканских стран разговаривает на одном языке, но при этом население каждой отдельной страны поддержало обретение независимости именно в рамках своих административных границ, а не всего сообщества испанских колоний в Америке. Он подчеркивает тот факт, что латиноамериканские национализмы зародились среди креольских элит, состоящих из потомков от смешанных браков первых колонизаторов — переселенцев из Испании и Португалии с представителями местного индейского населения. Эти элиты, основу которых

составляли латифундисты, стремились выйти из-под имперского контроля Испании и обрести статус полноценного правящего слоя, поскольку возможности для их вертикальной мобильности в метрополии были ограничены. Их лозунгом стала национальная независимость без социальной революции. Разделению колоний на самостоятельные государства способствовали естественные географические барьеры, административные границы, установленные еще колониальной администрацией. Некоторая искусственность этих границ была легитимизирована созданием национальных идеологий, в чем главную роль сыграла элита. Именно роль элиты в формировании идеологий и в процессе нациестроительства особенно подчеркивается Андерсоном. Пример латиноамериканских стран был использован для насаждения официального национализма «сверху» и в ряде европейских стран, а также в Японии, Индонезии и в странах Африки.

В России идеи конструктивизма стали предметом жарких научных дискуссий в начале 1990-х гг., когда ряд отечественных исследователей заявили, что этносы, как и формации, есть умственные конструкции, своего рода «идеальный тип», применяемый для систематизации конкретного материала историками, социологами, этнологами¹. Было отмечено, что понятие «этнос», укоренившееся к тому времени в отечественной этнологии, предполагало наличие гомогенных, функциональных и статичных характеристик, которые отличают группу от других, обладающих иным набором подобных характеристик. Но поскольку предлагаемые характеристики этноса оказываются на деле условными, неоднозначными и подвижными, было предложено использовать категорию «этничность», указывающую на существование культурно-отличительных (этнических) групп и форм идентичности.

Сущность инструментального подхода в этнологии

В середине 1970-х гг. в западной этнологии и политологии получил распространение *инструментальный* подход, согласно которому этничность рассматривается в качестве ин-

¹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

струмента, используемого в борьбе за власть, статус, благосостояние. Создатели этого подхода исходили из того, что различия между группами людей в обществе могут служить основой для формирования этнической идентичности каждой группы, определяющей в свою очередь характер межгрупповых отношений и мобилизующей этнические группы на целенаправленную политическую деятельность. Инструменталистские концепции часто опираются на социально-психологические теории, трактующие этничность как средство для восстановления политического и культурного равноправия, как способ социальной терапии.

Некоторые сторонники инструментализма ограничиваются анализом того, каким образом этническая солидарность усиливает те социальные обстоятельства, которые они называют «структурными условиями» (Д. Горовиц, Дж. Ротшильд, Дж. Нейджел и др.). Другие идут дальше и анализируют, как определенные социальные обстоятельства ведут к рациональному стратегическому выбору этнической идентичности в качестве средства достижения желаемых политических, экономических и иных социальных целей, в свою очередь усиливающих групповую солидарность. В этой связи показателен так называемый политологический подход в инструменталистских концепциях. Он опирается на теорию рационального выбора. Одним из сторонников теории рационального выбора, используемой при анализе этнических проблем, является американец Дэвид Лэйтин. Он обращает внимание на то, что люди живут и действуют одновременно в разных группах, исполняя в каждой из них разные социальные роли. Поэтому в каждом человеке одновременно присутствует множество идентичностей — семейные, гендерные, классовые, религиозные, этнические. Человек в зависимости от ситуации выбирает ту идентичность, которая больше соответствует потребностям момента или жизненной цели. Такая ситуационная идентичность есть проявление свойства индивида делать разумный выбор, но не есть свойство абстрактного коллектива.

В подобном понимании различные идентичности являются особым видом ресурсов, которые может использовать индивид в меняющихся обстоятельствах. Идентичность можно рассматривать как один из инструментов для достижения индивидом своих целей. В связи с этим содержание индивидуальных идентичностей довольно подвижно. Выходит, в раз-

ных индивидуальных идентичностях, в том числе этнических и национальных, нет и не может быть неизменной основы. Каждый человек действует в своих интересах, и эти интересы диктуют ему способ действий, который не зависит от неких абстрактных коллективных идентичностей. Эти выводы Д. Лэйтин иллюстрирует тем, как соображения престижа побуждают, например, испанцев из Андалузии при переезде на заработки в более развитую Каталонию учить каталонский язык и обычаи, гордиться своей новой родиной и в итоге способствовать тому, чтобы их дети становились каталонцами. Применительно к странам Балтии Лэйтин выдвинул уязвимую концепцию вероятной ассимиляции русскоязычного населения и их полной интеграции в культуру балтийских стран как наиболее престижную и политически выгодную.

Соображения престижа, конечно, дополняются еще и факторами материального порядка. Причем надо заметить, что при выборе этнической принадлежности эти факторы оказываются более весомыми, чем престиж. Так, в свое время соображения престижа заставили многих коренных жителей Аляски забыть о своем происхождении и отождествлять себя только с доминантным большинством населения страны. Но после того как в 1971 г. был принят Акт по разрешению земельных требований коренных народов Аляски и ассоциации коренных аляскинцев стали крупнейшими земельными собственниками (что повлекло за собой приток денег от корпораций, эксплуатирующих эти земли), в коренные аляскинцы пожелали записаться многие из тех, кто прежде отказывался от этого статуса. Те же самые соображения рационального выбора во многом определили массовое стремление коми-ижемцев во время переписи 2002 г. записываться не коми, а только ижемцами. Это стало базой для того, чтобы их ассоциация потребовала от Правительства РФ предоставления ижемцам статуса «коренного малочисленного народа Севера» со всеми вытекающими из этого статуса налоговыми и земельными льготами, с альтернативной воинской службой и государственными дотациями.

Российская история дает немало примеров ситуационной идентичности, т.е. смены этнической принадлежности в зависимости от тех выгод или же тех податей и обязательств, которые государство назначает различным подвластным ему народам. Так, в XVIII в. на землях башкир наблюдалась мас-

совая башкиризация русских переселенцев, что объяснялось стремлением избежать уплаты налогов, возлагавшихся на русское население. В современной России, как показали переписи населения 2002 и 2010 гг., номенклатура этнических идентичностей подверглась существенным изменениям именно по причине этнического лоббирования и инструменталистского выбора. Так, часть русских называла себя мордвой (в результате доля русских за время между названными переписями сократилась в Мордовии более чем на 7%) и менее массово выбирала другую этническую идентичность, а представители этнических меньшинств, у которых оба родителя являлись представителями меньшинственных групп, часто называли себя русскими.

Но очевидно, что, рассматривая различные концептуальные подходы к изучению этничности, нельзя не заметить, что многие их сторонники рассматривают этничность лишь в контексте более широкой социальной проблематики. Об этой проблематике речь пойдет в последующих главах.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем состоит суть примордиалистского подхода к анализу этничности?
2. Э. Смит и Ю. Бромлей о двух типах развития и двух формах этносов.
3. Функционализм в этнологии и его роль в прикладных этнологических исследованиях.
4. Рождение и эволюция конструктивизма в этнологии.
5. Каковы основания инструментального подхода в этнологии?

Литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах / Под ред. В.А.Тишкова. М.: Наука, 1994.
- Ларюэль М. Теория этноса Льва Гумилева и доктрины западных «новых правых» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.
- Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. М.: Кучково поле, 2001.
- Смит Э. Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004.

- Социальная антропология во Франции. XXI век / Под ред. Е. Филипповой и Б. Петрика. М.: ИЭА РАН, 2009.
- Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. №1.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Тишков В.А. Наука и жизнь: Разговоры с этнографами. СПб.: Алетейя, 2008.
- Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М.: Наука, 1978.
- Эванс-Причард Э.Э. История антропологической мысли. М.: Восточная литература, 2003.
- Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Под ред. Фр. Барта. М.: Новое издательство, 2006.
- Этнография за рубежом (историографические очерки). М.: Наука, 1979.
- Этнология в США и Канаде / Под ред. Е.А.Веселкина и В.А.Тишкова. М.: Наука, 1989.
- Dictionary of Race and Ethnic relations. 4-th ed. / Ed. by E. Cashmore. L.; N.Y.: Routledge, 1996.
- Ethnicity / Ed. by J. Hutchinson, A.D. Smith. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1992.
- Ethnicity: Theory and Experience / Ed. by N. Glazer, D.P. Maynihan. Cambridge, 1976.
- Fenton S. Ethnicity. Cambridge, 2003.
- Rethinking Ethnicity: Majority Groups and Dominant Minority / Ed. by E. Kaufmann. L., 2004.
- Spencer S. Race and Ethnicity: Culture, Identity and Representation. L.; N.Y., 2006.
- Theories of Ethnicity: A Classical Reader / Ed. by W. Sollors. N.Y.: New York University Press, 1996.

Этническая дифференциация общества нередко воспринимается как важнейшее условие формирования наций, как естественное основание государства, но такая трактовка проблемы не дает ответа на вопросы о том, каким образом этничность может превращаться в политический ресурс и какова на самом деле природа современных наций.

При анализе культурных оснований национализма значимо то, каким образом понимается этничность в национальных академических школах и как это понимание из теоретических дискуссий переходит в сферу политики или, наоборот, как сфера политики навязывает академическому сообществу свои модели понимания природы этничности. В этой связи полезно рассмотреть соотношение понятий «этнос», «этничность», «этническая группа» и определить, как соотносятся этничность и национализм и каковы формы самого национализма, насколько они обусловлены этническим фактором.

Этнос, этническая общность и этничность

Термин «этнос» происходит от древнегреческого «ethnos», первоначально служившего для обозначения различных сообществ людей и живых существ вообще (например, пчелиный рой или сообщество чашек), а позднее использовавшегося как определитель народов негреческого происхождения, которых греки называли *варварами*. В научной традиции термин стал использоваться лишь в XIX в. и первым, кто стал его применять, был немецкий ученый А. Бастиан. Немецкая этнологическая школа и немецкое понимание природы нации существенно отличались от французской и англосаксонской объяснительных моделей.

Во Франции термин «ethnie» долгое время использовался исключительно в религиозном контексте для обозначения групп населения, придерживающихся языческих верований. Эти же группы на светском языке назывались «нациями» (nation) или народами (peuple). Уже в XIX в. названные термины были заменены на «расы» (race) и «племена» (tribu), а в XX в. определения «раса» и «племя» были вытеснены термином «ethnie». При этом смысловое значение терминов изменилось: слово «нация» использовалось теперь для обозначения населения «цивилизованных» государств Запада, а вместо понятия «народ», которое интеллектуальной элитой воспринималось как слишком «благородное», применительно к «дикому» населению периферийных и колониальных стран стали использовать термин «народность» (peuplade). В свою очередь, термин «раса» приобрел более узкое значение и стал употребляться в физической антропологии для описания фенотипических характеристик населения.

В противовес терминам «народ» и «нация» содержание термина «ethnie» определялось натуралистическим, субстанционалистским пониманием природы этнического. В рамках этого подхода этнос рассматривался как однородная социальная общность, обладающая языком, культурой, названием (этнонимом), системой родства, организованной по родовому, клановому или племенному принципу, а также территорией, обычаями и осознанием собственной принадлежности к одной и той же группе, отличной от других.

В немецкой научной традиции было распространено примордиалистское понимание природы этнического, и неслучайно примордиализм зародился в XIX в. именно в Германии. Теоретические положения этого методологического подхода основываются на признании этничности как «осязаемой реальности», которая характеризуется такими признаками, как общность расы, языка, территории, религии, культуры. Традиции эволюционно-исторического направления в примордиализме были заложены немецким историком и философом И.Г. Гердером. В его трактовке народ есть общность, возникающая на основе «крови» и «почвы». Неоромантические взгляды Гердера, подхваченные уже современными исследователями, такими как Вильгельм Мюльман (последний был также последователем работ русского ученого С.М. Широкогова), были восприняты некоторыми зарубежными и многими рос-

сийскими этнографами. Они ныне являются базовым элементом идеологических конструкций этнонационализма в России и в других странах.

В англо-американской социальной и культурной антропологии термин «этнос» не употребляется. Ключевыми понятиями здесь являются «этничность» и «этническая группа». Часто к таковым группам относятся религиозные и даже этнорасовые общности, например афроамериканцев, американцев азиатского происхождения. При этом под понятием «этническое» подразумевается, как правило, не основное население страны, а этнические меньшинства и мигрантские сообщества. В доминирующем среди американских и британских социально-культурных антропологов конструктивистском подходе к природе этнического основное внимание уделяется личностному восприятию этого феномена, т.е. самосознанию. Этничность рассматривается как особое состояние сознания, чувство солидарности с группой, которую индивид признает культурно значимым для себя сообществом. В этом смысле термин «этничность» есть синоним культурной идентичности.

Научную определенность термину придали многочисленные публикации, в которых этничность выступала важной составляющей понятийного аппарата. В «Словаре расовых и этнических отношений», изданном в 1996 г., подчеркивается, что категория «этничность» «описывает группу, обладающую некоторой степенью связанности и солидарности, сформированную из людей, которые, по крайней мере латентно, осведомлены о том, что они имеют общее происхождение и интересы». При этом отмечается, что этническая принадлежность «глубоко внедрена в сознание» и что этничность настолько реальна, насколько этого хотят люди. В обобщенном виде этничность характеризуется совокупностью нескольких основных положений: 1) этничность является термином, который используется для выделения различных групп; 2) этническая группа основана на общности субъективных представлений, понятий о происхождении, интересах или будущем (или комбинации их); 3) этническая группа не является «расой», хотя зачастую группы с этнической организацией рассматриваются некоторыми исследователями именно как расы; 4) этничность может быть использована для разных целей, иногда как открытый политический инструмент, в других случаях как простая защитная стратегия; 5) этничность может быть важной

линией раскола в обществе, хотя она никогда полностью не связана с классовыми факторами¹.

В советской и российской этнографии/этнологии длительное время ключевым являлось понятие «этнос». Укоренилось оно в терминологическом аппарате науки только в 1960-х годах. Однако его появление в отечественной этнографической литературе датируется началом XX в., и его обоснование было предложено С.М. Широкогоровым в работе «Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» (Шанхай, 1923). По мнению Широкогорова, этносом следует считать группу людей, говорящих на одном языке, признающих общность своего происхождения, обладающих общим укладом жизни, обычаями, отличающих ее от других групп. В работе Широкогорова указывается, что в основе жизни каждого этноса лежат факторы биологического свойства, а сам этнос рассматривается как биологический вид.

Взгляды эмигранта Широкогорова долгое время не могли быть приняты и по причинам идеологического характера, ибо они не учитывали в должной мере марксистский принцип стадильности общественного развития. Теоретики советской этнографической школы взяли на вооружение сталинское определение нации, которое без существенных изменений применили для объяснения природы этнических сообществ. Согласно советским моделям, этнические общности развиваются по мере смены общественно-экономических формаций. Ранним историческим формам организации общества соответствуют ранние формы этнической организации (род, племя), а капиталистической и социалистической формациям соответствуют такие формы этнических сообществ, как народность и нация.

По Бромлею, этнос есть «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), зафиксированным в самоназвании (этнониме)»². При этом он отмечал, что этносы возникают «не по воле людей, а в

результате объективного развития исторического процесса» и обладают «объективными свойствами»¹, прежде всего общностью территории, общими чертами культуры, быта, общим языком и религией, составляющими некую целостность. Эта теория была принята советскими этнографами, и все дальнейшие исследования строились в рамках заданной модели. Какой-либо альтернативы теории этноса предложено не было. С конца 1980-х гг. под воздействием процессов демократизации в гуманитарных науках произошли качественные изменения. Свобода открывала новые возможности не только для научного поиска, но и для приверженцев социобиологического направления в этнологии. Примером тому стали труды Л.Н. Гумилева по этногенезу. При этом, в отличие от Бромлея и его сторонников — представителей эволюционистско-исторического направления в примордиализме, Гумилев рассматривал этнос прежде всего как биологическую популяцию.

Критика концепции Гумилева отечественными этнологами была вполне убедительной. Российский философ В.С. Малахов справедливо отмечает следующее: «Под влиянием Л. Гумилева произошла переквалификация *этнографии* в *культурологию*. Частная, методологически и предметно ограниченная область знания превратилась в универсальную обществоведческую теорию (в случае Гумилева — в культурофилософию и философию истории). “Этносы” приобрели статус подлинных субъектов истории. Взаимодействие между ними сделалось ключом к объяснению социальной динамики. У Гумилева понятие “этнос” подменило собой апробированные понятия социальной науки, прежде всего такие, как *общество и культура*. Последние оказываются в конечном итоге ненужными фикциями. В самом деле, зачем такие абстракции как “общество”, если на деле существуют естественным образом детерминированные сообщества — “этносы”? Какую реальность может описывать термин “культура”, если реальны лишь *этнические культуры*? Не бывает культур многосоставных, они изначально монистичны, ибо представляют собой объективации “народной души”, а душа у народа — одна»².

Попытки переосмыслить теорию этноса начались еще в 1990-е гг., хотя дискуссия по этому поводу не привела к

¹ Dictionary of Race and Ethnic Relation. 4th ed. / Ed. by E. Cashmore. N.Y.: Routledge, 1996. P. 124.

² Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 57–58.

¹ Там же. С. 49.

² Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 221.

принципиальным переменам в отечественной этнологии. Кардинальный сдвиг от примордиализма к конструктивизму, трактующему этничность как форму организаций культурных различий, произошел лишь после 2000 года. Наиболее значимой в этом плане представляется разработанная норвежским ученым Ф. Бартом концепция этнической границы. Барт отмечал, что приписывание этнической идентичности есть главный признак этнической группы, а сама группа сохраняется до тех пор, пока сохраняется культурная граница между ней и другими группами. Именно ментальная граница формирует этническую единицу, и возникает она на основе некоего набора дифференцирующих признаков и ценностных ориентаций, которые могут меняться. Таким образом, этническую идентичность следует рассматривать скорее как форму социальной организации, нежели как выражение определенного культурного комплекса. Процесс рекрутирования в состав группы, определения и сохранения ее границ свидетельствует, что **этнические группы и их характеристики являются результатом исторических, экономических и политических обстоятельств, а также ситуативных воздействий.** Причем огромное число современных этнических групп, особенно относящихся к так называемым национальным меньшинствам, возникло не в результате историко-эволюционного процесса, или этногенеза, а в силу других факторов.

Этническая идентичность характеризуется тремя принципиальными положениями.

Во-первых, этнические общности представляют собой социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий людей и создаваемых ими институтов, но, главным образом, государства. Цельность этих сообществ поддерживается субъективными процессами идентификации, т.е. признанием отдельными индивидами своей принадлежности к данной общности. Иными словами, если предположить, что все члены этнической группы откажутся осознавать свою принадлежность к ней, то такая группа прекратит свое существование.

Во-вторых, границы этнических общностей являются подвижными не только во времени, но и в зависимости от конкретных ситуаций. Например, в одной ситуации мордвин назовет себя мордвином (в Москве), в другой — мокшей (в своем селе), в третьей — русским (за пределами России).

Так же, как личностная идентификация, способна меняться и групповая идентификация. Это делает существование этнической общности реальностью отношений, а не реальностью набора объективных признаков. И действительно, проявления этнической идентичности зависят от того, в какие отношения индивид вступает со своим окружением.

В-третьих, этническая общность, основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности, цементируется во многом способностью группы консолидированно противостоять внешним угрозам и вызовам, а культурная схожесть членов помогает осуществить согласованный контроль ресурсов и политических институтов, обеспечивать комфортное существование личности в рамках культурно-гомогенных сообществ.

В современном обществе в ходе процессов глобализации многие внешние атрибуты этнических культур стираются, но сами этнические сообщества, меняясь во времени, сохраняются. Главную роль в поддержании стабильности таких сообществ играет этническая идентичность, т.е. субъективное восприятие общности некоей социальной реальностью и причисление себя к этим сообществам. Поэтому категория *этническая идентичность* является ключевой для понимания природы этнического, и в этой связи объяснимы неприятие термина «этнос» и замена его (а скорее, возврат к прежнему языку) более спокойным понятием «этническая общность».

Воображаемый характер этнических сообществ, о котором говорят конструктивисты, предполагает, что группа изменчива во времени и пространстве, что ее восприятие также изменчиво, а потому ее место в социальной структуре общества нельзя характеризовать такой жесткой генерализующей категорией, как этнос. Этнические группы вписаны в другие социальные структуры и играют подчиненную роль по отношению к обществу в целом, государству, территориальным сообществам. Они и самими людьми чаще всего воспринимаются как социальная структура вторичного плана. А раз это так, то адекватным по содержанию термином для ее обозначения будет «этническая общность» («группа»). Члены группы все разные, но на субъективном уровне воспринимаются как похожие друг на друга, и эта похожесть проистекает из разделяемого представления об общем культурном образе и признаваемых ими общих культурных норм. Отсюда следует, что

этническая общность — это коллектив людей, которые имеют общую историю, язык, обычаи и идентичность и следуют некоторым общим нормам поведения.

Национализм и этничность

Проблема соотношения этничности и национализма была рассмотрена К. Калхуном в его книге «Национализм». Калхун исходит из того, что «современные нации часто имеют исторические корни в старых этнических идентичностях. Но национализм — это особый способ осмысления коллективной идентичности, отличный от этничности, а сама этничность — это лишь один из способов организации коллективных идентичностей в прошлом. Тесно связанной с ним, но более базовой и глубокой была риторика родства и происхождения»¹.

Многие этнические группы не только воспринимаются как основа нации, но и нередко заявляют о себе как таковые. Более того, само наименование многих наций происходит от этнонимов, т.е. от самоназваний этнических групп. Французская нация восприняла этноним «французы», шведская — «шведы», польская — «поляки» и т.д. Имя собственное доминирующей этнической группы присваивается и всему политическому сообществу. Но не все политические сообщества согласны и могут воспользоваться этнонимом доминирующей культурной группы, да и сам этнический состав населения государства, его история и опыт взаимодействия между культурными сообществами порой не допускают использование определенного этнонима для обозначения национальности, т.е. гражданской принадлежности представителей политического сообщества. Кастильцы — это основное население Испании, но нация называется испанской. Основное население Великобритании — англичане, но нация называется британской. Основное население Китая — ханьцы, но нация называется китайской (*джонхуа миндзу* — «нация национальностей»).

Советский Союз в этом отношении был уникальным государством, ибо, во-первых, этнические определители здесь обрели характер гражданских категорий, т.е. стали именоваться национальностями; а во-вторых, исходя из понимания этничности как основы социалистической нации, осуществ-

лялся процесс так называемого национально-государственного строительства. В Узбекистане, который приобрел статус союзной республики, осуществлялся процесс формирования из конгломерата оазисно-сословно-династических идентичностей единой узбекской этнической общности, на Алтае из более десятка самостоятельных этнических групп формировались алтайцы и т.д. Впрочем, и колониальные администрации западных стран весьма успешно занимались формированием этнических категорий¹.

Государство через формирование новых административных границ, культурных институтов, символов и маркеров создавало ранее не существовавшие этнические группы, которые осознавались именно как таковые. Попытки некоторых современных интеллектуалов «отменить» коми-пермяцкую, алтайскую, молдавскую, азербайджанскую и прочие идентичности и возродить прежние не имели большого успеха, поскольку обратный процесс требовал таких же масштабных и последовательных усилий со стороны государства. Однако если этничность может конструироваться «сверху» с помощью государства, то возникает вопрос: а не формируется ли само государство столь же успешно «снизу», но посредством усилий этнических общностей и их интеллектуальных элит? Именно такой путь считают естественным и самым очевидным некоторые ученые, занимающиеся изучением национализма.

Цель политической и культурной унификации граждан впервые была провозглашена в ходе Великой французской революции, которая политическим идеалом сделала *свободу, равенство и братство*, а носителем идеи равенства — *гражданина*. Свободные и равные граждане составляли нацию. По сути, **идея нации возникла не из эволюционного развития государства на базе доминирующего сообщества, а из революционного отрицания прежних моделей идентификации, как социальных, так и этнических**. Общее равенство отрицало как культурное доминирование, так и культурное подчинение. Идея «одна страна — один народ — один язык» не была направлена против этнических меньшинств или на получение привилегий одной этнической группой. Нацию объединял французский язык, на котором говорило менее половины населения страны. Фран-

¹ Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006. С. 87.

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма М., 2001. С. 181–203.

цузская культура понималась не как этническая категория, а как форма культурной солидарности свободных от сословных и этнических уз граждан.

Если же взять в качестве примера становление латиноамериканских наций или североамериканской, то здесь тезис о том, что нации вырастают из этнических общностей, еще менее очевиден, а точнее, совсем не очевиден. Эти нации носили выраженный полиэтнический характер. Этнический компонент имел место, но это были переселенческие группы, оторванные от «материнского этноса» и культурно самостоятельные во многих отношениях. Интегрирующую роль в этих группах играл не этнический компонент, а иные факторы. Таким образом, донациональный этап развития государств не демонстрирует очевидной связи между этничностью и национализмом. Вместе с тем исследователи справедливо выделяют западный национализм и появившийся позднее восточно-европейский национализм, который, в отличие от национализма французского или североамериканского, развивался несколько иначе. Механизм национальной мобилизации здесь был иным, хотя отрицать роль идей французской революции в становлении националистических движений в Восточной Европе нельзя. Здесь социальная стратификация отличалась от западно-европейской, а потому мобилизационный ресурс был найден не в идее социального равенства, а в идее политического равенства этнических групп.

Поэтому националистические движения в Восточной Европе начинались с обращения интеллигенции к этнической культуре, с романтизации и мифологизации прошлого этнических сообществ. Не случайно первый этап национальных движений здесь принято называть культурным пробуждением, а инициаторов этого процесса — *будителями* или *возрожденцами*. Второй этап, как правило, был связан с появлением политических программ, которые, однако, не шли дальше требований политической автономии или расширения политических полномочий территориальных анклавов, исторически связанных с формированием отдельных этнических групп. Пожалуй, единственным исключением являлось польское национальное движение, целью которого было восстановление польской государственности. То же самое можно сказать о балканских освободительных движениях, но ситуация на Балканах отличалась от восточно-европейской. Государственная незави-

симость восточно-европейских государств стала следствием не успехов национальных движений, а военного поражения и распада династических империй, а также политики стран-победительниц в Первой мировой войне. Иными словами, национальные движения восточно-европейских стран просто не смогли ко времени обретения государственной независимости прийти до осознания идеи гражданской нации. Поэтому странам-победительницам пришлось создавать систему защиты прав меньшинств и возлагать ответственность за положение меньшинств на «государственные народы».

Проект, который основывался на идее создания государственных территориальных единиц по языковому принципу, породил серьезные внутренние противоречия в новых государствах, ибо не учитывал того факта, что этнически однородных территорий в Европе не существует. Многие города и провинции при доминировании одного этнического компонента в составе их населения реально были поликультурными. В такой ситуации принятая в качестве модели взаимодействия между общинами этническая иерархия создавала угрозу государственному единству, ибо искусственно разделяла территориальные сообщества на этнические сегменты, представители которых наделялись разными политическими статусами.

Незавершенность процессов нациестроительства и попытки утвердить идею «этнонаций» или «государственных народов» в политической жизни только усилили сепаратизм меньшинств. В конечном итоге они вызвали политические потрясения, которые впоследствии привели к изменениям этнического состава населения, конфигурации границ многих государств и даже полностью разрушили такие государственные образования, как Югославия и Чехословакия. Иными словами, этнический принцип построения государств ведет к ослаблению государственного единства. Ярким примером слабости таких государственных образований явился распад Советского Союза. Гражданская нация разрушается, когда в процессе государственного строительства не удается преодолеть этнический сепаратизм. **Из этнонаций не рождается политическая (гражданская) нация, ибо она есть многоэтническое сообщество людей на основе единой государственности, территории, историко-культурной традиции и общего самосознания.**

Британский историк Э. Хобсбаум полагает, что принцип этнической принадлежности не является программным, и в

еще меньшей степени он является политическим. В определенных обстоятельствах, когда этничность выполняет политические функции, она может быть связана с определенной программой, в том числе националистической или сепаратистской. Националистические движения обращались к этнической принадлежности с целью усилить групповую солидарность, обосновать необходимость создания собственного государства и политического размежевания с чужаками, в роли которых могут выступать государственные институты.

Нация не «вырастает» из этнических сообществ, и она не является простой суммой этнических групп, проживающих на территории того или иного государства, и не может рассматриваться как некая высшая форма развития этносов. Утверждение, что «ни одна нация как государство не формировалась без наций-этносов, но при этом всегда был государственнообразующий этнос, который подавлял, ассимилировал или объединял остальных»¹, является ошибочным.

В качестве доказательства тезиса об этносе как первооснове нации приводится довод, что «американцы как нация формировались на основе “янки” (белых англосаксонских протестантов). Но, во-первых, речь здесь идет не об этносе (этнической общности), а о диаспорной группе, которую можно отнести к англосаксам, как, например, всех русских первой волны послереволюционной эмиграции в Европу и Америку можно отнести к великороссам, хотя многие из них в момент эмиграции были евреями, украинцами, белорусами и др., а ныне они считают себя французами, англичанами, датчанами и т.д. Миграционные сообщества складывались из потоков мигрантов разной этнической принадлежности, и даже если в этих потоках был один доминирующий этнический компонент, на новой родине происходило смешение различных культурных традиций переселенцев и формирование нового сообщества.

Идеи об этнической группе как основе нации опровергает и латиноамериканский опыт нациестроительства. Можно ли основой колумбийской, венесуэльской, боливийской, мексиканской и еще 14 наций считать испанский «этнос» (и можно ли вообще говорить об испанском «этносе», а не о кастильцах,

каталонцах, галисийцах, андалузцах, составляющих вместе испанскую нацию), который как культурное сообщество находился далеко за морем? В населении американских испанских колоний не было доминирования мигрантов из Испании. Местные сообщества, возглавляемые креольскими элитами, складывались и осознали себя как некие особые американские «миры». Именно стремление к осознанию себя независимыми культурными и политическими сообществами (а не отпочковавшейся частью «материнских этносов») сформировало латиноамериканские нации.

Со временем важнейшим компонентом латиноамериканских наций становится аборигенный индейский компонент, который также сам по себе многоэтничен и многоязычен (только индейцы майя в мексиканском штате Чиapas разговаривают на дюжине разных языков!). Некоторые президенты ряда стран этого континента, пришедшие к власти в процессе усиления антиолигархических движений, имели индейское происхождение (Моралес в Боливии, Чавес и Мадурa в Венесуэле). Еще более очевидно отсутствие «этнического ядра» в индийской нации, которая воспринимается в самой Индии как мозаика идентичностей, объединенных общими устремлениями и солидарностью.

Сторонники идеи нации-этноса могут сослаться на пример арабских стран, где нации имеют, казалось бы, гомогенную арабскую этническую основу, но и этот пример говорит не в пользу названной идеи, а против нее. Мифологический единый арабский «этнос» не смог стать основой для общегосударственного единства, а под воздействием исторических и политических причин «рассыпался» на отдельные нации. Попытки использовать этнические основания для объединения ряда арабских государств в более крупные государственные образования предпринимались неоднократно, но они не увенчались успехом. Таким образом, национальное единство и сущность нации как политического сообщества поддерживаются не этническими основаниями, а более значимыми связями и интересами: территориальными, политическими, экономическими.

Нация является прочной и органичной, когда она создается на паритетной основе, т.е. когда идеологически не выделяется «этническое ядро» национального сообщества, а все этнические группы, включая меньшинства, являются равны-

¹Абдулатипов П.Г. Этнополитология: Учебное пособие. СПб., 2004. С. 104.

ми партнерами в процессе нациестроительства. Классический пример такого паритетного национализма — Финляндия, где финны составляют более 90% населения, но шведы являются равнозначной составляющей финской (точнее, финляндской) нации, а финский и шведский языки обладают статусом государственных языков. Правда, такое восприятие финского общества сложилось исторически, ибо шведский язык долгое время был языком образования и государственного управления, а сама Финляндия входила в состав Шведского королевства. Канадская нация также мыслится как двухобщинная (англофоны и франкофоны) и плюс меньшинства и коренные народы.

В этой связи встают следующие вопросы: что же такое «нация», если она не покоится на этнической основе? Как следует понимать национализм?

Нации и национализм

В советском общественном знании было принято выделять три исторические формы этнических общностей — племя, народность, нацию. И сегодня в некоторых словарях и учебниках социологии повторяется трактовка исторически сменяющих друг друга типов этнических сообществ. Эта классификация устарела. Однако проблема типологии наций и определения сущности этого сообщества остается. Некоторые авторы обращают внимание на распространенное в отечественной политической науке понимание типологии наций. В частности, они выделяют коренную нацию и отмечают, что данный термин является частью теоретических положений «сталинской национальной политики», которая заявляла о возникновении «социалистических наций» в СССР и предусматривала всемерную поддержку развитию коренных наций в регионах, которые стали именоваться «национальными».

В постсоветскую эпоху аналогом термина «коренная нация» стал термин «титутельная нация». Этот термин применялся и применяется для обозначения этнических групп, именем которых названы республики и автономные округа в составе Российской Федерации. Применение данных терминов сомнительно, ибо возникает вопрос о том, как следует обозначать нетитутельное население республик и округов, которое как бы исключается из состава наций. Между тем это население

нередко исторически связано с территорией, на которой проживает так называемая титутельная нация, и составляет органическую часть населения региона. Нетитутельное население зачастую численно превосходит титутельные «нации». Нетитутельное население обладает теми же гражданскими правами, т.е. вписывается в регионально-политическое сообщество.

В приведенной типологии прямо или косвенно присутствует этничность как классификационный признак. Однако в ходе строительства нации связи, получившие политическую значимость, приобретают приоритет по отношению к другим связям, и потому этничность и этнические связи нельзя рассматривать ни как основу нации, ни как принцип классификации наций. В большинстве определений нации указания на этничность как их основу или важнейший признак отсутствуют, хотя культурные определители упоминаются. Поэтому чаще всего **нацию определяют как большую относительно однородную социальную группу, обладающую общностью языка и культуры, имеющую единую территорию и политические институты и сохраняющую стабильность благодаря солидарности ее членов.** Еще более емкое определение нации дал американский социолог К. Дойч, который предложил считать нацией народ, объединенный общим государством. При этом народ здесь понимается не как этническая, а как гражданская общность, не как «этнос», а как «демос». С этим определением согласны многие исследователи. Впрочем, несмотря на кажущуюся очевидность того, что следует понимать под термином «нация», до сих пор не существует единого определения этого социального феномена. В российской традиции зачастую все еще трактуют нацию не как гражданско-политическую, а исключительно как этнокультурную общность.

Таким образом, современное содержание понятия «нация» есть своего рода обобщение опыта политической истории разных стран. Этот опыт был различен, и потому не было единства в понимании и употреблении категории «нация». Великая французская революция, провозгласив отказ от разделения общества по сословным, религиозным, этническим или иным признакам, признала каждого жителя Франции гражданином, т.е. носителем равных прав. Отсюда идея гражданства (согражданства) стала цементирующей основой французского понимания термина «нация». Такое понимание помогло сформировать солидарное политическое сообщество в стране,

где к началу революционных потрясений половина населения не говорила по-французски.

Несколько позднее появилась немецкая концепция нации, которая стала обобщением иного исторического опыта формирования современных национальных государств. Германия в XIX в. сформировалась как единое и сильное государство путем объединения слабых и разрозненных немецких княжеств, населенных преимущественно немцами, правда, говорившими на разных диалектах немецкого языка. Но процесс объединения, осуществлявшийся сверху, не мог опираться на идеи гуманизма и революционные принципы свободы, равенства и братства. Немецкая концепция нации подразумевала прежде всего общность языка и культурных традиций, и поэтому этничность рассматривалась немецкими идеологами важной составляющей процесса нациестроительства, а национальное самоопределение мыслилось как превращение культурной солидарности в политический принцип — право этнического сообщества преобразовывать эту солидарность в государственное единство. Важно отметить, что в настоящее время провозглашаемое в международно-правовых документах право на национальное самоопределение не признает этнические, культурные или лингвистические различия достаточными основаниями для его осуществления. И подобный подход не случаен, а является своеобразным итогом двух мировых войн, многочисленных межэтнических конфликтов, болезненного преодоления практики сегрегации, апартеида, геноцида.

Особую роль в этом отношении имеет политическая история Европы. Не случайно 26 января 2006 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) на пленарном заседании в Страсбурге рассмотрела и приняла «Рекомендацию о понятии нация». Прежде чем предложить итоговый вариант документа, Комитет по правовым вопросам и правам человека, на который была возложена ответственность по подготовке проекта, провел экспертную работу и обобщил предложения от 35 государств — членов Совета Европы по вопросу юридического определения понятия «нация». В документе подчеркивается, что международной правосубъектностью обладают лишь нации, сформировавшие государства, построенные на основе гражданства, которое необязательно увязано с этнической принадлежностью (см. Кэйс 2).

Кэйс 2. Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы о понятии «нация»

<...>

3. Комиссия по юридическим вопросам и правам человека в исследовании, посвященном понятию «нация» и ее применению в Европе и основанном на информации, содержащейся в ответах на вопросники, полученные от 35 национальных парламентских делегаций, а также на сообщениях, сделанных экспертами — юристами и политологами на слушаниях, организованных в Берлине 7 июня 2004 г., пришла к выводу о том, что дать единое определение понятию «нация» очень сложно, а может быть, и нереально.

4. Термин «нация» глубоко укоренился в культуре и истории народов и включает основополагающие элементы, определяющие их самобытность. Это понятие, кроме того, тесно связано с политическими идеологиями, которые эксплуатировали его, извратив его первоначальный смысл. Более того, учитывая многообразие языков, которые используются в европейских странах, такое понятие, как «нация», просто «непереводимо» на многие языки, поскольку во многих странах на целом ряде национальных языков существуют лишь грубые транслитерации этого понятия. И наоборот, слова, используемые в некоторых национальных языках, не имеют адекватного перевода на английский или французский языки, которые являются двумя официальными языками Совета Европы.

5. Ассамблея признала, что в некоторых государствах — членах Совета Европы понятие «нация» используется для обозначения гражданства, которое представляет собой правовую связь (отношения) между государством и индивидуумом независимо от этнокультурного происхождения последнего, в то время как в некоторых других государствах-членах тот же термин используется для обозначения организованного сообщества, говорящего на определенном языке и характеризуемого набором идентичных культурно-исторических традиций, одинаковым восприятием своего прошлого, одинаковыми чаяниями в отношении настоящего и одинаковым видением своего будущего. В некоторых государствах-членах оба понятия используются одновременно для обозначения и гражданства, и национального (этнокультурного) происхождения. Для этого термин «нация» иногда используется в двойном значении, а иногда два различных слова используются для выражения одних и тех же понятий.

6. Ассамблея признает также, что в тех случаях, когда понятие «нация» понимается как этнокультурная общность, оно означает культурную реалию (факт культуры или культурный

статус), основанную на свободном и одностороннем приобщении физического лица к этой общности и охватывает лишь отношения между членами этой общности людей. Нация в своем культурном понимании становится субъектом права (имеется в виду международное право) лишь в том случае, если она организуется в качестве международно признанного государства.

7. Ассамблея отмечает, что в рамках весьма сложного процесса формирования наций и рождения национальных государств современные европейские государства обрели свой законный статус, опираясь либо на гражданское понимание понятия «нация», либо на культурное понимание понятия «нация». Однако, несмотря на то, что в конституциях ряда государств-членов Совета Европы до сих пор проводится различие между двумя этими понятиями, общая тенденция эволюции национального государства заключается в том, что в зависимости от конкретных случаев оно трансформируется из чисто этнического или этноцентрического государства в гражданское государство, из чисто гражданского государства в многокультурное государство, в котором конкретные права признаются не только за физическими лицами, но и за культурными и национальными общинами.

8. Ассамблея также отмечает, что в силу процесса формирования национальных государств в XIX в. и в первой половине XX в., а также в результате изменения границ национальных государств, произошедшего после Второй мировой войны, а также в период «холодной войны», на территории почти всех государств-членов Совета Европы проживают различные группы людей, которые, являясь гражданами одного государства или гражданской нации, принадлежат к другим культурным нациям или являются их составной частью. По сравнению с наиболее значительной группой граждан, имеющих одинаковое этнокультурное происхождение, эти, меньшие по численности, группы населения образуют то, что называется национальными меньшинствами.

<...>

В современном общественном знании принято делить национализм на гражданский, или государственный, и этнический (культурный). Первый тип националистической идеологии основывается на том, что под нацией понимается политическая общность, т.е. сообщество, основанное на гражданской солидарности. Второй тип исповедует идею, согласно которой нация представляет собой этнокультурное сообщество, т.е. сообщество, объединенное этнической солидарностью, и борьба

за преимущественные интересы этой этнической общности и есть этнонационализм.

Этнический национализм может иметь как культурные, так и политические формы. Этнонационализм почти всегда преследует политические цели, а именно направлен на обеспечение того или иного государственно-административного статуса для этнической группы, достижение или удержание власти представителями данной национальности. Цель культурного этнонационализма — сохранение этнической идентичности и групповой целостности через поддержку языка, культуры, исторического наследия. Такой этнонационализм носит позитивный характер, если не содержит в себе идей культурной исключительности и превосходства, культурной изоляции и негативной направленности против других культур.

Но деление национализма на этнический и гражданский довольно условно, поскольку оба этих типа покоятся на представлениях о культурно-исторической основе нации (именно поэтому бывает трудно определить содержание националистической идеологии, которой руководствуется то или иное движение или политическая сила). Тем не менее гражданский национализм понимается как либеральная идеология и как практика нациестроительства, ориентированная на формирование нации-государства. Этнический же национализм понимается как средство достижения группой контроля над властью и ресурсами и стремление к созданию этнически однородных государств.

В современной России националистические практики эволюционируют в сторону периферийного этнонационализма, и результатом этой эволюции становится усиливающееся давление отдельных этнических групп на федеральные органы власти с требованиями признать данные группы самостоятельными этническими сообществами, предоставить им статус малочисленного народа, преференции и льготы. При этом есть все основания полагать, что усиление локальных, местных, индигенных национализмов провоцируется самими процессами глобализации, ростом самосознания малых общин и активностью их лидеров. Примечательно, что на прошедшем в Москве в апреле 2009 г. VI Съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в качестве основной была сформулирована стратегия культурно ориентированной модернизации в рамках россий-

ского государства. Однако претензии на исключительность (в плане отношений с природой и использования ее ресурсов) и на преференции (в плане хозяйственной деятельности, социальной и культурной поддержки со стороны государства и бизнеса) оставались одним из доминирующих мотивов дискуссии и настроений аборигенных лидеров.

Одновременно с этим процессом в России в последние годы активизировалась идеология и практика национализма от имени доминирующей общности — русского народа. Шовинистическая и ксенофобская направленность этого национализма несет серьезную угрозу стабильности и целостности государства.

Контрольные вопросы и задания

1. Понятие «этнос» в отечественной этнологии.
2. Сущность понятий «этничность», «этническая группа».
3. Представления об этнических корнях наций.
4. Современная сущность понятия «нация».
5. Национализм как идеология и как политическая практика.
6. Сущность гражданского и этнического национализма.

Литература

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1982.
- Вердери К.* Куда идут «нации» и «национализм»? // *Нации и национализм.* М., 2002.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Дробизжева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
- Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Под ред. И.С. Семенов. М.: ИМЭМО РАН, 2017.
- Калхун К.* Национализм. М.: Территория будущего, 2006.
- Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: Изд-во РГГУ, 1999.
- Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005.
- Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.
- Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: В 3 т. / Под ред. Э. Яна. М.: РОССПЭН, 2010.
- Смит Э.* Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004.
- Тишков В.А.* Нация и национальная идентичность в России // *Вестн. российской нации.* 2008. № 1.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетея, 1998.

- Шабает Ю.П.* Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и регионального // *Мир России.* 2004. № 3.
- Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006.
- Dictionary of Race and Ethnic Relation. 4-th ed. / Ed. by E. Cashmore. L.; N.Y.: Routledge, 1996.
- Eriksen Th.H.* Ethnicity and Nationalism: Anthropological perspectives. L.: Sterling, 1999.
- Ethnicity / Ed. by J. Hutchinson, A.D. Smith. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1992.
- Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison / Ed. by P. Brass. New Delhi, 1991.
- Ethnonationalism in the contemporary world: Walker Connor and the study of nationalism / Ed. by D. Conversi. L., 2002.
- Kellas J.G.* The Politics of Nationalism and Ethnicity. N.Y.: Macmillan, 1998.
- Snyder L.L.* Encyclopedia of Nationalism. Chicago: Paragon House, 1990.
- Theories of Ethnicity. A Classical Reader / Ed. by W. Sollars. N.Y.: New York University Press, 1996.

КАК ПОНИМАТЬ «НАРОД» И «НАЦИЮ»

Бывает так, что широко используемые в политико-правовом языке понятия не имеют общепринятого определения. К многозначным научным и политико-правовым понятиям относятся и понятия «нация» и «национальность».

Соотношение понятий «народ» и «нация»

Несмотря на то что понятия «народ» и «нация» употребляются разными авторами в разных смыслах, мы все же будем исходить из общепринятых и наиболее употребляемых в мировой науке и в общественно-политической практике категорий. Народ и нация чаще всего рассматриваются как синонимы. Слово «народ» как территориальное сообщество и как согражданство носит более обыденный характер. Под ним, как правило, имеется в виду население страны. Британский, испанский, бразильский, канадский, австралийский, китайский народы означают население соответствующих государств. Эти названия ничем не отличаются от варианта «народ Великобритании» или «народ Австралии». Тот же самый смысл носят языковые обозначения жителей страны по ее названию (политонимы): австралийцы, бразильцы, британцы, испанцы, канадцы и т.п. Под этой категорией понимаются все жители страны разной этнической принадлежности, включая людей иммигрантского происхождения. В определенных ситуациях или в политико-административных целях иммигранты (тем более если они не граждане) не считаются частью соответствующего народа. В России в понятие российского народа не входят временные трудовые иммигранты, и россиянин — это тот, кто имеет российский паспорт, а также дети этого гражданина или гражданки.

Однако понятие «народ» используется применительно к этническим общностям. Поэтому есть понятия армянский, русский, татарский, чеченский, чувашский и другие народы, и есть понятие «народы России» наряду с понятием «российский народ». Всего в Российской Федерации, согласно переписи населения 2002 г., проживало 158 народов или этнических групп, а вместе с подгруппами (например, казаки и поморы в составе русских, кряшены и сибирские татары в составе татар, кубачинцы и кайтагцы в составе даргинцев) общее число этнических «единиц» составляет около 200¹. В переписи населения 2010 г. число зафиксированных этнических категорий среди населения страны составило 193, но среди них есть «народы» числом менее десятка (например, черкесо-гаи, керекки), а также граждане иностранных государств, также обозначенных как «народ» (например, американцы, англичане, кубинцы, японцы и т.д.).

Понятие *нация* носит более строгий характер. Оно нагружено символическим и эмоциональным смыслами, но по сути своей подразумевает народ в форме государственного территориального сообщества. **Нация — это категория социальной классификации, за исключительное обладание которой борются две формы человеческих общностей: этнические и государственные.** Как категория и как политический инструмент *нация* мало что дает для понимания общества и управления им, но порожденные на ее основе доктрины и практики, называемые *национализмом*, являются одним из наиболее значимых явлений новой и современной истории. Но если в настоящее время невозможно отказаться от употребления этого слова, тогда **можно называть нациями как этнические общности (этнонации), так и государственные сообщества (согражданства).** При этом у последних ресурсов и аргументов на признание за ними данного обозначения больше. Поэтому для политического менеджмента наиболее приемлема формула **«Россия — это нация наций».**

Подобная формула доминирует в мировой политической практике. Таков и современный научный взгляд на нацию. «В современную эпоху, — пишет американский антрополог К. Вердери, — нация стала мощным символом и основой классификации в международной системе национальных го-

¹ Этнокультурный облик России: Перепись 2002 года / Под ред. В.В. Степанова и В.А. Тишкова. М.: Наука, 2007.

сударств. Ею обозначаются отношения между государствами и их подданными, а также между одними государствами и другими; это идеологический конструкт, играющий важную роль в определении позиций субъектов в рамках как современного государства, так и международного порядка. Это значит, что нация имеет решающее значение для определения способа связи государства со своими подданными, который отличает их от подданных других государств, а также для его внешнего окружения»¹.

Связь понятий «нация» и «государство» отражена в сложной категории «нация-государство» (nation-state). Это есть общепризнанное обозначение всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных Наций и считающих себя государствами-нациями. Среди всех суверенных государств — членов ООН нет таких, которые не считали бы себя национальными государствами, даже если в их конституциях и доктринах признается сложный характер населения и отдельные его группы также называют себя нациями. Как пишет французский социолог Д. Кола, «нация представляет собой продукт определенных социальных условий и не является продолжением природы другими способами. Нация есть не что иное, как государство-нация: политическая форма территориального суверенитета над подданными и культурная (языковая и/или религиозная) гомогенизация группы, накладываясь друг на друга, порождают нацию»².

Сегодня все мы живем в национальных обществах, которые обязаны своей идентичностью политическому единству государств. Однако современные государства стали возникать до возникновения «наций» в современном смысле этого слова. Две политические сущности — современное государство и современная нация — сплелись в форму национального государства не ранее конца XVIII столетия. Но в юридическом и политическом контекстах мы обычно пользуемся понятиями «нация» и «народ» как взаимозаменяемыми. Хотя, помимо прямого юридического и политического значения, термин «нация» несет в себе также указание на общность, сформированную по критерию единства происхождения, культуры и истории, а часто также общего языка. Поэтому отнюдь не случайно понятие «нация» имеет двойственное значение — Volknation и

Staatsnation, иногда называемые «культурной нацией» (или этнонацией) и государственной (или гражданской) нацией.

Наделение политическими правами населения, переход от статуса отдельных подданных к статусу гражданина продолжается до сих пор. Невозможно отрицать и разную степень социальной интеграции в рамках современных наций. Наций с абсолютно лояльными гражданами, всецело солидарными друг с другом и с властью, без внутренних коллизий и даже открытых конфликтов, в мире просто не существует. Поэтому **нацию следует понимать как принимаемую на массовом уровне идею о суверенном и солидарном согражданстве, а не как буквальное наличие всех ее атрибутивных признаков или свойств. Именно идея нации затрагивает сердца и умы людей в большей степени, чем абстрактные понятия прав человека и народного суверенитета.**

Сегодня в представлениях о нации в России нет единства ни среди специалистов, ни среди населения. Поэтому процесс нациестроительства необходимо углублять и при этом расширять пропаганду идеи нации, делая ее более понятной и зримой. Гражданскую интеграцию следует сделать важнейшим направлением отечественной этнополитики, а процесс политической трансформации российского общества должен быть направлен на укрепление демократии и создание условий для соблюдения гражданских прав и свобод, что, в свою очередь, приведет к изменению политической культуры россиян и возрастанию значимости гражданских ценностей в их политических представлениях и к адекватному пониманию идеи гражданской нации.

Представления об этнической и гражданской нации

Некоторые отечественные ученые, как уже сказано, подвергают сомнению феномен гражданской нации. По мнению В.В. Коротеевой, например, в России нет не только подобия французской нации, созданной на основе ассимиляционной модели, но «нет в России и того ощущения единой исторической судьбы, которая сложилась у американской нации в ходе борьбы за независимость и последующего отстаивания целостности страны... Миф гражданской нации как добровольно объединившегося сообщества не стал в России

¹ Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? // Нации и национализм. М., 2002. С. 297–298.

² Кола Д. Политическая социология. М.: Весь Мир, 2001. С. 351.

господствующим»¹. Эти рассуждения во многом ошибочны. Во-первых, французская и американская нации принадлежат к одному типу гражданских, а не этнических наций. Ассимиляционная модель для обеих стран, когда она провозглашалась частью политики правящего класса, была всего лишь некоей идеей и программой, которые не обязательно включали в себя этническую ассимиляцию. В период Французской революции и позже этнические меньшинства и их языки во Франции действительно подвергались гонениям. Но с тех пор многое изменилось. Как и в прошлом, сегодняшний корсиканский исторический миф радикально не совпадает с собственно французским, хотя у них есть общая фигура Наполеона Бонапарта. Современная французская нация еще более разнообразна и сложна по составу, чем 200 лет тому назад. Об американской нации вообще нет речи: это расовый, этнический и религиозный конгломерат на всех этапах ее существования. В Америке так называемые «воспы» (белые англосаксы — протестанты) также не смогли подчинить своему мифу «конкурирующие мифы других народов», особенно афро-американцев, испано-американцев и индейцев. Однако оба государственно-политических согражданства имеют свою собственную общую культуру, общий исторический мета-нарратив (главную версию прошлого), обогащенные разными этническими и другими составляющими. Таким образом, каждая страна обладает собственным культурным багажом, порожденным историей и вкладом носителей разных традиций.

В США якобы все, всегда и навсегда заимели «ощущение единой исторической судьбы» и стали нацией, а вот у России так не получилось. И поэтому гражданской нации в ней нет. В отношении нашей страны здесь повторяется тривиальный тезис о «народах России» и их несовместимости с русским народом. Следует помнить, что применительно к Средним векам и даже к Новому времени, не говоря уже о древности, правильнее говорить не о «народах», как мы их понимаем сегодня, а о племенном населении и о разнокультурных общностях, которые «народами» себя не осознавали, а тем более никаких «конкурирующих исторических мифов» вовсе не имели. До завоевания или присоединения к России «народы» чаще всего пребывали под господством собственных или инозем-

¹ *Коротеева В.В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. № 3.

ных правителей: татарских и джунгарских ханов, польских и шведских королей, турецких и персидских властителей. Природа тогдашних раннегосударственных и социально-культурных коалиций людей была такова, что этничность, включая даже язык, мало что значила для их оформления. Когда речь шла о власти и подчинении, восприятия людей были совсем другими. На протяжении длительного времени существования российской монархии «вхождение» в нее или покровительство русского царя (государственные границы в те времена не оформлялись) считались не только желанными и почитаемыми, но и жизненно важными или же просто «богоданными», т.е. предрешенным некими высшими силами.

Образ русского «белого царя» как идеального государя, как арбитра и заступника был частью массового сознания присоединенных к России в разное время нерусских народов. Исследовавший этот вопрос российский историк В.В.Трепавлов отметил, что в средневековой России большинство российских народов находились на стадии раннегосударственного развития. Для их восприятия института власти было характерно отношение к власти как к ментальной, духовной категории: «Высшая государственная власть понималась как явление, во-первых, тотальное, всеохватное, пронизывающее все сферы жизнеустройства; во-вторых, магическое, далекое и недостижимое, недоступное для простых людей; в-третьих, персонифицированное — воплощенное в монархе. В эпицентре власти основным ее носителем естественно оказывался царь. Именно его абстрагированный образ (а не конкретно-исторический индивидуум!) служил воплощением тех надежд, иллюзий и стереотипов, которые были характерны для традиционной политической культуры народов России в XV—XVIII вв. Представления о верховном сюзерене формировались во многом стихийно, по ходу жизни в пределах государства, но порой также пропагандировались (насаждались) властями на местах. В условиях, когда волей истории в общих границах объединились носители многих языков и нескольких религий, фигура государя служила одной из немногих идеологических и политических скреп колоссальной полиэтничной державы»¹.

Что касается более поздних «добровольных вхождений» и их позднейших юбилейных празднований, то какое все это

¹ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. С. 5–6.

имеет отношение к обоснованию наличия или отсутствия нации? Кстати, индейские народы США и Латинской Америки также не праздновали такие громкие юбилеи, как 500-летие открытия Америки Колумбом и 200-летие образования США. У них на этот счет были свои «конкурирующие исторические версии», причем не мифические, а даже более реальные с точки зрения адекватной истории.

Нация и полиэтничность

Население государств как в прошлом, так и в настоящем (т.е. всегда) было многоэтническим. В каждом государстве проживают представители разных этнических групп, которые могут, кстати, также называться нациями, народами, меньшинствами в зависимости от степени самоорганизации этих групп и политики правительства той или иной страны¹. В Турции, например, вообще не признается существование каких-либо других групп, кроме собственно турок, хотя в стране проживают несколько миллионов курдов с отчетливым самосознанием и с организованной борьбой за свои права (лидер курдов Оджалан был приговорен в Турции к смертной казни). В Китае более 50 неханьских народов общей численностью более ста миллионов человек называются этническими группами или национальными меньшинствами. В Канаде группы аборигенного населения (индейцы и эскимосы) называют себя «первыми нациями». Это обозначение стало общепризнанным даже на уровне Конституции. В дореволюционной России после сложения централизованного государства существовало основное понятие русский (российский) народ и в отношении этнических меньшинств и неправославных использовались понятия инородцы, иноверцы, племена, туземцы, народности и другие категории. Важно отметить, что русский народ представлял собой широкую (внеэтническую) категорию. Известная и ныне переизданная книга автора XIX в. М. Забылина об обычаях, обрядах, верованиях и преданиях русского народа² включала сведения о татарских, чувашских, мордовских, черемисских (марийских) свадьбах, о шаманизме среди тунгусов и самоедов

¹ Культурная сложность современных наций / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016.

² *Забылин М.* Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Адаптир. изд. М., 1997.

и о других этнокультурных традициях, которые к собственно русским и даже к православным отнести было нельзя.

В СССР этнические общности назывались по-разному: национальными меньшинствами, национальностями, нациями и народностями. В современной России есть свои особенности в понимании и использовании этих терминов. Фактически все авторы, особенно юристы, политологи и социологи, воспринимают меньшинства как объективно существующие и культурно-отличительные группы, а проблема меньшинств — это проблема отношений между группами или между группой и государством. В отечественной юридической литературе является общепризнанной трактовка коллективных прав меньшинств как права на «выживание», «развитие», «самоопределение», а достижение равенства понимается как обеспечение равных прав этнических групп и коллективных прав меньшинств¹. При этом смысл зарубежного права в данной сфере конституционно-государственного строительства и международной политики, включая смысловое содержание переводимых терминов на русский язык, трактуется искаженно². Самое уязвимое в отечественной трактовке меньшинств — это сохраняющееся с советских времен представление о группах людей среди одного согражданства, которые якобы живут за пределами «своих» национально-государственных образований или «своей» этнической территории. На самом деле в России все граждане живут на территории своего национального государства, а «этнических территорий» в государстве вообще не существует, кроме определенных законом участков для ведения традиционных видов хозяйства коренными малочисленными народами Севера.

Население государств, т.е. гражданские нации, как правило, отличаются также сложным религиозным и расовым составом. **Для современных государств многоэтничность и поликонфессиональность народа (или нации) — это норма.**

Культурная сложность наций относится и к языковой ситуации, ибо одна из отличительных характеристик этнических групп — язык. Очень мало государственных народов или наций, представители которых говорили бы на одном языке.

¹ См.: *Хабриева Т.Я.* Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003; *Андриченко Л.В.* Право национальных меньшинств на культурно-национальную автономию // *Расы и народы.* Вып. 24. М., 1997.

² *Блищенко И.П., Абашидзе А.Х.* Международная защита прав национальных меньшинств. М.: Изд-во РУДН, 1993.

Среди мексиканцев, например, около 10% составляют индейцы-аборигены, говорящие на языках групп майя и ацтеков, а швейцарцы используют четыре языка — немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Поэтому нации многоязычны, хотя чаще всего по причинам демографического большинства или удобства коммуникации доминирует какой-то один или два языка. Им в целях государственного управления и консолидации населения страны может придаваться официальный статус. Общепринятый правовой подход заключается в том, что бюрократии должны разговаривать на языке большинства налогоплательщиков, а не налогоплательщики должны выучивать язык чиновников. Этот тезис актуален для постсоветских государств. Особенно для Латвии, Украины, Казахстана, где добрая половина платящих налоги жителей пользуется русским языком как основным языком знания и общения.

Имеющиеся среди населения государств различия (этнические, языковые, религиозные и даже расовые) относятся к категории культурных. Многокультурный характер населения ныне признается практически всеми государствами-нациями. Однако существуют государства, идеологии и религиозные системы, не признающие культурную сложность наций и культурную свободу человека. Так, например, ислам фундаменталистского толка отвергает возможность выхода из религии и насаждает представление об исламской умме как своего рода нации-общности на основе веры, а не государства. Следует сказать, что и в христианстве этническое начало мало что значит, ибо «для Бога нет ни эллина, ни иудея».

В России исторически было так, что все принявшие православие считались одним народом, который назывался русским или российским. Только в последнее время среди некоторых православных активистов и даже священнослужителей появились ревнители исключительно русского взгляда на Россию, для которых российскость выглядит как нечто подрывающее основы государственности. Церковь в России действительно носит название Русской православной церкви, но в этом названии меньше всего этнического содержания, не говоря уже о том, что до советских времен этот институт назывался Российской православной церковью или Православной церковью Российской империи.

Концепты многорелигиозной, многорасовой и многоэтнической нации и единого народа с разной степенью успешности утверждаются в таких крупных странах, как Бразилия,

Канада, США, Великобритания, Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Новая Зеландия, Филиппины, Танзания, Нигерия и т.д. Формула «единство в многообразии» (unity in diversity) как основа политического устройства и управления находится в арсенале большинства современных государств — от огромной Индии до маленькой Ямайки. На ямайском долларе имеется надпись «Из многих — один народ» (from many one people).

Наконец, есть государства, где укоренилось представление о нации как об этнической целостности, говорящей на одном языке и имеющей свой особый характер («этническую психологию») и даже этногенофонд. Эта доктринальная и политическая традиция восходит к австро-марксистам и к российским большевикам. Она была на вооружении в Германии в период правления национал-социалистов и некоторое время сохранялась и после Второй мировой войны. В науке и в общественной практике она утвердилась, главным образом, в СССР и в регионе его идеологического и политического влияния. Родоначальником марксистского видения нации в советском варианте был «чудесный грузин», написавший в 1913 г. «превосходную брошюру» (оба определения принадлежат В.И. Ленину) под названием «Марксизм и национальный вопрос». Эта идеологическая матрица сохранялась весь советский период. Отчасти она жива до сих пор.

Нациестроительство на постсоветском пространстве

В Восточной Европе, где этнонационализм и идея культурной нации господствовали с конца XIX в., в последние десятилетия и особенно после распада СССР концепт культурной нации (этнонации) стал второстепенным по отношению к концепту политической нации. Однако в силу ментальной инерции и влияния этнического национализма государства бывшего СССР продвигаются трудно от концепта этнонации к концепту гражданской нации. Многим постсоветским политикам, ученым и этническим активистам кажется, что признание второго означает отрицание первого. Поэтому остается в обиходе представление о нации как об этнической общности, которая образовала соответствующее государство и является его собственником, включая даже воздушное пространство (как это записано во многих постсоветских конституциях).

Другими словами, в Латвии все принадлежит латышской нации, т.е. этническим латышам, а не латвийской нации, включая русских граждан и неграждан — таких же создателей современного государства и исправных налогоплательщиков. На Украине владеец государства, его недр и воздушного пространства — это украинская нация, в которую могут войти русские, поляки, и другие нетитульные нации, если они станут украинцами. И так во многих постсоветских государствах.

Широкое, гражданское понимание нации (например, казахстанской или латвийской) пока утверждается робко, главным образом, для внешнего мира, чтобы выглядеть прилично. В казахстанских паспортах для выезда за рубеж в графе «национальность» стоит «Казахстан», а для внутреннего пользования под тем же термином указывается этническая принадлежность. Этническая и языковая сложность постсоветских наций продолжает отвергаться, и граждане, не принадлежащие к «титальной» этничности, переведены в категорию национальных меньшинств без членства в нации. В этом заключается радикальное отличие от мирового концепта меньшинств. В обычном варианте меньшинства входят в состав нации и обладают всеми правами ее членов. Как носители малых культур меньшинства (точнее, культура и образ жизни части населения государства) пользуются особой поддержкой государства через соответствующую политику, которая может называться по-разному (этническая политика, политика в отношении меньшинств, политика аффирмативных акций и т.п.).

Наконец, последний вопрос, который принципиально значим для целей этнополитики: как соединить многообразие страны и этнокультурное развитие отдельных общностей и регионов с проектом гражданской нации и обеспечением гражданского единства? Признанное многообразие и есть единство, которое не должно пониматься как единообразие. Признавая, поддерживая и укрепляя региональные и этнокультурные идентичности как составляющие российскую идентичность, как общее достояние, а не как эксклюзивную собственность отдельных групп населения, мы тем самым укрепляем групповое достоинство и уверенность людей в том, что Россия — это их общее государство, а не собственность какого-то одного народа. Россия есть общая и главная Родина россиян. Для многих в стране эта Родина включает и малую Родину, где прошло детство или где исторически проживают

представители собственной этнической группы. Воспитание таких представлений требует обновления ряда образовательных и информационных политик, но больше всего — той сферы, которая до сих пор носит старое советское название — «национальная политика».

Контрольные вопросы и задания

1. Каково соотношение понятий «племя», «народ», «нация» и в чем состоит разница между этносом и нацией?
2. Почему Россия есть национальное государство?
3. Взгляды Юргена Хабермаса на природу нации.
4. Идея нации в российской истории.
5. Особенности нациестроительства на постсоветском пространстве.

Литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2001.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Дробизжева Л.М. Российская идентичность в массовом измерении // Вестн. российской нации. 2009. № 1(3).
- Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2007.
- Кола Д. Политическая социология / Пер. с фр. М.: Весь Мир, 2001.
- Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: Изд-во РГГУ, 1999.
- Культурная сложность современных наций / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016.
- Миллер А.И. Нация, или Могушество мифа. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2016.
- Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2008.
- Смит Э. Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004.
- Соколовский С.В. Права меньшинств: Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М.: Московский общественный научный фонд, 1997.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Тишков В.А. Нация и национальная идентичность в России // Вестн. российской нации. 2008. № 1.
- Тишков В.А. Национальная идентичность (о смысле дебатов) // Вестн. российской нации. 2009. № 1(3).
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998.
- Хобнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001.
- Chatterjee P. The Nation and Its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories. Princeton: Princeton University Press, 1993.
- Guibernau M. Nationalisms: The Nation-State and Nationalism in the Twentieth Century. Cambridge, 1996.
- Nationalism / Ed. by J. Nutchinson, A.D. Smith. Oxford, 1994.
- Notions of Nationalism / Ed. by S. Perival. Budapest, 1995.

ЭТНИЧНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС

Важнейшим в этнополитологии является вопрос: можно ли рассматривать этничность как политический ресурс? Если мы признаем ее политическим ресурсом, то каково значение этого ресурса и насколько оно устойчиво? Рассматривая этничность как политический ресурс, надо определить формы, в которых проявляются политическое значение этничности, методы политизации этничности и место этничности в арсенале современной политики.

Для доказательства постулата «этничность есть политический ресурс» необходимо рассмотреть примеры, которые демонстрируют роль этничности в формировании и распаде государств, в межгосударственных отношениях, в возникновении и эскалации этнических конфликтов, ее значение в государственном строительстве, во внутривнутриполитической жизни государств и в международной политике.

Политический ресурс этничности

Первый опыт использования политического ресурса этничности относится к эпохе колониальных захватов. Активно этот ресурс использовала колониальная администрация Британской империи, которая рассматривала статус этнических групп и этническую иерархию колонизируемых народов как инструменты для управления местными сообществами. Но особенно масштабный характер политизация и своего рода огосударствление этничности приобрели в Советском Союзе. Еще во время Гражданской войны большевики активно привлекали на свою сторону горские народы, передавая им «освобожденные» от казаков станицы. Затем они приступили к построению этнической федерации с целью формированию

лояльных к режиму этнических элит. Они же ввели в политическую практику тотальные репрессии против этнических групп, включая массовые депортации целых народов.

Распространено мнение, что этничность является непременным условием государственного строительства, а соответствие между государственными и этническими границами — основа национального государства. На этом базовом принципе строится концепция нации-этноса. Тем не менее не только империи Древнего мира и средневековые династические монархии были полиэтничными государствами, но таковыми стали и многие национальные государства Нового времени. История возникновения латиноамериканских государств, Швейцарской Конфедерации, арабских государств показывают, что для создания современных государств гораздо более серьезными основаниями являются не этнические, а территориальные связи и политический фактор. Более того, некоторые этнологи утверждают, что этничность не может служить основой для государственности и даже для внутреннего административного деления. И все же именно этничность нередко выступает в качестве идеологического обоснования требований создания национального государства.

В основе такого подхода к построению государства лежала доктрина этнического национализма, которая покоилась на двух основных теоретических положениях. Первое положение состояло в признании в качестве основы нации этнической группы, которая обладает рядом обязательных характеристик, как-то: территория, язык, общность экономической жизни, общее самосознание. Согласно второму положению, условием успешного существования нации признавалось наличие собственной государственности в той или иной ее форме, а на территории данного национально-государственного образования «государственнообразующий» этнос, или этническая группа, признавалась «коренной нацией», все остальные граждане — «некоренным населением».

Этнополитическая модель построения государственного организма способствует тому, что составляющие государство местные сообщества начинают отождествлять себя прежде всего с собственным национально-государственным образованием, а не с государственной общностью в целом. В результате общегражданское сознание, общегражданские начала оказываются ослабленными.

Осознавшие себя нациями этнические группы способны не только цементировать государственные устои, но и разрушать государство при определенных условиях. Одно из условий внутренней нестабильности — это этнический принцип построения государств. В Европе по этому принципу в XX столетии были построены три государства — СССР, Югославия и Чехословакия. Все они возникли или строились впоследствии как федеративные государства, и все они не дожили до конца столетия, что подтверждает тезис о том, что этнический принцип построения государства не способствует формированию общегосударственного сознания у жителей «этнических» провинций. Для того чтобы жители этих провинций осознали себя нациями, тоже необходимы соответствующие условия. К примеру, в СССР в период горбачевской перестройки инициаторами сепаратистских настроений оказались не республики Средней Азии и Кавказа, а республики Прибалтики, хотя традиции государственности были более глубокими именно в Среднеазиатском регионе и на Кавказе. Но дело в том, что в современных границах ни одна из республик Средней Азии или Кавказа как государственное образование никогда не существовала (за исключением недолгого периода после октябрьского переворота 1917 г., когда Армения, Азербайджан и Грузия получили государственную независимость и тут же были ввергнуты в пучину междоусобиц). После Октября 1917 г. страны Балтии, среди которых только Литва имела прежде собственное государство, обрели государственную независимость. Именно это обстоятельство способствовало тому, что здесь титульное население стало прочно воспринимать себя как нации даже тогда, когда независимость была вновь утрачена, а потому политическая мобилизация этничности в Прибалтике происходила более успешно, чем в других советских республиках, и этнический национализм был наиболее силен.

Построенная по этническому принципу Югославская Федерация изначально имела больше шансов стать прочным государственным образованием, нежели Советский Союз, который в основном держался на жесткой тоталитарной политической системе. Но внутренняя политика югославского руководства способствовала не росту интеграционных связей внутри государства, а превращению республик в самостоятельные территориальные сообщества. Эта самодостаточность

породила сначала политический сепаратизм, а затем и этнический национализм. Исследователи отмечают, что «и советский, и югославский кризисы явились результатом краха традиционной национальной политики и коммунистической системы в целом... Предпосылки этнической мобилизации были созданы благодаря организации власти по национально-территориальному принципу, а также в результате совпадения региональных экономических интересов с этническими»¹.

Опыт формирования и распада Югославии показывает, что прямолинейный и этнически акцентированный интеграционизм, равно как и этнический федерализм не способствуют упрочению государственных устоев, создают угрозы национальному единству. **Для успешного нациестроительства полиэтничным государствам необходимо учитывать не только баланс интересов различных этнических общин, но и ориентироваться на гражданский национализм, который должен быть не только последовательным, но и носить подлинно гражданский характер.**

Попытки использовать в качестве политического ресурса этническую солидарность (например, идею славянства) приводят к мобилизации групп, чья культурная принадлежность отличается от сообществ, которые объявляются основой нации, а это в свою очередь усиливает конфронтацию между носителями разных культурных традиций. Стремление доминирующих групп обеспечивать себе безусловное политическое лидерство в процессе нациестроительства, как правило, вызывает попытки этнических элит недоминантных групп использовать этнокультурные (религиозные) и этноязыковые аргументы для защиты своих интересов и способствует росту этнического сепаратизма. Поэтому иллюзии политиков по поводу того, что использование этничности и этнического национализма/этнической солидарности в процессе нациестроительства есть закономерный и естественный путь формирования гражданских наций, опровергаются самой политической практикой и опытом истории. Более того, с вовлечением этничности в политику гражданские устои нации начинают размываться, как это происходило в Чехословакии, которую считали образцом демократии в Восточной Европе

¹ Вуячич В., Заславский В. СССР и Югославия: причины распада // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 33.

в период между двумя мировыми войнами. Опыт Франции показывает, что последовательный гражданский национализм более эффективен, нежели этническая солидарность.

Пример эффективного использования гражданского национализма в современных условиях дает миру Индия, которой неоднократно предрекали распад, но индийские власти смогли выработать модель этнополитики и гражданского национализма, которые нивелируют культурные различия и противоречия внутри сложного по составу индийского общества.

Примеры с Югославией, Чехословакией и СССР — это наиболее яркие и зримые проявления этнического национализма, но отнюдь не единственные. В последней трети XX в. этнический национализм франкоканадцев едва не привел к разделу Канады на два отдельных государства, драматично развиваются отношения фламандцев и валлонов в Бельгии, каталонцев и кастильцев — в Испании. Борьба этнополитических сил завершилась созданием таких государств, как Бангладеш, Эритрея, которые возникли в результате отделения религиозных и этнических анклавов от Пакистана и Эфиопии.

Не менее показательны и современные примеры политической мобилизации этничности. Первый пример связан с гражданской войной в Судане, где конфликт имел расово-культурную природу. Арабы, составлявшие меньшинство населения страны и контролировавшие политическую власть, ведут войну против негритянских групп населения. Если раньше наблюдалось противостояние между исламским Севером и христианским Югом, то в последние годы наибольшую остроту этот конфликт приобрел в северо-западной провинции Дарфуре, откуда с 2003 г. бежало два миллиона человек, и в ходе военных действий 400 тыс. человек было убито. Исламистское правительство в Хартуме не доверяет армейским подразделениям и не использует их для наведения порядка в стране, поскольку в армии имеется значительное представительство негритянских групп населения страны. Правительство поддерживает арабские боевые отряды «джанджавидов», которые действуют в Дарфуре. Арабские племена баггара, которые составляют от четверти до трети населения провинции и у которых много общего с негритянским населением провинции (те и другие — мусульмане-сунниты), в силу ложной арабской солидарности поддерживали акты насилия и откровенного геноцида в отношении негритянских этнических групп.

Расколов страну по расово-этническому признаку, исламисты долгое время успешно удерживали власть, намереваясь получать доходы от нефти, залежи которой находятся на юге страны. Организация Объединенных Наций и Африканский Союз разместили в Судане свою миссию и держали здесь 7,5 тыс. «голубых касок». Но они не в силах изменить ситуацию, ибо они были способны лишь оказывать помощь беженцам и охранять их лагеря. Более того, нефтяные интересы привели к тому, что Франция, США и Китай вели здесь свою политическую игру, поддерживая разные силы и усугубляя этнический конфликт. Закончилось все референдумом о независимости Южного Судана в 2011 г. и созданием 55-го по счету африканского государства.

Другой показательный пример политической мобилизации этничности связан с событиями в Боливии. После прихода к власти в этой южноамериканской стране президента Эво Моралеса, который придерживался левых взглядов, здесь начались серьезные изменения. Но наиболее значимое событие произошло в начале 2009 г., когда состоялся всенародный референдум и была принята «индейская» конституция. Новая конституция предусматривает не только активное государственное регулирование экономики и усиление контроля правительства над ресурсами страны, но и обязательное изучение индейских языков. По словам президента Моралеса, индейца по происхождению, принятая конституция заложит фундамент нового общества и поможет не только осуществить «демократическую и культурную революцию», но и не позволит «белым олигархам» вернуться к власти. Именно в руках этих олигархов находилось основное богатство страны — природный газ. При этом газодобывающие провинции имеют наименьшую долю индейского населения, но получают наибольшие доходы от эксплуатации природных богатств страны.

Мобилизация голосов индейского электората, несмотря на сильное противодействие, позволила принять конституцию, которая превращает Боливию в унитарное государство и расширяет права индейского населения. Индейцы могут создавать собственные организации самоуправления. Конституция предоставляет властям право выделять землю общинам индейцев, а также устанавливает этнические квоты при найме сотрудников госучреждений и при избрании членов конгресса. Традиционная система правосудия, которой пользуются индейцы, получает тот же статус, что и официальное право.

Боливия отказывается от католицизма как государственной религии, что имеет большое значение для индейцев, многие из которых продолжают следовать культам предков. Борьба за принятие новой конституции вызвала противостояние между индейским западом страны и востоком, где индейское население невелико. Конфликт сопровождался массовыми беспорядками, а после принятия основного закона страны противостояние внутри боливийского общества не ослабло.

Этнический национализм существует во многих странах и заставляет их правительства принимать специальные законы, учреждать особые органы политического представительства для этнических меньшинств, создавать самоуправляемые этнические территории, переходить от унитаризма к федерализму. Все это — проявления этнической политики. И здесь важно заметить, что **этническая политика необязательно непосредственно связана с проявлениями этнического национализма, а является естественной составляющей внутренней политики государства, направленной на поддержание социальной и политической стабильности в государстве в целом и в отдельных его частях в частности.**

Политизация этничности

Проявления этнического национализма свидетельствуют о том, что этничность, безусловно, является политическим ресурсом. Но, помимо этнического национализма, существуют другие формы политизации этничности, которые заключаются в создании и деятельности этнополитических объединений и движений, в манипуляции этническими чувствами с целью привлечения симпатий избирателей к тому или иному претенденту на выборный пост или к политическим партиям, в формировании этнических институтов политического представительства, в создании автономных самоуправляемых этнических анклавов и т.д. В общем виде процесс политизации этничности описал еще Дж. Родшилд в книге «Этнополитика». В его понимании, суть этого процесса состоит в превращении этничности из психологического, культурного или социального фактора «в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических

групп»¹. При этом надо различать политическую мобилизацию этничности и огосударствление этничности, хотя политическая сущность обоих процессов очевидна.

Как уже было отмечено выше, важнейшую роль в политизации этничности имеет концепция нации-этноса, а эксплуатация этой концепции политиками превращает ее в общенациональный политический ресурс. Однако в полиэтничных государствах этничность чаще выступает в качестве локального политического ресурса, ибо общенациональная политическая консолидация возможна только на основе общегражданских идей и символов. В российских республиках именно апеллирование к этничности позволило оформиться националистическим движениям, которые в ряде случаев превратились в активных политических акторов, но до формирования региональных этнических партий дело не дошло.

Успешная апелляция к этническим чувствам электората одной этнической общины и блокирование политической консолидации других этнических общин населения того или иного региона позволяют обеспечивать политическое доминирование одной группы над другими, даже если она не имеет численного превосходства. Так, в органах представительной власти и на административных постах в Адыгее, Татарстане, Башкортостане, Якутии доминируют представители титульных национальностей, хотя татары составляют половину населения Татарстана, якуты — около 40% населения в Якутии, башкиры — 27% населения Башкортостана, адыгейцы в Адыгее — четверть населения.

Особенно успешно политизация этничности осуществлялась в первой половине 1990-х гг., когда общегражданские идеалы и интересы в России были существенно размыты. Так, во время первых выборов главы Республики Коми в 1994 г., когда на политической арене противостояли, по сути, представители двух крупнейших этнических общин республики (русской и коми), электорат четко раскололся по этническому признаку: русские в основном поддерживали русского кандидата, коми намеревались отдать голоса представителю коми. Но даже тогда, когда значение этнического фактора несколько ослабло, он продолжал оставаться важным политическим ресурсом. Опрос населения Республики Коми, в рамках ис-

¹ *Rothschild J. Ethnopolitics: A conceptual framework. N.Y., 1981. P. 2.*

следования «Коми парламент: каким я его хочу видеть» (2002), показал, что для 40% коми и 25% русских этническая принадлежность депутата парламента остается весьма значимым фактором. И такие настроения были не только в Коми, но и в других республиках, сохранились они и ныне.

Политизация этничности заключается и в том, что этничность используется как инструмент достижения определенных политических целей. В западной литературе используется понятие «политическая этничность», под которой А. Коэн понимает некую стратегию совместного действия. По его мнению, этничность инструментальна и может использоваться в качестве средства достижения политических целей. Причины поддержания и актуализации этничности носят не психологический, а политический характер. Для обозначения таких действий он использовал термин «ретрайбализация». Ретрайбализация, по А. Коэну, есть процесс, при котором этническая группа, вовлеченная в борьбу за власть и привилегии с членами другой группы «в рамках формальной политической системы», для достижения своих целей манипулирует обычаями, мифами, символами и с их помощью создает политическую организацию, которую использует в качестве оружия в этой борьбе. Ключевую роль здесь играют этнические элиты, которые чаще всего ведут борьбу не за интересы группы, а за оттеснение с политического поля этнически чуждых конкурентов. **Огосударствление этничности есть, по сути, придание этническим институтам и этническим требованиям статуса государственных институтов и государственных программ.**

В чем разница между обычной политической деятельностью и этнополитической мобилизацией? Политики обычно осуществляют свою деятельность путем апеллирования к определенным социальным группам и стратам. Задача политика и его политической организации — привлечь симпатии представителей социальных групп, убедив их в том, что именно он и его организация в настоящий момент способны как никто другой удовлетворить их интересы. Этнополитическая мобилизация имеет иной характер, ибо она осуществляется «поверх» социальных границ, и здесь акцент делается не на конкретных интересах группы, а на неких абстрактных общих интересах культурного сообщества. Поэтому для этнических антрепренеров важны не идеи рационального выбора, а культурная/этническая лояльность. И в основе деятельности этнических

антрепренеров, в первую очередь, лежат не призывы к рациональным интересам, а стремление актуализировать этническую лояльность и преобразовать ее в политическую солидарность.

Таким образом, политизированная этническая лояльность может противопоставляться как общегражданским интересам, так и государственным интересам, и потому для политических элит важно добиваться того, чтобы государственные, гражданские и этнические интересы не противопоставлялись друг другу. В противном случае ослабляется не только внутренняя стабильность государства, кроме того, у него могут возникнуть и внешние проблемы. Политизированная этническая лояльность наиболее ярко проявила себя в постсоветской России. Вопрос, однако, состоит в том, является ли огосударствление этничности неизбежным следствием государственной политики в отношении составляющих население государства этнических групп. И в чем должна состоять суть этнополитики? Этнополитика, на наш взгляд, может быть ориентирована не столько на этнотерриториальные сообщества, сколько на удовлетворение интересов отдельных членов этих сообществ. Этнополитика — это, по сути, определение баланса интересов между доминантными этническими группами и национальными меньшинствами, проживающими в том или ином государстве. Иными словами, **этнополитика — это последовательное государственное регулирование отношений между этническими сообществами на общенациональном и региональном уровнях, институционализация этого регулирования через принятие соответствующих законодательных актов и создание государственных органов, ответственных за этническую составляющую внутренней политики государства.** Но генеральной линией этнополитики должно быть укрепление внутреннего единства государства за счет усиления общегражданских интересов и гражданского единства и «перенесения» этнических/культурных интересов из сферы политической в сферу индивидуального культурного выбора.

Этнополитика как концептуально, так и юридически оформленные действия государства или международных политических институтов стала фактом политической жизни относительно недавно. Именно после Первой мировой войны начала формироваться система международно-правовой защиты отдельных групп населения и меньшинств, стали складываться нормы политико-правового регулирования международных

проблем, в том числе имеющих этническое содержание. Институтом международно-правового регулирования стала Лига наций.

Весьма примечательно, что одним из первых конфликтов, в разрешении которых Лига приняла участие, стал этнополитический конфликт между Швецией и Финляндией из-за Аландских островов (1920). Швеция под предлогом защиты шведского населения этих островов, которое и ныне доминирует на архипелаге, требовала передачи Аландов под ее юрисдикцию. Но было решено, что острова останутся в составе Финляндии, а их население получит широкую автономию.

Годом ранее страны-победительницы в Первой мировой войне заключили с польским правительством «Договор о меньшинствах в Польше», предусматривавший создание необходимого количества школ, благотворительных и религиозных обществ для меньшинств. Аналогичные меры были осуществлены в ряде других стран. Однако договоры о меньшинствах, которые, по идее, должны были регулировать отношения между доминантными группами и меньшинствами, на деле не смогли решить проблем миноритарных сообществ. Кроме того, они, по сути, создали политическую иерархию этнических сообществ, ибо одни группы объявлялись «государственными народами», другие позиционировались как их равные партнеры, а третьи получали статус меньшинств. При этом система защиты меньшинств распространялась на страны, проигравшие в войне, или на вновь возникшие государства и, таким образом, носила форму некоего «предписания» со стороны «клуба попечителей» для не вполне благонадежных правительств.

В Статуте Лиги Наций права меньшинств и система их защиты были обозначены крайне неопределенно. И не случайно права меньшинств в восточноевропейских государствах систематически нарушались. Особенно показательной в этом отношении была этнонациональная политика Польши. До Второй мировой войны власти страны последовательно проводили линию на полонизацию меньшинств, навязывание им культурных стандартов доминантной этнической группы. Самым масштабным свидетельством этого процесса стала операция, проводившаяся в 1938 г. силами Войска польского, в ходе которой была уничтожена треть православных храмов страны. В этом смысле в польской политике прослеживается пока-

зательная преемственность. Стерилизация культурного пространства страны продолжилась и в современную эпоху, когда Польша вступила в семью демократических европейских наций. В 2015–2016 гг. национальные и местные власти страны приступили к масштабному сносу памятников советским воинам, установленным после окончания Второй мировой войны на улицах и площадях многих польских городов, заявляя, что павшим место лишь на погостах. Уничтожение памятников поддержал Институт национальной памяти Польши (созданный для расследования преступлений нацизма и коммунизма), ибо в современной польской версии исторической памяти, которую он поддерживает, не может быть места памяти о простых солдатах, отдавших жизни за победу над нацизмом, если эти солдаты «чужие».

Символическая война с собственным прошлым и попытки за счет отрицания неудобных его страниц сконструировать образ непобежденной, торжествующей и при этом единой нации характерны для современных элит восточноевропейских государств. Так, в Венгрии день заключения Трианонского мирного договора в 1920 г. (согласно которому венгерская часть Австро-Венгерской империи сокращалась втрое и возникающая на руинах империи Венгрия теряла часть «исконных венгерских земель») празднуется в стране как День венгерского единства (в этот день устраиваются мероприятия у памятников, на которых очерчены границы «исторической Венгрии», — своеобразных надгробий на могиле «Великой Венгрии»), а корона святого Иштвана из Национального музея перенесена в парламент и объявлена конституционным символом. Однако политика, ориентированная на «символический реванш» и использование идеи прошлого величия в современной жизни, как правило, оборачивается ростом агрессивного национализма, расизма и антисемитизма, что и наблюдается ныне в восточноевропейских странах.

Официальное признание этнополитики

В 1948 г. была принята Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, в которой был применен термин *национальные, этнические, расовые и религиозные группы*. В Пакте о гражданских и политических правах 1966 г. говорилось об *этнических, религиозных или язы-*

ковых меньшинствах, в декларации ООН от 1992 г. — о правах лиц, принадлежащих к *национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам*. Для контроля над соблюдением прав меньшинств в 1947 г. Комиссией ООН по правам человека была создана Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Права меньшинств неоднократно становились предметом внимания ООН, и итогом этих усилий стало включение в Международный пакт гражданских и политических прав 1966 г. специальной статьи о правах меньшинств.

В 1992 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. В следующем году рабочая группа по коренному населению Подкомиссии по предупреждению дискриминации разработала проект Декларации по правам коренных народов. В проекте, в частности, отмечалось, что «коренные народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие». Этот проект суммировал целый ряд предыдущих документов, призванных подчеркнуть особое положение и особую ответственность за политику в отношении группы народов, определяемых как «коренные» или «индигенные». Большое значение среди этих документов имела Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятая в 1989 г.

Международно-правовое признание прав этнических меньшинств и коренных народов способствовало усилению их политической активности, ибо они получали в руки механизмы воздействия на региональные и федеральные власти государств, с которыми были связаны их исторические судьбы. Вместе с тем международные нормы служили лишь политическим стимулом к тому, чтобы национальные правительства осуществляли политику по отношению к этническим меньшинствам в соответствии с общепринятыми стандартами. Чтобы страны следовали этим стандартам в политике, необходимо их признание в национальных законодательных актах.

Дело в том, что основополагающие международные правовые акты не могут содержать универсальных определений, приемлемых для каждой конкретной ситуации. Поэтому подобные документы либо сразу делегируют определение поня-

тий национальным законодательствам, либо ограничиваются только рабочими определениями. К примеру, разработанная в рамках Совета Европы «Рамочная конвенция (европейская) о защите национальных меньшинств», которую в 1995 г. подписало 21 государство Европы, гласит, что принадлежность к меньшинствам «составляет неотъемлемую часть международной защиты прав человека и поэтому находится в сфере международного сотрудничества». Но конвенция определяет только принципы подхода к проблеме меньшинств, подразумевая, что определение понятия «меньшинство» находится в компетенции каждого государства.

Документы ООН, гарантирующие права «коренного населения», исходят лишь из его рабочего определения, которое не отличается четкостью формулировки. Согласно данному определению, под «коренным населением» понимаются прежде всего народы, подвергавшиеся внешней колонизации, иностранным завоеваниям и в силу специфики своей исторической эволюции еще находящиеся на более низком уровне развития, чем доминирующее население, и терпящие дискриминацию и даже геноцид.

Российский закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» использует иные критерии определения коренных народов, среди которых в первую очередь выделяются численность и особенности хозяйственного уклада. К таковым народам относятся те, чья численность не превышает 50 тыс. человек и которые занимаются, главным образом, промысловым хозяйством (оленоводство, охота, рыбная ловля).

Национальные законодательства чаще всего направлены на определение экономических и культурных прав и в меньшей мере касаются гарантий политических прав и интересов представителей миноритарных сообществ. Однако практика политической жизни современных демократий показала, что обычные демократические процедуры не могут обеспечить выражение мнения и интересы меньшинств не только на национальном уровне, но нередко и на локальном уровне, т.е. в регионах их проживания. Не случайно, к примеру, на местных выборах в Иерусалиме принимает участие только еврейское население, а арабы и другое нееврейское население эти выборы игнорирует.

Такая ситуация привела к поиску альтернативных форм политического участия для национальных меньшинств. Форм

участия меньшинств в политической жизни оказалось не так уж мало, и они находятся в тесной связи с конкретной культурной и политической ситуацией. Заметим, что именно в локальных сообществах, на уровне этнических меньшинств этничность как политический ресурс может быть задействована более полно, нежели это возможно на общенациональном уровне. Именно здесь чаще всего проявляют себя так называемые этнические предприниматели или политические антрепренеры, вокруг которых, как заметил Ф. Барт, «возникает корпоративная группа» и которые относятся к политике как к своеобразному бизнесу. Деятельность этих антрепренеров может быть весьма успешной и вести к серьезным социальным изменениям, что можно проиллюстрировать на примере многих региональных и локальных сообществ. Достаточно привести пример успешного лоббирования российских этнических активистов от имени самых малочисленных групп по включению их в официальный Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Таким примером является ситуация вокруг воды и ижоры в Ленинградской области (см. Кэйс 3).

Кэйс 3. Водь и ижора Ленинградской области

В начале 2000-х гг. языковеды Санкт-Петербурга, видимо, чтобы повысить свой авторитет и с подачи своих эстонских партнеров, стали заявлять о пагубности строительства Усть-Лужского порта в Финском заливе, поскольку де этот проект якобы угрожает существованию воды как этнической группы (в 2014 г. с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН об этом же заявил и президент Эстонии Т. Ильвес). В результате водь и ее «защитники» оказались в центре общественного внимания. Это позволило включить водь в официальный Перечень коренных малочисленных народов РФ (ижора также имеет статус коренного народа Ленинградской области), создать специфическую информационную среду вокруг «проблемы» воды, сформировать некие культурные институты для «сохранения самобытности» фактически не существующей этнической группы. К примеру, с помощью эстонских лингвистов были созданы курсы по изучению водского языка в деревне Лужицы Кингисеппского района.

А в Санкт-Петербурге, т.е. весьма далеко от районов традиционного проживания воды и ижоры, было создано Общество ижоры и водии названные меры позволили властям Ленинградской области представлять их как позитивный опыт сохранения коренных малочисленных

народов. Между тем в деревнях Краколье, Лужицы Кингисеппского района и их окрестностях, где прежде жила водь, ныне числится всего полтора десятка возжан пожилого возраста, которые, конечно, не занимают традиционным видом хозяйственной деятельности — ловом балтийской кильки. Этим людям совсем не интересны курсы водского языка (которые из любопытства посещали дети местных жителей, не являющихся возжанами) — для них важнее эффективная социальная поддержка, ибо живут оставшиеся возжане лишь своими повседневными заботами и мало что знают о тех, кто выступает от их имени. Всего же воды, по данным переписи 2010 г., 64 человека, из которых лишь четыре якобы знают водский язык, т.е. говорить о наличии культурной группы уже нет оснований. Среди ижоры, согласно самооценкам, знают язык 20 человек, а их численность составляет 266 человек, и это тоже престарелые жители, поскольку вся ижорская молодежь покинула родные деревни и не отождествляет себя с группой.

Какого-то стремления создавать свои этнические организации у воды и ижоры не было, и Общество от их имени создавали питерские интеллигенты. А обычные представители обеих групп сознательно выбрали путь ассимиляции, чего не хотят замечать новоявленные культуртрегеры. Профессиональным этнологом/антропологом известно, например, что наиболее общее для всех групп ижор этническое самоназвание — это «русские» («venäläiset», «venalaizet», «vellaset»). Первоначально оно представляло собой политоним (социальный маркер, указывавший на пребывание ижор вплоть до XVII в. в составе Русского государства — «Venäjää»), а в XVIII–XIX вв. он превратился в конфессионализм («русские» как носители православной религии, прихожане православной церкви — «venäjänkirkko»).

Ижорцы, искренне считавшие себя «настоящими русскими», с XVII в. представлялись таковыми в первую очередь перед ингерманландскими финнами. «Русское» самоназвание ижор было воспринято и местными финнами, которые определяли стиль жизни соседей как venäjänmielisyys («русскомыслие», «русскоориентированность»). Ижорцы вплоть до XIX–XX вв. рассматривали себя не как этническое меньшинство, а как часть русских Российской империи. Поэтому не случайно, что в 1920-е гг. ижорская интеллигенция дружно отвергла политику коренизации¹. В связи со сказанным современные попытки спасти «культурную самобытность» ижор выглядят наивно и являются свидетельством не реальной, а декоративной этнополитики, которой часто грешат власти российских регионов.

¹ Крюков А.В. Об этническом самосознании ингерманландских финнов и ижор // Нестор № 10. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Финно-угорские народы России (Проблемы истории и культуры): Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 321–322.

Проблема политического представительства небольших этнических сообществ действительно может иметь место, если члены таких групп ощущают свою ущемленность. Собственные политические партии этнических меньшинств существуют, но они редко добиваются успеха на общенациональных выборах. Поэтому для таких партий предусматриваются некоторые послабления. Так, в Польше на «этнические партии» не распространяется норма, требующая для парламентского представительства преодолевать 7%-ный барьер. В некоторых многоэтнических государствах предусматривается частичное представительство меньшинств с помощью системы квот. Например, в парламенте Дании два места зарезервировано для депутатов, избранных Гренландией, и два — для депутатов от Фарерских островов; в Народной палате Индии за зарегистрированными, или списочными, племенами и кастами резервируется соответственно 38 и 37 мест, в Республике Хорватия лица, принадлежащие к этническим меньшинствам, которые составляют более 8% населения республики, имеют право быть представленными пропорционально своей численности в Собрании и правительстве.

Идея квотирования мест в региональных (республиканских) парламентах высказывалась и лидерами общественных движений финно-угорских народов России. В частности, в одном из вариантов реформирования законодательной власти за представителями «коренных» этносов предлагалось резервировать в республиканских парламентах не менее 50% мест вне зависимости от их доли в населении республики или автономного округа. Другая идея, которая вошла в итоговые резолюции Первого Всероссийского съезда финно-угорских народов (Ижевск, 1992 г.), состояла в том, что местные парламенты становятся двухпалатными и при этом одна из двух палат формируется из представителей титульных групп и наделяется правом вето. Но наиболее продуктивной оказалась все же идея квотирования мест, которая нашла выражение в практике нескольких российских автономных образований, а также в практике создания отдельного «парламента» для саамов. Так, в Новой Зеландии еще в 1867 г. за маори была закреплена квота мест в парламенте (4 места), хотя критика системы квотирования все более усиливается, поскольку маорийские депутаты вполне успешно избираются в парламент и с помощью обычных избирательных процедур.

И действительно, идея квотирования не является гарантией того, что политическое участие этнических меньшинств в деятельности органов законодательной и исполнительной власти решит все проблемы этих сообществ и тем более не гарантирует формирование развитого политического сознания меньшинств. Такое сознание рождается через участие в деятельности политических объединений по мере осознания своих политических интересов, которое возможно лишь при четком социальном структурировании этнических сообществ. Кроме того, в каждом конкретном случае необходимо учитывать, сможет ли система квотирования обеспечить ясное выражение политических интересов миноритарных сообществ или необходимы иные механизмы политического участия. Так, вызывает сомнение то, что система квотирования может быть одинаково эффективна в Ханты-Мансийском и Ненецком автономных округах. В первом доля титульного населения лишь 1,9%, а во втором ненцы ныне составляют около 19% населения округа, а вместе со старожильческим коми населением — почти треть.

В этом плане представляет интерес опыт саамского движения в странах Скандинавии. Это движение зародилось в Швеции в начале XX в., но довольно долгое время правительства скандинавских стран не обращали должного внимания на саамскую проблему. Лишь после Второй мировой войны, когда появились полноценные национальные организации саамов, ситуация стала меняться. В 1971 г. северными саамами была принята программа политических действий, ставшая частью программ национальных саамских организаций Финляндии, Швеции и Норвегии. Осознание своих политических и экономических интересов саамами привело к тому, что между саамскими национальными меньшинствами и государством наметилась конфронтация, которая отчетливо проявилась в Норвегии. С целью налаживания политического диалога и поиска взаимоприемлемых политических решений обеими сторонами была одобрена своеобразная форма участия саамов в политической жизни Скандинавских стран — «саамские парламенты».

Формой удовлетворения интересов этнических сообществ является также политическая и административная территориальная автономия, о которой будет сказано в последующих главах. Но важно заметить, что сама возможность создания

таких автономий чаще всего весьма ограничена, ибо многие народы живут чересполосно, значительные группы представителей национальных меньшинств проживают вне пределов территории компактного исторического расселения и т.д. В некоторых странах, например в Болгарии, законодательно запрещено создавать территориальные автономии для меньшинств. Особенно сложно выделять территориальные автономии в странах Юго-Восточной Азии, население которых представляет собой конгломерат расовых и этнических групп, представителей разных религий, общностей автохтонного и переселенческого происхождения. В Европе из 21 млн человек, которые относятся к национальным меньшинствам и имеют свою автономию, только 10 млн человек проживает в пределах этих автономий. В России титульная этническая группа (или группы) составляет большинство только в десяти из 22 республик. К тому же большинство российских татар и мордвы живут за пределами республик.

Экстерриториальная автономия во многих случаях способна лучше учесть интересы этнических меньшинств, чем территориальная. Одна из разновидностей экстерриториальной автономии — корпоративная автономия. Ее суть состоит в том, что все представители юридически признанной этнической группы получают право на образование органов, представляющих их интересы на общегосударственном уровне. В Финляндии к таковым органам относится Шведская народная ассамблея, в Австрии — Советы национальных меньшинств.

Еще одной формой автономии является **персональная** или **культурная автономия**. Ее объект — этническая группа, рассматриваемая как ассоциация лиц, заявляющих об общих интересах в той или иной сфере. Персональная автономия наиболее приемлема тогда, когда этническое меньшинство дисперсно расселено по территории страны и не имеет территориальных анклавов. Концепция персональной автономии означает, что за этнической группой закрепляется право пользоваться достоянием своей культуры, исповедовать свою религию, говорить на родном языке в частной и публичной жизни, создавать собственные ассоциации, поддерживать культурные связи с диаспорами, иметь возможность изучать язык, историю традиции и культурное наследие своего народа. Практически все полиэтничные страны мира используют данный институт как

основной или дополняющий систему федеративного государственного устройства.

В этой связи следует заметить, что исследователи выделяют два подхода к решению проблем этнических меньшинств — *культурный* и *политический*. Хотя реальной гарантией прав этнических меньшинств являются прежде всего гарантии политические, значительная часть особых интересов меньшинств сосредоточена именно в сфере культуры, воспитания, образования, традиций. Правовое регулирование культурных потребностей и интересов осуществляется в форме гарантий равенства культур, защиты культур этнических меньшинств и поддержки создания всевозможных обществ и учреждений, ориентированных на этнические культуры. Эти гарантии, как правило, оговариваются специальными законодательными актами. Особое внимание уделяется языку, ибо часто именно языковые проблемы являются определяющими в положении этнических меньшинств. В большинстве стран с полиэтничным составом населения законодательно определяется статус языков национальных меньшинств. Юридические нормы регулируют вопросы, связанные с использованием языков меньшинств в официальных отношениях, в средствах массовой информации, в образовании.

Существуют разные пути решения языковой проблемы. В ряде стран, как, например, во Франции, исходят из принципа доминирования одного государственного языка. В конституциях Испании и Италии содержатся статьи, гарантирующие охрану и государственную поддержку развитию языков регионально-языковых сообществ (каталанского, баскского, галисийского, наваррского — в Испании; немецкого и словенского — в Италии). В Финляндии язык шведского меньшинства, которое составляет ныне менее 6% населения страны, наряду с финским объявлен государственным. Правда, такое положение языка меньшинств является исключительным, и финский пример объясняется историческими причинами (шведский язык долгое время был в Финляндии языком культуры и образования). В целом же центральные правительства неохотно идут на предоставление языкам меньшинств официального статуса и, как правило, сопровождают такой статус рядом оговорок. К примеру, в Словакии статус официального языка могут получить только те меньшинства, чья доля в населении региона превышает 20%. Что касается прав на обучение на родном языке, то подавляющее большинство стран предостав-

ляет их законодательно, хотя условия для их реализации могут различаться.

Формы и методы политического регулирования этнических проблем могут быть различны, но они необходимы для достижения внутренней политической стабильности государства и для демократического разрешения проблем социального развития территориальных сообществ. Однако важно решить два вопроса этнополитики. Первый касается того, где предел политизации этничности, до какой степени политические требования меньшинств могут приниматься властями государств или регионов как руководство к действию и по каким основаниям такие требования могут или должны быть отвергнуты? Второй вопрос, связанный с первым, касается того, до какой степени возможно огосударствление этничности?

Очевидно, что в первом и во втором случаях ограничения должны быть. Чем они могут определяться? Прежде всего, критерием приемлемости требований меньшинств служит то, насколько они реализуемы. При этом понятно, что уровень социально-экономического развития страны является естественным ограничителем для реализации тех или иных социальных программ и социальной политики в целом. Второй принципиальный момент касается того, насколько реализация требований меньшинств ущемляет права остального населения государства или региона. Если реализация требований меньшинств ущемляет права остального населения, значит, требования неприемлемы. В этом отношении весьма показательны политические требования в программных документах общественных движений финно-угорских народов России, в частности требование о признании права на этническое самоопределение, т.е. права отдельной составляющей территориального сообщества самоопределяться независимо от сообщества в целом, и требование о реформировании парламентского устройства с учреждением этнических палат. Утвердившийся в международной практике принцип самоопределения, который в большей мере касался бывших колониальных стран, признает право на самоопределение, но населения территории в целом, а не отдельных его составляющих, в том числе и этнических меньшинств. При этом международное сообщество признает, что право на самоопределение не должно противоречить принципу целостности государств. Таким образом, **политический ресурс этничности несомненен, а**

формы политизации этничности различны и включают законодательное признание прав и интересов локальных этнических общностей, создание институтов реализации прав национальных меньшинств, политическую автономию меньшинств и т.д.

Конструирование идентичности

Политическая мобилизация этничности может иметь место и в форме конструирования этнических сообществ, которое чаще всего осуществляется на основе некоторого «исторического фундамента», используемого для создания своеобразного этнического кода, служащего символическим маркером воображаемого сообщества. Как правило, конструирование этничности преследует определенные политические цели и бывает вызвано прежде всего конкуренцией за доступ к власти и ресурсам. Конструирование этничности может осуществляться как «сверху» — государством, так и «снизу» — этническими антрепренерами. Цели конструирования могут быть различны, но чаще всего они связаны с политическими интересами и идеологией. В Советском Союзе идеология этнического национализма, которая поощрялась властями в первые годы существования режима, стала основой для административного деления страны и построения этнической федерации. При этом власти сами решали, какие этнические сообщества следует интегрировать в более крупные «народы», а какие разделить на отдельные составляющие.

Молдавская, азербайджанская, узбекская, казахская идентичности создавались, по существу, «сверху» — с помощью государства. Государство создавало для творимых им же этнических общностей административные границы, политический статус, культурные институты и даже сами этнонимы (названия этнических сообществ). Так, из десятка этнических групп была сформирована никогда прежде не существовавшая этническая общность «алтайцы», тем же путем были созданы «хакасы», название которых было заимствовано историками и лингвистами из китайских и монгольских хроник. Закавказские татары или тюрки стали азербайджанцами, киргизы — казахами, а каракиргизы — киргизами. Каракалпаки сложились на основе отдельно созданной автономии. Туркмены сложились в рамках республики из многих племенных групп. Этот перечень можно было бы продолжать довольно долго.

Но достаточно упомянуть о переименовании великороссов в русских, которыми до советского времени считались не только великороссы, малороссы и белорусы, но все, кто принял православие или, по словам П. Струве, «участвовал в культуре». Таким образом, начиная с переписи 1926 г., когда русскими стали называть только великороссов, категория «русские» приобрела узкоэтнический смысл. Естественно, что новое название обрели и малороссы, ставшие украинцами.

Интегрирование групп (это называлось «национальной консолидацией» или «формированием наций») в ряде случаев сопровождалось разделением этноязыковых ареалов между несколькими республиканскими образованиями. Так, этническая территория адыгов была разделена на три республики: Адыгею, Карачаево-Черкессию и Кабардино-Балкарию, хотя у кабардинцев, черкесов и адыгейцев имеется общее самоназвание — «адыги» и они близки по языку и культуре. Близкородственными народами являются проживающие в горах балкарцы и карачаевцы. Коми и коми-пермяки, также имевшие единый этноним — «коми» и говорящие, собственно, на одном языке (на разных его наречиях), были разделены административной границей на два анклава (Коми АССР и Коми-Пермяцкий национальный округ), в результате чего оформились две самостоятельные этнические группы.

В современных условиях роль государства в конструировании этничности сохраняется, ибо именно к государству апеллируют этнонациональные движения и этнические активисты, призывая придать тот или иной статус этнической группе, признать ее в качестве субъекта права. Все большее значение обретает деятельность этнических антрепренеров и этнополитических организаций, которые в политической конкуренции с другими этническими группами и внутри одной группы используют конструирование этничности как политический инструмент. Примерами такого рода конструирования являются идеологические построения радикального крыла мордовского этнонационального движения и позиция лидеров национально-культурной автономии поморов г. Архангельска.

Мордовское движение фактически раскололось на два крыла в середине 1990-х годов. Раскол произошел по субэтническому признаку, т.е. две части мордвы, *эрзя* и *мокша*, представляли разные общественные организации, которые к тому же придерживались разных идейных позиций. Более того, после раскола представители эрзянского крыла движения стали

настаивать на том, что мордва — это миф, что единого мордовского народа не существует и никогда не существовало. Требования эрзянских радикалов касаются также изменений в государственном устройстве Республики Мордовия. Они настаивают на необходимости ее переименования в Эрзянско-Мокшанскую республику и создании на ее территории двух национальных округов — Эрзянского и Мокшанского. В нынешнем виде, по их мнению, республика существовать не может, поскольку необходимо обеспечить политическое представительство и политические интересы обоих народов, а сегодня все основные посты в Мордовии заняты мокшанами. Ущемленные политические интересы части этнической элиты эрзи заставляют их создавать идеологические конструкции, которые доказывают, что нет субэтноса *эрзя*, а есть самостоятельный эрзянский этнос, и наоборот, утверждать, что общемордовская идентичность придумана русскими и соглашателями из числа самой мордвы, с тем чтобы ускорить ассимиляцию этноса.

Еще более очевидная политическая подоплека прослеживалась в деятельности национально-культурной автономии поморов г. Архангельска, которая претендует на получение статуса федеральной национально-культурной автономии (см. Кейс 4).

Кэйс 4. Поморская проблема

Характерно, что на рубеже 1980–1990-х гг., когда в России в массовом порядке создавались этнонациональные организации и объединения, в том числе активно заявляло о себе казачество, о специфических этнографических группах северорусского населения никто не вспоминал. Поморы заявили о себе только в ходе переписи населения 2002 г., которая зафиксировала 6,5 тыс. «поморов». В 2003 г. была зарегистрирована национально-культурная автономия поморов г. Архангельска, которая объединила в своих рядах узкую группу активистов.

Надо иметь в виду, что формирование поморов как субэтнической группы русского этноса началось в XII в. и закончилось лишь к XVIII столетию, но уже в конце XIX в. этноним «поморы» стал неактуален, а в XX столетии вовсе вышел из употребления, поскольку группа фактически растворилась в русском этносе. Сегодня ее пытаются возродить вновь. При этом идеологи поморского движения заявляли, что поморы не этнографическая группа и не субэтнос. Некоторые активисты поморского движения настаивали, что поморы — не этнографическая группа и не субэтнос, а самостоятельный народ, который так и должен быть обозначен во время переписи населения.

Зачем понадобились поморы как самостоятельный народ, да еще и финно-угорский (ни на одном из финно-угорских языков поморы никогда не говорили)? В период суверенизации начала 1990-х гг. не только политические элиты российских регионов обрели значительную независимость и резко усилили свое политическое влияние, но и некоторые провинциальные интеллектуальные элиты также несколько изменили свой статус. В том числе и архангельские интеллектуалы попытались превратить Архангельск в своеобразный культурный центр европейского севера России. Местный пединститут был превращен в Поморский университет им. М.В. Ломоносова (теперь — САФУ), представители науки и культуры резко расширили свои связи со странами Северной Европы и т.д.

Повышению деловой активности в регионе способствовало не только выгодное географическое положение региона, но и открытие месторождений алмазов, крупных нефтегазовых месторождений на шельфе северных морей, к которым проявили интерес отечественные и зарубежные компании. Большой бизнес стал все активнее внедряться в данном регионе, и роль Архангельска как центра деловой активности значительно выросла. Не случайно вновь заговорили о Поморье, на архангельском телевидении информационные программы стали выходить под названием «Вести Поморья», а интеллектуальная элита предложила идею создания Поморско-Ненецкой республики, которая должна объединить Мурманскую, Архангельскую области и Ненецкий автономный округ. Для этой республики нужна была этническая составляющая, и поэтому появились поморы. При этом Архангельская область ориентирована на расширение сотрудничества в регионе Северной Европы, особенно в рамках Баренц Евро-Арктического региона. Интересы регионального сотрудничества подтолкнули идеологов поморов заявить о себе как об особом сообществе, поскольку финно-угорская составляющая в странах и регионах БЕАР представлена повсеместно в составе населения. Кроме того, о поморах заговорили как о коренном малочисленном народе Севера и даже зарегистрировали поморскую общину Архангельска как национально-культурную автономию (которую потом ликвидировали решением суда).

С начала 1990-х гг. идут весьма острые дискуссии по поводу определения субэтнических групп татарского народа, и особенно они обострились в преддверии переписи населения 2002 года. Некоторые татарские идеологи и ученые вообще отрицали существование сибирских татар, кряшен, астраханских татар и заявляли, что существует только единый татарский этнос. Другие предлагали решения сугубо административного характера: «...те этнические сообщества, которые претендуют на самостоятельность, должны заранее оповестить феде-

ральные власти, что они — все равно внутри единой нации»¹. В попытках обосновать особый статус Татарстана и особую роль казанских татар в деле формирования татарской нации некоторые идеологи местного национализма предлагали считать частью татарского этнического сообщества башкир.

В этих идеологических поисках происходит сознательная подмена понятий, ибо вероятный (или желаемый) итог процесса нациестроительства пытаются выдать за сегодняшние реалии. Да, многие идеологи татарского движения, политики, часть интеллектуальной элиты Татарстана ставят перед собой цель — формирование современной татарской нации, обращенной к традиционным ценностям и вместе с тем развивающейся в русле модернизма, но выдавать свои политические цели за данность и на этом основании обвинять оппонентов и государство в насильственном навязывании некой этнической модели, по меньшей мере, некорректно. Более того, очевидная неспособность реализовать эту цель показывает, во-первых, слабую совместимость нации и этнического сообщества, во-вторых, сложность вычленения новых наций из уже сформировавшейся (или формирующейся) нации-полиса.

Не менее показателен и пример с попытками сконструировать некую новую румынскую идентичность, а точнее, включить в состав румынского этноса молдавский этнический компонент (см. Кейс 5).

Кейс 5. Молдаване или румыны?

В понимании идеологов румынизации молдаван как таковых не существует, и они составляют с румынами единый народ. Такой подход предполагает, что некогда разделенные две части единого народа должны воссоединиться. У идеи в Молдавии и в Румынии много влиятельных сторонников в правящих кругах и среди интеллектуальной элиты. Кроме того, идея имеет некоторое историческое и культурное обоснование. Молдова — одно из двух (второе — Влахия или Цара Ромыняскэ) княжеств, находившихся с XVI в. в зависимости от Османской империи и объединившихся в 1859 г. в единое румынское государство, ставшее в 1878 г. (после Русско-турецкой войны) полностью независимым. Исторический центр Молдовы город Яссы находится на территории Восточной Румынии. Жители Молдовы, называемые молдаванами,

¹ Абдрахманов Р. АН Татарстана — за сохранение единого татарского этноса // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2002. № 43. С. 62.

считали себя принадлежащими к одной из субэтнических общностей румын. Но в пределах Румынии оказалась лишь небольшая часть территории исторической Молдовы. Северная Буковина в 1775 г. оказалась под властью Австрийской империи, а территория между Днестром и Прутом, названная Бессарабией, по Бухарестскому миру между Россией и Турцией 1812 г., отошла к России.

Румынское государство с первых лет независимости прилагало усилия для конструирования нации и формирования ее культурной самобытности. С этой целью во второй половине XIX в. отказываются от кириллицы и переводят алфавит на латинскую графику, из румынского языка последовательно изгоняются многочисленные славянизмы, а культурные контакты с Россией ограничиваются. В свою очередь Россия, опасаясь возникновения в Бессарабии румынского ирредентизма, стремилась ограничить связи бессарабских молдаван с румынами. Румынский язык был постепенно изгнан из публичной сферы. С 1867 г. было запрещено обучение на румынском языке, молдавская элита интегрировалась в российскую, а становление местной буржуазии и интеллигенции шло медленно. Тем не менее этническое самосознание не исчезло и в переломную эпоху актуализировалось, что позволило в феврале 1918 г. провозгласить Молдавскую Демократическую Республику и объявить о ее вхождении в состав Румынии. Начинается «румынизация» Бессарабии, которая была неполной и неглубокой. В 1940 г. Бессарабия была включена в состав СССР и вместе с территориями по Левобережью Днестра образует Молдавскую ССР (с 1924 г. в Приднестровье уже существовала Молдавская АССР). С конца 1920-х гг. в СССР официально признавалось, что молдаване не румыны, а отдельный народ. В самой Молдавии молдавская идентичность была неоспоримо доминирующей.

Но близость румынского и молдавского языков и культурная близость румын и молдаван стали идеологической основой для формирования молдавского общественного движения, которое организационно оформилось в 1987 г. При этом процесс «национального пробуждения» в Молдавии приобрел специфический характер. Как писал российский европеист Д. Фурман, «естественный процесс освоения новой интеллигенцией культурного наследия прошлого по мере эрозии в СССР официальной коммунистической идеологии стал приобретать специфическую «антисоветскую» (и в нерусских республиках — и «антирусскую») националистическую идеологическую окраску. Этот процесс шел во всех советских республиках. Но если обращение к своему прошлому русских, украинцев или армян усиливало их национальные чувства, то у молдаван, наоборот, оно ослабляло прививаемое советской властью молдавское самосознание и порождало румынское самосознание»¹.

¹ Фурман Дм. Молдавские молдаване и молдавские румыны (влияние особенностей национального самосознания молдаван на политическое развитие Республики Молдова) // Научные тетради Института Восточной Европы. Вып. II. Молдавия. М., 2008. С. 41.

Народный фронт Молдавии, который в годы горбачевской перестройки стал главной политической силой Молдавии, взял курс на объединение с Румынией. С целью конструирования «нового румынского этноса» осуществлялся ряд мер административного, культурного и политического плана, призванных создать фундамент для подтверждения идеологического конструкта. Был введен безвизовый режим на румынско-молдавской границе, молдавский алфавит переведен с кириллицы на латиницу, отвергнут термин «молдавский язык», введено преподавание истории румын в молдавских школах, началось вытеснение русских с руководящих постов. В свою очередь в Яссах румынские политики предприняли меры по ослаблению влияния действующей здесь молдавской партии.

Но молдавская идентичность оказалась отнюдь не мифом, и попытка отказа от нее привела к политическим и экономическим последствиям. Во-первых, в Молдавии, которая в советские годы обрела статус союзной республики и заметно изменилась территориально, сформировался новый состав населения, который отличался в этническом и в социальном отношении от исторической Молдовы. Во-вторых, население республики стало представлять собой социально-территориальную целостность, которая не могла безболезненно принять идеи румынизации и которую для внедрения в жизнь нового этнического конструкта необходимо было разрушить. В-третьих, культурная близость молдаван и румын оказалась не настолько существенной, чтобы сформировалось единое этническое самосознание.

Иноэтничное население Молдавии, а особенно население Приднестровья и Гагаузии, приняли румынизацию в штыки, и дело фактически дошло до гражданской войны и раскола страны. Молдавское население оказалось также не готово принять идею единого румынского народа, что привело уже к расколу внутри титульного населения и его элиты. Подавляющая часть простых молдаван продолжает считать себя молдаванами, и молдавская идентичность прочно укоренилась в их сознании. Элита раскола примерно пополам. Одна часть продолжает утверждать, что есть лишь румыны, а молдаван нет, а вторая, апеллируя к многовековой истории Молдавского княжества, указывает на глубокие исторические корни молдовенизма. Василе Стати в своей нашумевшей «Истории Молдовы» по этому поводу указал: «Этническое сознание молдаван, их молдовенизм сохранялись много веков подряд до наших дней. Определенное сходство с другими восточнороманцами — с влахами (в Болгарии), валахами (мунтянами, сегодня румынами) — не помешало им (молдаванам между Прутом и Карпатами) веками называть себя молдаванами, а не румынами»¹.

Все постсоветское политическое развитие Молдавии проходило под знаком борьбы унионистов и молдовенистов, а приход в 2001 г. к

¹ Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 415.

власти компартии (что явилось уникальным для постсоветского пространства случаем) означал поражение унионизма. Конструирование новой этничности привело в итоге к тому, что Молдавия и молдаване сегодня четко не определили ни своего культурного, ни политического положения в Европе и вновь вынуждены культурно и политически позиционировать себя, чтобы преодолеть раскол в обществе. Хотя, конечно, не следует переоценивать этот раскол: согласно переписи 2004 г., только 3,5% населения Молдовы назвали себя румынами, а 58% — молдаванами (при этом уже в 2006 г. более 10% молдаван имели двойное молдавско-румынское гражданство). Однако для конструирования молдавской нации необходимы не только общеэтническая консолидация, сколько общегражданская интеграция.

Схожая с молдавской ситуация имела место и в Азербайджане. Приход к власти в 1992 г. Народного фронта Азербайджана означал не только смену политических сил, но и изменение этнонациональной политики. Курс на сближение с Турцией, пантюркистские лозунги и ориентиры («другом тюрка может быть только тюрк») стали основой новой концепции этнополитики Азербайджана. Ориентируясь на идеологические основы этой этнополитики, в декабре 1992 г. Милли меджлис (парламент) Азербайджана принял Закон о языке, согласно которому азербайджанский язык был переименован в «тюркский». Азербайджанцы соответственно стали именоваться «турками». Формально лидеры Народного фронта были правы, поскольку до 1936 г. язык и народ именно так и назывались. Но за годы советской власти выросло несколько поколений, которые считали себя именно азербайджанцами. Кроме того, ни в законе о языке, ни в этнонациональной политике в целом не была четко сформулирована позиция относительно понимания природы азербайджанской идентичности. Прежде немалая часть мусульманских народов республики (таты, талыши, курды, лезгины), проживая в азербайджанском окружении, признавали себя азербайджанцами. Перевод алфавита на латиницу (как в Турции), пантюркистские лозунги, очевидный этноцентризм в политике привели к тому, что между титульным этническим сообществом и другими этническими группами населения стали возникать новые барьеры. Эта политика оттолкнула и многих русскоязычных азербайджанцев, часть которых перебралась в Россию. Более того, подобная политика спровоцировала не только рост межэтнической на-

пряженности, но и рост этносепаратизма, выражением которого стало создание в 1993 г. Талышско-Муганской автономной республики в составе Азербайджана. Такая политика в немалой степени способствовала политическому поражению НФА. Приход к власти в 1993 г. Гейдара Алиева привел к смене идеологических ориентиров в этнополитике. Закон о языке был отменен, а титульный народ и его язык вновь стали именоваться азербайджанскими. Были запрещены талышская и лезгинская этнические партии, но одновременно приняты меры по стабилизации ситуации в сфере межэтнических отношений: в школах стали изучаться языки меньшинств, издаваться книги и журналы на их языках, открылись религиозные учреждения всех конфессий.

Серьезные проблемы, связанные с формированием национальных идентичностей, возникли после Первой мировой войны и распада прежних династических империй в ряде других стран. Весьма непросто, к примеру, происходило становление австрийской идентичности. Здесь тоже были попытки использовать культурную близость и общенемецкие корни для отрицания возможности существования самостоятельной австрийской нации. Но те же исторические основания (длительное существование Австро-Венгерской империи) и сложный характер взаимоотношений с Германией стали стимулом для укоренения в общественном сознании граждан Австрии своей австрийской идентичности.

Американская нация долгое время строилась исходя из англосаксонской составляющей, и типичным американцем мог считаться тот, кто соответствовал «стандарту» WASP (белый протестант англосаксонского происхождения) или стремящийся соответствовать данному стандарту культурно. Такой стандарт не только подавлял и вытеснял другую этничность, но и вызывал чувство протеста, приводил к появлению альтернативных идей и трактовок американской нации (в частности, идеи о том, что внутри американской нации есть еще и черная американская нация или что в Америке есть две нации, одна из которых — белые американцы, а вторая — афро-американцы), раскалывал американскую нацию по этническим, расовым, религиозным признакам. Его эксплуатация в итоге привела к рождению во второй половине 1960-х гг. масштабного движения протеста афроамериканцев, которое можно даже рассматривать как вторую гражданскую войну в

США. В итоге от такой трактовки нации отказались в пользу мультикультурных концепций.

Современная политика регионализации, на которую ориентируются политические элиты Европейского Союза, также способствует актуализации региональных и этнических идентичностей, ибо роль местных сообществ как политических акторов возрастает, а следовательно, возрастает и значимость местного культурного своеобразия и регионального самосознания. Так, в 2002 г. корнский (корнуэльский) язык в Великобритании, который, казалось бы, был утрачен более двух веков назад, получил официальное признание, а в 2011 г. корнуэльцы официально были признаны отдельной от англичан этнической группой, что лишь усилило движение за самоуправление Корнуолла.

Именно гражданская солидарность и единство формируют нацию. Движение за самоопределение может быть сильным и успешным, его итогом может стать создание самостоятельного государства, но если в этом государстве будет ощущаться дефицит гражданского национализма, если гражданские интересы будут замещаться этническими и клановыми, то страна будет находиться под угрозой раскола.

Примером подобной ситуации можно считать события в Восточном Тиморе. Сначала здесь зародилось движение за самоопределение, и началась борьба против португальского колониального господства. В результате этой борьбы португальцы в 1975 г. вынуждены были уйти из Тимора, предоставив ему независимость. Но тут же Тимор оккупировала индонезийская армия, он получил статус 27-ой провинции Индонезии, но население провинции не пожелало быть индонезийцами и начался очередной этап борьбы за независимость, которую возглавил фронт ФРЕТИЛИН («Революционный фронт освобождения Восточного Тимора»). Под давлением ООН в 1999 г. был проведен референдум о будущем Восточного Тимора, и 78% населения высказалось за независимость. В 2002 г. в г. Дили (столице) прошла церемония провозглашения независимости государства Тимор-Лоросаэ (Тимор Восходящего Солнца). А в мае 2006 г. в столице вспыхнул мятеж, после которого началась война всех против всех. Страна практически перестала существовать. Причиной краха стала концентрация власти и ресурсов в руках немногих и при этом очевидная этнизация власти.

В стране, где проживают представители 33 народов, где помимо католиков, составляющих подавляющее большинство населения, проживают приверженцы других конфессий (мусульмане, буддисты, протестанты), вся реальная власть оказалась в руках только численно доминирующего народа тетум. Мятеж начался с того, что солдаты, недовольные жесткими армейскими порядками, взбунтовались против офицеров. Офицерами были представители тетум, а солдаты принадлежали к другим этническим группам. Недовольных уволили из армии, но они не смирились с этим и подняли мятеж, который перерос в гражданскую войну. Вмешательство международного воинского контингента смогло ослабить противостояние, но не умиротворить страну. Теперь ее ждет долгий период нестабильности и поиски гражданского согласия.

Процессы жесткого нациестроительства нивелируют этнические различия и сдерживают этническую идентификацию. Характерно, что в распавшейся Югославии довольно много людей в годы правления Тито стали называть себя югославами, а дети тех югославских эмигрантов, что в свое время выехали на заработки в Германию или другие страны Европы, вообще ничего не знали о своей этнической принадлежности, и для них она была неактуальной. До начала кровавой войны в Боснии подавляющая часть боснийцев представляла собой некую целостность, и они не придавали особого значения своему этническому происхождению или вероисповеданию. Известный немецкий социальный антрополог Гюнтер Шлее по этому поводу пишет: «Между тем сегодня очевидно, что все дети из бывшей Югославии, независимо от того, проживают они в Германии или где-нибудь еще, знают о своей этнической принадлежности. По крайней мере, в таких случаях становится ясным, что этничность является здесь результатом новой конъюнктуры, а не первопричиной этнических конфликтов»¹. Развивая мысль о характере процессов идентификации, он отмечает, что они имеют свою логику прагматической оценки приобретений и потерь, которые приносят причисление индивида к той или иной общности.

Далеко не всегда человек стремится или испытывает необходимость причислять себя к какой-либо этнической общности, а некоторые намеренно отрицают значимость этниче-

¹ Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. М., 2004. С. 12.

ской идентификации. Так, в ходе переписи населения 2002 и 2010 гг. в России было зафиксировано, что часть людей вместо своей этнической принадлежности требовали от переписчиков в графе «национальность» указать «россиянин» (всего в ходе переписи 2010 г. таковых оказалось 13 тыс. человек). При этом 1,5 млн человек в ходе данной переписи не указали свою национальную принадлежность вообще. Во время переписи населения 2010 г. уже у более 5 млн россиян не было указано этнической принадлежности, что было связано с неудовлетворительной работой переписчиков. Очевидно, что успехи в демократизации страны, рост ее благосостояния и политического веса, взвешенная национальная политика могут привести к усилению процессов вытеснения этнической идентификации идентификацией гражданской.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите примеры, когда этничность используется как политический ресурс.
2. В чем состоит суть этнического национализма?
3. Как происходило становление международной системы защиты прав меньшинств?
4. Каковы формы участия меньшинств в политической жизни?
5. Назовите формы автономии этнических сообществ и меньшинств?
6. В чем состоит проблема сохранения культурных особенностей меньшинств и каковы пути ее решения?
7. До какой степени можно считать приемлемой политизацию этничности и каковы формы ее огосударствления?

Литература

- Балзер М.* Межэтнические отношения и федерализм на Севере // Толерантность и согласие: Мат-лы междунар. конф. «Толерантность, взаимопонимание и согласие». Якутск, июнь 1995 г. М., 1997.
- Берштам Т.А.* Народная культура Поморья. М.: Изд-во ОГИ, 2009.
- Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008.
- Величко О.И.* Австрийская нация — идея и реальность // Форум 2004. Нация и мир. М., 2004.
- Вессендорф К.* Участие коренных малочисленных народов в государственной политике: предисловие к анализу ситуаций в различных странах // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003.
- Воронков В., Освальд И.* Введение. Постсоветские идентичности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. Воронкова В., Освальд И. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.
- Вуячич В., Заславский В.* СССР и Югославия: причины распада // Этнографическое обозрение. 1993. № 1.

- Губогло М.Н.* Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. 1995. № 5.
- Даль Й.* Гренландский вариант самоуправления // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003.
- Джуретич В.* Развал Югославии. М., 2003.
- Зорин В.Ю.* Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М.: Русский мир, 2002.
- Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.
- Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010.
- Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М.: Старый сад, 1998.
- Национализм в мировой истории / Под ред. В.А.Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.
- Национальная политика в Российской Федерации / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1993.
- Обычай и закон: Исследования по юридической антропологии / Под ред. Н.И. Новиковой и В.А. Тишкова. М.: Стратегия, 2002.
- Силланпя Л.* Возрождение саамского народа: реакция правительства на самоопределение саамов // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002.
- Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / Под ред. В.А.Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2004.
- Статус малочисленных народов России: Правовые акты и документы / Сост. В.А. Кряжков. М., 1994.
- Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: ИЭА РАН, 1997.
- Тощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
- Шабаев Ю.П.* Идеология национальных движений финно-угорских народов России и ее отражение в общественном мнении // Этнографическое обозрение. 1998. № 3.
- Шабаев Ю.П.* «Новые идентичности» у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. 2006. № 1.
- Этнические проблемы и политика государств Европы. М.: ИЭА РАН, 1998.
- Этничность и власть в полиэтничных государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994.
- Юнусов А.С.* Этническая ситуация в постсоветском Азербайджане // Этнопарнама. 2005. № 3–4.
- Constructions of Race, Place and Nation / Ed. by P. Jackson, J. Penrose. Minneapolis, 1994.
- Glenny M.* The Fall of Yugoslavia: The Third Balcan War. N.Y., 1992.
- Ramet S.* Thinking about Yugoslavia: Scholarly Debates About the Yugoslav Breakup and the Wars in Bosnia and Kosovo. Cambridge, 2006.
- Rothschild J.* Ethnopolitics: A conceptual framework. N.Y., 1981.

ЭТНИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО

Соотношение этнических сообществ и государства есть принципиальный вопрос, ответ на который позволяет определить, что является сферой приоритетных интересов институтов государства в их отношениях с исторически сформировавшимися на его территории этническими сообществами и с более поздними иммигрантскими группами. Для представителей самих этнических общностей ответ на этот вопрос означает понимание того, что они могут получить от государства. Оценивая роль этничности в государственном строительстве, заметим, что сегодня на планете есть только восемь государств, которые существовали в 1914 г. и с тех пор не пережили радикального изменения формы правления. В процессе формирования других почти двух сотен государств важную роль сыграли в том числе и этнические факторы.

Содержание понятия «национальное государство»

Следует исходить из того, что государство как политический институт призвано поддерживать внутреннюю и внешнюю благополучие сообщества, на базе которого оно возникло и развивалось. В этой связи важно уточнить понятие *национального государства*, поскольку разные толкования этого понятия могут определить и разную направленность государственной этнополитики. В учебной литературе часто встречается ошибочное определение национального государства. Например: «Национальное государство — это государство, образованное этносом (нацией) на базе этнической территории и воплощающее политическую независимость и самостоятельность

народа»¹. В данном случае автор ставит знак равенства между «этносом» (этническим сообществом) и нацией, и потому получается, что есть «национальные» государства и есть таковые, которые считать национальными нельзя. Между тем практически все современные государства являются национальными, ибо построены на основе суверенного права нации на самоопределение, а таковым правом обладают именно гражданские, а не этнические сообщества. **И национальное государство есть территориальное сообщество, все члены которого, независимо от их этнической принадлежности, признают свою общность, солидарны с ней и подчиняются правовым нормам этого сообщества.**

Помимо постулата, что есть национальное государство, для целей этнополитологического анализа важно определиться и с другим важным положением: какова этническая составляющая в государственном строительстве, т.е. что есть моноэтническое государство, что есть полиэтническое государство. В мировой практике принято считать моноэтническим государство, в котором 95% населения и более составляют представители одной этнической традиции. Но таких государств в мире немного (Армения, Исландия, Португалия, Албания, Мальта, Йемен, Венгрия), и их становится все меньше по причине миграции. Фактически во всех странах население состоит из нескольких или даже из множества этнических групп. Неоднородность этнического состава населения в сочетании с религиозными и расовыми различиями ставит перед государственными институтами задачу интеграции полиэтнического общества, выработки общегосударственной идеологии и ценностей, цементирующих государственные устои.

Разные государства решают эту задачу по-разному. В Соединенных Штатах Америки долгое время господствовала идея «плавильного котла». Таким котлом представлялось американское общество, в котором разнородные этнические и расовые компоненты образовывали единый «сплав», именуемый американской нацией. Внешне схожая, но, по сути, другая идея была и у государственных идеологов, по мнению которых в Советском Союзе из многочисленных этнических групп (социалистических наций) через «расцвет и сближение» формировалась «новая историческая общность людей», называемая «советский народ». Этот народ был объявлен типоло-

¹ Тавадов Г.Т. Этнология. М., 2002. С. 275.

гически новой общностью по той причине, что в его основе лежала «дружба народов», и все это называлось «многонациональностью». На самом же деле советский народ был не новой, а старой исторической общностью, известной со времен М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина как «народ российский» или «россияне». В XVIII в. даже русский язык назывался российским языком.

В противовес американской и советской моделям, определяющим сложную цельность населения по государству (американская нация и советский многонациональный народ), существуют модели национального государства, в которых главная роль в формировании нации придается этничности и ведущее значение и все «права» на нацию делегируются доминирующей этнической группе. Так в современной Латвии один из бывших помощников премьера по национальной безопасности официально заявляет, что «русская община не вписывается в концепцию национального латвийского государства». Попытка доминирующей этнической группы заявить о себе как о государственной нации и закрепить этот тезис в идеологии и в своем юридическом статусе приводит к формированию так называемого этнократического государства.

Под этнократическим государством следует понимать государство, в котором этническая группа, преобладающая численно или доминирующая политически, пользуются властью и привилегиями по отношению к другим, отождествляет с государством исключительно себя, отказывая меньшинствам в праве на членство в нации или на самостоятельное «нациестроительство». В данном случае доминирующая этническая группа позиционирует себя с помощью государственной идеологии и государственных институтов (прямо или косвенно) как единственную «истинную», «реальную», «настоящую» нацию и требует, чтобы представители остальных этнических групп в культурном отношении равнялись на нее. Такая государственная модель называется иногда конституционным национализмом. Она имеет целью цементировать этническое большинство и отторгать или изолировать нежелательные этнические или расовые меньшинства (в последнем случае яркий пример являл собой режим апартеида в ЮАР, а также конституционные основы некоторых постсоветских государств).

Режим конституционного национализма может быть относительно мягким и крайне жестким. В последнем случае

он полностью отказывает в правах отдельным группам населения. Так, в центральноафриканском государстве Бурунди занимающая много столетий доминирующие позиции этническая группа *тутси*, которую сделали своим привилегированным союзником еще немецкие колонисты до Первой мировой войны (тутси были надсмотрщиками на банановых и чайных плантациях, а затем их использовали в тех же целях бельгийцы), начала в 1972 г. репрессивные действия против численно преобладающих *хуту* с целью сокращения численности последних, а по возможности и их полного физического уничтожения. В результате были убиты сотни тысяч человек. Первую резню в результате протестов мировой общественности удалось остановить, но этнократическая идея оказалась сильнее голоса мировой общественности, и в 1988 г. столкновения между *хуту* и *тутси* вновь имели место (см. Кейс 6).

Кэйс 6. Геноцид в Руанде

Самый масштабный пример этнической гражданской войны конца XX столетия, связанный с противостоянием между хуту и тутси, имел место в соседней Руанде в 1994 г. Тогда погибло около одного миллиона человек. Это противостояние служит ярким примером африканского политического трибаллизма. К тому моменту, когда власти Руанды спровоцировали резню тутси, позиции последних уже были существенно ослаблены.

В конце 1950-х гг. в ходе процессе деколонизации хуту стали активно требовать передачи власти большинству (хуту составляли 85% населения страны). В 1959 г. произошли первые столкновения между общинами. В 1962 г. впервые были проведены выборы президента Руанды, в результате которых хуту заняли ведущие политические позиции в стране. Начались массовые притеснения тутси, и дело дошло до того, что в школах детей хуту и тутси рассаживали за разные парты. Это спровоцировало тутси на борьбу за возвращение себе утраченных позиций. Постепенно акции протеста вылились в череду нападений на правительственные учреждения, что, в свою очередь, привело к массовым убийствам тутси. На территории Уганды беженцами из Руанды был сформирован Руандийский патриотический фронт, который вел борьбу за реформирование государственного управления в Руанде и раздел политической власти между основными этническими общинами. В 1990 г. РПФ начал крупное наступление и приблизился к столице страны — Кигали. В свою очередь, центральное правительство объявило всех тутси, проживающих в Руанде, пособниками РПФ, а хуту, которые сочувствовали борьбе за права тутси, — предателями. Наступление на

столицу с помощью Франции было отбито, но в стране развернулась широкомасштабная партизанская война. Летом 1993 г. представители противоборствующих сторон в Танзании достигли договоренности о прекращении огня и о начале процесса демократических перемен в Руанде. Однако президент страны Хабьяримана не торопился претворять в жизнь договоренности и приступил к формированию в стране отрядов народной милиции, численность которых достигла 30 тыс. человек. Вооружены они были в основном мачете, которые затем и использовали в ходе уничтожения тутси.

Размещенные в стране миротворческие силы ООН информировали руководство организации о готовящейся этнической чистке, но канадскому генералу Ромео Даллеру было приказано не вмешиваться в ситуацию. 6 апреля 1994 г. самолет, на котором находились президенты Бурунди и Руанды, был сбит ракетой (по одной из версий она была запущена радикально настроенными хуту). Гибель президента Хабьяримана стала сигналом к началу истребления тутси. При этом первыми были убиты все политики и журналисты хуту, которые призывали к диалогу. Вооруженные формирования хуту вместе с армией планомерно истребляли тутси всюду, где их заставали. В первые две недели было убито 250 тыс. человек. Радиостанции страны играли роль координаторов этнической чистки, призывая к погромам и распространяя информацию о местах расположения тутси. В эфире сообщалось, что земли тутси будут отданы тем хуту, которые их уничтожат.

Миротворцы ООН в течение всего периода погромов не вмешивались в происходящее, и значительная их часть по указанию своих правительств была выведена из страны. С уходом бельгийских миротворцев связан один из наиболее драматических эпизодов этого конфликта. В одной из школ Кигали, которую они охраняли, пряталось две тысячи тутси, спасшихся во время погромов. После того, как бельгийцы получили приказ оставить здание школы, брошенные на произвол судьбы люди были убиты руандийскими военными. В глубинке людей убивали даже в зданиях церквей, где они собирались в поисках убежища. Названные события стали фоном, на котором разворачиваются события романа Жюль Куртманша «Воскресный день у бассейна в Кигали» и его экранной версии. Ныне противостояние между хуту и тутси перекинулось уже на территорию Конго, куда переместилось огромное количество беженцев, представляющих обе этнические группы. При этом организаторы погромов были осуждены международным трибуналом, а в самой Руанде был запущен процесс примирения и покаяния.

Пример «перевернутой этнократии» представляет собой Шри-Ланка. Исторически ее заселяли исповедующие буддизм сингалы. С приходом англичан и созданием обширных чайных плантаций на остров стали переселяться с полуострова

Индостан значительные группы тамил-индуистов, которые оседали, главным образом, на севере острова и работали на плантациях чая. Несмотря на то что сингалы численно преобладали, англичане оказывали предпочтение тамилам, которые поэтому занимали наиболее престижные места в колониальной администрации и бюрократическом аппарате. После обретения независимости в 1947 г. тамилы постепенно были вытеснены сингалами с ключевых позиций в государственном аппарате. Сингальский язык стал единственным государственным языком (с 1956 г.), а буддизм был объявлен единственной официальной религией. Затем сингалы стали расселяться на территориях, которые прежде воспринимались как исключительно тамильские, были предприняты другие меры для укрепления позиций сингалов. Вплоть до 1970-х гг. тамилы считались «лицами без гражданства». Затем была достигнута договоренность между правительствами Индии и Шри-Ланки, что примерно 2/3 членов этой общины переедут на историческую родину, а остальные получают ланкийское гражданство. Но эти договоренности не удалось претворить в жизнь, что только усилило рост напряженности в стране. Тамилы почувствовали себя ущемленными, и среди них усилилось движение протеста, которое переросло в 1980-х гг. в партизанскую войну под лозунгом создания независимого государства тамил-индуистов на севере Шри-Ланки. В результате огромных усилий основные очаги сопротивления тамил-индуистов удалось сломить правительственным войскам, но конфликт полностью не преодолен до сих пор. Тамилы жалуются на погромы и ущемления своих прав, сингалы видят в тамильском движении протеста открытый сепаратизм и только.

В последние годы концепция национального государства подвергается двойному давлению: с одной стороны оно ослабевает под напором транснациональных институтов, системы международного права и процессов глобализации, с другой — государство как форма социальной организации общества испытывает пресс этнополитических движений и вынуждено противостоять вызовам политизированной этничности. Причем эти вызовы проявляют себя там, где процессы внутригосударственной интеграции, развитие демократических институтов и гражданского общества, казалось бы, зашли настолько далеко, что исключают возможность возникновения этнопо-

литических движений и актуализации идей этнического национализма.

Тем не менее в современной Европе, где предпринимались усилия для поддержки национальных меньшинств и где принципы нерушимости государственных границ после Второй мировой войны подтверждались лидерами государств и межгосударственными соглашениями, на исходе XX столетия поднялась третья за истекший век волна национализма. Ее нередко связывают с третьим геополитическим переделом мира, который явился следствием завершения мировой «холодной войны», вызванной противостоянием двух общественных систем. Это в какой-то степени справедливо, но этнополитические движения в Европе актуализировались до распада социалистического Восточного блока. К примеру, Ольстер «взорвался» в 1968–1969 гг., когда никто в мире не мог поверить в то, что распадется Советский Союз. Октябрьский кризис 1970 г. в Квебеке, где квебекскими сепаратистами были убиты видные политики, потряс Канаду. В континентальной Европе наиболее проблемный характер к 1960-м гг. приобрели этнополитические проблемы Бельгии. Более столетия эта страна развивалась при полном доминировании в политической и культурной жизни одной этнической группы — валлонов. Французский язык был единственным государственным языком страны. Франкоговорящие провинции были наиболее развиты в экономическом отношении, а основу финансовой буржуазии и брюссельской бюрократии составляли франкофоны. Не случайно фламандцы во время Первой мировой войны поддержали Германию, надеясь на помощь последней в создании самостоятельного государства.

После Второй мировой войны положение двух основных этнических общин стало меняться. Бурный промышленный рост во Фландрии превратил ее в наиболее процветающий регион страны, а уровень жизни фламандцев стал заметно выше, чем у валлонов. Более того, Валлония превратилась в экономически отсталую часть страны с высоким уровнем безработицы, которая стала зависеть от финансовых дотаций Брюсселя. В таких условиях фламандская буржуазия и политическая элита потребовали перераспределения власти и ресурсов. Противоречия между франкофонами и валлонами достигли крайнего накала. Однако распад страны не состоялся, поскольку в 1970 г. была проведена конституционная ре-

форма, признавшая официальное двуязычие, а также культурную автономию немецкой общины, а в 1993 г. Бельгия была провозглашена федерацией, хотя и после этого межобщинные противоречия разрешить полностью не удалось. Тем не менее партия «Фламандский интерес» продолжает выдвигать лозунги националистического характера, и бельгийцы с тревогой следят за деятельностью этнических радикалов.

В числе кризисных регионов Европы во второй половине XX в. оказались не только Ольстер и Бельгия, но и Страна Басков и Каталония — в Испании, Валь д'Аоста и Южный Тироль, Ломбардия — в Италии, Корсика и Бретань — во Франции. Сегодня на грани распада оказалась даже не Бельгия, а Великобритания, ибо усиливается шотландский национализм. Сторонники независимой Шотландии стали наиболее влиятельной силой в шотландском парламенте, а сам референдум о независимости, инициированный националистами, хотя и не принес положительного результата, но показал, что идея отделения от Великобритании имеет много сторонников. Сепаратистские движения и идеи ныне популярны в целом ряде стран Европы. Все они имеют «этническое» обоснование, их вдохновители исходят из противопоставления своих этнических групп остальному населению. **Сама по себе этничность по своей природе концентрируется в основном в сфере культуры и не предполагает наличия политической программы или концепции, но при определенных условиях она может приобретать политическую функцию.**

Роль этнической стратификации в политических процессах

В последние годы ослабление роли национальных государств сопровождалось ростом значения регионов, что способствовало самоорганизации на региональном уровне и актуализации этнического самосознания. Следствием этого стало распространение концепции «мононационального государства». Свою роль в политизации этничности сыграл и утвердившийся подход к рассмотрению этнических общностей в качестве субъектов правовых, политических и государственных отношений. В соответствии с этим подходом население государств не рассматривается как гражданская целостность, а подразделяется на «титულную» этническую общность и

остальных. В условиях актуализации этничности народы, которые не создали прежде своих государственных образований, а также этнические сообщества, оказавшиеся отделенными от основного места проживания соплеменников, стали заявлять о своем стремлении к созданию независимого государства или о желании воссоединиться с государством-прародиной (этот феномен называется *ирредентизмом*).

Новые реальности позволили некоторым ученым делать пессимистические выводы относительно будущего политического устройства мира. Так, в начале 1990-х гг. американский географ С. Коэн сделал прогноз, согласно которому через 30 лет число государств в мире удвоится, а число независимых стран возрастет до 300. Председатель комиссии по политической карте мира в Международном союзе географов американец Джулиан Минджи предрекал распад Австралии на четыре государства, распад России, появление нескольких новых стран в Европе, исчезновение Канады как единого государства, изменение границ США. Прогнозы такого характера делались и прежде, и некоторые из них, например относительно распада Югославии, сбылись. Оказались пророческими и утверждения американского ученого Ричарда Пайпса, что СССР распадется именно из-за этнического фактора. В 1979 г. вышла в свет книга французской исследовательницы Элен Каррер Д'Анкосс «Раскалывающаяся империя», где, по существу, был повторен прогноз Пайпса. А вот выводы многих специалистов о том, что Индия как целостное государство не сможет существовать, оказались ошибочными. Хотя в Индии действительно усиливаются дискуссии по поводу того, что крупные этнические общности должны иметь политическую автономию, а национализм от имени доминирующего хиндиязычно населения вызывает беспокойство специалистов.

Очевидно, что все 6–7 тыс. этнических групп, существующих на планете (разные специалисты называют разные цифры), никогда не смогут иметь собственных государств. Более того, идет процесс усложнения этноконфессионального состава современных наций¹. Появление новых государств, новая политическая география Европы привели к значительному увеличению меньшинств, в числе которых оказались и рус-

ские. Общее число этнических меньшинств в Европе ныне почти в полтора раза больше, чем их насчитывалось в 1910 г. (150 против 107). Политические процессы последних лет еще раз показали, что этнические группы могут менять свой статус в соответствии с политическими изменениями, а понятие меньшинства имеет не столько количественное определение, сколько политическое. И это подтверждается тем, что новые меньшинства также стремятся к политической самоорганизации и к определению своего политического статуса. Свидетельством тому, в частности, стало стремление к созданию «русской партии» в Европейском Союзе, перспектива создания которой становится более отдаленной в связи с ростом взаимного недоверия между Россией и странами Европейского Союза. Вместе с тем на Кипре в 2017 г. уже создана партия «Я — гражданин» (ЕГ ПО ІТН), которую основали выходцы из России (и русскоязычные жители Кипра), получившая в местных кругах неофициальное название «Русская партия». В числе основных целей партии значится борьба с ксенофобией и русофобией. И последнее весьма актуально, поскольку откровенная или скрытая русофобия сегодня проявляется в речах, действиях и публикациях европейских политиков, спортивных чиновников, журналистов, а для высокопоставленных военных вообще стало хорошим тоном предупреждать о надвигающейся «русской угрозе». Не брезгают русофобией и некоторые интеллектуалы. При этом очевидно, что в толерантной Европе и демократической Америке должны понимать, что русофобия — это своеобразная форма современного расизма, или некая отрыжка колониального сознания атлантических элит.

Политическая активность меньшинств, в том числе и русских (или русскоязычных) общин, во многих странах может рассматриваться некоторыми политиками как потенциальная угроза, ибо распад СССР многие аналитики связывают с тем, что национальные меньшинства в бывшем Советском Союзе со временем все более осознавали свои политические интересы и их элиты не были удовлетворены той ролью, которая отводилась им руководством страны. Само советское государство своей системой администрирования (паспортная система, привилегии для представителей национальных меньшинств при поступлении в вузы и при занятии должностей, негласные ограничения для «русскоязычных» в национальных ре-

¹ Культурная сложность современных наций / Под ред. В.А. Тишкова и Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016.

спубликах и т.д.) способствовало появлению или ужесточению барьеров между разными этническими группами. Государство «навязывало» этничность и строго следило за ее фиксацией.

Американский политолог из Калифорнийского университета в Беркли Э. Уолкер видит причину распада СССР в советской модели этнофедерализма. На его взгляд, пятнадцать республик, объединенные в советскую федерацию, в реальности представляли собой конфедерацию. В построенной по национально-территориальному принципу федерации была легитимизирована опасная для государственной целостности система иерархии этнических общностей. Вершину в этой управленческой пирамиде составляли союзные республики и их титульные нации. Союзные республики номинально имели все атрибуты независимых стран, но полномасштабный государственный суверенитет был скован жестким контролем КПСС. Как только этот контроль ослабел, вполне закономерно союзные республики стали претендовать на тот политический статус, который за ними был декларативно закреплен, т.е. статус национального государства.

В свою очередь, норвежский исследователь Пал Колсто из университета Осло отмечает, что большевики сделали акцент на понимании нации как этнической общности и намертво привязали эту общность к конкретной территории. Никто не заботился о защите языка и культуры украинцев, живущих за пределами Украины, татар, уехавших из Татарии. В этом он видит проявление коллективистского мышления, в соответствии с которым права есть только у группы, а не у личности. И, по его мнению, элиты извлекли из такого понимания этнонациональной политики важный урок: защита прав меньшинств связана с территориальным устройством. Поэтому элиты стали закреплять позиции «титульных наций» на отведенных им территориях, разламывая единое правовое и политическое пространство страны.

Как отмечают другие исследователи, главной особенностью этнической стратификации в СССР было своего рода политическое разделение труда. Русские (и близкие к ним этнические группы) преобладали в партийных и государственных учреждениях на общесоюзном уровне, причем процент русских в этих учреждениях увеличивался, а доля русского населения страны сокращалась. В противовес этому в партийных и государственных учреждениях союзных республик в

эпоху «коренизации аппарата» и в более поздние эпохи «выдвижения национальных кадров» доля русских сокращалась, и в брежневские времена уже доминировали представители титульных национальностей. Республиканские элиты стали самодостаточны политически и довольно однородны в этническом отношении. Отсутствие же в составе политической, интеллектуальной, культурной элиты страны значительного слоя выдвинутых из республик усиливало подспудное противостояние центра и этнической периферии. В условиях ослабления тоталитарного режима и попыток его демократизации при М.С. Горбачеве это противостояние стало уже открытым. Попытка Кремля назначить в Казахстане первым секретарем республиканской компартии русского по национальности Колбина закончилась бунтом казахских националистов.

Распад СССР больше напоминал мятеж провинций против центральной власти, нежели политически и юридически корректную процедуру оформления их государственной независимости. Но политическая легитимность этому процессу придавалась деятельностью «народных» (точнее, этнонационалистических) движений, в частности народных фронтов в прибалтийских республиках. Именно они сформулировали «идеологию распада», элементы которой затем были подхвачены националистическими движениями ряда автономий внутри России.

Важную роль в процессе идеологического обоснования распада сыграла подмена понятия «нация» понятием «этнос». Для того чтобы сепаратизм, основанный на этничности, казался демократически окрашенным и представал в форме движения за самоопределение, территориальное сообщество было поделено идеологами националистического движения на «граждан» и «неграждан». Граждане были объявлены правопреемниками прежних Латвийской и Эстонской республик, которые прекратили свое существование в 1940 г. В массовое сознание внедрялась идея, что восстанавливается прежняя государственность, и потому только потомки прежних жителей этих республик могут быть полноправными гражданами не нового, а восстановленного государственного образования. Это был идеологический миф, ибо очевидно, что происходило строительство новых государств, у которых с первыми республиками была только 20-летняя общая история. На основании этого идеологического мифа и связанной с ними политики

огромная часть населения Латвии и Эстонии была поражена в правах. Даже вступление Латвии и Эстонии в Евросоюз мало изменило ситуацию, поскольку евробюрократы слабо разбираются в ситуации на периферии союза и больше желают ослабить влияние и связи России с новыми государствами, в том числе и через уменьшение в них русского демографического и культурного компонента.

В начале 2005 г. Балтийский институт социальных наук провел исследование «Этнополитическая напряженность в Латвии. Поиски путей разрешения конфликта». По его результатам латвийские аналитики сделали вывод, что политики играют важную роль в манифестации и мобилизации этничности в современной Латвии: «Анализ общественной активности в области этнической политики в Латвии показывает, что на протяжении последних лет политические партии не способствовали общественной интеграции. Напротив, они продолжают участвовать в конфронтации по вопросам этнической политики. Представители политической элиты, препятствуя общественной интеграции, усиливают напряженность в обществе. Они по-прежнему используют этничность для того, чтобы привлекать сторонников на выборах. Таким образом, именно политики становятся основным катализатором усиления этнической напряженности»¹.

Политические партии в Латвии разделены по этническому признаку, а избиратели в своих электоральных предпочтениях зависимы от этнической принадлежности политических лидеров, за которых они голосуют. Такая ситуация препятствует гражданской консолидации общества, хотя в 2001 г. была принята государственная программа «Интеграция общества в Латвии» и в том же году был создан Фонд интеграции.

Роль категории «гражданство» в этнополитике

Пример стран Балтии показывает, что в этнополитике существенную роль играют не только собственно этнические категории, но и гражданство, которое представляет собой политический институт, выражающий систему отношений государства и индивидов. Существует два основных принципа,

на основании которых человек получает гражданство: *Jussan ginius* (лат. — право крови), или получение гражданства «по крови», когда хотя бы один из родителей является гражданином данного государства, и *Jussoli* (лат. — право земли), или получение гражданства по рождению. Что касается приобретения гражданства иностранцами, то оно является делом внутренней юрисдикции государства и в каждой стране критерии получения гражданства свои. Наиболее распространенным требованием для получения гражданства является знание языка принимающей страны, который часто является языком доминирующего в данном государстве этнического сообщества. Французский закон о гражданстве определяет в качестве одного из основных условий интеграции ходатайствующего о гражданстве достаточное владение им французским языком. В то же время в Канаде для получения гражданства достаточно знания либо английского, либо французского языка. В Финляндии и Швейцарии ходатайствующий о гражданстве также должен владеть навыками одного из государственных языков этих стран.

Институт гражданства служит во многих странах не только способом реализации идеи политической гегемонии этнического большинства, но и своеобразным «этническим сепаратором» в миграционной политике, соответствующим образом фильтруя потоки мигрантов. В изданной в 1995 г. в Оксфорде монографии «Мультикультурное гражданство: Либеральные теории прав меньшинства» ее автор Уилл Кымлика пишет: «Большинство либеральных теорий признают, что гражданство — это не только легальный статус, определяющий предоставление прав и обязанностей, но также идентичность, выражение некоего членства в политическом сообществе»¹.

Гражданский статус стал принципом организации политических единиц начиная с греческого полиса, но только со становлением национальных государств этот принцип приобрел большое значение для внутренней политики государства. До конца XIX в. через институт гражданства выделялись категории политически значимых, привилегированных индивидов, которые имели право участвовать в политике. С развитием индустриализации и распространением демократии

¹ Zena B., Sutuļe I. Латвийская субмарина // Эксперт Северо-Запад. 2005. 12–18 сент. № 34 (239). С. 9.

¹ Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 192.

после Французской революции гражданство перестало определять только привилегированные социальные группы. Гражданский статус получили широкие слои населения, которые освобождались от лояльности сословию, капиталу и общине. В гражданском статусе закреплялась принадлежность не только к политическому, но и к национально-государственному сообществу. «Национализация» идеи гражданства включила в гражданский статус идею о «культурном» индивиде с родным языком и историческими корнями. Затем в понятие «гражданство» включается демократический принцип организации политики, специальные социальные права, обеспечивающие институциональную поддержку публичного равенства. Таким образом, в современных национальных государствах через институт гражданства закрепляются как основные индивидуальные и политические права, так и принадлежность к национальному сообществу, институционализируется социальное равенство.

Гражданство чаще всего понимается в двух смыслах: во-первых, как принадлежность человека к нации в качестве гражданина, наделяющая его правами и обязанностями гражданина; во-вторых, как принадлежность к той или иной культуре, фиксируемая через категорию «национальность». Второе понимание гражданства нередко трактуется как нечто природное, естественное и здесь, очевидно, происходит столкновение республиканских принципов равенства и свободы и скрытого примордиализма, пытающегося представить названную категорию врожденной культурной характеристикой.

Понимание категории гражданства у сторонников гражданского и этнического национализма разное. Это отчетливо просматривается в идейных позициях многих этнонациональных организаций, заявляющих о стремлении отстаивать интересы тех или иных народов России. Учитывая значимость института гражданства в процессе нациестроительства и в политическом статуйровании членов территориального сообщества, в начале 1990-х гг. в программных документах ряда этнонациональных организаций появилось требование к властям союзных республик ввести институт республиканского гражданства, и первыми об этом заявили народные фронты Прибалтийских республик. По мысли идеологов этнополитических движений, этот институт обеспечивал бы политические преимущества постоянным жителям (гражданам) республик и

через ценз оседлости отсекал от участия в политической жизни значительную часть нетитульного населения. Реально же институт гражданства означал бы проведение внутренних границ в государстве и формирование новых групп политических меньшинств.

Между тем в «Люблянских рекомендациях по интеграции разнородных сообществ» по поводу гражданства справедливо указывается: «Инклюзивная и недискриминационная политика в области гражданства является важным фактором политики интеграции. Кроме того, гражданство имеет также символическую ценность, указывая на общую принадлежность, как со стороны обладателя гражданства, так и его предоставителя»¹. Гражданство предполагает наличие у человека культурной солидарности с другими гражданами страны и общих с ними культурных ценностей. Не случайно миграционная политика многих современных государств строится таким образом, чтобы побудить вновь прибывающих в страну переселенцев осваивать культурные нормы принимающего сообщества и на их основе воспитывать в мигрантах гражданскую идентичность. Так, 43-й параграф немецкого Закона о пребывании (*Aufenthaltsgesetz*) в качестве основной цели интеграционного курса для иммигрантов определяет передачу информации о порядке, языке, культуре и истории Германии. В параграфе 44 закона определен круг лиц, которые должны посещать интеграционный курс. Таковыми являются иностранцы, которые впервые обращаются в Ведомство по делам иностранцев о выдаче вида на жительство. Необоснованный отказ посещать курсы или провал на заключительном экзамене может повлечь за собой санкции со стороны ведомства. В исключительных случаях возможно лишение вида на жительство в ФРГ и отказ в натурализации в качестве гражданина Германии.

Несколько лет тому назад в Германии принято решение, что граждане других стран, решившие приехать жить и работать в Германию, будут обязаны подписывать «контракты об интеграции», регламентирующие требования к иммигрантам. Согласно контрактам, иммигранты обязаны знать немецкий язык, а также понимать и уважать ценности страны. В частности, иммигранты должны уважать свободу слова и равные

¹Люблянские рекомендации по интеграции разнородных обществ. Hague: Верховный комиссар по делам национальных меньшинств, 2012. С. 49.

права мужчин и женщин. В 2016 г. принят Закон об интеграции, обязывающий мигрантов и беженцев интегрироваться в германское общество, усваивая немецкий язык, нормы демократии и плюралистические ценности.

Министерство иммиграции, интеграции и национальной идентичности Франции вообще приняло решение, что все, кто хочет воссоединиться с семьей и въехать во Францию, должны учить французский язык в своей стране. Сложные процедуры натурализации есть во многих других странах мира.

Категория «гражданство» нередко тесно коррелирует с этнической принадлежностью. Многие государства, в которых доминирует одна этническая группа населения, считают ее представителей, проживающих за пределами государства, своими потенциальными гражданами и потому принимают специальные (облегченные) правила получения гражданства для тех из них, кто желает вернуться на «историческую» родину и стать ее гражданами. Некоторые страны идут дальше и предоставляют права двойного гражданства этнически родственному населению других стран. К примеру, Румыния предоставляет румынское гражданство молдаванам исходя из принципа, что молдаване не являются самостоятельным народом, а составляют часть румын как этнического сообщества. После того, как Румыния стала членом ЕС, довольно много молдаван воспользовалось возможностью получить румынское гражданство на этом основании с тем, чтобы иметь доступ к европейскому рынку труда и не иметь проблем с визами. Российское государство также объявило об упрощенном порядке получения российского гражданства для «соотечественников», хотя в данном случае подразумевается не только этническая принадлежность, но и общее историческое прошлое. Поэтому довольно много жителей стран СНГ (граждан бывшего СССР) обрели российское гражданство, несмотря на чрезмерную сложность данной бюрократической процедуры, определенной российским Законом о гражданстве 2002 года.

В свою очередь, те страны, которые видят для себя угрозу этнического сепаратизма, часто болезненно относятся к практике двойного гражданства и предоставления второго гражданства членам определенных этнических групп. В частности, власти на Украине возражали против предоставления российского гражданства проживающим здесь русским. Грузия была

резко против выдачи российских паспортов жителям Абхазии и Южной Осетии.

Но есть и другие формы поддержки этнически родственного населения за пределами национальных границ. В частности, в Госдуме РФ рассматривался вариант выдачи для проживающих на Украине русских своеобразного документа — «карта русского». Россия в этом отношении не одинока, ибо Польша уже ввела «карту поляка» для граждан Украины польской национальности.

Политическая роль этнических меньшинств

Опыт этнических конфликтов последних десятилетий показывает, что попытки культурно и политически изолировать меньшинства, любое поражение этнических групп в правах рано или поздно ведет к росту напряженности, к внутренней нестабильности и подрывают основы государственности. Но при этом не оправданны рассуждения и опасения, что меньшинства объективно являются источником сепаратистских настроений. Наличие этнических меньшинств в составе населения страны, напротив, может способствовать укреплению устоев данного государства при условии, если его внутренняя политика не базируется на этнократических принципах. Меньшинства, особенно те, что не имеют каких-либо форм политической автономии, нуждаются в защите своих интересов со стороны государственных институтов, ищут в государстве посредника в регулировании их отношений с доминантным большинством населения и потому их этнические элиты и лидеры заинтересованы в сильном государстве, в укреплении государственных устоев. Только влиятельные и эффективные государственные институты способны поддержать меньшинства, оградить от возможных покушений на их экономические интересы, создать механизмы, позволяющие меньшинствам выступать в конкуренции языков и культур, создать условия для их полноценного участия в политической жизни государства. Таким образом, наличие меньшинств укрепляет вертикальные связи внутри страны, между территориальными сообществами и верховной властью. Но меньшинства способны укреплять и горизонтальные политические связи внутри страны, особенно в том случае, если на ее территории проживают родственные или близкие по культуре и хозяйственному типу народы.

Россия в этом отношении обладает уникальным «этническим потенциалом». Здесь проживают народы, относящиеся к родственным языковым группам, к одному хозяйственно-культурному типу, исповедующие одни и те же религии. Эти культурные особенности являются естественной основой, которая способствует развитию широких интеграционных связей между группами народов и оформлению элементов «группового диалога» между ними и государством. К таким народам относятся финно-угорские народы, общественные движения которых объединились в этнополитическую организацию АФУН (Ассоциация финно-угорских народов), коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, чьи интересы выражает созданная в 1990 г. общероссийская Ассоциация народов Севера (позднее ставшая Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока), народы Кавказа, объединившиеся в Российский конгресс народов Кавказа.

Не только Россия, но, например, Индия также имеет в составе своего населения «корпоративные национальные меньшинства», патронат над которыми играет определенную роль в укреплении общеиндийского единства. Как пишет по этому поводу индийский журналист Клеа Чакраверти: «В отличие от других стран, в Индии самые обездоленные голосуют массово, а меньшинства организуются, ощущая свою принадлежность общеиндийскому дому. Как сказал президент компании «Infosys» Нарьян Мурти, в конечном счете “мы все — меньшинства”».

Правда, дискурс меньшинств может также играть на руку противникам единой Индии. «Нельзя не замечать проявления движений, пропагандирующих местечковость, что может вылиться в субнационализм», — обеспокоен писатель Сунил Хилнани. Но в целом для индийской нации регионализм остается пока «интеграционным процессом». Поощряя и защищая многообразие идентичностей, Индия пытается предложить миру модель универсализма и индивидуальных свобод, сплачивающую население и дающую ощущение общности судеб¹.

В небольших и относительно однородных в культурном смысле государствах этнические меньшинства могут оказаться

фактором риска и проблемой. В крупных, культурно неоднородных странах со сложной структурой местных сообществ этнические меньшинства — фактор государственной интеграции. Очевидно, что только в рамках единого государства такие меньшинства могут наиболее успешно развивать взаимосвязи, обретая тем самым некое новое культурное и политическое качество и укрепляя не только собственную конкурентоспособность, но и государственные устои. Но далеко не всегда и не все государства стремятся признавать права меньшинств. К примеру, многие африканские государства считают проблему меньшинств сугубо европейской проблемой. Такой подход связан с тем, что национализм меньшинств — это особый национализм, который, как отмечает американский ученый А.М. Хазанов, покоится на трех основаниях.

Во-первых, он носит этнический характер, т.е. нация идеологами меньшинств идентифицируется не с гражданством, а с этничностью. Отсюда вытекают и требования: об «этническом самоопределении», о «коллективной включенности народа в политический процесс». Во-вторых, национализм этнических меньшинств есть «национализм опоздавших или национализм неудачников... национализм тех, кто не успел или не смог создать свою государственность». В-третьих, это национализм, который имеет конкретные цели, связанные прежде всего с повышением этнического положения и статуса. В этом состоит его принципиальное отличие от национализма доминирующего народа, который нередко имеет не этническое содержание, а служит своего рода государственной доктриной или идеологией. **Национализм меньшинств — это в конечном итоге национализм автономистов, который имеет разные варианты: культурный, экономический, политический.**

В государствах, где есть серьезные внутренние проблемы, становление которых еще не завершилось, движение навстречу требованиям меньшинств может рассматриваться как слабость государственных институтов, как отступление от идеи нациестроительства и поэтому справедливые требования меньшинств игнорируются. Вместе с тем серьезной политической проблемой является и проблема определения меньшинств, ибо единого подхода к решению этого вопроса добиться вряд ли возможно. Российский этнолог С.В. Соколовский предлагает для определения понятия «меньшинство» обратиться к синтезу нескольких подходов, которые исповедуют сегодня

¹ Чакраверти К. Индия XXI века в поисках идентичности // Новая газета. 2007. 28 янв. № 05(1225).

специалисты в этой государственно-правовой области. Во-первых, использовать процедуру составления узаконенных списков меньшинств, которому необходимо придать международный статус. В этом случае отпадает необходимость выработки универсального определения, что сопряжено с обобщением огромного разнообразия ситуаций и отличительных особенностей. Во-вторых, чтобы добиться смягчения позиции стран, не желающих признавать меньшинствами те или иные группы, идти по пути создания региональных кадастров, т.е. специальных списков меньшинств для Азии, Африки, Латинской Америки. Международно-правовые решения, касающиеся меньшинств, в этом случае будут адаптированы к условиям конкретной группы стран, и их исполнение станет возможным через региональные и внутригосударственные регулирующие документы. В-третьих, уместной представляется разработка законодательных норм для разных типов меньшинств: языковых, этнических, религиозных.

Важно иметь в виду, что ни в одном демократическом государстве национальные меньшинства не обладают полным лингвистическим и культурным равенством с доминантным большинством и меньшинства по своей природе всегда будут проигрывать большинству. Поэтому следует стремиться к выстраиванию такой этнополитики, которая исходила бы из принципа достижения оптимального баланса интересов большинства и меньшинства. Заслуживающими внимания являются предложения относительно того, что в целях не просто компенсации меньшинствам их неравного положения в государстве, но и прагматичной государственной политики по поддержанию внутренней стабильности возможен, по-мнению Соколовского, «некоторый отход от принципа универсального равенства всех граждан данного государства на всей его территории».

Директор Лаборатории исторической демографии Высшей школы социальных исследований в Париже Эрве Ле Брас вообще полагает, что идея меньшинств не должна противопоставляться более значимой категории — категории гражданства. Он подчеркивает: «В Италии, если в какой-нибудь школе большинство родителей учащихся одного из классов требуют, чтобы преподавание велось не на итальянском языке, а, например, на словенском, то для их детей открывают специальный класс. Таким образом, обеспечение права меньшин-

ства становится возможным благодаря тому, что на местном уровне, пусть даже на уровне квартала, оно составляет большинство. Во Франции такое невозможно, все преподавание ведется на французском. На мой взгляд, говорить о «правах меньшинств» в общем плане не имеет смысла, нужно каждый раз уточнять, о каком меньшинстве идет речь, как определить его численность, какие права предоставить... Можно сказать, что “affirmative action” представляет собой одну из форм защиты прав меньшинств, но европейские институты предписывают гораздо более частные меры, нежели этот общий принцип. Я думаю, что Франция будет сопротивляться, но это означает не противопоставление большинства меньшинству, а противопоставление принципу меньшинства принципу гражданства, что предполагает универсализм и равенство прав на всей территории страны»¹.

Таким образом, современная государственная стратегия в сфере этнополитики должна строиться на принципах, среди которых можно выделить ряд наиболее значимых. **Первая задача государства в отношении его этнических составляющих — это интеграция этнических групп в единое гражданское сообщество, формирование общегражданских ценностей и идеалов.** Стратегии формирования такого сообщества могут быть различны, но в последнее время среди обществоведов утвердилась точка зрения, что **оптимальной является стратегия интеграции локальных сообществ в единое целое при одновременном сохранении культурного многообразия внутри данного социально-политического организма.**

Вторая задача государственных институтов и государственной национальной политики состоит в поддержании баланса интересов между доминантным большинством и этническими меньшинствами, исключение через специальные институты и политические процедуры этнократических тенденций в политике большинства и чрезмерной политизации этничности со стороны меньшинств.

Третья задача, которая, скорее, является инструментом решения двух первых, — это формирование полиэтничных и интегрированных элит: политических, культурных, экономи-

¹ Филиппова Е.И. Кровь или почва? (Что такое французская нация сегодня): Интервью с Эрве Ле Брасом // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 106.

ческих, причем элит как общенациональных, так и региональных.

Успешное решение трех вышеназванных задач будет означать, что наряду с политической демократией политическая культура государства ориентирована и на этническую демократию, т.е. на полноценное представительство меньшинств во всех основных сферах жизни государства.

Контрольные вопросы и задания

1. Каково содержание понятия «национальное государство»?
2. Какое государство считается моноэтническим?
3. Пути интеграции мультикультурного государственного сообщества?
4. Что такое этнократическое государство и конституционный национализм?
5. Что означает категория «гражданство»?
6. Являются ли этнические меньшинства в составе населения государства потенциальной угрозой его целостности?
7. В чем состоит национализм меньшинств?

Литература

- Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.
- Амелин В.В.* Этническое многообразие и власть в российском регионе. Оренбург, 2004.
- Бузаев В.В., Никифоров И.В.* Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М.: Фонд «Историческая память», 2009.
- Горовиц Д.* Демократия в разделенных обществах // Расы и народы. Вып.24. М., 1997.
- Дробизева Л.М.* Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.
- Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.
- Невё К.* Гражданство: непростой объект исследования для антропологов // Социальная антропология во Франции. XXI век / Под ред. Е.И. Филипповой и Б. Петрика. М., 2009.
- Панарин Э.Д., Мухаметшина Н.С.* Национальные проблемы на постсоветской территории: Учебное пособие. СПб., 2001.
- Соколовский С.В.* Самоопределение и проблема меньшинств: международно-правовые аспекты // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
- Тишков В.А.* Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2008 г. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2008.
- Тишков В.А.* Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М.: Московское бюро по правам человека, “Academia”, 2008.
- Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб. статей / Под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. М.: РОССПЭН, 2010.

- Хазанов А.М.* Национальное меньшинство, модернизация и гражданское общество // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
- Ханнум Х.* Пределы государственного суверенитета и мажоритарного правления: меньшинства, коренные народы и их право на самоопределение // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
- Чешико С.В.* Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. М., 1996.
- Этническая политика в странах Балтии / Под ред. В.В. Полешука, В.В. Степанова. М.: Наука, 2013.
- Этнические проблемы и политика государств Европы / Под ред. М.Ю. Мартыновой. М.: Старый сад, 1998.
- Этничность и власть в полиэтничных государствах / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1994.
- Ethnicity and Group Rights / Eds I. Shapiro, W. Kymlicka. N.Y.; L., 1997.
- Griffith F., Huijboom A.* The Failure to Prevent Genocide in Rwanda: The Role of Bystanders. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2007.
- Kolsto P.* Political Construction Sites: Nation-building in Russia and the Post-Soviet States / Transl. from norw. Boulder; Colorado; Oxford, 2000.
- Kymlicka W.* Multicultural Citizenship: A liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995.
- Moynihan D. P.* Pandaemonium: Ethnicity in International Politics. Oxford, 1993.
- Walker E.W.* Dissolution: Sovereignty and the Break-up of the Soviet Union. Lanham-Boulder; N.Y.; Oxford, 2003.

В современном праве доминирует представление о том, что индивидуальные права личности должны иметь приоритет над любыми другими правами. Но когда рассматривается проблема этнических прав, нередко приходится делать выбор между правами личности и так называемыми коллективными правами. Концепт коллективных прав довольно спорен, но в идее коллективного культурного интереса этнических сообществ кроется принципиальный вопрос этнополитики: как совместить индивидуальные права личности и коллективные интересы этнических общностей с принципами демократии?

Классическая демократия — это власть большинства. Граждане путем свободного волеизлияния делегируют властные полномочия своим политическим представителям, которые, получив поддержку большинства, от их имени осуществляют руководство страной или регионом. Конечно, само определение сущности демократии для современной политологии является довольно сложной задачей, ибо здесь не существует единого взгляда. Некоторые исследователи, как, например, американский ученый Мартин Липсет, заявляют, что демократической можно считать политическую систему, которая предоставляет регулярные конституционные возможности для смены управляющих должностных лиц и имеет четкий социальный механизм, позволяющий большей части населения влиять на важнейшие решения посредством выбора между претендентами на политические должности. Однако сосредоточивая внимание на политической соревновательности, регулярности и эффективности функционирования политических институтов, исследователи оценивают лишь процедурную сторону демократических политических систем. Но

формы демократических режимов разнообразны, и не все они могут считаться подлинными или зрелыми демократиями. Для понимания того, насколько политическая система преуспела в формировании демократических порядков, необходимо оценивать наличие не только формальных атрибутов демократического режима, но и форм и традиций гражданского контроля над деятельностью власти. Наличие последних как раз и есть свидетельство зрелой демократии, демократической консолидации общества. Для консолидированной демократии большое значение имеет проблема политической интеграции этнических общин и меньшинств в общегосударственные институты, признание ими общенациональных политических институтов как легитимных и определяющих.

Лия Гринфильд отмечает, что демократия родилась из чувства национальности (причастности к нации) и национализм был формой, в которой демократия распространилась по миру. Но, по ее мнению, с развитием национализма вширь в идее нации произошла смена акцентов и приверженцы идеи стали делать упор не на суверенности национального сообщества, а на его уникальности¹. Действительно, акцентируя внимание на уникальности и специфичности сообщества, можно лишь делать общество более закрытым, а не более демократичным. А внутри полиэтничного сообщества такой акцент вообще отрицает общегражданскую солидарность и возможность формирования эффективной демократической системы.

Модели демократии

В полиэтничных странах, где в составе населения имеются разные этнические общности и группы, численность которых невелика или уступает доминантному большинству, модель классической демократии, как правило, обеспечивает политическое доминирование численно преобладающим этническим группам. В этом случае интересы меньшинств могут не учитываться или учитываться не в полной мере. Поэтому классическая демократия вступает в противоречие с полиэтничным составом населения. В зависимости от того, каким образом решается названное противоречие, можно классифицировать современные политические режимы в разных странах.

¹ Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge; L., 1993. P. 10.

Моноэтнический состав населения или слабо выраженная этническая мозаичность, как правило, создают более благоприятные условия для демократического процесса, чем этническая неоднородность. Дональд Горовиц отмечает, что «демократия имела наибольший успех в тех странах Восточной Европы, где этнические разногласия были наименьшими (Венгрия, Чешская Республика, Польша), и продвигалась медленно (либо продвижения не было вовсе) в тех странах, которые были глубоко разделенными (Словакия, Болгария, Румыния и, конечно, бывшая Югославия)»¹. Более того, этническая вражда, которая использовалась бывшими коммунистическими лидерами как инструмент в политической борьбе, не только не способствовала переходу к демократии, но и, напротив, осложняла процесс демократизации и делала его непоследовательным.

Этничность создает преграды на начальных этапах демократизации, но она же способна усложнить функционирование уже сложившихся демократических институтов, поскольку этнический конфликт может привести к установлению в стране авторитарного режима или к одной из двух форм «усеченной демократии»: правлению большинства с отстранением от рычагов политического влияния меньшинства или правлению меньшинства с политической дискриминацией большинства. Этнически разделенные общества могут быть относительно демократичны, но в таких обществах возникают проблемы системного характера, которые осложняют переход к так называемой *полиэтнической демократии*.

Одним из главных препятствий на пути к полноценной демократии является наличие уже сформировавшегося этнополитического режима. Этнократический режим сопротивляется переменам потому, что демократические преобразования могут привести к власти его этнических оппонентов. Для сохранения доминирующего положения своей группы этнократическим режимам приходится идти на уступки, что позволяет им сохранять относительную стабильность. Примером такого рода относительно стабильных этнократических режимов можно считать Малайзию, Таиланд, Бирму, Филиппины.

Д. Горовиц, анализируя политическую ситуацию в этнически неоднородных странах, приходит к выводу, что существует

два типа таких стран: страны с разделенным государственным устройством, когда почти половина или большая часть (этническое большинство) управляет другой частью (этническим меньшинством), и страны с доминирующим меньшинством, где одна или две небольшие группы управляют большинством. В последних политическая опора режима может сужаться, и власть особенно опасается политического реванша этнического большинства.

В странах с разделенным или раздвоенным устройством этнические оппоненты могут победить на выборах, и тогда проигравшая группа (или группы) чувствует себя ущемленной, особенно если победившая сторона действует только в интересах своей группы. В таких государствах нередко проигравшая выборы группа стремится вернуть себе прежние доминирующие позиции уже не легитимным путем, а путем свержения режима оппонентов через его дискредитацию, переворот или политический заговор. Такие примеры имели место в Того и в Народной Республике Конго, где политически противостоят друг другу северяне (*кабре* и *миоби*) и южане (*эве* или *лари*). События в Киргизии, которые привели к свержению президента К.С. Бакиева, также имели подоплеку внутрикиргизских кланово-региональных противостояний: сначала южане свергли президента Акаева, затем северяне взяли реванш. Этот конфликт только внешне кажется внутрикиргизским (если не считать последующее киргизско-узбекское побоище в Ошской области). На самом деле период советского «национального строительства» оказался недостаточным для преодоления прежних историко-культурных и регионально-клановых различий среди тех, кого позднее стали называть киргизами.

Демократические процедуры оставляют возможности для манипуляций итогами выборов и узурпации власти даже режимами, имеющими узкую этническую базу. Например, в Кении, где долгое время политически доминировал народ *календжи*, под международным нажимом все же были проведены многопартийные выборы. Но, опираясь на поддержку календжи, используя межэтнические разногласия, запугивание и насилие, вступая в коалицию с небольшими этническими группами, президент Даниэль арап Мои смог обеспечить себе победу на выборах, и в результате два крупнейших народа страны (*кикуйю* и *луо*) оказались вновь отстранены от политической власти. Впоследствии в процессе укрепления демокра-

¹ Горовиц Д. Демократия в разделенных обществах // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997. С. 219.

тических институтов и демократических норм политической жизни позиции численно доминирующих этнических групп усилились, что привело к власти президента Мваи Кобаки (представителя народа кикуйю). Но во время очередных выборов президента в декабре 2007 г. столкнулись уже интересы двух основных этнических групп. Мваи Кобаки объявил себя победителем выборов, а его основной соперник — лидер оппозиции Раила Одиंगा (представитель народа луо) сделал то же самое. В результате по всей стране, а особенно в столице, начались столкновения между кикуйю и луо, в ходе которых тысячи человек были убиты и многие тысячи стали беженцами. Только с большим трудом удалось предотвратить начало войны на этнической почве. Такие примеры в странах Африки, где трайбализм далеко не уступил своих позиций гражданским коалициям, не единичны.

Часто против режимов, основанных на этническом господстве, ведется активная борьба, которая приобретает форму вооруженных выступлений. Такие этнические войны были характерны для Шри-Ланки, Судана, Бирмы, Сомали, Ливии. После ухода советских войск из Афганистана там началась гражданская война, которая фактически велась между численно и политически доминировавшими пуштунами, с одной стороны, и узбеками и таджиками, с другой.

Победа в этнических войнах и поражение авторитарных и этнократических режимов не означают, что победившая сторона начинает демократические преобразования в разделенном обществе. Отсутствие демократических преобразований и прочных гарантий для проигравших этнических групп означает, что этническое противостояние будет продолжаться и этническое насилие в любой момент может разрушить внутреннюю стабильность государства.

Крайние формы политического противостояния этнических групп больше характерны для государств с неразвитой политической культурой. Те государства, которые претендуют называться демократическими, избирают другие формы распределения политической власти между этническими группами. В числе таких форм израильский ученый С. Смуха выделяет, к примеру, этническую демократию, демократию согласия, либеральную демократию и разделение.

Этническая демократия представляет собой тип государства, где наблюдается сочетание общедемократических норм

с институционализированным этническим преобладанием. В демократическом обществе недоминантные группы имеют гражданские права и свободы, а также политические права (голосовать и быть избранным). Вместе с тем политически доминирующая группа обеспечивает своей этнической культуре приоритетное положение, ограничивает недоминантной группе доступ к власти и ресурсам. Государство становится достоянием преимущественно доминантной группы, а не всех его жителей и налогоплательщиков. Гражданство не совпадает полностью с этнической принадлежностью (хотя может быть жестко увязано с ней), а национализм носит выраженный этнический характер. Группы-аутсайдеры дискриминируются институционально, их лояльность данному государству не гарантирована. Доминантная группа и группы-аутсайдеры испытывают недоверие друг к другу.

Этническую демократию нельзя рассматривать как полноценную демократию, поскольку в ее основе лежит структурное противоречие и политически поощряемый конфликт между демократией (равенство этнических групп) и господством (межгрупповое неравенство). Такие страны, как Израиль, Польша, Эстония, являются примерами этнической демократии, ибо быть арабом в Израиле, католиком в Северной Ирландии, немцем в Польше, русским в Эстонии — значит, быть в глазах доминантного большинства чужаком, представителем сообщества, которое нельзя идентифицировать как полноценных граждан данного государства, и потому они могут пользоваться ограниченной автономией, а их национализм должен всеми силами ограничиваться.

Демократия согласия характеризуется тем, что она основана на консенсусе и распределении власти и ограничивает влияние большинства. Эта политическая система исходит из базового принципа, признающего межгрупповые различия и разногласия естественным социальным явлением. Этнические группы в рамках данной системы рассматриваются как конституирующие общество группы, их интересы и культурные ценности признаются и учитываются в общем балансе интересов, власть между группами распределяется пропорционально их месту в обществе, и сообщество осуществляет руководство всеми группами на основе согласия и компромисса.

Демократия согласия строится на восьми основных принципах: 1) сохранении этнических общностей и групп и исклю-

чении сознательной политики ассимиляции меньшинств; 2) равном правовом и гражданском статусе для представителей всех этнических общностей и групп; 3) распределении власти между всеми этническими группами, которые принимают участие в формировании коалиционного правительства на основе соглашения элит; 4) пропорциональном распределении ресурсов (рабочих мест, доступа в различные сферы, бюджетных ассигнований); 5) признании и соблюдении культурных прав этнических сообществ и групп (пользование родным языком, возможность обучения в национальных школах, развитие профессиональной художественной культуры и т.д.); 6) обеспечении территориальной или институциональной автономии этнических сообществ; 7) системе консультаций и переговоров между этническими элитами, направленной на выработку компромиссов и соглашений, на принятие взаимоприемлемых решений; 8) закреплении за этническими общностями права вето при принятии решений, которые затрагивают их важные интересы.

Попытка использовать подобную модель была предпринята в Дагестане. Конституция республики, принятая в 1994 г., закрепляла гарантии этнического представительства в высших органах государственной власти для основных этнических групп населения РД. От каждой этнической группы в Государственный Совет, состоящий из 14 депутатов, мог войти один представитель. Избирательный закон, действовавший до 2003 г., позволял создавать этнонациональные округа, в которых могли выдвигаться представители только одной этнической группы, определявшейся решением избиркома. В результате ни одна из этнических групп не получала преимуществ, что в условиях Кавказа было важно. Унификация избирательного законодательства и отмена выборов высшего должностного лица республики нарушили сложившийся этнический баланс и могли в перспективе спровоцировать обострение межэтнических отношений. Однако при определенных усилиях по утверждению общедагестанской и российской идентичности и по снижению значимости этногрупповых границ (как это было в Дагестане исторически, включая советский период) в этом уникальном по своему этноязыковому разнообразию регионе России отказ от этнического квотирования вполне возможен и даже необходим, чтобы снизить влияние

клановости и этнического фаворитизма — основных условий массовой коррупции в этом регионе.

К числу стран, где система демократии согласия успешно работает, относят Швейцарию, Бельгию и Канаду, хотя опыт двух последних стран далеко не всегда свидетельствовал о том, что система действует безупречно. К числу слабых сторон данной системы можно отнести то, что она не поощряет конкуренцию между представителями общин и может тормозить прогресс территориального сообщества в целом. Система к тому же политически негибкая, поскольку общины склонны абсолютизировать сложившееся статус-кво. Пример Ливана, где квотная система оказалась не в состоянии измениться и адаптироваться к новым реалиям, доказывает это. Когда соотношение мусульманской и христианской общин в Ливане серьезно изменилось, система не только перестала работать, но и привела к внутривнутриполитическому кризису. Тот же пример Ливана показывает, что демократия согласия не выдерживает внешних интервенций и давления (палестинцев, Сирии, Израиля). Не случайно Швейцария долго отказывалась стать членом ООН, а ныне всеми силами сопротивляется интеграции в ЕС.

В любых сложных сообществах, в том числе и в швейцарском, которое нередко пытаются выдавать как образец межкультурного взаимодействия, в отношениях между культурными группами есть много сложностей. Так, во франкоязычных кантонах Наполеона считали освободителем, а в немецкоязычных — захватчиком и до сих пор чтят память борцов с наполеоновским вторжением. В немецкоязычной части страны изучают французский язык, который является одним из четырех государственных языков Швейцарии, а во франкоязычной давно и упорно сопротивляются изучению другого государственного языка — немецкого (на котором говорит большинство швейцарцев). Показателен и пример общенационального референдума, итоги которого привели к запрету строительства минаретов в Швейцарии, т.е. ограничили права одного из современных религиозных меньшинств, сформировавшихся в стране в последние десятилетия.

Либеральная демократия — это наиболее распространенная политическая система, классическими примерами которой в западном мире являются Великобритания, Франция, Швеция, Соединенные Штаты. В основу этой демократической систе-

мы положен принцип правления большинства и безусловного обеспечения индивидуальных прав. Система предполагает, что разногласиями и спорами, в том числе и между этническими группами, можно управлять. Первостепенное значение при этой системе играет идея общих ценностей общества, которые разделяются всеми его членами, независимо от принадлежности к той или иной этнической группе. Либеральная демократия основана на модели доминантных групп, но предполагает, что возможности для карьерного роста и воздействия на политику есть как у отдельных индивидов, так и у меньшинств.

Либеральная демократия характеризуется несколькими основными чертами.

1. Этническое происхождение есть личное дело и личный выбор гражданина и официально никак не учитывается. Этничность отделена от государства, и государство не вмешивается в этнические дела.

2. Средства (ресурсы) распределяются в зависимости от индивидуального вклада каждого, а не в зависимости от групповой принадлежности. Недоминантные группы имеют возможность для социальной и политической мобильности и используют ее, хотя и не все в равной мере. Нарушает этот принцип лишь политика «позитивного действия», которая практикуется как мера с целью сгладить имевшие место в прошлом несправедливости и создать равные условия для состоятельности.

3. Отдельные граждане и меньшинства имеют свободу выбора — интегрироваться в доминантное большинство и ассимилироваться или оставаться вне доминантного сообщества.

К демократическим способам разделения власти С. Смуха относит и разделение территории между конфликтующими группами. К числу успешных примеров разделения относятся расчленение колониальной Индии на исламский Пакистан и неисламскую Индию, отделение Сингапура от Малайзии, разделение Чехословакии. Неудачный опыт — это раздел Ирландии в 1921 г., раздел Палестины в 1947 г. и фактический раздел Кипра в 1974 году. В этом ряду и распад Советского Союза, который сыграл огромную роль в деле осознания современных этнополитических проблем, но который имел явно противоречивые результаты, включая драмы конфликтов и разделенных народов.

С точки зрения критического осмысления опыта раздела политических полномочий между этническими общинами, особенно показателен опыт Кипра, где соседствуют турецкая и греческая общины (см. Кэйс 7).

Кэйс 7. Проблема Кипра

Кипрская государственность была заложена в 1959 г., когда в Цюрихе и Лондоне между Великобританией (которая владела островом), Грецией и Турцией были подписаны соглашения, закреплявшие внешние гарантии независимости страны и заложившие конституционные основы государственности. Греки и турки на острове жили смешанно, хотя греческое большинство существенно преобладало над турецким меньшинством (77% против 18%). Цюрихские соглашения делили граждан на две общины: греков и турок, представители всех остальных групп должны были примкнуть к одной из них. Принадлежность лица к «общине» официально фиксировалось и становилось частью личного статуса, не подлежащего изменению. Члены общин, достигшие 21 года, образовывали отдельный избирательный список. «Общины» голосовали отдельно, т.е. каждая голосовала за «своих» кандидатов на выборные должности, а депутаты греки и турки получали мандаты только от «своих» общин. Высшим законодательным органом страны являлась Палата представителей, состоявшая из 50 депутатских мест. Эти места между греками и турками распределялись в пропорции 7:3 (35 и 15 мест). Председателем палаты обязательно назначался грек, а его заместителем — турок. Депутаты работали как совместно, так и раздельно по этническим фракциям. При этом при создании любого комитета требовалось соблюдение вышеназванной «этнической пропорции» — 7:3. А принцип руководства комитетами дублировал принцип руководства парламентом. Для изменения любых законов требовалось простое большинство от каждой этнической фракции.

Исполнительную власть возглавляли президент (грек) и вице-президент (турок), избравшиеся каждый «своей» общиной. Президент и вице-президент могли налагать вето на принимаемые Палатой представителей законы. Совет министров состоял из 10 членов, семь из которых являлись греками, а трое — турками. Члены правительства назначались совместно президентом и вице-президентом. Во всех органах государственной власти строго выдерживались этнические пропорции по схеме 7:3. Принцип пропорционального представительства был предусмотрен и для большинств муниципалитетов страны, хотя во многих из них это было сопряжено с серьезными трудностями. На основе прямых выборов создавались общинные палаты, которые обладали законодательной и исполнительной властью на местном уровне.

Но кипрская политическая система оказалась неработоспособной и с большим трудом просуществовала до 1963 г. Еще до обретения независимости кипрское общество сформировалось как разделенное, а новая политическая система только усилила это разделение. Отдельные системы образования служили для идеологической обработки учащихся в националистическом духе. Двухобщинная политическая система довела социальную сегрегацию до логического завершения, ибо общинные палаты запретили смешанные браки. Любые социальные проблемы рассматривались только через призму межобщинного соперничества. А внешние гаранты государственности в реальности подогревали сепаратистские настроения. Источником постоянных трений стала налоговая система. Конфликты возникали там, где конституция и законодательные акты допускали различные толкования. Возникли серьезные проблемы в управлении городским хозяйством многих городов, в комплектовании вооруженных сил.

Кипрская государственность была устроена таким образом, что общинные палаты и их исполнительные органы были самодостаточны и могли играть роль центров силы независимо от парламента и правительства республики. Вместе с тем Конституция и договоры о статусе острова не предусматривали возможности изменения политической системы. Это в конечном итоге парализовало власть в стране и привело к нарастанию межобщинных противоречий, которые вылились в прямые столкновения в 1963 г. В 1964 г. лидеры турецкой общины приступили к созданию турецких территориальных анклавов. Начались двусторонние этнические чистки и формирование этнически однородных поселений и территорий. В 1967 г. после очередных межобщинных столкновений была сформирована Временная администрация Республики Кипри отдельные органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Такая ситуация просуществовала до 1974 г., когда произошел мятежсторонников присоединения острова к Греции. Турция ввела свои войска на остров, оккупировав часть его территории, на которой и была создана Турецкая Республика Северного Кипра, которую признала только страна, оккупировавшая эту территорию. Остров фактически распался на две независимые части, хотя формальные институты общего государства продолжают оставаться в силе. Но даже вступление греческой части острова в состав Европейского Союза при желании турок-киприотов стать частью объединенной Европы не изменило ситуацию на острове, а лишь сдвинуло процесс урегулирования конфликта с мертвой точки.

Кстати, находящиеся на разделительной линии миротворческие войска ООН за почти 40 лет своего пребывания на острове выполняли сугубо разделительную функцию и ничем особо не способствовали урегулированию самого конфликта. Тем не менее никакой особой критики в их адрес со сторо-

ны конфликтующих сторон и международного сообщества не было. Это замечание мы делаем потому, что успешно выполнявшие в течение 16 лет миротворческую (разделительную) функцию трехсторонние силы с участием российских военнослужащих в Южной Осетии и Абхазии были подвергнуты несправедливой травле со стороны Грузии и некоторых международных акторов. Это пренебрежение в отношении трудной миссии силового миротворчества обернулось еще большими конфликтами и потерями в 2008 году.

Критика моделей демократии

Опыт функционирования этнической демократии еще недостаточно хорошо изучен, хотя можно говорить о потенциальных опасностях такой формы демократического устройства общества. Что касается демократии согласия, то у этой модели достаточно сторонников и наиболее ярко за нее ратует Аренд Лейпхарт, который разработал ее обоснование и полагает, что либеральная демократия не подходит для этнически разделенных обществ. Однако, по мнению ряда исследователей, либеральная демократия не является лучшей общественной моделью для сдерживания этнических противоречий и конфликтов, поскольку ее возможности предотвращения этнических противоречий и конфликтов ограничены. Они критикуют демократию согласия за нестабильный, несправедливый и усиливающий этнические противоречия характер. Следует признать, что демократия согласия имеет ограниченные возможности для «тиражирования», ибо ее успех возможен там, где вынуждены договариваться о сосуществовании две или несколько крупных этнических общин, обладающих сопоставимым экономическим весом, сходным уровнем развития, значительным культурным потенциалом. Там, где сосуществуют этнические общины или группы, которые резко разнятся по указанным параметрам, демократия согласия вряд ли будет эффективна, ибо подлинного равенства между этническими общинами достигнуть не удастся никогда. Строго говоря, никакие социально-политические механизмы не обеспечат малой этнической группе того же культурного потенциала, который сформировался в процессе длительного исторического развития у крупной этнической общности. Поэтому крупная общность всегда будет находиться в более выгодном

положении, чем меньшинства. Эта проверенная жизнью аксиома трудно усваивается представителями доминирующей этничности, или, как любят называть себя этнонационалисты, «государствобразующего народа». Однако другого варианта «по жизни», а не в воспаленной политической риторике, не существует.

Фактически либеральная демократия в последние годы развивалась именно по линии адаптации элементов демократии согласия к собственным принципам, а точнее, по линии заимствования отдельных элементов демократии согласия. Либеральная демократия не является универсальной и во всех случаях эффективной моделью управления обществом. Поэтому поиск альтернатив привел к пониманию необходимости сочетания различных стилей там, где исторически сформировались сообщества, традиции общественной жизни которых отличаются от западной системы демократии. В первую очередь речь идет об общинах коренных народов, проживающих на северных территориях США, Канады, Скандинавии, России.

Демократия и проблемы меньшинств

Ученые, изучающие особенности культурной эволюции коренных народов Севера, подчеркивают, что их участие в выборах и партийной политике часто не могло остановить процесс политической маргинализации этих народов и утрату ими своих прав. Высказываются опасения, что участие представителей этих народов в общенациональных политических партиях может привести к индивидуализму и растворению их в системе, когда коренные народы окажутся на периферии политической жизни. Собственные же политические партии данных народов фактически не способны достичь успеха на выборах из-за малочисленности, отсутствия политического опыта и по ряду других причин. Координатор циркумполярных программ Международной рабочей группы по делам коренных народов (IWGIA) Кэтрин Вессендорф подчеркивает, что разница между традиционными системами управления и западной моделью существенна, но поскольку западная система стала реальностью во всем мире, постольку коренные народы «не могут оставаться изолированными от нее и вынуждены участвовать в ней тем или иным способом». Вместе с тем они могут оспорить эту систему и избрать более жизне-

стойкую, на ее взгляд, «консенсуальную схему принятия решений и самоуправления»¹.

Именно такой выбор и делают многие этнические общины, поскольку «во всех формах традиционного управления важно то, что они проистекают из конкретных условий конкретного поселка или этнической группы, — подчеркивает Вессендорф, — и, следовательно, имеют сугубо местное значение и весьма специфичны». Как мы можем видеть в случае с Территорией Юкон, «первые нации» (как называются в Канаде индейцы и эскимосы) Юкона включили в свое самоуправление такую юридическую норму, которая позволяет коренным народам и общинам самим выбирать форму выдвижения своих представителей и лидеров. В результате такого местного выбора в разных общинах мы наблюдаем огромное разнообразие политических систем, разработанных для непосредственного вовлечения жителей в управление и обслуживание их нужд.

Однако использование альтернативных моделей управления может успешно сочетаться и с моделью либеральной демократии там, где коренные народы составляют большинство жителей на данной территории и где образованы территориальные автономии. К таковым территориям относится выделенная из провинции Северо-Западные Территории административная территория Нунавут в Канаде и Гренландия, где созданы свои региональные правительства и где каждый может голосовать независимо от своей этнической принадлежности.

В Скандинавских странах созданы институты управления, которые гарантируют коренным народам некую форму участия в государственной политике, но при этом они независимы от государственных политических институтов. Такой формой стали уже упоминавшиеся саамские парламенты. В чем-то сходной формой политического участия является Ассамблея коренных малочисленных народов Севера, созданная в Ханты-Мансийском округе РФ. Правда, она непосредственно интегрирована в политический институт местной законо-

¹ Вессендорф К. Участие коренных народов в государственной политике: предисловие к анализу ситуаций в разных странах // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003. С. 22.

дательной власти, но опыт ее функционирования оказался не менее эффективен, чем опыт саамских парламентов.

Очевидно, что для тех этнических общностей, которые не желают быть поглощенными политической культурой большинства, необходимо искать некие новые формы их вовлечения в политику и общие институциональные установления. Но следует избегать и абсолютизации этнической специфичности. Это может стать основанием для создания таких политических схем, которые не только недемократичны, но и противоречат интересам самих этнических общностей.

Вообще опасения относительно того, что повсюду в мире в политических практиках возрождается трайбализм, уже высказываются многими учеными. Но особенную тревогу у исследователей вызывает ситуация в странах, которые пытаются покончить с тоталитарным прошлым и вступают на путь демократизации. В государствах, в которых не сформировалась устойчивая культура толерантности населения, весьма актуальна проблема согласования принципов «власти большинства» и «прав меньшинств». В таких государствах сохраняется опасность воссоздания форм гегемонистского контроля в рамках общих государственных институтов или на уровне локальных сообществ. Эта опасность существует как в отношении доминантных групп, так и меньшинств.

К примеру, государство заинтересовано в самоорганизации этнических общностей, в формировании у них институтов самоуправления и общественных движений, которые делают поведение этих групп предсказуемым и управляемым и которые могут выступать в качестве партнеров в диалоге между государством и этническими общностями и в диалоге этнических общностей друг с другом. Вместе с тем государство должно «отсекать» от диалога радикальные группы и способствовать тому, чтобы демократические нормы становились общим принципом деятельности самих этнонациональных организаций и их взаимодействия с государством и обществом. Как отмечает Роберт Патнэм в известном труде о природе демократии, «гражданские ассоциации способствуют эффективности и стабильности демократической власти в двух смыслах: “внутренне”, воздействуя на отдельных людей, и “внешне”, влияя на политику государства»¹. Но важно, чтобы ассоци-

ации (организации, движения) этнополитического характера в своей деятельности руководствовались именно гражданской ответственностью и гражданскими традициями, а не превращались в тоталитарные секты или этническое лобби, чуждые интересам этнического сообщества.

Сегодня многие этнонациональные движения и организации выступают от имени своих этнических общностей и заявляют, что представляют их интересы. При этом они пытаются определить свой статус как легитимного и высшего органа политического представительства этнического сообщества. Так, Второй чрезвычайный съезд коми народа, состоявшийся в конце 1991 г., устами своих делегатов, в избрании которых широкие слои коми населения не принимали участия, заявил, что объявляет себя высшим представительным собранием коми. Съезд народа мари в 1992 г. объявил себя «высшим представительным собранием народа мари». В 1999 г. III съезд Мордовского народа также принял декларацию о статусе съезда, в которой объявил себя высшим представительным собранием «граждан мордовской национальности». При этом в Республике Коми еще в 1992 г. Верховный Совет республики принял закон «О статусе съезда коми народа», где подтверждалось, что съезд есть высшее представительное собрание коми этноса и оговаривалось, что выборы на съезд должны быть демократическими. Но сам закон имел форму политической декларации и занимал всего полстраницы текста, не определяя характер взаимодействия государственных институтов с данным общественным органом и процедуру выборов делегатов съезда, что принципиальным образом отличало его от законодательных актов, регламентирующих деятельность саамских парламентов и избрания их делегатов. В результате ни на один из восьми состоявшихся съездов коми народа демократических выборов делегатов организовано не было. Делегатов на съезды выделяли узкие группы активистов этнонационального движения, но не коми население в целом. То же самое можно сказать о съездах мордовского и марийского народов, о многих подобных этнических съездах.

Культивирование формальной демократии в отношениях между этническими сообществами и государством позволяет контролировать этнонациональные движения тем лидерам, которые нередко удобны для власти, но не пользуются доверием представителей собственного народа. Такая ситуация

¹ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. С. 114.

часто способствует усилению влияния радикальных организаций, не контролируемых местными политическими элитами. Кроме того, отсутствие демократического контроля внутри организаций и реальной политической конкуренции способствует формированию в них идеологических установок, которые недемократичны по своей сути, а нередко противопоставляют этничность гражданским и демократическим идеалам.

Вообще же попытки политизировать этничность через создание этнических («национальных») палат в парламентах, придавать решениям этнических съездов характер директивных документов, которыми должны руководствоваться местные власти, обусловлены стремлением придать этничности универсальный характер. Однако, по мнению российского этнолога С.В. Чешко, социальный инстинкт коллективности в форме национальной идеи «является барьером, преградившим путь в политику и массовое сознание действительно демократического подхода к решению этнополитических проблем. Он должен состоять в замене этнического универсализма «универсализмом» гражданским, в отделении этничности от политических и экономических прав человека, «разгосударствлении» этничности, освобождении человека от императива этнической лояльности. Только так можно освободить и сами народы, их этнокультурное развитие, от внешнего насилия со стороны государства (ассимиляция, патернализм и т.д.) и от насилия внутреннего (со стороны этнических элит, навязывающих своим народам собственные ценности, нормы поведения, модели развития)»¹. Позиция российского исследователя во многом схожа со взглядами, высказываемыми многими западными учеными относительно политической роли и значения регионализма в современных условиях. Талкотт Парсонс рассматривал регионализм как проявление укоренившегося в обществе консерватизма, препятствующего цивилизационным изменениям и утверждению культурного универсализма. Майкл Китинг назвал регионализм «похмельем от прошлого»². Хотя, конечно, регионализм многогранен и не может оцениваться однозначно, тем более что существуют объективные

¹ Чешко С.В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 30.

² Keating M. State and regional nationalism: territorial politics and the European state. L.: Harvester Wheatsheaf, 1988. P. 22.

тенденции усиления процессов регионализации, которые являются оборотной стороной глобализации.

Политически некорректными и научно необоснованными являются попытки связывать приверженность демократии или авторитаризму с этнической принадлежностью, что порой допускают в своих объяснительных моделях политологи, когда оценивают последствия этнополитических конфликтов и их природу. Так, причины более успешного демократического транзита одних государств Восточной Европы и менее успешного других некоторые исследователи видят в культурной предрасположенности этнических сообществ к демократии, которая различна у разных народов. И причины распада Югославии порой объясняли исходя из этнической интерпретации этого явления, хотя причина югославской трагедии далеко не в укорененной межэтнической вражде и еще менее — в великосербском шовинизме. Да и распад СССР при более внимательном анализе выявляет решающую роль не столько этнического фактора, сколько факторов раскола элит, их борьбы за власть и, наконец, внешних воздействий.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем состоит главное противоречие между классической демократией и полиэтничным составом населения государства?
2. Могут ли демократические процедуры устранить возможности появления этнократических режимов?
3. Дайте характеристику «этнической демократии».
4. На каких основаниях строится «демократия согласия»?
5. Дайте характеристику либеральной демократии.
6. Почему государство заинтересовано в самоорганизации этнических общин?

Литература

- Вессендорф К. Участие коренных народов в государственной политике: предисловие к анализу ситуаций в разных странах // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003.
- Горовиц Д. Демократия в разделенных обществах // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
- Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.
- Дробизжева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образцы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997.

- Майбери-Льюис Д. Демократия, тоталитаризм и этнический плюрализм // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
- Национальные меньшинства: Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах Юга Российской Федерации / Под ред. В. Мукомеля. М.: Диполь-Т, 2003.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
- Райан С. Структурные факторы, препятствующие развитию стабильных и демократических полиэтнических государств // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
- Смуха С. Стратегии управления конфликтом и возможность их использования в Содружестве Независимых Государств // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
- Тили Ч. Демократия. М.: Ин-т общественного проектирования, 2007.
- Тишков В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М.: Наука, 2005.
- Чешко С.В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.
- Шаббаев Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М., 1998.
- Этнические проблемы и политика государств Европы / Под ред. М.Ю. Мартыновой. М.: ИЭРАН, 1998.
- Ethnicity and Group Rights // Eds I. Shapiro, W. Kymlicka. N.Y.; L., 1997.
- Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge: Harvard University Press., 1993.
- Keating M. State and Regional Nationalism: Territorial Politics and the European State. L.: Harvester Wheatsheaf, 1988. P. 22.
- Lipset S. Political Man: the Social Bases of Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.

Изучением конфликтов активно занимаются ученые многих стран. Исследователи стремятся разработать общую теорию конфликтов и технологии их предотвращения и разрешения. Существует обширная литература, посвященная анализу конкретных конфликтных ситуаций и технике урегулирования конфликтов. В последние десятилетия возникло много научных центров, специализирующихся на проблеме конфликта. Среди них можно упомянуть Международный институт исследований мира в Осло, Стокгольмский институт исследований мира, Международный институт мира в Вене, Гессенский фонд исследования проблем мира и конфликтов, Группу по урегулированию конфликтов при Гарвардской школе права и многие другие. Различные технологии разрешения и урегулирования конфликтов, методы анализа конфликтных ситуаций предложены в трудах Д. Горовица, Ч. Освуда, Д. Скотта, И.Г. Боуэра, Г. Келмана, Дж. Ротшильда, Т. Гурра, В. Фишера и У. Юри, Г. Шлее, С. Вуд и целого ряда других исследователей. В последние два десятилетия и российские исследователи интенсивно накапливают опыт анализа и урегулирования конфликтов, в первую очередь конфликтов этнополитических, что диктуется реалиями постсоветской России.

Что касается этнополитических конфликтов, то в ходе осуществленного Исследовательским институтом социального развития ООН (UNRISP) исследования в 1990-е гг. в мире было выявлено 223 этнополитических конфликта, часть из которых — конфликты этнонационалистические или сепаратистские, часть — борьба за статус, часть конфликтов являлась следствием борьбы за групповую автономию, а часть была инициирована радикальными религиозными движениями или

представляла собой межобщинную борьбу¹. Многие из этих конфликтов не разрешены и до сих пор.

Сущность этнополитического конфликта

Хотя этнические и этнополитические конфликты имеют давнюю историю, к их изучению исследователи обратились довольно поздно. Этнический конфликт привлек внимание ученых после того, как были проанализированы классовые, трудовые и межгосударственные конфликты. Натан Глейзер и Дениэл Мойнихен, чей труд уже упоминался выше, вообще заявили, что этничность является «более фундаментальным источником стратификации», нежели классовая природа общества, и потому этничность и этнический конфликт сегодня и в будущем не потеряют своей актуальности.

Сравнительное изучение этнических конфликтов показывает, что в их эскалации имеются повторяющиеся черты и этапы, которые позволяют определить закономерности в протекании сходных типов конфликтов. В объяснительных моделях возникновения и эскалации этнических конфликтов прослеживается влияние основных теорий этничности — примордиализма, инструментализма и конструктивизма.

В рамках примордиалистского подхода этнический конфликт обычно рассматривается как проявление «древней вражды» — исконных межгрупповых противоречий, древней неприязни и вражды, которые могут подавляться только силой авторитарных режимов. Как только режимы ослабевают, древняя вражда дает о себе знать с новой силой. Согласно данной логике, конфликт между сербами и хорватами объясняется ненавистью представителей этих народов друг к другу, равно как и карабахский конфликт — ненавистью друг к другу армян и азербайджанцев. По мнению сторонников такого подхода, названные конфликты были неизбежны. Режим Тито в Югославии и советский режим в СССР только на время могли подавить вражду между названными народами, но не могли искоренить ее глубинные основы. По логике сторонников теории древней вражды этнические конфликты должны происходить между всеми этническими группами, в отноше-

ниях между которыми есть элементы вражды и неприязни, но в реальности этого не происходит.

Сторонники инструменталистского подхода понимают этничность не как исконную (природную) сущность, а как инструмент и ресурс, который используется в процессе конкуренции между группами. Сама же этничность не является, по их мнению, причиной конфликтов. Этнический конфликт рассматривается не как результат несовместимости групповых идентичностей, а как следствие межгруппового соперничества за обладание экономическими или природными ресурсами, особенно в ситуациях, когда группы имеют неравный доступ к власти, богатству и социальному статусу. В этой связи объяснение конфликта между сербами и хорватами выглядит не как проявление древней вражды, а как столкновение двух социальных групп, чья этничность, т.е. принадлежность к сербской и хорватской этническим общностям, были использованы политическими лидерами в качестве инструмента политической мобилизации.

Конструктивистское понимание этнического конфликта сходно с инструменталистским и основывается на том, что сама по себе этничность не порождает конфликта. Возникновение и эскалация конфликтов решающим образом обусловлены действиями элит, которые мобилизуют этничность и используют ее для реализации собственных целей.

В теории этнической стратификации Джозефа Ротшильда впервые было предложено рассматривать этнические группы и государство как субъекты этнополитического конфликта. При этом внимание следует уделять как анализу ресурсного потенциала сторон, так и возможностям политической мобилизации группы. По мнению ученого, успехи и активность этнополитических движений зависят от экономических, политических и идеологических ресурсов, которыми может оперировать группа. Кроме того, необходимо учитывать состав группы, ее социальные и культурные характеристики.

В социально-психологической теории этнического конфликта Дональда Горовица основное внимание уделено социально-психологической динамике. В понимании Горовица, этничность обладает особой, уникальной динамикой, в силу того что она сопряжена с коллективными эмоциями. Данное обстоятельство приводит к тому, что рациональные политические и экономические интересы группы могут отступать на за-

¹ *Stavenhagen R. Ethnic Conflict and the Nation State. Basingstoke, 1996. P. 11.*

дний план и решающую роль в провоцировании и эскалации конфликта начинают играть эмоциональные факторы. В динамике этнического конфликта прослеживается действие двух механизмов поведения: социально-психологического и институционального. Этнический конфликт возникает за счет групповой эмоциональной реакции, опирающейся на групповую солидарность, когда члены группы пытаются защитить некие общие ценности, порой имеющие символический характер. Затем эмоциональная реакция и групповая солидарность трансформируются в публичную деятельность, в оформленные позиции и притязания, для реализации которых создаются соответствующие структуры.

Наиболее масштабной является попытка анализа этнического конфликта, которая предпринята Тедом Гурром в его труде «Меньшинства как группа риска». Эта работа построена на основе изучения политического поведения 233 этнических групп за период с 1945 по 1989 год. Ключевое положение концепции Гурра состоит в утверждении, что этнополитическое действие мотивировано глубоко укоренившимся недовольством людей своим коллективным статусом, которое акцентируется и стимулируется групповыми лидерами и этническими антрепренерами.

Среди крупных проектов по изучению этнополитических конфликтов следует особо отметить исследование, проведенное Центром сравнительных социально-экономических и политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Итогом этого проекта стал не только содержательный аналитический доклад и серия публикаций, но и создание электронного ресурса «Монитор этнополитической конфликтности», где представлена карта этнополитических конфликтов с указанием степени их интенсивности. Многие из отмеченных на этой карте конфликтов являлись объектом анализа в вышеназванных исследованиях. Но при этом стоит заметить, что авторы исследования выделяют на сегодняшний день только семь конфликтов, которые находятся в «горячей фазе» развития, включая конфликт на Донбассе, который имеет, конечно, этнополитическую составляющую, но в чистом виде к этнополитическим конфликтам не относится (хотя, безусловно, все этнополитические конфликты носят сложный характер).

На наш взгляд, карта этнополитических конфликтов требует уточнения, ибо вряд ли можно отмечать на карте Больцано как территорию этнополитической конфликтности (конфликт здесь маркирован как «латентный»), ибо к настоящему времени конфликт в Южном Тироле исчерпан и бывшие «экстремисты» являются теперь депутатами регионального парламента и политическими лидерами этой автономной области, а сам регион относится ныне к успешным и динамично развивающимся регионам не только Италии, но и всей Европы. То же самое можно сказать и по поводу Страны Басков в Испании. С другой стороны, отсутствие на карте Мьянмы нам представляется неверным, поскольку конфликт вокруг *рохинджа* еще не исчерпан и из страны продолжается исход остатков этой культурной группы.

Этнические конфликты — это особая форма социальных конфликтов. Этнические конфликты обладают способностью вовлекать в свою орбиту предметные области и объекты других типов конфликтов и в чистом виде встречаются нечасто. Между тем опыт всемирной истории показывает, что эти конфликты могут приобретать значительные масштабы и даже пересекать государственные границы. В этой связи справедливо звучит вопрос о том, что же есть собственно этническое в этнополитических конфликтах, который поставил немецкий социальный антрополог Гюнтер Шлее. По его мнению, всю совокупность взглядов и позиций, связанных с определением этничности как причины «расколов и дезинтеграции», можно свести к шести основным утверждениям: 1) этнические различия являются первопричиной этнических конфликтов; 2) противоречия между обычаями различных народов отражают древние, наследуемые и глубоко укоренившиеся антагонизмы; 3) этничность является универсальной, т.е. любой человек принадлежит к какому-либо народу; 4) этничность аскриптивна, т.е., как правило, человек не может изменить свою этническую принадлежность; 5) народ представляет собой общность по происхождению; 6) этносы территориальны, они связаны с определенной территорией и стремятся к национальному суверенитету.

Однако практически любое из приведенных положений можно оспорить. Полемизируя с утверждениями относительно значения этнических различий в возникновении и эскалации этнополитических конфликтов, с попытками объяснить

их возникновение глубокой исторической обусловленностью, Шлее ссылается на пример Югославии. Считается, что югославский кризис — пример классического этнополитического конфликта современности. В этой связи наиболее значима ситуация в Боснии, которую Гюнтер Шлее называет «Югославией в миниатюре». Исследования предвоенного времени показывали, что происходило постепенное исчезновение югославянских этничностей и шел процесс формирования единого югославского народа. В различных частях страны этот процесс протекал с разной интенсивностью, но он был очевиден. В Боснии подавляющая часть населения вплоть до 1990-х гг. не придавала существенного значения этническому фактору. По существу, этничность была навязана местным сербам, хорватам и мусульманам усилиями политиков, и мнимые культурные различия стали реальным основанием не только для разделения общин, но и для их жестокого противостояния в ходе гражданской войны.

Основополагающими причинами современных этнополитических конфликтов являются различия в понимании природы современных наций. Концепция нации-этноса послужила основой для рождения идеи Eretz Israel и концепта Великой Сербии, для рождения этнического национализма *бумипутра* (сынов земли) в Малайзии, *амхара* в Эфиопии, породив одновременно серьезные противоречия и конфликты.

Более частными причинами этнополитических конфликтов являются этнический сепаратизм, борьба за правовой статус группы, стремление к обретению групповой автономии, борьба за общинные интересы или сектантские религиозные движения (как правило, мусульманские). Впрочем, помимо современных манипуляций с культурными различиями и политической мобилизации этничности, нельзя упускать из виду и реальные этнические противостояния, которые могут иметь многовековую историю и память о которых также была намеренно отоброшена в как можно более драматической форме, чтобы возбудить ненависть и готовность участвовать в конфликте.

Этнополитические конфликты современной эпохи многочисленны и имеют место во всех регионах планеты, подрывая стабильность как слабых экономически стран, так и стран с развитой экономикой и высоким уровнем жизни, как авторитарных и неразвитых демократических государств, так

и классических демократий. Исторические корни некоторых современных конфликтов и этнополитических движений кроются в противоречии между этническими и политическими принципами социального структурирования, которое, по существу, проявляется как расхождение между этнической группой и формирующейся нацией гражданского типа. Неслучайно этнический национализм как основополагающий идеологический принцип пропагандирует синонимичность между понятиями «этнос» и «нация». Названное противоречие имеет место во многих странах, независимо от уровня их экономического и политического развития. Особенно острым оно оказывается в странах, где сложный этнический состав населения, а процессы нациестроительства не завершены, т.е. у жителей страны отсутствует должная степень национальной (в смысле государственной, а не этнической) идентичности. В странах, где имеются крупные этнические анклавы с высоким уровнем развития и неудовлетворенными политическими притязаниями, существует не только потенциальная угроза этнополитического конфликта, но и угроза самой целостности государства.

К примеру, на грани распада оказалась такая, казалось бы, благополучная страна, как Канада. По требованию квебекских франкофонов в этой провинции состоялся референдум по поводу ее государственной независимости. Сторонники независимости оказались в меньшинстве, но защитники целостности государства набрали на референдуме 30 октября 1995 г. только на один процент больше голосов, нежели противники.

Этнический конфликт — это форма гражданского противостояния на внутригосударственном или трансгосударственном уровне, при которой хотя бы одна из сторон организуется и действует по этническому признаку или от имени этнической общности. Этнополитический конфликт — борьба различных социальных групп, которые организуются по этническому принципу, и этот принцип становится основанием их идеологического и политического противостояния.

Типы этнополитических конфликтов

Каждый конфликт имеет свои особенности, но существуют основания, которые позволяют делать обобщения и типологизировать имеющиеся разновидности. Как известно,

источниками конфликтов являются власть, богатство, достоинство, а точнее, дефицит этих ресурсов и их несправедливое распределение (реальное или мнимое), которые порождают социальное напряжение в обществе, ведут к формированию конфликтных ситуаций и противоречий в отношениях между социальными группами.

В принципе типология этнополитических конфликтов не может существенно отличаться от типологии политических конфликтов, но корректируется предметом и объектом этнополитологии. В политической конфликтологии выделяются три основных типа конфликтов: государственно-правовые, статусно-ролевые и конфликты политических культур¹. Исследователи этнических конфликтов предлагают свои классификации, но они во многом близки к классификации, предложенной политологами. Мы предлагаем следующую типологию:

1) политико-правовые, суть которых сводится либо к борьбе этнических групп с государством за придание политического статуса территории их исторического проживания или его изменения, либо к борьбе за формирование специализированных институтов политического представительства этнических меньшинств. К этому типу конфликтов относятся и тяжбы с государством по поводу прав на распоряжение территориями и их природными ресурсами. Этот тип условно можно обозначить как «группа против государства» (*group versus state*);

2) статусно-позиционные, в основе которых борьба этнических сообществ за особый политический статус в государстве или в территориальном сообществе, а также попытки добиться специального культурного статуса для группы, который обеспечивает ей режим наибольшего благоприятствования в культурной и хозяйственной сферах;

3) межгрупповые конфликты, в основе которых лежит либо взаимная враждебность групп, связанная с наличием значительных культурных дистанций между ними, либо борьба за спорные территории и ресурсы. Это обычно конфликт «группа против группы» (*group versus group*).

К первому типу конфликтов относятся, например, грузино-абхазский конфликт, который привел к фактическому от-

делению Абхазии от Грузии, чеченский конфликт, конфликт между турецким правительством и курдами, которые требуют создания в восточных вилайетах страны автономного курдского образования. К этому же типу конфликтов относится и борьба кольских саамов за создание регионального саамского парламента или борьба норвежских саамов с правительством Норвегии за расширение их полномочий в деле распоряжения ресурсами территорий, на которых они традиционно вели хозяйство. К данному типу относится и борьба населения Каталонии (точнее — значительной части ее населения) за политическую независимость, которая осенью 2017 г. приобрела крайне радикальные формы.

К второму типу конфликтов относятся борьба инуитов Гренландии за признание их самостоятельной нацией, равно как и борьба франкофонов Канады за то, чтобы франкоканадцы именовались самостоятельной нацией. В Малайзии это борьба представителей китайского и индийского меньшинств за то, чтобы они были уравнены в статусе и правах с титульным населением — малайцами. В России наиболее распространенной формой статусно-позиционных конфликтов является борьба этнических организаций за то, чтобы группы, интересы которых они защищают, получили статус коренного малочисленного народа и соответствующие преференции. К числу таковых относятся поморы, коми-ижемцы и ряд других.

К третьему типу конфликтов относятся, к примеру, конфликт между англичанами-протестантами и католиками-ирландцами в Ольстере по поводу принадлежности Северной Ирландии, борьба между христианами юга Судана и мусульманским населением севера страны, закончившаяся разделом государства, споры по поводу административного и культурного статуса Трансильвании, где сталкиваются интересы румын и венгров, или конфликт между тамилами и сингалами на Шри Ланке. К данному типу относится и осетино-ингушский конфликт на Северном Кавказе, связанный с взаимными притязаниями осетин и ингушей на Пригородный район Осетии.

Актуализация этничности в последний период советской истории и в первые годы новой российской государственности выразилась не только в существенно возросшем интересе к родному языку, этнической культуре, истории, но, главным образом, в требованиях создать государственные гарантии для сохранения и развития культурной специфики этнических

¹ Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика: Теоретико-методологический анализ. 2-е изд. М.: URSS, 2010. С. 53–153.

групп. Выразителем этих требований стала, главным образом, гуманитарная интеллигенция. Она не только аргументировала этнические притязания и оформляла их в виде программ, деклараций, воззваний и т.д., но и была главным организатором этнополитических движений, которые добивались превращения выдвигаемых программ в жизнь. Важно отметить, что, за редким исключением, эти движения и организации в бывшем СССР и России возникли в период 1988–1991 гг., т.е. в период глубокого политического и социально-экономического кризиса общественной системы. Этнополитическая мобилизация на территории бывшего СССР охватила обширные регионы и в той или иной мере затронула все этнические группы. Политизация этничности, сопровождавшаяся повышением уровня политической организации этнических сообществ и способствовавшая осознанию ими своих особых интересов, тем привела к нарастанию этнополитической конфликтности. Столкновение интересов во многом было предопределено предшествующей этнонациональной политикой советского государства. Последняя слабо учитывала этнические реалии, узаконила уязвимую систему этнической иерархии, когда одни этнические сообщества могли претендовать на самый высокий уровень «национальной государственности», другие — на менее высокий, а третьи вообще не имели на нее права. Советская политика допустила прямые преступления против целых народов (массовые депортации целого ряда этнических групп или значительной части из них), разрушала основы традиционного хозяйства и образа жизни и т.д. Кроме того, этнотерриториальный принцип решения проблем этнических сообществ не только способствовал модернизации и сохранению культуры отдельных народов, но и создавал условия для будущих конфликтов, противопоставляя одни народы другим, препятствуя общегражданской интеграции населения, поощряя этноцентризм и политические амбиции этнических элит. Этническая иерархия и растущие противоречия с центральной властью породили этнический национализм и сепаратистские устремления.

Как только тоталитарный контроль над общественной жизнью ослабел, а репрессивный аппарат перестал подавлять проявления инакомыслия, включая национализм, сразу же в стране стали возникать очаги межэтнической напряженности. В 1986 г. антирусские выступления произошли в столице Ка-

захстана Алма-Ате. За этим последовали армянские погромы в Сумгаите и столкновения армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе, убийства турок-месхетинцев в Ферганской долине Узбекистана, волнения в Якутске и в Туве, в Уральске и Набережных Челнах.

Урегулирование этнополитических конфликтов является важнейшей политической проблемой. Нет необходимости доказывать, что последствия этих конфликтов оказывают негативное влияние не только на государственное развитие, но и на имидж государств, которые не способны предотвратить конфликты. Но самое тяжелое последствие обострения конфликтов — это человеческие жертвы, число которых может измеряться многими тысячами и даже миллионами. Только в последние десятилетия в Турецком Курдистане в результате столкновений курдов с турецкими правительственными войсками погибло 26 тыс. человек, в Шри-Ланке — более 35 тыс., Сьерра-Леоне в этническом конфликте погибло около 100 тыс., на Филиппинах (о Минданао) — свыше 120 тыс., в Либерии — более 150 тыс., в Боснии и Герцеговине — около 200 тыс., в Судане — более 1 млн, в Афганистане — свыше 1 млн, в Сомали — более 350 тыс., в Анголе — свыше 500 тыс., в Руанде только за три месяца 1994 г. погибло более 1 млн человек. Многие из названных этнополитических конфликтов не урегулированы до сих пор. По существу, то же самое можно сказать и о целом ряде этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, ибо очаги напряженности сохраняются в Закавказье, Приднестровье, в Средней Азии. Два раунда вооруженных действий в Чечне в 1994–1996 и 1999–2001 гг. стоили более 40 тысяч жизней российских граждан, включая военнослужащих, мирных жителей и чеченских боевиков. Однако удивительный опыт успешной постконфликтной реконструкции в Чечне до сих пор не проанализирован и не оценен должным образом.

Проблема управления конфликтом

В технологиях конфликто разрешения выделяют три этапа: предупреждение, урегулирование и разрешение конфликтов, где предупреждение есть вмешательство в назревающий конфликт, урегулирование — способ разъединения и умиротворения конфликтующих сторон, а разрешение — сня-

тие основного конфликтного противоречия. Безусловно, значение имеют все названные этапы, но наиболее актуально именно урегулирование, поскольку здесь речь идет о сохранении социальной стабильности и предотвращении жертв с обеих сторон.

Некоторые ученые предлагают говорить не об урегулировании конфликтов, а об «управлении» этнополитическим конфликтом. Суть этой концепции состоит в том, что управление конфликтом направлено не на его разовое силовое подавление, а на его «контроль», трансформацию в невооруженную форму и последующее разрешение. Процесс управления начинается с анализа этнополитического конфликта, который должен дать адекватное представление об истории и причинах возникновения как конфликтной ситуации, так и самого конфликта. Исследователи выделяют «рациональный» и «деструктивный» конфликты. Стороны первого из них готовы признать справедливость и обоснованность требований конфликтующих субъектов и стремятся к урегулированию взаимных претензий. Однако такого типа конфликты составляют меньшинство этнополитических столкновений, и примером их успешного разрешения можно назвать мирный выход Норвегии из состава Шведского королевства в 1905 г. или раздел Чехословакии на Чешское и Словацкое государства в 1993 году.

Большинство этнополитических конфликтов современности относится к деструктивным. В этом случае конфликтующие стороны преднамеренно или непреднамеренно игнорируют объективные факты и рациональное содержание претензий противостоящей стороны, а само противостояние постепенно усиливается, вовлекая в орбиту конфликта новых участников и провоцируя применение насилия.

Стратегия управления конфликтом исходит из необходимости эффективного влияния на конфликт с целью корректировки его развития в нужном направлении. Данная стратегия предполагает в зависимости от ситуации использовать **нормативный, принудительно-переговорный, эмоционально-психологический, силовой и интегративный подходы.**

Нормативный подход предполагает разрешение конфликтов с помощью определенного набора правовых или моральных норм. В данном случае важно наличие согласия между сторонами конфликта относительно приемлемости этих норм. Если согласие отсутствует, то возникает необходимость его

навязывания. Здесь решающее значение может иметь авторитет государства и все его политические и экономические ресурсы воздействия на конфликтующие субъекты.

Принципиальным моментом при использовании принудительно-переговорного подхода к разрешению этнополитических конфликтов служит понимание конфликта как проявления врожденного (или приобретенного в обществе) стремления человека или группы к доминированию. Поскольку доминирующие позиции может занимать только одна сторона, постольку господствующая группа навязывает свои «правила игры» тем, над кем она осуществляет господство. Данный подход не может обеспечить стабильность внутри общественной системы, и даже его сторонники считают, что мир между конфликтующими сторонами недостижим, а возможно лишь временное урегулирование проблем.

Эмоционально-психологический подход применим тогда, когда заинтересованные стороны, независимо от их статусных характеристик, ресурсов и политических стратегий, устанавливают взаимоотношения, устраивающие всех участников конфликта. В качестве исходной позиции урегулирования стороны принимают как аксиому положение о том, что конфликт однозначно невыгоден всем сторонам и все стороны несут те или иные потери в результате его эскалации. Согласование интересов происходит без явного или скрытого принуждения, что обеспечивает прочность урегулирования и успешный поиск эффективных путей разрешения конфликтных ситуаций.

Существуют и другие подходы, среди которых наиболее распространены индифферентный и силовой. Индифферентный подход типичен для авторитарных режимов, которые, как правило, игнорируют конфликты и равнодушны к требованиям групп, вовлеченных в конфликт. Этот подход может на время отложить решение конфликтных ситуаций, но «отложенный конфликт» неизбежно проявит себя при изменении политической ситуации и накопленный потенциал конфликтности лишь осложнит его разрешение.

Еще один способ воздействия на конфликт — силовой. Он применим тогда, когда более сильная сторона навязывает слабой стороне свои условия разрешения противоречий, которые, по сути, не разрешают конфликтную ситуацию, а лишь заставляют слабую сторону снять свои претензии к сильной стороне. Однако большинство специалистов-конфликтологов

согласны с тем, что наилучшим способом разрешения конфликтов является компромисс. Но при этом практика урегулирования конфликтов доказывает, что успешное их урегулирование (независимо от избранной стратегии) возможно лишь в рамках определенных процедур. Первая из них — институализация конфликта, т.е. установление четких правил урегулирования отношений сторон, их взаимодействия. В этом случае конфликт становится предсказуем и управляем, претензии сторон даже в случае их нарастания будут укладываться во вполне предсказуемые нормы поведения.

На основе вышеназванных подходов в конфликтологии сформировались конкретные формы конфликто разрешения. Существует четыре основные формы разрешения социальных конфликтов, к которым относятся и этнополитические конфликты:

- 1) *насильственная*, предполагающая использование силы, включая вооруженное противостояние сторон конфликта;
- 2) *состязательная*, предполагающая использование для разрешения конфликта судебные процессы, служебные расследования и другие процедуры;
- 3) *согласительная*, основывающаяся на достижении компромисса, консенсуса между конфликтующими сторонами и использующая для достижения согласия медиацию (использование по взаимному согласию сторон нейтрального посредника, не афиширующего свою деятельность), переговоры, независимую процедуру;
- 4) *смешанная*, предполагающая использование таких процедур, как мини-суд, арбитраж, посредничество и др.¹

Какие бы формы не использовались для успешного конфликто разрешения, важно одно условие: обе стороны конфликта должны быть институционализированы. Неинституционализированный конфликт неуправляем, а потому опасен. В этом случае недовольство сторон может выливаться в деструктивные формы взаимодействия. Под институционализированным механизмом понимается не только установление строгих юридических актов или регламентов, а весь спектр возможных регулирующих норм: законодательные акты, протоколы, меморандумы, устные договоренности. Важна не форма, а наличие

¹ Милецкий В.П. Введение в историю и теорию конфликто разрешения (Опыт сравнительного анализа): Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 19.

добровольного согласия строить отношения и вести переговоры в рамках определенных правил.

Другая важная задача, которую необходимо решить при урегулировании конфликтов, состоит в выделении структурированных конфликтующих групп. Враждующие стороны должны определить, кто правомочен представлять их интересы и осуществлять диалог с противостоящим участником конфликта и посредниками. В этой связи органы государственной власти должны быть объективно заинтересованы в том, чтобы этнические общности и группы формировали свои партии, движения, организации, которые могли бы представлять их интересы или интересы части из них и выполняли консолидирующую роль. Неорганизованные сообщества более опасны и непредсказуемы, чем организованные. Организации играют роль социального регулятора и могут быть эффективно использованы в разрешении конфликтов как выразители коллективных требований и претензий и как участники переговорных процессов и выработки процедур урегулирования. Суммируя вышесказанное, можно заключить, что **управление конфликтом и его урегулирование должно включать идентификацию, институализацию конфликта, определение или выделение его субъектов и выработку стратегии и технологии его урегулирования.**

Рассматривая технологические проблемы урегулирования этнополитических конфликтов, директор проекта по системам переговоров при Школе права Гарвардского университета Уильям Юри пришел к выводу, что «увеличение числа этнических конфликтов стало результатом широкого позитивного явления — передачи властных полномочий на более низкий политический уровень»¹. Он отмечает, что все этнические группы в мире в своем развитии проходят три этапа: 1) этап зависимости и дискриминации, 2) этап независимости и 3) этап взаимозависимости или взаимовыгодного сосуществования с другими группами. Вместе с тем Юри отмечает, что большинство людей живут ныне в поликультурных сообществах и поэтому важно найти способы, как «свести наши различия к позитивному, а не к отрицательному балансу».

¹ Юри У. Этнические конфликты: что можно сделать? // Национальная политика в Российской Федерации / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1993. С. 77.

В его понимании для решения вышеназванной задачи необходима политическая система, которая бы состояла из трех компонентов. Первый из них относится к *власти* и предполагает создание демократических институтов, в которых были бы представлены все этнические группы населения страны и которые имели бы механизмы сдержек и противовесов, исключающие злоупотребления властью. Второй компонент системы касается прав. Суть его в том, чтобы разработать кодекс *прав* как для индивидов, так и для групп и создать независимую систему судопроизводства, которая обеспечивала бы соблюдение этих прав. Третьей частью системы должны стать *интересы*. В данном случае подразумевается переговорный процесс, в ходе которого представители этнических групп вместе должны выработать решения, удовлетворяющие принципиальные интересы всех вовлеченных в переговорный процесс сторон. Причем, как подчеркивает У. Юри, именно разрешение разногласий в ходе переговоров является важнейшим завоеванием демократии, а не выборы или возможность обратиться в судебные органы.

Обобщая опыт урегулирования этнических конфликтов, исследователь предложил свою технологию возможных действий, состоящую из десяти различных вариантов.

Ученый сравнил этнический конфликт с пожаром и поэтому назвал в качестве первой задачи *предотвращение конфликта*. Пока есть возможности не допустить столкновений на этнической почве, необходимо их в полной мере использовать.

Вторым необходимым действием заинтересованных в разрешении конфликтов сторон он назвал *организацию дискуссий*. Сама возможность конструктивного обсуждения проблем уже способствует снижению напряженности. Но для полноценной дискуссии необходимо, чтобы были представлены все имеющиеся точки зрения, включая самые радикальные, и чтобы обсуждение велось в рамках определенных правил, принятых сторонами. Важнейшими из них служат требования не обвинять оппонентов и избегать личных нападок.

Третий способ действий состоит в том, чтобы *способствовать высказыванию обид в контролируемой обстановке*, что предполагает при обсуждении конструктивных планов на будущее анализировать и прошлые обиды. Следующим необходимым шагом названо *содействие процессу совместного решения*

проблем. Оно предусматривает согласование интересов, выход за рамки жестких позиций и обращение к мотивировкам, лежащим в основе позиций сторон. Затем важным действием является *определение общей цели*; чтобы процесс переговоров был продуктивным, общая цель не должна замыкаться только на проблемах самого конфликта. Далее существенное значение имеет *содействие взаимному проявлению доброй воли*.

Необходимой в процессе переговоров и совместного разрешения конфликта является выработка проектов взаимных соглашений. Важное прикладное значение имеет институализация процесса решения проблем и переговоров. Она имеет особое значение в связи с тем, что решить сразу все конфликты невозможно, они будут возникать вновь и вновь. Поэтому необходимо создать институты, которые содействуют поиску решений и процессу переговоров. Существенную помощь в урегулировании конфликтов может оказать привлечение внешних ресурсов для формирования стимулов к сотрудничеству. Под внешними средствами понимаются не только финансовые ресурсы, но и неправительственные организации, университеты и фонды, у которых накоплен опыт урегулирования этнических конфликтов.

Опыт решения конфликтных ситуаций требует широко-го сотрудничества и использования всего арсенала имеющихся средств, позитивного опыта, накопленного различными специалистами и странами. Такой опыт имеется, и его надо использовать и совершенствовать в соответствии с требованиями времени. Однако не менее важен и негативный опыт решения конфликтов, особенно это касается вмешательства третьей силы в межэтнический или этнополитический конфликт. Весьма показателен в этом плане опыт вмешательства США в сомалийский конфликт. После первой войны в заливе, окончания «холодной войны» и краха СССР казалось, что Запад и прежде всего Соединенные Штаты Америки имеют эффективные способы воздействия на любые события в любом районе земного шара. Эта иллюзия стала рассеиваться в 1993 г., когда потерпела провал американская гуманитарная операция в Сомали. Точнее, гуманитарная операция прошла успешно, но когда американцы попытались устранить причину гуманитарной катастрофы в этой стране и вмешаться в гражданскую войну, которая носила характер противостояния разных этноконфессиональных сообществ, произошел «мога-

дишский инцидент», когда начались нападения на американских военных. На глазах у всего мира обезображенные трупы американских солдат повстанцы таскали по улицам Могадишо. Этот инцидент стал предупреждением, что внешнее грубое и непрофессиональное вмешательство в этнические конфликты опасно и способно усугубить их.

Роль государства в решении этнических и этнополитических проблем, в том числе в разрешении конфликтов, весьма значительна, несмотря порою на непоследовательный и противоречивый характер государственного вмешательства, как это имело место, например, в России по отношению к ситуации в Чечне. Понятно, что государство заинтересовано во внутренней стабильности и ориентирует свои институты на решение этой задачи, однако оно само выступает нередко одной из сторон в этнополитических конфликтах и поэтому не может быть объективным арбитром в разрешении споров между этнической общностью и государством. У государства всегда больше средств давления на противоположную сторону конфликта и всегда есть искушение выступить не в качестве равноправного партнера на переговорах по его разрешению, а навязывать свои условия конфликтующей стороне. Именно поэтому многие конфликты, развивающиеся по линии *этническая общность — государство*, длятся годами и десятилетиями, и приемлемой формулы урегулирования найти не удастся. Это можно сказать об этноконфессиональном конфликте в Северной Ирландии, корсиканском национализме во Франции, тамильском сепаратизме на Шри-Ланке, движении басков в Испании, турецком Курдистане и о многих других локальных этнополитических конфликтах.

Главная функция государства в подобных случаях должна состоять не в том, чтобы самому пытаться решить любой этнополитический конфликт, а в том, чтобы способствовать поиску решения конфликтов, в том числе предлагая и развивая институт независимых посредников и специальных кризисных менеджеров. И все же есть ситуации так называемых глубоких или тяжелых вооруженных конфликтов, в которых имеют место крупные человеческие потери, страдания гражданского населения, огромные разрушения и в которые вовлечены самые разные внешние силы, включая наемников, идейно-религиозных фанатиков и международных террористов. Разрешение таких конфликтов требует прямого и чаще всего

силового вмешательства государства с целью покончить с насилием и восстановить власть в зоне конфликта. Вот к какому выводу на этот счет пришел британский ученый, журналист и канадский политический деятель Майкл Игнатъевф, исследовавший феномен современных «этнических войн» главным образом на материале бывшей Югославии: «Как бы это ни звучало парадоксально, полиция и армия национального государства остаются единственными доступными институтами, которые когда-либо были созданы, чтобы контролировать и противостоять крупномасштабному насилию»¹.

В поисках приемлемой технологии управления и урегулирования этнических конфликтов уже достигнуты определенные успехи, которые стали следствием обобщения и анализа обширного эмпирического материала и конструирования на его основе конкретных моделей урегулирования. Однако очевидно, что современный опыт разрешения этнополитических конфликтов недостаточен, а рациональные политические механизмы урегулирования нередко оказываются неэффективны потому, что в основе конфликта лежит некое иррациональное начало, кроющееся в культурных стереотипах, неудовлетворенных исторических обидах, мифологизированных представлениях и т.п. К такому типу конфликтов можно отнести крупнейший этнополитический конфликт современности — арабо-израильский конфликт. Много десятилетий стороны этого конфликта ищут пути выхода из него. Причем международное давление на конфликтующие стороны с требованием добиться согласия постоянно усиливается. Однако все попытки урегулировать конфликт мирным путем проваливаются. Непродуктивным оказался и силовой метод решения конфликта. Относительно адекватности реагирования на арабо-израильский конфликт международных политических институтов также есть сомнения. Многие государства при голосовании по данному вопросу в ООН или в других международных инстанциях исходят из собственных политических соображений и внутристрановых общественных настроений.

Как крайнюю форму этнополитического конфликта можно рассматривать этнический и религиозный экстремизм и терроризм, которые также иррациональны и покоятся во

¹ Ignatieff M. The Warrior's Honor: Ethnic war and modern conscience. L., 1999. P. 125.

многим на мифотворчестве и индоктринации рекрутов экстремистского насилия. Авторы труда о природе терроризма А.И. Ландабасо Ангуло и А.М. Коновалов пишут по этому поводу следующее: «Философия терроризма как продукт экстремистского сознания неизбежно несет на себе печать мифотворчества. В результате социальная реальность приобретает искаженные, фантастические очертания. Фанатизм мифической “единственной истины” неудержимо ведет к мифологизации действительности... Экстремистская мифология не вполне беспочвенна, она имеет определенные объективные основания, но последние приобретают несоразмерные, гротескные, гипертрофированные масштабы». Идеальный абсолютизм экстремистской социальной философии, неприятие всякого инакомыслия обуславливают дуалистический взгляд на мир, который оказывается бинарным, разделенным на абсолютное благо и абсолютное зло, представляет жесткое противостояние носителей «“вышей правды” и тех, кто препятствует ее осуществлению...»¹.

Но и противники экстремизма, особенно религиозного экстремизма, порой как бы навязывают обществу мифологизированные рецепты борьбы с террористической угрозой. Иногда возлагается вина за исламский терроризм на образованных мусульманских богословов — улемов, чьи трактовки Корана и служат идеологическим обоснованием для исламского терроризма. Однако ислам не имеет жестких религиозных канонов, равно как не имеет единого духовного лидера. Но и довольно распространенные попытки объяснить рост исламского терроризма усиливающимся имущественным расслоением в России и за ее пределами не убеждают, ибо прямой связи между терроризмом и экономическим благополучием нет. Это доказывает анализ деятельности баскских экстремистов в Испании или ситуация в Северной Ирландии (обе названные провинции являются наиболее развитыми в экономическом отношении в своих странах).

Что может способствовать понижению этнополитической напряженности? Майкл Хечтер в своем исследовании «Сдерживание национализма» так отвечает на данный вопрос: «Националистический конфликт будет ослабевать только под воз-

действием трех типов условий: тогда, когда повышается цена коллективной акции в целом; тогда, когда снижается значение национальной идентичности; тогда, когда уменьшается потребность в национальном суверенитете»¹.

Как решать этнополитические конфликты? Пока успешного опыта их решения нет (или он незначителен), но очевидно, что и в этом случае надо искать пути решения, используя имеющиеся возможности, включая и интеллектуальный ресурс.

Контрольные вопросы и задания

1. Что следует понимать под социальным конфликтом?
2. В чем суть этнополитических конфликтов? Назовите исторические примеры этнополитических конфликтов.
3. Типы классификации этнополитических конфликтов.
4. Пути противодействия этнорадикализму.
5. В чем суть идеи «управления этническим конфликтом»?
6. В чем состоит роль государства в урегулировании этнополитических конфликтов?
7. Каковы подходы международного сообщества при урегулировании этнополитического конфликта?

Литература

- Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: Концепты и российская практика. М.: Альфа-М, 2008.
- Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учебное пособие. М., 2005.
- Амелин В.В. Вызовы мобилизационной этничности: Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997.
- Арсеньев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12.
- Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010.
- Бедин В.И., Генова Н.М., Перепелкин Л.С., Соколовский С.В. Этническая конфликтология: Учебное пособие. М., 1995.
- Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
- Дмитриев А.В. Социальный конфликт. Общее и особенное. М.: Гардарики, 2002.
- Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
- Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: ИС РАН, 2003.
- Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект Пресс, 1996.

¹Ландабасо Ангуло А., Коновалов А. Терроризм и этнополитические конфликты. Кн. 1. Из истории басков. М., 2004. С. 15.

¹Hechter M. Containing nationalism. Oxford, 2000. P. 134.

- Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкот, А.В. Малашенко, В.А. Тишкова. М.: Моск. Центр Карнеги, 1997.
- Коузер Л. Основы конфликтологии. СПб.: Светлячок, 1999.
- Ландабасо Ангуло А., Коновалов А. Терроризм и этнополитические конфликты. Кн. 1. Из истории басков. М., 2004.
- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Маркедонов С. Турбулентная Евразия: Межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М.: Academia, 2010.
- Монитор этнополитической конфликтности (электронный ресурс). URL: <http://www.inemo.ru/etnopolitical-conflict-monitor/>
- Нарочницкая Е.А. Этнонациональные конфликты и их разрешение (Политические теории и опыт Запада). М.: ИНИОН РАН, 2000.
- Национальная политика в Российской Федерации / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1993.
- Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому решению) // Советская этнография. 1990. №1.
- Полещук В.В. Латентный этнический конфликт в Эстонии (на примере ситуации в Таллине) // Этнопанорама. 2005. № 3–4.
- Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С. Национальные проблемы на постсоветской территории: Учебное пособие. СПб., 2001.
- Разрешение конфликтов: Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. М., 1997.
- Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики: Аналитический доклад / Под ред. И.С. Семененко. М., 2017.
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6.
- Смуха С. Стратегии управления конфликтом и возможность их использования в Содружестве Независимых Государств // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997.
- Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002.
- Тишков В.А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 4–15.
- Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.
- Феномен этнического конфликта: Междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018.
- Фрейдзон В.И. Сербы и хорваты (исторические корни конфликта) // Этнографическое обозрение. 1993. № 1.
- Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на юге России: 2000–2005 гг. Ростов-на-Дону, 2005.
- Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. М., 2004.
- Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998.
- Этнополитический конфликт: пути трансформации: Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007.

- Юри У. Этнические конфликты: что можно сделать? // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.
- Ямсков А.Н. Территориальные этнические конфликты: Программа курса // Этнология обществу: Прикладные исследования этнологии. М., 2006.
- Esman M. An Introduction to Ethnic Conflict. Cambridge, 2005.
- Hechter M. Containing nationalism. Oxford, 2000.
- Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley; Los Angeles; L., 1985.
- Horowitz D. The Deadly Ethnic Riot. Berkeley: University of California Press, 2002.
- McGarry J., O'Leary B. (eds). The Politics of Ethnic Conflict Regulation. L., 1993.
- Olzak S. The Dynamic of Ethnic Competition and Conflict. Stanford, 1992.
- Petersen R. Understanding Ethnic Violence. Cambridge, 2002.
- Shoup B. Conflict and Cooperation in Multi-Ethnic States: Institutional incentives, myths and counterbalancing. L.; N.Y., 2008.
- Stavenhagen R. Ethnic Conflict and the Nation State. Basingstoke, 1996.
- Stephen R. Ethnic Conflict and International Relations. Burlington, 2000.
- The Territorial Management of Ethnic Conflict / Ed. by J. Coakley. L., 2003.
- Wimmer A. Nationalist Exclusion and Ethnic Conflict. Cambridge, 2002.

ЭТНИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Категория «власть» является центральной в современной политической науке. Феномен политической власти исследован достаточно основательно, чего не скажешь о его связи с этничностью. Между тем очевидно, что групповая дифференциация и конкуренция за обладание властью в определенных условиях ведут к политизации этничности, ее огосударствлению и использованию в качестве инструмента политической борьбы.

Этничность как легитиматор власти

Этничность является мощным политическим ресурсом, ибо она используется для завоевания власти и ее удержания. Но одновременно она выполняет функцию легитиматора власти и во многих случаях используется для легитимации самого государства («Украина есть государство, потому что есть украинцы как народ», «Латвия называется так, потому что есть создатели этого государства латыши как этнос» и т.п.). Эта функция очевидна там, где этничность положена в основу государственного устройства или там, где она освящает политическое доминирование одной этнической общности над другими. Этничность и этнополитические мифы нередко прямо противостоят праву, когда необходимо обеспечить политическое доминирование одной этнической группы над другими или обеспечить политические притязания этнических элит. По мнению ряда исследователей, «этнополитическую легитимность можно рассматривать как коллективно разделяемые членами этнических групп убеждения в том, что существующие структуры политической системы и института власти достойны поддержки со стороны их этнической группы. Стратегические решения, принимаемые этнической группой,

и проявления этнического конфликта по большей части являются ответом (реакцией) группы на способность государства, режима и правительства сохранять легитимность»¹.

В бывшем Советском Союзе этничность выступала в качестве политического маркера, но она рассматривалась и как ресурс власти, и как аргумент в пользу политического доминирования этнической группы. Принятая большевиками на вооружение доктрина этнического национализма, которую они стали реализовывать сразу после завоевания власти в России, исходила из двух положений. Во-первых, каждая этническая община должна иметь собственное национально-государственное образование, статус которого определяется численностью общности и некоторыми другими параметрами. Во-вторых, на территории национально-государственного образования этническая общность объявляется коренной, а все остальное население некоренным. Представители «коренной нации» имеют особые культурные и политические права, точнее, они имеют право на политическое доминирование, которое чаще всего выражается в их непропорциональном политическом представительстве в органах власти данного национально-государственного образования. Эта практика последовательно претворялась в жизнь местными элитами и союзным центром. Политика «коренизации», с одной стороны, должна была способствовать формированию самобытного культурного облика национально-государственных образований, а с другой — усиливать влияние и представительство «национальных кадров» в органах власти. На практике она приобретала порой такие формы, которые никак не способствовали гражданской консолидации различных этнических групп, проживающих на территории национально-государственных образований.

В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные “русские” фамилии (Петров, Родионов и т.п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. “Финноязычные” карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хо-

¹ Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 106.

тели сидеть за одной партией с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов — 5 финноязычные. До 1935 г. в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался»¹.

Руководствуясь названной доктриной, в 1920-е гг. и в начале 1930-х гг. советское руководство в национальных регионах проводило не только культурную политику, но и «коренизацию аппарата». Эта политика была призвана резко увеличить долю «национальных кадров» в органах власти регионов, где проживали преимущественно нерусские народы. «Коренизация» проводилась сверху, но она способствовала формированию в сознании местных элит убеждения, что рычаги власти в «национальных регионах» должны быть в руках представителей «коренных наций» независимо от их доли в составе населения «национально-государственного» образования. Этот принцип считался важным проявлением «ленинской национальной политики».

Политическое руководство СССР следовало указанному принципу при подборе руководящих кадров в национальных республиках и автономиях, при необходимости искусственно поддерживало этнический баланс, нарушаемый ходом этнодемографических процессов на той или иной территории. Так, в Республике Коми с начала 1930-х гг. до конца 1950-х гг. произошло кардинальное изменение баланса этнических групп: доля титульного населения уменьшилась с 90% до менее трети в общем составе населения республики. Между тем доля коми депутатов в составе Верховного Совета продолжала сохраняться на уровне не менее 50% от их численного состава (ныне имеет место обратная ситуация: доля коми депутатов составляет 13% в составе Государственного совета, а доля коми в населении республики — 25%). То же самое имело место и в других республиках.

Особенно строго принцип этнизации политической элиты соблюдался в союзных республиках. В результате здесь сформировались этнополитические кланы, которые лишь условно подчинялись союзному руководству, соблюдая фор-

мальные признаки лояльности. Вертикальная политическая мобильность для членов этих кланов не стала массовой, что приводило к замыканию связей внутри республиканских политических элит. Став самодостаточными политическими формированиями, республиканские элиты могли сохранять лояльность центру до тех пор, пока сохранялась тоталитарная система правления и имелась реальная экономическая выгода в связях с центральной властью. Как только тоталитарный контроль ослаб, а экономический кризис сделал иллюзорной массивированную финансовую помощь центра, этнизированные элиты под националистическими лозунгами опрокинули власть союзного центра. Сходные явления можно было наблюдать в Югославии и Чехословакии, где элиты республик, став самодостаточными, уже не хотели делиться властью с центром и начали борьбу с ним, взяв на вооружение доктрину этнического национализма.

Не менее показательны процессы нацистроительства, которые имели место в государствах, возникших на постсоветском пространстве. Новые независимые государства приняли свои конституции, которые формально носили демократический характер и декларировали равенство прав и свобод своим гражданам. Но фактически в одних странах установился режим этнической демократии, а в большинстве — различные версии авторитарных режимов. Идеологической базой этих государств, обоснованием установившегося режима власти стала политизированная этничность. Так, в постсоветских странах Среднеазиатского региона менее русифицированные слои титульной интеллигенции, получившие статус хранителей национальных культур, активно обосновывали необходимость приоритетов для титульных этносов в политической и культурной сферах. Неслучайно даже там, где русские составляли значительную часть населения и имели прочные позиции в социальной иерархии, русский язык не получил статус государственного, а сами русские, близкие к ним этнические группы и русифицированная часть местной интеллигенции стали вытесняться с прежних позиций. К примеру, на севере Казахстана, где неказахское население численно доминировало, местные администрации были сформированы преимущественно из казахов, а в составе высшего руководства страны все ключевые должности были отданы представителям титульной национальности.

¹ Сурво А.А. Уральский миф // Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. Вып. 5. Сыктывкар: КГПИ, 2009. С. 126.

Дискриминация нетитульного населения в странах Средней Азии имеет многочисленные формы. Ответом на попытки установить политическую гегемонию титульного населения стала волна миграции из этих стран в Россию и в некоторые другие страны (немцы выезжали в массовом порядке в Германию).

В этнизированных государствах, в каковые превратили среднеазиатские страны их власти и националистическая интеллигенция, этничность является дополнительным или даже основным ресурсом власти, его опорой и способом удержания властных полномочий. Этничность является также инструментом политической и культурной конкуренции, ибо для занятия постов в местных и центральных органах власти важны в первую очередь не деловые качества, а этническая принадлежность, личная преданность руководителям, родственные связи с ними.

Издержки этнизации власти

Метаморфозы этнизации власти на постсоветском пространстве особенно показательны на Украине, которая, казалось бы, связана с Россией многочисленными и прочными узами. Амбиции политического руководства бывшей союзной республики не только привели к нелегитимному демонтажу СССР, но и способствовали культивированию среди политической элиты и в массовом сознании особой украинской идентичности, которая понималась как единственная база нациестроительства. Украинцы, говорящие на украинском языке, национальная интеллигенция и многие представители политической элиты после обретения государственной независимости включились в дискуссию об «украинскости». Этноориентированная часть населения, прежде всего на западе страны, стала подчеркивать особые права титульного населения, идеологи «украинскости» стали рассматривать русских в качестве колонизаторов, что напоминало заявления эстонских и латышских политиков. Творцы новой украинской идентичности объявили украинцев восточным бастионом европейской культуры, а Россию — страной, находящейся за ее (европейской культуры) пределами (прежде такая позиция высказывалась немецкими идеологами в отношении поляков, а польскими идеологами — в отношении украинцев).

Казалось бы, весомая доля русских на Украине и большая украинская диаспора в России, значительное число русскоговорящих украинцев и широкие родственные связи между жителями Украины и России должны естественным образом подталкивать власть к сбалансированной этнокультурной политике, но реальность оказалась иной. Избранный вариант нациестроительства заставил власти реализовывать иной сценарий этнополитики. Паритетный русско-украинский национализм практически не изменил бы ситуацию, сложившуюся еще в советские годы, и не позволил бы сделать «украинскость» реальной идеологией и реальной перспективой нациестроительства, ибо русский язык и русская культура имели преимущества и конкурировать с ними на равных украинскому языку и культуре было сложно.

Поэтому русский язык так и не получил статус государственного языка, число русских школ стало резко сокращаться, все официальные печатные издания и телеканалы перешли на украинский язык, начался «пересмотр» истории, древнерусские князья Рюриковичи и летописец Нестор были названы украинцами, а украинский писатель Гоголь (писавший на русском) был исключен из числа украинских литературных классиков. Хотя сторонники украинской ориентации получали свои политические дивиденды, влияние русской общины и русскоязычных украинцев на власть оставалось существенным. Явная проукраинская ориентация первого президента независимой Украины Л.М. Кравчука привела к его поражению на очередных президентских выборах, поскольку доля русских и русскоговорящих украинцев в совокупности пока еще доминировала над остальным населением, а отказ от прочных связей с Россией воспринимался значительной частью населения Украины болезненно и без энтузиазма. Победил на этих выборах Л.Д. Кучма, и главным образом, потому, что его считали пророссийски настроенным.

Его поддержала коалиция русских и русскоговорящих украинцев. Л.Д. Кучма не только собирался укреплять и развивать связи с Россией, но обещал предоставить государственный статус русскому языку на Украине. Однако избранный как русскоязычный кандидат, Л.Д. Кучма по ряду причин также ориентировался на формирование «украинскости» и сам говорил исключительно на украинском языке, не решившись принять на вооружение концепт двуединой и двуязычной нации.

Отчасти это произошло из-за опасений потерять голоса радикальных националистов, оплотом которых являются западные области Украины. Иными словами, завоевав политический ресурс русских и русскоговорящих, Л.Д. Кучма постарался привлечь на свою сторону и политический ресурс националистически настроенной части украинцев. Отчасти это ему удалось, и потому Кучма был переизбран на второй срок, но завоевать прочные политические позиции ему не удалось, ибо этническая опора его власти была расплывчатой и неоднозначной. В результате на Украине так и не удалось сформировать и узаконить понятную и пользующуюся поддержкой большинства населения стратегию нациестроительства, внедрить в сознание идею полиэтничной гражданской нации. Отчасти это произошло потому, что изначально слишком весомая роль отводилась собственно этнической составляющей в формировании украинской нации. Именно этот этноцентристский уклон при обострении политической ситуации расколол Украину на противостоящие политические лагеря в ходе президентских выборов 2004 г., а спустя десятилетие привел и к реальному расколу страны. Президент В.А. Ющенко рядом своих решений не только не способствовал национальной консолидации, но еще более усугубил кризис идентичности внутри украинского общества. Очевидно, что дальнейшее культивирование заложенных в этноцентристской формуле идей грозило не только повторением политических потрясений и хронической нестабильностью страны, но и приходом к власти крайне националистических сил. Именно это и произошло в 2014 г. в результате т.н. «Евромайдана» и государственного переворота.

Эстонские и латышские политики, взяв в годы перестройки курс на восстановление независимости своих стран, могли добиться этой цели, только отобилизовав титульное население на поддержку этнонациональных идей и обеспечив политическую лояльность русскоязычных общин, доля которых в Эстонии была более 30%, а в Латвии — около 40%. Поэтому на начальных этапах борьбы за государственную независимость эстонские и латышские политики, за исключением крайних радикалов, откровенно заигрывали с неэстонским и нелатышским населением, обещая им права гражданства и равный статус с эстонцами и латышами после восстановления независимости. В составе народных фронтов, сформированных в этих республиках, были созданы «русские» секции и

отделения, которые стали мощными союзниками в борьбе за демократизацию и независимость. Интердвижения, которые выступали за сохранение Латвии и Эстонии в составе СССР и опирались главным образом на нетитульное население, оказались политически слабыми и недостаточно организованными. Большая часть русских в Латвии и Эстонии ощущали себя частью местных сообществ и по ментальности отличались от русских в российской глубинке. Поэтому на референдумах о независимости большинство русского населения Эстонии и Латвии поддержало идею создания самостоятельных государств.

После того как Эстония и Латвия обрели государственную независимость и получили международное признание, русскоязычное население Латвии и Эстонии было лишено гражданских прав и объявлено негражданами, что означало их исключение из политической жизни этих стран и ограничение многих других его прав. Такие действия властей объяснялись слабой интегрированностью русскоязычного населения в местный социум, незнанием латышского и эстонского языков, местной истории и сильными «промосковскими симпатиями». Для быстрого и эффективного проведения денационализации в экономике, становления рыночных механизмов и успешной интеграции в сообщество западных стран эстонские и латышские политикисочли необходимым шагом исключение русскоязычных общин из политической жизни и создание защитных барьеров между титульным населением и остальной частью жителей новых государств. Эти барьеры были политическими, законодательными и культурными. Реализацию в жизнь идеи этнически разделенного общества обеспечивали полная политическая гегемония эстонцев в Эстонии и латышей в Латвии, законодательное закрепление статуса неграждан, идеологическое конструирование культурных барьеров, причем нередко с помощью мифотворчества.

Так, еще в годы горбачовской перестройки в Эстонии возникли мифы о языках, один из которых обосновывал нежелание эстонцев изучать русский язык, а второй демонстрировал языковой нигилизм русских. Согласно первому, который пытались обосновать некоторые психологи, обучение ребенка в раннем возрасте второму языку пагубно отражается на его интеллектуальном развитии. Абсурдность этого мифа доказали

сами эстонцы, в массовом порядке начавшие изучать английский язык после обретения независимости.

Второй миф гласил, что русские не стремятся к интеграции в эстонское общество и их познания в эстонском языке очень слабы, что эстонцы гораздо лучше знают русский язык, чем русские эстонский в Эстонии. Действительно, на северо-востоке Эстонии в некоторых городах доля эстонцев была мизерной и там практически невозможно было услышать эстонскую речь. В Нарве эстонцы составляли всего 5% населения города (что не случайно, ибо город довольно долго был подчинен Санкт-Петербургской губернии), в Силламяэ эта доля была еще ниже, в Кохтла-Ярве также полностью доминировало русское население. В этих городах мэры в советскую эпоху всегда были русскими. Но эстонский язык и история края преподавались во всех русских школах, и в целом знание эстонского языка среди русского населения было не менее глубоким, чем знание эстонцами русского. Эстонский язык не знали или знали недостаточно хорошо только поздние мигранты в Эстонию из внутренних областей РСФСР, Украины и других республик.

Эстонские радикалы культивировали политический миф, что русские — имперский народ, который генетически не приспособлен к демократии. И с этим были связаны заявления о моральной ответственности русских за злоупотребления советского режима, в том числе и массовые депортации. Новейшая история Эстонии также мифологизировалась и пересматривалась. Бойцы эстонского легиона СС, которые воевали на стороне Германии, представлялись как борцы за свободу Эстонии, на которых не лежит ответственность за военные преступления. Участие эстонцев в войне на стороне Германии рассматривалось в героико-патриотическом духе. При этом ни один политик или историк не вспоминал о том, что на территории Ленинградской, Псковской и Новгородской областей именно эстонская военная полиция участвовала в карательных операциях против партизан, занималась расстрелами, организовывала репрессии против мирного населения. Таким же образом в Латвии героизировалась «команда Виктора Айварса», усилиями которой были уничтожены десятки тысяч латышских и польских евреев (латыши вместе с украинцами и немцами в основном состояли в охране концентрационных лагерей, созданных нацистами на территории Польши), а так-

же многие жители белорусских и российских деревень, где латышские коллаборационисты совершали карательные акции против партизан и мирного населения.

Идеология разделенного общества на долгие годы предопределила этнонационалистическую направленность политических процессов в Эстонии и Латвии. Не случайно сами творцы этой идеологии и те, кто осуществлял ее практическую реализацию, несмотря на международное давление, до сих пор противятся смене правил политической игры. Очевидно, что натурализация русскоязычного населения Эстонии и Латвии и предоставление гражданских прав русскоязычному населению не приведут к гражданской консолидации в странах Балтии, но могут кардинально изменить политический ландшафт. **Коллективная травма унижения группового достоинства, которую нанесли значительной части населения своих стран эстонские и латышские националисты, будет давать о себе знать многие десятилетия, и политическая конкуренция, и исход борьбы различных политических сил за власть в этих странах, видимо, в будущем будет сильно зависеть от симпатий и антипатий этнических общин, от их поддержки различных политических сил.** Политики, сделавшие себе карьеру на том, что были «профессиональными» эстонцами или латышами, скорее всего, покинут политическую арену, но этнизация политических процессов сохранится.

Культура и политика насилия

Власть и насилие нередко рассматриваются как взаимосвязанные явления. Одним из важных свойств власти является обладание монополией на легитимное насилие. Но феномен насилия связан не только с властью, он имеет глубокие исторические корни и свое культурное измерение. Неслучайно в этологии (науке о социально-биологических корнях и формах человеческого поведения) проблемы агрессии и насилия являются ключевыми¹.

Для нашей дисциплины большое значение имеет анализ вооруженного насилия в его организованной и групповой форме. Именно этот вид насилия больше всего беспокоит со-

¹ Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека / Под ред. М.Л. Бутовской. М.: Научный мир, 2006.

временный мир и умы специалистов. Одна из причин кроется в том, что ушедший XX век стал веком, в котором как никогда в предыдущие столетия люди убивали себе подобных по причине расовых, классовых, этнических и религиозных различий. Пожалуй, никогда ранее в истории даже самые позитивные по своим целям социально-политические движения, особенно за «самоопределение» разного толка, не придерживались так рьяно и последовательно принципа насильственной борьбы и не оправдывали насилие столь изощренно. «В поиске морального оправдания в жерлах стреляющих пушек насилие придает смерти характер ритуальной жертвы, превращает мучения в доказательство. Когда смерть становится мерилем преданности благородному делу, даже жертвы становятся соучастниками насилия, если они принимают это как некую историческую необходимость. Это один из путей обрести политическому насилию свою легитимность»¹, — пишет Д. Эптер во введении к коллективному труду, посвященному проблеме современного политического насилия.

Традиционно антропологи подходили к изучению проблемы насилия как одной из характеристик «примитивных» или нецивилизованных обществ или как форме девиантного, асоциального человеческого поведения. Ученые стремились определить своего рода правила или законы существования и проявления насилия как части культуры. В классической антропологии оно трактуется часто как определенная социальная функция. Именно *функционалистский подход* рассматривает такие социальные институты, как набеги и межплеменные войны, в качестве связующей группы функции, которая проявляется в общих нормах и ожиданиях, даже если внешне они носят разделяющий характер. Насилие часто интерпретируется как своего рода объективная данность социального существования человека, которую общество должно уметь контролировать и подавлять. Этот подход лежит в основе психоанализа Зигмунда Фрейда, социологии Эмиля Дюркгейма, антропологии Марселя Мосса (дар как средство избежать войны). Социальная данность насилия составляет одну из основ концепции государства как монополиста на отправление легитимного насилия.

Еще более *эссенциалистский/примодуалистский взгляд* на насилие разделяет социобиология, связывающая насилие с генетической природой человека. Например, на основе этологических подходов к изучению агрессии в животном мире некоторые исследователи пришли к выводу, что у человека есть внутренняя потребность в агрессии по отношению к своему виду. Именно этой чертой человека обусловлены конфликты и войны, хотя человеку несвойственна (в отличие от других живых существ) биологически неконтролируемая агрессия. Этот подход почти безоговорочно отвергнут современной наукой.

Другим влиятельным подходом в антропологической интерпретации насилия был *экологический*, который связывает состояние человеческих коллективов с природными ресурсами и их доступностью. Так, например, известный американский антрополог Рой Раппапорт, ссылаясь на материалы изучения Новой Гвинеи, утверждал, что демографическое давление приводит к конфликтам, смысл которых — в перераспределении населения на доступной земле. Позднее работы Раппапорта и Вайды были положены в основу анализа карабахского конфликта российским ученым А.Н. Ямсковым. Однако только соперничеством за ресурсы или другими «природными» факторами этот крайне идеологизированный и манипулируемый конфликт, а тем более демонстрируемая в нем жестокость рядовых насильников и изощренность действий элитных элементов объяснить невозможно.

Между сторонниками социобиологических и этологических подходов шла длительная дискуссия, особенно при объяснении войн среди амазонских племен, которая так и не привела к какому-либо консенсусу¹. Коллективное насилие, прежде всего набеги и войны, изучались в контексте становления ранних форм государственности и централизованных политических систем в целом. Здесь большой вклад внесли отечественные ученые, и следует признать как общий вывод, что насилие было своего рода «повивальной бабкой» ранних государств и даже недавних исторических эпох. Труднее согласиться с тем, что насилие обеспечивает стабильность го-

¹The Legitimization of Violence / Ed. D.E. Apter. L., 1997. P. 1–2.

¹В зарубежной науке была острая дискуссия вокруг книг и фильмов антрополога Наполеона Шагнана о латиноамериканском племени яномамо, которым он приписал природную жестокость, наиболее ярко выраженную в феномен «охоты за черепами».

сударств в современном мире, на что справедливо обращают внимание многие авторы. К общим выводам можно отнести следующие положения: **характер насилия по своей первичной природе скорее коллективистский, а не личностный; насилие социально, а не асоциально или антисоциально; оно культурно конструируется и всегда культурно интерпретируется.** Эти положения были продемонстрированы отдельными авторами, которые провели полевые исследования среди североирландских экстремистов, жертв межрелигиозных столкновений в Индии, пострадавших от войны в Шри-Ланке, жертв войны в бывшей Югославии и других.

В социальных науках часто смешиваются понятия «насилие» и «агрессия». Последнее — это преимущественно сфера изучения этнологов и психологов, для которых насильственное поведение есть проявление и доказательство существования особого внутреннего состояния, называемого агрессией. В частности, военные действия часто трактуются как демонстрация агрессивных проявлений со стороны человека. Однако едва ли возможно установить наличие агрессивных чувств у пилота, который сбрасывает бомбы с большой высоты, выполняя боевое задание. Здесь имеет место насилие, но не обязательно как проявление агрессивности. Скорее, агрессия как чувство и как поведенческий мотив больше проявляется со стороны объектов насилия в отношении попавших в плен летчиков, которых, например, вооруженные экстремисты почти всегда физически уничтожали как наиболее ненавистного противника. Во многом сходное отношение было и к американским летчикам, сбитым над Северным Вьетнамом во время вьетнамской войны, и не случайно насилие по отношению к ним стало сюжетной линией многих американских фильмов.

Война — это прежде всего социальное, а не психологическое явление. Агрессия — это, скорее, нанесение физического и любого другого страдания с целью подчинения или доминирования над противником. Проявление насилия — это результат тех ценностей и смыслов, которые существуют в данном конкретном обществе. Чтобы понять и объяснить насилие, необходима не столько цельная теория, сколько анализ сходных или различных культурных (социальных) условий, которые порождают то, что в данном обществе и в данный момент считается насильственным поведением. В таком контексте можно ответить на вопрос, почему в одних регионах

бывшего СССР или в российских этнотерриториальных автономиях (республиках) произошли насильственные конфликты вплоть до масштабных войн, как в Карабахе и в Чечне, а в других (тоже анклавов, тоже депортированные, тоже в состоянии кризиса, тоже многоэтничные и т.п.) сохранялся мир и межэтническое согласие?

К всеобщей характеристике насилия может быть отнесено то, что оно не носит бесконечный характер и рано или поздно имеет обязательный конец. Этим насилие отличается от состояния мира, которое в силу своей функциональной естественности длится долго, а иногда — очень долго: некоторые общества и общины не знают насилия и войны с момента их оформления как социальных коалиций.

Почему насилие, которое тоже может длиться долго, носить циклический и обоюдный характер, все же сходит на нет или целиком замещается позитивной кооперацией бывших врагов? Что делает насилие длительным и сохраняет возможность его возобновления или повторения (циклы насилия)?

Насилие может быть подавлено или прекращено, но не устранено как часть дискурсивной практики. По наблюдениям одного из авторов учебника, в ноябре 1998 г. ненависть хорватов к сербам перекочевала с поля боя на уровень вербального и графического насилия. Хорватские ученые-антропологи называли сербов не иначе как «современные фашисты», «варвары», «тупые шовинисты и империалисты». Улицы хорватских городов были исписаны профашистскими (ушашскими) и ультранационалистическими лозунгами явно антисербской направленности. Тем самым некогда внутриобщинное (внутригражданское) насилие между хорватами и сербами в Югославии обрело еще и форму межгосударственного противостояния. Интенсивность (точнее, накал или потенциал) насилия не стала меньше по сравнению со временем, когда оно имело форму вооруженной борьбы.

Без говорения о конфликте и без его объяснения, а также **без первичного насилия как акта речи сам конфликт и физическое насилие невозможны, хотя спорадическое насилие или его единичный акт вполне возможны.** Акт речи, или слово, — крайне важный элемент насилия. Словесная подготовка вооруженного сопротивления в Чечне началась с его вербальной легитимации, когда был взят на вооружение лозунг «национальной революции» или «национального самоопределения»

и целый набор идеологических постулатов о «геноциде», «народоубийстве» и «имперском господстве России». Шагом к насилию были некоторые литературные произведения чеченских авторов, многочисленные публикации местных и московских историков и других обществоведов, переводные сочинения, националистическая литература из других регионов СССР, которые пестовали трагико-драматический или геройский облик чеченской истории и взывали к «восстановлению исторической справедливости», к реваншу над прошлым. Тиражом 10 тыс. (!) экземпляров вышли в Грозном брошюры о русском в чеченском плену, о горском оружии в Кавказской войне и др. На научных конференциях, посвященных разным деятелям «национально-освободительного движения», звучали не только мифологическая апологетика прошлого (пришедшая на смену советской цензурной версии), но и откровенные призывы продолжить начатое в прошлые века дело освобождения. Причем наиболее откровенно формулировку такого призыва посмели взять на себя зарубежные эксперты — давние борцы с коммунизмом и «русским империализмом».

Связь между вербальным и прямым насилием носит причудливый характер. Тот, кто производит субъективные предписания к насилию или создает морально-доктринальную аргументацию, сам, как правило, не воюет. Рекрутирование исполнителей насилия происходит из другой среды, а иногда даже из членов другой группы или профессионалов бизнеса насилия (не случайно возник и термин «рынок насилия»). Этой средой чаще всего являются сельские молодые мужчины или городские маргиналы. Именно так обстояло дело в Шри-Ланке, Ольстере, среди латиноамериканских *геррильяс* и других рядовых участников «движений», «революций» и прочих коллективных насильственных действий. Но сегодня идеология насилия становится все более сложной, особенно это касается международного терроризма. Однако понимание причин и побудительных мотивов террористов, анализ способов террористического рекрутинга (особенно показателен в этом плане опыт вербовки в ряды ИГИЛ) становится все более актуальной задачей для этнополитологов и, в частности, для «полевого исследования терроризма»¹.

¹ *Schlee G.* How terrorists are made: Research outlook. Annual report 2014 of the Max Plank Society; *Goody J.* What is a terrorist // History and Anthropology. 2012. N 13 (2). P. 139–143.

Для эскалации насилия важно сконструировать образ врага. Применительно к чеченской ситуации полезно сослаться на ряд высказываний самих участников конфликта, которые были зафиксированы одним из авторов данного учебника в ходе исследования. На вопрос, обращенный к информанту Саиду, «Кто были враги?», тот дал следующий ответ, описывая ситуацию до ввода российских войск в декабре 1994 г.:

«А кто их разберет. Поначалу это были оппозиционеры. Враги Джохара, а значит, и мои враги. Потом мы с Лабазановым долги вышибали. Те тоже были враги Джохара. Были фраера: им дадут нефть на продажу, а они схапуют деньги и — на дно. А то и возражать пробовали. Но мы их доставали. Даю тебе слово, мы бы и Мамадаева с Мараевым достали. Но президент не дал команды. Это были враги — рисковые ребята. При деньгах, спортсмены, некоторые даже чемпионы. Однако же жадные. Одно слово — фраера. Потрясли мы их. Мне даже кровную месть объявили и не одну. Поэтому мне без оружия никуда. Потом оппозиционеры пошли. Это народ жидкий. Все больше начальники, преподаватели-интеллигенты — артисты, одним словом. Они на митингах выпендривались, изображали из себя. А мы их на кассету засняли и потихоньку выдергивали из домов. Бывало, тряхнешь его, а его кондрашка колотит. Потом пошли притеречные чеченцы. Эти тоже оппозиционеры. И хоть тогда Джохар не посылал меня с отрядом, я сам пошел. Мы были при нескольких орудиях. Поставили мы их на хребте. Тут один завопил, что не желает стрелять по чеченцам, что за это нас проклянут. Но мы его урезонили. Правда, большого дела не получилось. Попалили мы из пушек, пару постов сняли. Ну, они и разбежались. Потом они (в ноябре было дело), поперли на танках в город. Мы заранее знали их маршрут, и мы сидели в засаде, аж в самой станице Петропавловской. Но это так, для форсу. Мы с самого начала знали, что это концерт»¹.

Из многих свидетельств, в том числе последовательных дудаевцев, только немногие носили характер однозначной апологетики случившегося. Да и в этом случае апологетика войны носила упрощенный характер вне доминирующих лозунгов «справедливой войны за независимость» или «нацио-

¹ Цит. по: *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

нальной революции». Главным образом, речь шла о *газавате* (священной войне) на том ее этапе, когда чеченцам пришлось защищать себя, свои семьи, свои жилища.

Среди чеченцев встречается версия войны как мистического заговора корыстных людей, прежде всего лидеров, с целью обмануть народ разными лозунгами и обещаниями, «разозлить чеченцев». Как сказал один из информантов, «это была самая грязная, самая преступная и отвратительная из всех войн, о которых мне доводилось читать. И в других войнах верхушка нередко продавала свой народ и наживала баснословные прибыли на народной крови. Здесь же человек, чужой народу и по происхождению, и по вере, и по воспитанию, и по образу жизни, и по языку, сумел, подобно Сирене, увлечь, оглушить, обольстить и обмануть большую часть народа. Он увлекал его за собой, подобно крысолову из сказки, и топил его в собственной крови. Он закапывал его под обломками собственных жилищ. И при этом в каких анналах истории можно найти такой народ, который вели на убой и который при этом рукоплескал своему идолу, слагал о нем вирши, вознося его выше пророков? Какой сюрреалист мог придумать такое?»

Другой свидетель событий сказал следующее:

«Я все бьюсь над одним вопросом: а стоило ли ради того, чтобы привести во власть всяких ничтожеств, проходимцев, стоило ли разрушать республику, убить тысячи людей? Что это за суверенитет и национальная свобода, если за них надо платить такой дорогой ценой? Да я даю вам голову на отсечение, я даже опрос проводил: 99% населения не знает, что такое суверенитет и никогда не считало СССР империей. А уж чеченцы разъезжали по шабашкам по всей стране. На своем опыте знаю, что простому народу всех наций не нужны суверенитеты, пока не довели дело до войны. Вот ведь парадокс для историка. Народ не хотел, не собирался, а политики заставили людей убивать друг друга. Да, видимо, правду говорят, что история ничему не учит»¹.

Чеченское общество сделалось (вернее, позволило себя сделать) заложником малой части протагонистов насильственного сценария и довольно мощной когорты участников новых геополитических соперничеств, осуществляющих глобальную

«декоммунизацию» и «деколонизацию», а также «доисламизацию». Даже окончание первого раунда войны в 1996 г. не позволило освободить чеченское общество от избранного не им самим бремени передового отряда борцов против «последней империи». События в Чечне после 1999 г. подтвердили, что возможно не только тотальное циклическое насилие (т.е. как историческое продолжение предыдущего), но и утрата способности общества оказывать влияние на этот процесс. Более того, мы имеем основания говорить, что расхожие метафоры «народ всегда прав» и «простые люди всегда против войны и насилия» должны подвергнуться корректировке. Могут складываться ситуации, когда насилие не только навязано большинству населения со стороны вооруженного меньшинства и воинствующих политиков, но при этом широкие круги населения соучаствуют и извлекают определенную выгоду из практики насилия. Трудно поверить, что масштабная практика захвата и использования заложников и пленников-рабов в современной Чечне происходила без участия не только некоторых высших чеченских лидеров, но и рядовых граждан. Другими словами, на примере Чечни мы имеем ситуацию, когда значительная часть общества, пребывающего в состоянии конфликта и социально-политического кризиса, оказалась не жертвой, а участником и исполнителем насилия.

Какие в подобных случаях возможны воздействия и противодействия укоренившейся и почти ставшей легитимной для местного сообщества практике насилия? Одним из наиболее вероятных вариантов — внешнее вмешательство миронавязывания со стороны государства. Это наиболее распространенный и легитимный вариант, который в последние десятилетия применялся почти повсеместно в мире и с разной долей успеха.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое этнополитическая легитимность?
2. Какова роль этничности в современных государствах?
3. Охарактеризуйте роль этничности в постсоветских странах.
4. Политизированная этничность в российских республиках.
5. Назовите способы политической манипуляции этничностью.
6. Каковы подходы к объяснению природы насилия?

Литература

¹Там же.

- Антропология власти: Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006; Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб., 2007.
- Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. М.: Наука, Гл. редакция восточной литературы, 1992.
- Бурдые П. Социология политики. М.: Социо-Логос, 1993.
- Губогло М.Н. Развивающийся электорат России: Этнополитический ракурс. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 1996.
- Дробижьева Л.М. Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001.
- Дробижьева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образцы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
- Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001.
- Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С. Национальные проблемы на постсоветской территории: Учебное пособие. СПб., 2001.
- Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.
- Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989–2004. 2-е изд. М.: Наука, 2005.
- Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
- Угроза ИГИЛ: пути противодействия национально-религиозному экстремизму: Сб. информационно-аналитических материалов / Сост. А. Брод. М., 2015.
- Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М.: Ин-т Африки РАН, 2003.
- Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология: Учебное пособие. М., 2002.
- Чиркин В.Е. Публичная власть. М., 2005.
- Этнические аспекты власти / Под ред. В.М. Бочарова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
- Этничность и власть в полиэтничных государствах / Под ред. В.А.Тишкова. М.: Наука, 1994.
- Rotshild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y., 1981.

Формы или модели взаимоотношений между государством и культурными группами могут быть различны, и выбор таких моделей диктуется как составом населения государства, так и идейными установками политических элит. При этом сами модели этнополитики не остаются неизменными, а эволюционируют, что связано как с совершенствованием ее правовой базы, институтов и инструментов реализации избранных моделей и принципов, а также с происходящими в государстве и в окружающем мире изменениями.

Ассимиляторская модель этнополитики

Ассимиляторская модель этнополитики предполагает культурную гомогенизацию общества из разнородных в этническом, расовом, религиозном отношении групп населения, превращение его в монокультурную целостность на основе общих гражданских норм и ценностей. Примером ассимиляторской модели этнополитики является модель, долгие годы господствовавшая во внутренней политике Соединенных Штатов Америки. В свое время президент Джон Кеннеди назвал американский народ «нацией иммигрантов», и именно это определение показывает суть задач, которые стояли и стоят перед политическим руководством страны при формировании этнополитики.

Очевидно, что огромный поток иммигрантов, за счет которого многие десятилетия и даже столетия формировалось население США, создавал угрозу того, что государство превратится в механическое объединение иммигрантских общин, каждая из которых будет жить по своим внутренним законам, исповедовать свои идеалы, ориентироваться на свои культур-

ные нормы, проявляя лишь внешнюю лояльность общегосударственным институтам. Но для формирования целостного государственно-политического сообщества, помимо общих институтов, необходимы общие идеалы, ценности, культурные стандарты и, главное, социальный механизм, при помощи которого эти ценности, идеалы и стандарты превращались бы в личностные ориентации большинства населения и прибывающих в страну иммигрантов.

На начальном этапе ценности и идеалы Америки сводились к простой «этнокультурной формуле»: белый американец англосаксонского происхождения, исповедующий протестантизм (white anglo-saxon protestant). На этот идеал WASP и должны были ориентироваться прибывающие в страну иммигранты. Им следовало освобождаться от собственной этнической культуры и стараться приблизиться к указанному культурному идеалу. Данная теория уподобления англосаксам (anglo-conformity) была не единственной, и даже нельзя сказать, что она абсолютно доминировала. Наряду с ней возникла теория «плавильного котла» (melting pot), которая была более прогрессивной, поскольку не предполагала превосходства одной этнической группы над другими (см. Кейс 8).

Кейс 8. Концепция «плавильного котла»

Концепция «плавильного котла» провозглашала основным направлением развития американской нации консолидацию и отрицала сегрегацию этнических или конфессиональных меньшинств. Лозунг «Америка — это тигель Господа, великий плавильный котел, в котором все расы Европы смешиваются и преобразуются... Немцы и французы, ирландцы и англичане, евреи и русские — все вместе с вами в одном тигле! Бог творит американца», — являл главный герой пьесы британского драматурга русско-еврейского происхождения Исраэля Зангвилла. Его драма «Плавильный котел» была поставлена на сцене театра в Вашингтоне в 1908 г. и оказала влияние на американскую общественную мысль.

Концепция «плавильного котла» стала своеобразной реакцией на особенности массовой иммиграции в Америку во второй половине XIX века. На протяжении трех десятилетий (1861–1890) среди иммигрантов из Европы наибольший процент составляли выходцы из Германии. В то время как переселенцы из других стран расселялись дисперсно и быстро ассимилировались на новой родине, немцы смогли сформировать довольно сплоченные общины с лютеранскими приходами. На рубеже XIX—XX вв. стало очевидно, что ассимиляционные процессы среди немцев-иммигрантов набирают силу, а новая волна иммигрантов

из стран Южной и Восточной Европы изменила ситуацию в пользу «старых мигрантов», которые смогли занять в американском обществе более прочные социальные позиции. Деятельность многих немецко-католических обществ стала угасать, а немецкие общины размываться. Такая ситуация укрепила идеологов американизации и сторонников теории «плавильного котла» в верности данной модели этнополитики. И хотя затем анализ ситуации в старых и новых иммигрантских группах показал, что интеграционные процессы сложны и неоднозначны, американцы от идеи «плавильного котла» не отказывались.

Пересмотр этой концепции начался в 1960–1970-е гг., после того как страну потрясли негритянские волнения, когда стало очевидно, что во многих иммигрантских группах происходит этническое возрождение, углубляются межэтнические границы и процесс культурной интеграции далеко не очевиден. В 1964 г. был принят «Акт о гражданских правах», а в 1965 г. «Иммиграционный акт», которые не только препятствовали дискриминации по расовому признаку и дискриминации иммигрантов, но и способствовали ослаблению влияния англосаксов в Америке, привели к усилению восприятия афроамериканцев как особой этнорасовой группы со своим особым статусом. Усилению мультикультурных тенденций в американской этнополитике способствовало принятие в 1968 г. под воздействием требований испаноязычных американцев «Акта о двуязычном образовании». Этот акт несколько раз пересматривался в сторону расширения прав билингов. В средних учебных заведениях США были введены двуязычные образовательные программы, по которым обучается значительная часть иммигрантов. Стали усиливаться поиски новой модели интеграции, и все большую популярность завоевывали концепции культурного плюрализма. Сам процесс американизации стал образно подаваться американскому общественному мнению не как «плавильный котел», а как «салат» или «винегрет». Огромную роль в новом восприятии американского общества и процесса американизации сыграли изменения в этническом составе населения США, и прежде всего южных штатов, где испаноязычные жители образовали крупнейшую этническую общину. Идеологи американизма теперь заявили, что интеграция нации не требует полной ассимиляции этнических общин и они могут сохранять свои культурные особенности, если разделяют основные ценности американского общества.

Новый взгляд на структуру американского социума выразился в том, что в программу переписи населения 2000 г. была внесена новая этническая категория испаноамериканцев или «Hispanic». Вместе с тем базовые идеи «плавильного котла» не ушли в прошлое, и в конкретной политической практике именно они определяют характер взаимодействия власти и этнических общин. Так, к примеру, в некоторых южных штатах, прежде всего в Калифорнии, где испаноамериканская этническая группа стала крупнейшей, появились требования сделать испанский язык официальным языком штата, но эти требования были отвергнуты англоязычным большинством на референдуме и доминирование английского языка во всех общественных сферах сохраняется. Более

того, влиятельная часть либеральных интеллектуалов настаивает на том, что культурное разнообразие — это «не судьба Америки» и его надо преодолеть. Особенно усилились такие настроения после 11 сентября 2001 г., и ныне они доминируют в общественных настроениях американцев, включая значительную часть политической элиты.

Любопытно сравнить высказывания двух американских президентов. В 1915 г. в своем обращении к новым гражданам профессор права и один из наиболее известных американских президентов Вудро Вильсон говорил о том, что настоящим американцем нельзя стать, продолжая себя считать членом той или иной группы, ибо Америка — это не совокупность этнических групп. Американцем может стать лишь тот, кто олицетворяет себя с нацией американцев. В начале XXI в. в своей инаугурационной речи выходец из семьи потомственных политиков Джордж Буш также заявил: «Америку никогда не объединяла кровь, происхождение и почва. Нас связывают идеалы, которые побуждают к великим свершениям, возносят над повседневными заботами, учат быть гражданами». И первый чернокожий президент США Барак Обама, вступая на свой пост, также говорил о единстве американцев, о единстве нации.

Американский гражданский национализм, который был положен в основу взятой в США модели этнополитики, сыграл огромное позитивное значение в деле формирования американской нации. Это значение точно определил британский ученый Анатолий Ливен: «Американский гражданский национализм на протяжении всей истории играл очень позитивную роль. Американские ценности: конституция, приверженность закону, американские институты — все это, безусловно, позволило объединить и удержать нацию. Проповедуемые ценности воспринимались как специфически американские и в конечном счете сформировали до определенной степени религиозное восприятие Америки как «города на холме», то есть Америки как лучшего государства на земле. Это очень националистическая идея. Америка ощущает себя неким примером для других стран — это лучшая демократия, лучшие общественные институты, лучшие законы в мире. Эта вера сыграла для Америки очень позитивную роль. Она помогла объединить ее различные части, она дала возможность ассимилировать огромные потоки чрезвычайно разных эмигрантов, приезжавших туда. Из последних достижений — этот национализм позволил осуществить политическую интеграцию в американское общество чернокожих, латиноамериканцев и азиатских меньшинств. Таким образом Америке удалось пройти путь от демократии для немногих до великой цивилизационной империи, как Рим или Китай. И представление о том, что такое — быть американцем, расширилось. Теперь это любой, кто верит в проповедуемые американские ценности, а для этого совершенно необязательно быть белым англосаксом и протестантом»¹.

¹ Об американском национализме см.: Ливен А. Анатомия американского национализма. М.: Эксмо, 2015. С. 79–81.

Аналоги американской концепции «плавильного котла» были идеологическим основанием этнополитики во многих латиноамериканских странах. Здесь уровень интегрированности этнических и расовых групп выше, чем в США, и поэтому в массовом сознании укоренилось убеждение о многоэтничном и многорасовом происхождении местных территориальных сообществ и о естественности такого пути развития. Наибольшей проблемой для местных сообществ являлась интеграция в эти сообщества индейского населения Латинской Америки, которое в культурном плане существенно отличалось от доминантного большинства. Но общей целью являлась ассимиляция индейцев. К примеру, в крупнейшей стране субконтинента Бразилии до принятия федеральной Конституции 1988 г. числиться «индейцем» официально означало занимать переходное, временное состояние. На протяжении всей истории страны, начиная с того момента, когда были официально сформулированы принципы отношений государства и индейских общин (в 1910 г. была создана Национальная служба защиты индейцев, преобразованная в 1967 г. в Национальный индейский фонд), политика полной интеграции индейцев в бразильское общество и превращение их в белых была доминирующей. В последние годы благодаря усилиям этнологов и антропологов все громче раздаются голоса в защиту прав индейцев, в поддержку сохранения их культурной самобытности, и в этом направлении предпринимаются особые правительственные меры.

Другой пример ассимиляторской модели этнополитики показывает Франция. В отличие от США здесь основной состав населения сформировался не из иммигрантов, а из тех этнических групп, которые исторически проживали на территории страны, хотя в последние десятилетия доля иммигрантов в составе постоянных жителей Французской республики неуклонно растет. Франция, как и подавляющее большинство других стран, не представляет в этнографическом плане целостную культурную область. Отдельные ее провинции и исторические области длительное время развивались самостоятельно, а среди регионов, чье население и поныне в большинстве состоит из отличных от французов, следует назвать Фландрию, Эльзас, Мозель, Корсику, французскую Каталонию, Бретань.

Тем не менее уже более двух столетий идея французской нации заключается в том, что во Франции есть только фран-

цузы, которые говорят лишь на французском языке. «Французский язык является единственным языком школьного обучения» — было указано в министерском постановлении от 7 июня 1880 г., регламентировавшим модель устройства начальных школ. В последней Конституции 1992 г. однозначно указывается: «Языком Республики является французский язык». Не только изучение, но даже пользование региональными языками в школах страны долгое время не только не разрешалось, но и преследовалось. В результате число носителей региональных языков постоянно сокращается. В Бретани, например, в начале XX в. бретонским языком владели 1,2 млн человек, а сейчас таковых осталось лишь 250 тыс. человек. Франция — единственная страна в ЕС, не подписавшая Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств.

Франция — жестко централизованная страна, и региональные сообщества не пользуются какой-либо автономией, включая культурную. Более того, региональные бюджеты не располагают средствами для сколь-нибудь серьезной поддержки местных культур. Попытки Эльзаса, Бретани и некоторых других провинций добиться расширения своих полномочий и сохранить культурно-языковую специфику провалились, чему отчасти способствовал тот факт, что местные националисты сотрудничали с немецкими оккупационными властями в годы Второй мировой войны.

Политика жесткой культурной и политической унификации принесла плоды, ибо сегодня Франция является довольно консолидированным сообществом, в котором нет жестких противоречий между этническими и расовыми группами, между центром и регионами. Хотя история формирования Французского государства представляется процессом последовательного присоединения различных провинций, а затем и поглощения мощных иммиграционных волн, Франция не воспринимается ни ее населением, ни элитой как многокультурная страна. Подавляющее большинство современных жителей Франции называют себя французами, хотя при этом они могут сохранять и этническую идентификацию, т.е. называть себя французом и бретонцем, французом и эльзасцем одновременно, отдавая приоритет гражданской идентификации. Вместе с тем стремление к сохранению культурного своеобразия этнических анклавов сохраняется и порой даже приобретает острые формы. Примером тому является корсиканское

движение, которое возникло в 1960-е гг. и до сих пор находится в открытой конфронтации с центральным правительством, хотя и не имеет серьезных политических перспектив.

Беспорядки в иммигрантских кварталах французских городов, происшедшие осенью 2005 г., казалось бы, поставили под сомнение модель этнополитики, которую исповедует Франция уже два столетия. Волнения в «цветных» пригородах французских городов совсем не случайно приняли столь масштабный характер. К примеру, безработица среди французов иностранного происхождения в два раза выше, чем в среднем во Франции, и заметно различается от одной этнической общины к другой (у французов алжирского происхождения она достигает 35%, французов португальского происхождения — 12%). Проблема трудоустройства по специальности для выпускников французских вузов алжирского происхождения стоит намного острее, чем для лиц собственно французского происхождения. Тем не менее «универсалистский характер республиканской программы позволяет каждому, даже тем, кто лишь недавно получил французское гражданство, заявлять и отстаивать свою полную принадлежность к нации. В противоречие с республиканскими принципами вступит тот, кто будет отказывать французу североафриканского либо любого другого происхождения в его “французскости”»¹.

Интеграция «новых» французов во французское общество осуществляется довольно успешно, о чем можно судить по данным социологических исследований. Если среди иммигрантов, которые прибыли во Францию из Алжира, Марокко или Турции, характерно жесткое следование традициям этнической общины (и жесткий диктат общин) и в этой среде практически каждая вторая женщина выходит замуж за человека, которого для нее выбрала семья, то для родившихся во Франции влияние семьи (и общины) резко снижается: только 5% браков детей алжирских иммигрантов является результатом семейных решений и число браков между потомственными французами и иммигрантами или детьми иммигрантов постоянно растет. Среди лиц магрибского происхождения лишь каждый пятый (21%) участвует в религиозных службах (пятничных проповедях) хотя бы один раз в месяц, а среди

¹ Дьяконов К.Б. Особенности интеграции этнических и конфессиональных меньшинств во Франции // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 87.

молодежи этот показатель еще ниже. Не случайно лишь 5% мусульман хотели, чтобы их дети обучались в частной мусульманской школе. Находясь на родине родителей, две трети их детей чувствуют себя иностранцами, прежде всего это касается выходцев из Алжира. Как правило, дети иммигрантов называют себя в первую очередь французами, а этническое происхождение является лишь дополнительным культурным определителем: «я француз и алжирец», «франкоалжирец». Тем не менее бунты 2005 г. привели к тому, что во Франции заговорили о «мультикультурализме по-французски» и в правительстве Н. Саркози впервые ряд министерских постов заняли «цветные» французы, а на культурные различия стали обращать больше внимания общество и власти.

Жесткая ассимиляторская модель этнополитики практикуется в Турции. Основанная в 1923 г. Турецкая Республика с самого начала придерживалась принципа «одна страна — одна нация», но в качестве основы этой нации рассматривались только турки, а не полиэтничное сообщество в целом. В соответствии со статьей 66 Конституции Турции «каждый, кто связан с турецким государством узами гражданства, является турком». Согласно конституции, в стране не может быть прав меньшинств, поскольку все граждане являются турками. Основываясь на конституционных положениях, все притязания нетурецких народов на культурную самобытность жестко пресекались. Так, преподавание истории, языка турецких курдов, которые и ныне составляют около 20% населения страны, было запрещено, а сами курды объявлены «горными турками». Любые попытки отстоять свое культурное своеобразие объявлялись сепаратизмом, языки меньшинств по статусу приравнивались к иностранным, а сами представители меньшинств дискриминировались при получении работы, продвижении по службе и т.д.

Итогом такой политики стали и массовые переселения представителей этнических меньшинств (например, греков), и открытое сопротивление насильственной ассимиляции. В частности, курды еще в 1930-х гг. начали партизанскую войну, которую возглавил шейх Саид. Эта война унесла десятки тысяч жизней и не завершилась до сих пор. Рабочая партия Курдистана, которая в Турции объявлена террористической организацией, продолжает вооруженную борьбу против центрального правительства и выступает за создание турецко-

курдского федеративного государства. Ассимиляторская модель, основанная не на взаимном стремлении этнических сообществ к интеграции и не допускающая некоей культурной автономии меньшинств, ведет не к гражданскому согласию и интеграции, а к усилению сепаратизма, что очевидно продемонстрировал характер взаимодействия между Турецким государством и курдами. Впрочем, стремление Турции стать полноправным членом Европейского сообщества побуждает правящие круги страны менять акценты и в этнонациональной политике. К примеру, в 2009 г. было объявлено о создании специального курдского телеканала. Однако **при всех издержках ассимиляторская модель имеет позитивные стороны, ибо стратегия на последовательную интеграцию иммигрантов, равно как и внутригосударственная консолидация культурно отличных сообществ являются важной составляющей формирования стабильных и процветающих государств.**

Мультикультурализм

В современном мире одной из моделей этнополитики, которой следуют многие иммигрантские и полиэтнические страны, является *мультикультурализм*. Мультикультурализм — это особая форма либеральной идеологии, содержанием которой является интеграция различных этнических и расовых групп в единое сообщество при сохранении и официальной поддержке их культурной самобытности. Иными словами, мультикультурализм есть доктрина, ставящая своей целью гармонизацию взаимодействия между различными этническими и расовыми составляющими государства на основе общих ценностей при сохранении культурной автономии общин.

Мультикультурализм есть такая форма этнополитики, при которой нетитульному населению нет необходимости идти на вынужденные культурные потери (ассимиляцию) для бесконфликтного сосуществования с доминантным большинством. Мультикультурная ориентация закреплена в Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (1995), в Лундских рекомендациях Совета Европы (1999) и других документах. В государствах, избравших данную модель этнополитики, в школьном образовании и в законодательстве подчеркиваются выгоды плюрализма, а в массовом сознании формируется представление о чрезмерно дорогой цене, которую вынуждено

платить общество в случае распространения в нем этнорасовых предрассудков и дискриминации меньшинств. Культурное разнообразие поддерживается не только посредством пропаганды и школьного воспитания, но и через изменения в социальных институтах (в политической сфере, образовании, здравоохранении и т.д.).

Сегодня термин мультикультурализм охватывает большое разнообразие технологий, связанных с этнополитикой. Но важно, что идейная основа мультикультурализма опирается на представление о том, что культура есть стабильная целостность, некий объективный атрибут конкретной группы, которая воспринимается как гомогенное сообщество, чьи границы четко обозначены и неизменны. Между тем очевидно, что культуры меняются во времени, а границы между группами могут быть весьма условными и подвижными. Поэтому важен не сам принцип мультикультурной политики, а практика его реализации в условиях той или иной страны. Именно здесь возникают сложности и появляются риски для государственной целостности.

В политической практике принципы мультикультурализма раньше других стран стала реализовывать Индия. Уже в 1950 г. она приняла конституцию, в которой было закреплено культурное многообразие страны, и при этом ее политическая система строилась на принципах западной демократии. Индийский союз признает языковое многообразие населения: официальными языками федерации являются хинди, английский и еще полтора десятка языков, которые имеют официальный статус в штатах, где эти языки доминируют. В индийских школах обычно преподавание ведется на трех языках: основное обучение ведется на официальном языке штата и в дополнении к нему изучают английский и хинди. В Индии также признается религиозное многообразие населения: статус нерабочих дней имеют пять индуистских, четыре мусульманских, два христианских, один буддистский, один джайнистский и один сикхский праздники. Государство склонно поддерживать правовой плюрализм, признавая роль и нормы юридических институтов различных общин. Кроме того, в Индии составлен официальный реестр племен и каст, для которых резервируются места в общенациональном парламенте.

Первой страной, которая официально провозгласила мультикультурализм государственной политикой, была Кана-

да. Это произошло в 1971 г. Суть канадской модели мультикультурализма состояла в том, чтобы через специальные программы и службы оказывать поддержку этнокультурным ассоциациям и помогать меньшинствам в преодолении препятствий, которые мешают их полноценному участию в жизни канадского общества. В 1982 г. мультикультурализм стал конституционной нормой благодаря принятию «Канадской хартии прав и свобод» и затем специальных законов, направленных на поддержание уважения к различным культурам и их полноценное функционирование. В Канаде, в отличие от США, не пропагандировалась идея «плавильного котла» или какая-то другая ассимиляторская модель. Понятие нации в политическом лексиконе местных элит не получило широкого распространения, а само канадское общество долгое время формировалось как некое сообщество этнических и лингвистических общин, сохранявших свои культурные особенности.

Канада как малонаселенная страна испытывала постоянную потребность в притоке иммигрантов, причем эта потребность не ослабевает. Ежегодно в страну въезжает на постоянное жительство до четверти миллиона человек, 16% современных канадцев родились за пределами страны. В последние два десятилетия половину иммигрантов составляли выходцы из стран Азии, которые в основном оседали в больших городах. Канадское общество отличается весьма высоким уровнем этнической мозаичности. Примерно пятая часть жителей имеет франкофонную (квебекскую) идентичность и столько же отмечают свое «британское» происхождение, затем следует группа с «европейской» идентичностью (поляки, украинцы, португальцы), представители которой сохраняют представление о своих этнических корнях. Довольно значительна группа канадцев, которые указывают на свое азиатское и африканское происхождение, около 2% заявляют о себе как о «коренных канадцах». Около 1% называют себя «чернокожими», есть группы, которые артикулируют свою латиноамериканскую идентичность, а также группы, указывающие на свое родство с населением островов Карибского бассейна. При этом треть населения указывает на обладание смешанной или множественной идентичностью.

Идеология мультикультурализма настолько доминирует в сознании канадских политиков, что даже выступающие за ограничение иммиграции консерваторы стараются не акцен-

тирывать внимание избирателей на данной проблеме из-за опасений быть обвиненными в расизме. Скрытая ксенофобия, антисемитизм, расизм существуют и в канадском обществе. Да и сама политика мультикультурализма именно в Канаде была поставлена под вопрос. Во франкоязычном Квебеке местные сепаратисты использовали идею культурного плюрализма для внедрения в политическую практику этноцентристских и ассимиляторских моделей. Права автономии были использованы для того, чтобы установить в провинции культурное доминирование франкофонов и объявить войну английскому языку. На французский язык было переведено все делопроизводство, с указателей на улицах, с вывесок магазинов и с товарных ярлыков исчезали английские эквиваленты французских названий, на предприятиях, где работают более 50 человек, единственным языком общения был объявлен французский. Ущемлению в правах подверглись не только англоговорящие жители, но и франкофоны, лишенные права выбирать язык обучения для своих детей, которые были обязаны посещать только французские школы. В результате часть англоговорящих канадцев была вынуждена покинуть провинцию. Один из авторов учебника наблюдал в Монреале второй половины 1970-х гг. надписи у домов: «Я — уезжаю!», но были и такие: «А я — остаюсь!».

Другим изъяном стало то, что мультикультурная политика на практике отступила от либерального принципа равенства возможностей для граждан страны. Иммигранты, которые должны интегрироваться в канадское общество, делятся на ряд групп, среди которых под особой опекой властей находится «видимое меньшинство». Выходцы из Пакистана, Индии, Китая и других стран, которые его составляют, получают лучшие шансы при трудоустройстве, чем «невидимые» меньшинства, состоящие из малоимущих граждан европейского происхождения. Стремление руководствоваться во внутрисударственной политике неким желанием восстановить «историческую справедливость» в отношении представителей народов, которые пострадали от колониальных режимов, и предоставить им компенсации за притеснения предков на деле оборачивается получением неоправданных привилегий для потомков и скрытой дискриминацией других групп. Следствием реализации названного варианта политики мультикультурализма становится не усиление интеграции общества, а его фрагментация

на конкурирующие между собой этнические сегменты. При этом не только не происходит сближения между этническими группами, но и усиливается этническое расслоение на индивидуальном уровне, т.е. усложняются условия для межличностных коммуникаций.

Швеция официально приняла мультикультурализм в 1975 году. В основе шведской модели лежат три принципа: одинаковый уровень жизни для групп меньшинств и остального населения страны; свободный выбор между этнической идентичностью и шведской культурной идентичностью; партнерство, которое подразумевает обеспечение взаимоотношений в профессиональной сфере на основе совместной трудовой деятельности. Кроме того, в Швеции право на участие в общественной жизни распространяется также на неграждан и существует специальный статус иностранца, имеющего право жить в стране, т.е. узаконена форма «полунатурализации». Найдено решение, позволяющее предоставить автономию народу саами, территория традиционного обитания которого разделена между Финляндией, Швецией и Норвегией. Для этой цели названными странами совместно был создан Совет по делам саамов.

Показательным примером сильных и слабых сторон политики мультикультурализма является австралийская политическая модель, реализуемая в последние десятилетия (см. Кэйс 9).

Кэйс 9. Австралийский мультикультурализм

До 1970-х гг. в Австралии господствовала, по существу, ассимиляторская модель формирования государственной общности. Формировавшееся за счет мигрантов население страны, несмотря на его этническую пестроту, в основном состояло из переселенцев с Британских островов и других европейских стран. Поэтому до середины XX в. здесь проводилась политика «белой Австралии» и существовали законодательные ограничения для въезда в страну представителей неевропейских народов. Общеавстралийское культурное пространство по образу жизни и доминирующим культурным ценностям представляло собой периферийную модель британской культуры. Все изменилось после Второй мировой войны, когда растущей австралийской экономике потребовались в большом количестве дешевые рабочие руки. Началась трудовая иммиграция из азиатских стран, о социальных последствиях которой на начальном этапе мало задумывались. К 1960 гг. иммигрантские сообщества заняли весомое место в этнодемографической структуре населения страны.

Однако процесс адаптации новых меньшинств в страновое сообщество оказался не таким успешным, как предполагалось. Наметились перспективы отторжения культурно-отличительных групп от местного социума, появления внутренних барьеров и других негативных социальных явлений. Тогда начался поиск новой формулы австралийского единства, стали дискутироваться варианты развития, допускавшие отход от доминирующего принципа культурно-языковой однородности австралийского общества. Австралия позаимствовала идею мультикультурализма у Канады в 1973 г., когда лейбористское правительство опубликовало документ, носивший название «Мультикультурное общество — общество для будущего».

Новая концепция уже не акцентировала внимание на культурно-языковой однородности, ибо австралийская нация как целое, в котором не будет устойчивых меньшинств, стала представляться как идеал, который может быть достигнут лишь в отдаленной перспективе. В современной же австралийской реальности допускалось сохранение в мигрантских группах своих культурных традиций при частичном принятии ими норм доминантного большинства. Многочисленные официальные документы и программы, принятые в стране в последней четверти XX в., подтверждали приверженность ее политических институтов поощрять этнические различия как условие будущего развития австралийского общества. Эти документы и программы были подкреплены организационными решениями, которые создавали институциональную структуру мультикультурализма. В стране были созданы Министерство по делам иммиграции, мультикультурализма и коренных жителей; Министерство по вопросам гражданства и мультикультуры; Управление по делам мультикультуры и другие государственные институты, ответственные за реализацию политики мультикультурализма. Помимо них были сформированы публично-правовые учреждения, целью которых было содействие образованию на языках меньшинств, помощь семьям, поддержка СМИ, ориентированных на интересы этнических общин и вещающих на их языках. В число таких служб входят Специальная служба радиовещания, Управление по муниципальному культурному развитию, Мультикультурный фонд 200-летия Австралии. Низовой уровень данной структуры представляют органы муниципального управления, которые осуществляют техническую поддержку культурных инициатив, предоставляют помещения под школы, культурные центры, осуществляют землеотвод под культовые сооружения и т.д.

В 1994 г. для помощи в реализации правительственной политики мультикультурализма был создан Национальный консультативный совет по мультикультурализму (ныне — Совет по мультикультурной Австралии). Получателями государственных средств, направляемых на нужды культурного развития этнических общин, стали добровольные объединения этнических меньшинств, которые входят в Федерацию советов этнических общин. Этот комплекс мер позволил создать в Австралии

благоприятные условия для сохранения этнических меньшинств. К примеру, радиотрансляции в стране осуществляются на 68 языках, а теле-трансляции — на 60. На начальных этапах реализации австралийской модели мультикультурной политики ее творцы исходили из понимания этнических общин как неких замкнутых фольклорных сообществ и, по существу, вместо культурной поддержки индивидов, принадлежащих к меньшинствам, происходило конструирование этнических общин.

Представление о том, что этнические группы есть замкнутые и относительно однородные сообщества, что члены группы жестко привязаны к ней, заставляло иммигрантов невольно отождествлять себя с тем или иным этническим меньшинством, приводило к их самоизоляции и создавало опасность этнизации социальных различий и отношений. Этноцентристская схема была пересмотрена и заменена гражданской, которая не предусматривала специальных привилегий этническим общинам в порядке доступа к общественным благам. Австралийским государственным учреждениям теперь вменялось в обязанность ежегодно отчитываться о «равенстве и равнодоступности» в получении государственной поддержки представителям меньшинств. Сам же мультикультурализм стал рассматриваться под углом равноправия граждан. Приоритет в поддержке этнических меньшинств был отдан обеспечению конституционных прав и особенно прав на социальные блага.

Опубликованная в 1989 г. Национальная программа для мультикультурной Австралии выделила три измерения мультикультурной политики — культурную идентичность, социальную справедливость, экономическую эффективность. Первое направление было нацелено на закрепление за каждым гражданином права на культурную реализацию (в том числе языковую и религиозную). Особо отмечалось, что право на выбор культурной идентичности имеют все граждане. Этничность не закреплялась за индивидами или группами как их неотъемлемое свойство, а рассматривалась как результат свободного самоопределения каждого отдельного гражданина, как его право выбора. Второе — предполагало предоставление правовых гарантий равенства возможностей и недопущения дискриминации по признаку принадлежности к расе, полу, конфессии и т.д. Третье — предполагало поощрение талантов граждан независимо от их этнического или расового происхождения.

Либеральная этнокультурная политика и программы поддержки иммигрантских общин спровоцировали усиление незаконной иммиграции в Австралию, которая создала много проблем и породила стремление не к интеграции, а к обособлению и сохранению режима преференций для этнических меньшинств. Обширные программы поддержки иммигрантских сообществ позволили их членам не только успешно поддерживать свою культурную самобытность, но и практически отказаться от формального принятия норм и культурных стандартов нового окружения. В результате, как заметила исследователь австралийской модели мультикультурализма Н. Скоробогатых, «австралийское общество,

согласившись на мультикультурализм как путь достижения гармоничного единения, столкнулось с “сегрегацией наоборот” — добровольным обособлением представителей этнических групп, поддержанием ими культурной дистанции, приводящей к замыканию иммигрантов в рамках их сообществ, нацеленности на “свои” связи, ориентир и установки, часто далекие от плюрализма и толерантности»¹.

Особое неприятие ценностей австралийского общества отмечено в среде мусульманских общин, сформировавшихся из выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока. Имеют место в среде иммигрантов и другие формы религиозной и культурной нетерпимости. Нередко руководители общин преследуют узкокорыстные интересы, не считаясь с интересами самих общин. Все это создает угрозу для появления новых культурных и политических границ внутри австралийского общества.

Очевидно, что мультикультурализм в том виде, в каком его нередко пытаются реализовать сегодня, подрывает принципы равноправия, открытости, демократизма и свободной конкуренции. Он не только ослабляет потенциал для саморазвития тех сообществ, которые избирают подобную политическую модель, но может создавать угрозы для будущих конфликтов. В этом отношении австралийская модель мультикультурной политики не является исключением. Это стало очевидным после расовых столкновений в Сиднее в декабре 2005 г.

Весьма показателен опыт политики мультикультурализма не на периферии Британского содружества наций, а в самой Великобритании, которая, будучи в течение нескольких столетий крупнейшей колониальной державой мира, а затем, став политическим, культурным и экономическим центром для бывших колоний, в течение многих лет аккумулировала на своей территории выходцев из них. В результате этническая мозаика населения страны не только разнообразна, но и динамично меняется. Согласно данным переписи населения 2001 г., доля представителей этнических меньшинств в Великобритании за 10 лет выросла на 53%, и их численность возросла с 3 до 4,6 млн человек при незначительном увеличении общей численности населения. При этом основу населения, как и прежде, составляют англичане, шотландцы, валлийцы и ирландцы (92%). Довольно велика численность

¹ *Скоробогатых Н.С.* Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? // *Общественные науки и современность.* 2004. № 1. С. 141.

потомков межрасовых браков — около 1 млн человек. Среди иммигрантских общин самая многочисленная — это индийцы, их в стране 1 млн 53 тыс. человек. Вторая по численности община — пакистанцы, которая насчитывает 747 тыс. человек. Бангладешцев — 283 тыс. человек, так называемых других азиатов (непальцев, ланкийцев) в Великобритании сегодня 248 тыс. человек. Выходцы из стран Карибского бассейна составляют 1% населения, а «черные африканцы», или «афробританцы», — 0,8%. В конфессиональном отношении этнические меньшинства неоднородны, но среди них наиболее значительны общины мусульман, буддистов, индуистов, сикхов. В социальном плане многие меньшинства отличаются от доминантного большинства и нередко занимают менее престижным трудом, имеют меньший душевой доход, хотя картина быстро меняется, и среди выходцев из Южной Азии сегодня более 300 миллионеров, многие из них заняты в мелком и среднем бизнесе, работают врачами, юристами, клерками. Представлены иммигранты и в политическом классе Соединенного Королевства.

В 1965 г. лейбористское правительство приняло закон, который запретил дискриминацию в общественных местах, а в 1968 г. закон был дополнен нормами, запрещающими дискриминацию по признакам расового или этнического происхождения в области занятости, при найме жилищ, предоставлении услуг, кредита и т.д. Для контроля выполнения закона было создано Управление по вопросам расовых отношений. В 1976 г. был принят новый закон против дискриминации, который существенно расширил содержание понятий, характеризующих данное явление. Законом учреждена Комиссия по расовому равенству при Министерстве внутренних дел, в ведении которой был передан контроль над выполнением закона и разработка предложений по оптимизации межрасовых отношений на Британских островах. Таким образом, мультикультурализм, или культурный плюрализм, стал отличительной чертой социально-политической ситуации в Великобритании в 1960–1990-х годах. Наиболее очевидным примером мультикультурности является сама столица Великобритании — Лондон (см. Кэйс 10).

Английские исследователи, определяя характер интеграции меньшинств в британское общество (и прежде всего иммигрантов из Азии, Африки и Карибского бассейна), ввели в

Кейс 10. Многокультурный Лондон

Население Лондона превысило максимальную историческую отметку, достигнув 8,6 млн человек. Как отмечает “The Daily Mail”, население британской столицы стало наиболее разнообразным за всю его историю. Каждый третий житель Лондона родился за границей, а в некоторых районах города выходцы из других стран составляют половину жителей. Среди иммигрантов в столице больше всего людей, родившихся в Индии (около 267 тыс.), а также выходцев из Польши (135 тыс.), Бангладеш (126 тыс.), Пакистана (113 тыс.), Ирландии (112 тыс.) и Нигерии (99 тыс.). Издание опубликовало карту Лондона, которая показывает преобладающие в тех или иных районах города национальности. Так, выходцы из Индии ныне доминируют в 10 из 32 районов столицы, в то время как лондонцы, родившиеся в Нигерии, Польше, Турции и Бангладеш, имеют наибольшее число, как минимум, в трех районах. Согласно официальной статистике, в некоторых районах, включая центральные Вестминстер, Кенсингтон, Челси и Брент, более половины жителей родились за границей. Всего среди проживающих в Лондоне иммигрантов 40% — выходцы из Европы, 30% — выходцы с Ближнего Востока и Азии, 20% — выходцы из Африки и 10% — выходцы из Америки и Карибского бассейна. Два миллиона жителей прибыли в город в последние два десятилетия. К 2031 г. количество иммигрантов в британской столице достигнет пяти миллионов, и эта цифра превысит количество коренных британцев¹. (См. карту «Этническая мозаика Лондона» в цв. вклейке)

научный оборот термин «инкапсуляция», который означает, что иммигранты и их потомки в новых местах проживания сохраняют не только специфические черты культуры и быта, но и групповую солидарность, проявляющуюся в стремлении к компактному расселению и формированию этнических кварталов, в специализации на определенных видах деятельности, т.е. локализации жизнедеятельности в пределах замкнутых расовых и этнических общин. Такая этнополитика не решала всех проблем мигрантов, ибо, как отмечает И.Ю. Котин, «признание английскими властями культурной автономии цветных меньшинств не решило всех проблем, возникших в связи с иммиграцией из стран Содружества. Многочисленное новое поколение “цветных” британцев стоит перед проблемами социализации и получения образования, которые невоз-

можно было решить путем лишь предоставления этническим общинам автономии. Таким образом, концепция мультикультурализма была призвана совмещать признание неспособности властей интегрировать “цветные” меньшинства как в силу предрассудков коренных британцев, так и в силу приверженности членов меньшинств традиционной культуре с требованиями единообразия на производстве, в сфере образования, на государственной службе»¹.

Сами районы массовой концентрации иммигрантов стали в Великобритании серьезным социальным раздражителем. Здесь неоднократно вспыхивали расовые беспорядки. Как правило, между цветными британцами и полицией существуют напряженные отношения, а общее социальное неблагополучие городов с высокой долей этнических меньшинств приводит к росту среди основного населения поддержки крайне правых политических организаций. Эти настроения среди белой части населения укрепились в связи с ростом мусульманского экстремизма и нетерпимостью к инакомыслию, которая проявляется исламскими богословами, ведущих проповеди в мечетях на территории Соединенного Королевства. Британская пресса стала помещать статьи, в которых делались попытки переосмыслить стратегию и перспективы политики мультикультурализма в стране. Фактически же речь шла об отказе от данной модели этнополитики, поскольку в публикациях заявлялось, что руководство страны не будет терпеть изолированное существование этнических меньшинств в своих анклавах, что от всех граждан будет требоваться знание английского языка и основ доминирующей культуры.

В основу новой модели этнополитики положена идея «британскости» (Britishness), что фактически означает признание неспособности одной из старейших демократий мягко адаптировать этнические меньшинства. Но, с другой стороны, это говорит о том, что в одном из старейших национальных государств Европы изменилось само содержание понятия существующей в Соединенном Королевстве нации и даже ее название: не английская, а британская. Хотя приверженцев «английскости» и «шотландскости» не стало меньше, о чем свидетельствует хотя бы факт проведения в 2014 г. референдума о независимости Шотландии.

¹ Каждый третий житель Лондона — иммигрант // The Daily Mail. URL: <https://delo.ua/economyandpoliticsinukraine/kazhdyj-tretij-zhitel-londona-immigrant-the-daily-mail-310015>.

¹ Котин И.Ю. Под знаком Брэдфорда: Конец политики мультикультурализма в Британии? // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 139.

Ныне мультикультурализм в Британии в глубоком кризисе. После терактов 7 июля 2005 г., совершенных в лондонском метро и на общественном транспорте, и последующих попыток повторить террористические акты, исполняемые радикальными исламистами, в английских городах (где велика доля мусульманского населения) начались поджоги мечетей. В некоторых городах, как сообщала полиция, подростки оскорбляли на улицах прохожих-мусульман или даже нападали на них. Глава Мусульманского совета Британии Икбаль Сакрани заявил, что мусульманские лидеры готовы принять меры для улучшения взаимопонимания между общинами в условиях кризиса межконфессиональных отношений. Проблема же заключается в том, что радикальная молодежь, которая может стать базой для терроризма, не прислушивается к умеренным клерикалам, а потому принимаемые меры вряд ли смогут разрешить возникший в Великобритании кризис, что доказывают непрекращающиеся акты насилия на религиозной и этнической почве.

Спустя месяц после первых терактов в Лондоне премьер-министр Тони Блэр, по существу, официально «похоронил» британский мультикультурализм, заявив, что правила изменились и в страну более не будут впускать потенциально опасных элементов, а своих радикалов депортируют. Британский закон о правах человека будет пересмотрен, а новые мигранты должны уважать британские ценности и образ жизни. В немалой степени исход референдума о членстве в ЕС и Brexit были продиктованы опасениями, связанными с сохранением «британских ценностей и образа жизни» и стремлением части британского общества ограничить поток иммигрантов в Великобританию.

Мультикультурная политика, по замыслу ее идеологов и архитекторов, должна была защищать гуманизм, свободу культурного самовыражения и демократию. Оказалось же, что на практике появление замкнутых кварталов ведет к возникновению в них альтернативных управленческих институтов, блокирующих деятельность избранных органов власти на уровне города и страны. В таких условиях практически неосуществима защита прав человека. В этой связи справедлива критика мультикультурализма за то, что мультикультурализм политизирует культурную идентичность и становится политикой разделения (politics of difference): граждане фокусируются на том,

что их различает. В последние годы в Британии, Германии и Франции все чаще говорят о провале политики мультикультурализма. Первой об этом заявила в октябре 2010 г. канцлер Германии Ангела Меркель, вслед за ней подобные заявления сделали премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон и президент Франции Николя Саркози. Свидетельством кризиса мультикультурализма в Европе стали рост антиисламских и праворадикальных настроений, интеллектуальные обоснования неприемлемости мультикультурной модели.

Миграционный кризис последних лет еще более обострил критическое отношение к ценностям мультикультурализма, ибо страны Восточной Европы, которые вошли в состав Европейского Союза, фактически отказались нести бремя европейской солидарности и принимать беженцев на своей территории. Во многих городах состоялись демонстрации и митинги с требованиями «остановить исламизацию Европы». Среди «старых» членов Евросоюза тоже не было единства, в них тоже росло число недовольных наплывом мигрантов. Но одновременно миграционный кризис показал, что идеалы плюралистического общества глубоко укоренились в сознании европейцев и большая часть населения Центральной и Западной Европы с пониманием отнеслась к необходимости помочь беженцам. Однако многие беженцы не могли или не хотели принимать ценности и традиции европейцев, и это спровоцировало усиление мигрантофобии, рост радикальных настроений, которые во многом определяют политические процессы в Европе.

Расизм и геноцид как крайние формы этнополитики

Анализируя позитивные формы этнополитики, нацеленные на внутреннюю консолидацию граждан государства, важно не упустить из виду и такие формы, которые основаны на принципах исключения из социального, правового и культурного поля государства части его граждан по расовым или этническим основаниям. Те или иные формы политики исключения имеют место во многих странах мира, в том числе в ряде стран Азии и Африки, в постсоветских государствах — в Латвии и Эстонии (применительно к характеристике политических режимов последних нередко используют термин «де-

мократия исключения»). Но в первую очередь при анализе политики исключения речь должна идти о расизме, геноциде и их разновидностях. Эти проявления этнополитики были более характерны для прошлых эпох, но полностью с ними еще не покончено.

Что представляет собой расизм? В классическом понимании такая совокупность убеждений, идеологий и социальных действий, которая направлена на дискриминацию других из-за их предполагаемой принадлежности к «расовой» группе. Традиционно под расизмом понимается концепция, которая объясняет все различия между людьми их принадлежностью к расе, а сами расы характеризуются через физические признаки: цвет кожи, форма носа, разрез глаз и т.д. Политика, которая строится на биологической концепции расы, допускавшей биологически заданные различия между людьми и их способностями, основанная на дискриминации по данным признакам, называется расистской политикой. Расистские идеи возникли еще в XVI в., но первым наиболее последовательным обоснованием расистской теории считается книга Жозефа Артюра Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас», изданной в 1853 г. во Франции. В этом труде автор пытается доказать, что главной и основной причиной различий в исторических судьбах и уровне развития разных стран и народов были расовые различия. Человеческие расы, по его мнению, различаются между собой не только внешними данными, но и по психологическим качествам и по различной способности к развитию и усвоению культуры. Низшей расой Гобино считал «черную», несколько более развитой — «желтую», а высшей и более способной к прогрессу — «белую», в особенности ее элиту — «арийскую расу».

К модифицированным формам расистских теорий относятся теории наследственного интеллекта, согласно которым коэффициент интеллекта, определяемый посредством тестов типа IQ у белых на 15 единиц выше, чем у черных. В Америке расизм служил обоснованием для оправдания института рабовладения, а позднее для дискриминации афроамериканцев и других расовых и этнических меньшинств в политической, экономической и культурной сферах. В Европе разновидности расистской идеологии применялись для придания законности колониальной эксплуатации, агрессии против наций и притеснения различных меньшинств. Каждый из примеров про-

явления расизма, как отмечает Нейл Смелзер, «является выражением этноцентризма со стороны господствующей группы, т.к. угнетатели считали себя выше угнетенной группы в биологическом и культурном отношении»¹.

Расизм сыграл ключевую роль в возникновении и политическом возвышении германского фашизма. Идеология фашизма приписывала немецкой нации как «чистой расе» особые права и предписывала уничтожение евреев как расы, находящейся на более низкой биологической ступени развития. В связи с этим главным принципом, на основе которого строилась социальная и политическая иерархия общества, был принцип принадлежности к «арийской расе». Остальные расы подлежали уничтожению, что было закреплено в так называемых «нюрнбергских законах». В первую очередь необходимо было уничтожить евреев и цыган. Затем зачистить от славян захваченные восточные территории. Реализация этой доктрины на практике привела к физическому уничтожению шести миллионов евреев, полумиллиона цыган и миллионов представителей других народов.

Р. Майлз полагает, что надо различать такие понятия, как «расизм» и «расиализация». Последний термин, по его мнению, надо использовать в таких случаях, когда социальные отношения между людьми пытаются описывать и трактовать с помощью акцентирования биологических характеристик, которые служат для конструирования обособленных социальных общностей. Этот термин стали применять другие исследователи для определения процессов, сущность которых состоит в наделении определенной группы некими устойчивыми расовыми или культурными качествами, превращающих ее в особую категорию в расово окрашенной социальной структуре данного сообщества. Ряд исследователей справедливо отмечает, что в основе современного расизма, так или иначе, лежит конструирование неких социальных структур, основанных на дискриминации. При этом конструкты расовых категорий абсолютизируют расовые и культурные различия между людьми, объявляя их естественными или исконными.

Расизм порой предлагается рассматривать в нескольких измерениях:

¹ Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 309.

- 1) как бытовую поведенческую реакцию в отношении людей, принадлежащих к культурно и расово отличной группе;
- 2) как политическую программу;
- 3) как правовую норму, одной из разновидностей которой является определение гражданства по крови;
- 4) как государственную политику, ярким проявлением которой являлась политика апартеида, долгое время сохранявшаяся в ЮАР.

Другие исследователи определяют расизм прежде всего как идеологию, основанную на биологизации культурных общностей. Между тем теоретические воззрения на расизм в последние годы были подвергнуты ревизии в результате того, что генетики вполне обоснованно опровергли биологические основы понятия «раса», указав на общие генетические основы человечества. Поэтому теперь расу нередко определяют в терминах культуры. Другие подходы к анализу расовых явлений основываются на сочетании социальных и культурных аспектов в расовой стратификации.

Рассматривая спектр современных подходов к определению рас и расизма, российский ученый В.А. Шнирельман отмечает: «Западная концепция расы всегда предполагает отношения господства и подчинения, наличие прямой или косвенной дискриминации. Поэтому, по мнению ряда западных специалистов, расовый опыт кардинально отличается от этнического. В России мы имеем дело с иной ситуацией, где именно этнический фактор был десятилетиями сопряжен с той или иной формой дискриминации, сходной с расовой. Поэтому в нашем регионе имеется гораздо больше оснований для предположения о связи расизма с этничностью»¹. Шнирельман, как и многие другие исследователи, полагает, что расизм сегодня эволюционирует и приспособляется к новой ситуации, он не изжит из политической практики и из общественных связей, поэтому есть все основания говорить о «новом расизме».

Старый, или традиционный расизм базируется на стремлении к сохранению доминирующего положения «высшей» расы или цивилизации. Новый расизм подчеркивает групповую (этническую или этнорасовую) идентичность, абсолютизируя ее

¹ Шнирельман В. Расизм в современной России: теория и практика // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 2003. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 30.

значение. Ключевую роль в этом подходе играет акцент не на неравенстве, а на несопоставимости и «нестыковке» различных культур, на неспособности их носителей понять и принять друг друга. Сторонники такого подхода борются за сохранение «чистых культур» и культурной самобытности, выступают против какого-либо воздействия на них извне. Новый расизм нередко апеллирует к религии, видя в ней базу для выделения культурных общностей и противопоставления их другим социальным сообществам.

В России проявления нового расизма многочисленны: это осквернение могил на еврейских кладбищах, погромы торговцев на рынках, убийства темнокожих студентов и гастарбайтеров. Причина тому во многом кроется в нечувствительности современного российского общества к расизму и в отсутствии верно выстроенной этнополитики. Причем, как отмечает В. Шнирельман, эту во многом «расовую близорукость» проявляет и российская интеллектуальная элита, и система воспитания и образования, прежде всего школьного. Серьезный анализ содержания школьных учебников показывает, что, пытаясь описать современную культурную мозаику, их авторы не только часто грешат вульгарным биологизаторством, но только представляют различия как некую культурную иерархию, но нередко навязывают учащимся «племенные инстинкты».

Другой недемократической стратегией в этнополитике, а точнее, крайней формой преодоления этнических разногласий является геноцид. **Геноцид — это массовое и систематическое уничтожение членов какой-либо этнической группы или создание условий, активно препятствующих ее самовоспроизводству и нормальному существованию.**

Доминирующая группа или доминирующие этнические сообщества берут на вооружение геноцид, когда ощущают угрозу своим интересам со стороны другой группы, которую нередко объявляют отсталой (или конфликтогенной, криминальной и т.д.), не имеющей экономической и социальной ценности и сосуществование с которой считается неприемлемым. Геноцид позволяет «решить» проблемы межэтнического взаимодействия путем физического устранения конкурирующей этнической группы или путем подрыва ее демографического, культурного потенциала, в результате чего она перестает восприниматься как угроза интересам доминантного сообщества. В психологическом плане геноцид есть выражение предель-

ной интолерантности (нетерпимости) к иному образу жизни, другой системе ценностей и норм, другой «картине мира» (этнической и культурной), проявляющейся в агрессии против «других».

Политика геноцида осуществлялась на протяжении многих столетий, но особенно широко стала практиковаться именно с появлением современных национальных государств. Именно идеология раннего национализма, базировавшаяся на формуле «одна нация, одна культура, один язык», приводила к восприятию неассимилированных групп как враждебных и подлежащих исключению из данного национального сообщества. Практика геноцида была широко распространена в колониальную эпоху. Она служила способом решения конфликтов с народами, населяющими Африку, Америку, Австралию, Новую Зеландию. Кроме того, применяя политику геноцида, колониальные державы «очищали» территории для собственных подданных, для своей экономической и культурной экспансии. Массовое уничтожение туземного населения в колониальных странах осуществлялось как силой оружия, так и путем распространения болезней, масштабных перемещений коренных жителей.

В новейшей истории также известны неоднократные случаи геноцида. Самый масштабный акт геноцида — это массовое и целенаправленное уничтожение евреев нацистами. Еврейские погромы начались в 1938 г., а их физическое уничтожение было «поставлено на конвейер» в 1942 г. и жертвами этой политики стали 6 млн человек. Массовое уничтожение евреев получило название *холокост*. Многие из них сожгли заживо в крематориях нацистских концлагерей. Отсюда пошло название данного акта геноцида, поскольку английское *holocaust* происходит от латинского *holocaustum* (а оно, в свою очередь, от греческого аналога) — «жертва всеожжения». При этом холокост в широком смысле понимается не только как уничтожение евреев, но как последовательная политика, проводившаяся нацистами ради реализации своей расовой теории. Вместе с евреями были уничтожены сотни тысяч цыган, представителей славянских народов, военнопленных, гомосексуалистов, инвалидов и представителей других «низших рас» и «неполноценных групп населения».

После окончания Второй мировой войны преступления нацистов рассматривал созданный странами антигитлеров-

ской коалиции Нюрнбергский трибунал, который признал холокост преступлением против человечества. Для сбора документов об истории холокоста, увековечивания памяти жертв во всем мире создана целая сеть организаций и музеев. В 1953 г., т.е. спустя пять лет после создания государства Израиль, в Иерусалиме был открыт музей памяти жертв холокоста, в экспозиции которого хранятся документы, фотографии, фильмы, рассказывающие о преступлениях нацистов и судьбе жертв геноцида. В 1977 г. в Лос-Анджелесе с целью изучения и сбора документов о холокосте создан фонд Симона Визенталя, который ныне имеет отделения во многих странах. Фонд получил имя известного деятеля, создателя Центра еврейской документации в Австрии — Визенталя. В России в 1992 г. создан Центр и Фонд «Холокост», а в Москве сооружен Музей еврейского наследия и Холокоста. В Берлине функционирует Еврейский музей, где собраны материалы, повествующие об истории немецких евреев и об их уничтожении в годы нацизма, а в официальной политике Германии важную роль играет концепция *Nie Wieder* (никогда более) — идея публичного покаяния и общественного осуждения преступлений нацизма.

Вторым по масштабам после холокоста случаем геноцида является массовое уничтожение армян в Османской Турции в 1915–1923 годах. Геноцид армян проводился в несколько стадий: разоружение служивших в турецкой армии армянских солдат, избирательная депортация армян из пограничных районов, принятие закона о высылке, массовая депортация и убийства армян. Одновременно с геноцидом армян в Османской империи имел место и геноцид некоторых других народов. Всего было физически уничтожено полтора миллиона армян, а 800 тысяч стали беженцами.

Европарламент в 1987 г. признал факт геноцида армян в Османской империи 1915–1917 гг. и принял резолюцию об обращении в Совет Европы для оказания давления на Турцию с целью признания геноцида. Совет Европы принял решение, согласно которому отказ нынешней Турции признать геноцид армян 1915 г., осуществленного правительством младотурок, становится непреодолимым препятствием на пути вступления Турции в Совет Европы. В последние годы парламенты многих стран мира официально признали уничтожение армян актом геноцида. Однако правительство Турции до сих пор отказывается это сделать. В память о геноциде армян в столице

Армении Ереване на холме Циернакаберд создан мемориал памяти жертв геноцида.

Активные боевые действия на юго-востоке Украины весной и летом 2014 г. в ходе которых были намеренно убиты или погибли под обстрелами украинских войск тысячи мирных жителей (среди которых было много русских) тоже трактовались некоторыми политиками как геноцид. Поэтому исследователи справедливо замечают, что сегодня термин геноцид не исчезает из политической лексики. В постсоветскую эпоху в странах Восточной Европы получила распространение концепция «двойного геноцида», сторонники которой уравнивали нацизм и коммунизм и считали, что оба режима одинаково преступны и в равной мере были склонны к актам геноцида. С одной стороны, эта концепция была призвана оправдать коллаборационистов из Литвы, Латвии, Эстонии, Венгрии и других стран, усилиями которых осуществлялось массовое уничтожение евреев в своих странах, и более того — представить их «борцами» с коммунизмом. С другой стороны, это попытка исказить само понимание политики геноцида, которая строится, во-первых, на идеологии, оправдывающей уничтожение целых народов, а с другой — на практике уничтожения, приобретающей массовый и системный характер. Примером такого рода подхода является экспозиция Музея геноцида в столице Литвы Вильнюсе. Примечательно, что этот музей обычно стараются называть Музеем КГБ и этим названием как бы символически уничтожают память о более 200 тыс. евреев (убитых на территории Литвы в годы немецкой оккупации самими литовцами, служившими у нацистов) и память о Литовском Иерусалиме (довоенное неофициальное название Вильнюса).

Сегодня в государствах Прибалтики, Восточной Европы и на Украине идут «войны памяти» (и проводится специальная «политика памяти»), суть которых состоит в том, чтобы «уничтожить» или стереть из памяти нации все то, что требует ставить вопрос о ее ответственности за имевшие место преступления. Политика памяти в ее восточноевропейском варианте есть не столько стремление к прозрению и познанию исторической правды, сколько новое историческое мифотворчество, имеющее целью сделать историю «удобной» для политиков и для общества, не принимающего идею общей ответственности и покаяния, ибо народы Восточной Европы предстают не

как ответственные творцы истории, но только как жертвы, которым поэтому можно простить все, включая преступления против человечности.

Беззненной темой дискуссий о прошлом является участие местного населения в истреблении евреев. Стремясь оправдать преступления, некоторые участники политических дебатов в этих странах утверждают следующее: евреи должны пенять на себя, поскольку они поддерживали советскую власть и сами были среди лидеров советизации в 1939–1940 годах. Союз писателей Литвы выпускает ежемесячный журнал «Metai», в котором в 1996 г. читатели могли прочесть статью писателя Йонаса Микелинскаса. В ней утверждалось, что в геноциде еврейского народа виноваты сами евреи, поскольку они искренне поддерживали Советский Союз, за что и получили по заслугам. Ну а если некоторые из литовцев и принимали участие в уничтожении евреев, то таких можно сосчитать по пальцам. Евреи же на протяжении всех шести веков, что жили в Литве, вели себя враждебно по отношению к литовцам.

Стоит заметить, что литовский национализм (равно как латышский и эстонский) не только вызывает нарекания зарубежных экспертов, но раздражает и некоторых представителей литовской творческой элиты. В частности, отношение к евреям, полякам и русским, которое доминирует в литовском обществе, резко осудил известный публицист и поэт Томас Венцлова, который в июле 2016 г. опубликовал в журнале «IQ» статью «Я задыхаюсь», где он заявил, что сложившиеся в Литве культурные стереотипы несовместимы с современным плюралистическим обществом.

Термин «геноцид» нередко используется этническими радикалами для обоснования своих претензий к доминантному большинству населения, для подтверждения своих идей, которые представляются как некая ответная реакция угнетенных этнических групп на проявленные в отношении них акты геноцида. Так радикалы из партии «Дорьям Асьнымос» («Защитим себя») в Коми заявляли в 1990-е гг. о многовековом геноциде в отношении коми со стороны российского государства. Однако в период между всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. и последней переписью населения СССР 1989 г. численность коми возросла на 224%, и таких темпов роста численности не было ни у одного другого финно-угорского народа России. Такие же заявления по поводу

мордвы (главным образом — эрзян) неоднократно звучали из уст эрзянских радикалов в Мордовии, объединившихся вокруг Фонда сохранения эрзянского языка.

Татарские радикалы, в свою очередь, требовали извинений за «геноцид татарского народа», который при этом является вторым по численности народом в России, много веков является органической частью российского культурного пространства и вполне благополучно развивался все это время. В бывших союзных республиках, а ныне независимых государствах, есть исследователи, которые вольно используют понятие «геноцид» для характеристики советского прошлого и для оправдания нынешних политических реальностей и практики этнического фаворитизма.

При этом проявления политики геноцида действительно имели место в бывшем СССР. Эти проявления, конечно, связаны с практикой депортаций и акциями насилия в отношении корейцев, греков, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, курдов и крымских татар. Но депортации есть больше проявление другой формы политики этнического исключения — политики перемещения. Известны две формы перемещения: добровольные и вынужденные. Самой жесткой формой вынужденного перемещения является насильственное изгнание представителей той или иной этнической группы или конфессии с мест их постоянного проживания. Другое обозначение для этого явления — это *этническая чистка*. К сожалению, история многих стран и регионов, а не только нашей страны знает примеры вынужденных миграций и насильственных изгнаний. Так, в 1830 г. конгресс США принял закон о перемещении индейцев, согласно которому любой аборигенный народ, проживающий к востоку от реки Миссисипи, мог быть переселен на западные земли. Жертвой этого закона стали 500 тыс. индейцев чероки, которых согнали со своих земель и переселили в Оклахому¹.

Добровольное (или принудительно-добровольное) перемещение было организовано в 1923 г. после заключения мирного договора в Лозанне между Турцией, с одной стороны, и Грецией, Великобританией, Францией, Италией, Румынией, с другой. По этому договору из Турции на территорию Гре-

ции должно быть переселено 1,6 млн понтийских греков (в процессе переселения 300 тыс. человек из них погибли), а из Греции выселялись проживавшие там турки.

Проявления геноцида вызывают всеобщее осуждение. Организация Объединенных наций приняла специальную Конвенцию о предупреждении геноцида, и все страны-члены ООН являются ее участниками. Однако различные формы геноцида еще далеко не изжиты из практики межобщинного взаимодействия и политической жизни современных государств. Это заставляет международное сообщество концентрировать внимание на данной проблеме, для чего в ООН был введен пост специального советника по предупреждению геноцида при Генеральном секретаре организации. Исследователи стали обращать более пристальное внимание на факты проявления геноцида. С 1999 г. издается журнал “Journal of Genocide Research”. Угроза массовых репрессий и перемещений на этнической и расовой почве остается реальной, ибо в многочисленных зонах межэтнической напряженности нередко только исход населения может обезопасить жителей от угрозы проявления в отношении него политики дискриминации или геноцида. Полностью исключить такую политику не может даже международное вмешательство, и примером тому служит Косово, откуда продолжается исход сербского населения и цыган.

Как показывают вышеизложенные материалы, в сфере этнополитики сегодня больше вопросов, чем ответов, что, однако, не может быть основанием для отказа от поиска эффективных политических решений этнополитических проблем. Очевидно, что **те или иные модели этнополитики могут быть эффективно реализованы лишь через соответствующие институты, среди которых могут быть как институты государственного управления, так и специально созданные для целей реализации этнополитики.**

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные модели этнической политики и их содержание.
2. В чем состоят сильные и слабые стороны ассимиляторской модели этнополитики?
3. Как происходило становление и развитие политики мультикультурализма в разных странах, каковы изъяны этой политики?
4. Какова должна быть современная этнополитика в полиэтничном государстве?

¹ Тишков В.А., Стельмах В.Г., Чешко С.В. Тропой слез и надежд: Книга о современных индейцах США и Канады. М.: Мысль, 1990.

5. В чем состоят принципы и проблемы международных подходов к решению этнополитических проблем?
6. В чем состоит сущность «классического» и современного расизма?
7. Дайте характеристику геноцида и форм его проявлений.

Литература

- Глейзер Н. Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия // Этнографическое обозрение. 1998. № 6.
- Дараган Н.Я. Американские ученые об этническом развитии своей страны // Этнология в США и Канаде / Под ред. Е.А. Веселкина, В.А. Тишкова. М.: Наука, 1989.
- Диалоги об этничности и мультикультурализме / Под ред. Е. Филипповой и Р. Ле Коадика. М., 2005.
- Дробижева Л.М. Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2001.
- Дьяконов К.Б. Особенности интеграции этнических и конфессиональных меньшинств во Франции // Социологические исследования. 2008. № 11.
- Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. М., 2003.
- Караваева Д.Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия — Англия — Северная Англия. Екатеринбург, 2016.
- Котин И.Ю. Под знаком Брэдфорда: Конец политики мультикультурализма в Британии? // Этнографическое обозрение. 2005. № 2.
- Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / Под ред. М.Б. Погребинского, Л.К. Толпыго. М.: Весь Мир, 2013.
- Культурная сложность современных наций / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016.
- Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтничных сообществ. СПб., 2000.
- Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Малахов В.С. Скромное обаяние расизма. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Мани М. Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток. М.: Пятый Рим, 2016.
- Маркедонов С. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства. М.: Academia, 2010.
- Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002.
- Национализм и ксенофобия в российском обществе. М.: ООО «Панорама», 1998.
- Нитобург Э.Л. Афроамериканцы США. XX век: Этноисторический очерк. М.: Наука, 2009.
- Паин Э.А. Между империей и нацией. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004.
- Паин Э.А. Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Ин-т социологии РАН, 2004.

- Рамос А.Р. Этнологи и индейцы: бразильский сценарий // Этнографическое обозрение. 2005. № 2.
- Расизм в языке образования / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб., 2008.
- Российская идентичность в Москве и регионах / Под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2009.
- Савинов Л. Этнополитика и нацистроительство в современной России: воззрения и конституционно-правовые аспекты // Вестн. российской нации. 2009. № 5.
- Скоробогатых Н.С. Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? // Общественные науки и современность. 2004. № 1.
- Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.: Привет, 2004.
- Тагиефф П.-А. Цвет и кровь: Французские теории расизма. М.: Ладомир, 2009.
- Тишков В.А. Этнология и политика: Статьи 1989–2004. М.: Наука, 2005.
- Тишков В.А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Вестн. российской нации. 2009. № 5.
- Тишков В.А., Стельмах В.Г., Чешко С.В. Тропую слез и надежд: Книга о современных индейцах США и Канады. М.: Мысль, 1990.
- Фадеечева М. Концептуальные основания политики Российской Федерации в сфере регулирования межэтнических отношений // Вестн. российской нации. 2008. № 2.
- Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформатотех», 2010.
- Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигма этнического развития США. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2000.
- Шнирельман В. Расизм в современной России: теория и практика // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 2003. М.: ИЭАРАН, 2004.
- Шнирельман В. Лица ненависти: Антисемиты и расисты на марше. 2-е изд. М.: Academia, 2010.
- Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge: Polity Press, 2001.
- Bernstein R. Dictatorship of virtue. Multiculturalism and the Battle of America's Future. N.Y., 1994.
- Fein H. ed. Genocide Watch. New Haven: Yale University Press, 1992.
- Lipstadt D. Denying the Holocaust: The Growing Assault on Truth and Memory. N.Y.: Penguin Books, 1993.
- Mallaby S. After Apartheid: The Future of South Africa, N.Y.: Times Books, 1992.
- Modood T. Multiculturalism: A Civic Idea. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Moradi F., Six-Hohenbalken M., Buchenhorst R.(eds). Memory and Genocide: on what Remains and the Possibility of Representation. L.: Routledge, 2017.
- Multicultural Democracies / Eds A.G. Gagnon, J.Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. N.Y., 2006.
- Rex J., Guibernau M.(eds). The Ethnicity Reader: Nationalism, Multiculturalism and Migration. Cambridge, 1997.

ИНСТИТУТЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

В центре внимания этнополитологии находятся проблемы взаимодействия между государством и этническими сообществами, поэтому необходимо обратить внимание на деятельность институтов, создаваемых для удовлетворения интересов этнических сообществ и регулирования отношений между ними и государством. Подобные институты формируются как государством, так и самими этническими сообществами, а иногда создаются совместно обеими сторонами. Институтов этнополитики довольно много, и их многообразие объясняется не только тем, что они формируются обеими сторонами политического взаимодействия, но и тем, что функции этих институтов различны. По мнению одного из видных теоретиков институционализма Д. Норта, институты есть своего рода правила игры в обществе, ибо они определяют рамки взаимодействия, структурируют это взаимодействие и поэтому снижают неопределенность в социуме, а также способствуют выбору жизненных ориентиров и создают систему взаимодействия между людьми¹.

Государственные институты этнополитики

В полиэтничных государствах неизбежно возникает необходимость в создании специализированных управленческих структур, основной функций которых является организация взаимодействия между государством и этническими (расовыми, религиозными) группами, а также мигрантскими сообществами. Как само наличие названных институтов, так и их формы и предназначение в немалой степени определяют

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

ся той моделью этнополитики, которую берут на вооружение власти страны. При этом очевидно, что в моноэтнических по составу населения странах, таких как Мальта, Исландия, Норвегия или Япония, нет необходимости в формировании специальных государственных институтов этнополитики, в то время как в полиэтничных государствах необходимость институтов, регулирующих отношения государства с культурными меньшинствами, очевидна. Но там, где официально не признается деление населения на этнические сегменты, государство не создает и специализированных институтов этнополитики, как, например, в Испании, хотя в этой стране официально и поддерживаются языки меньшинств. Примерно аналогичная ситуация в Греции, где, согласно официальной позиции, не существует этнических или языковых меньшинств за исключением мусульманского меньшинства в Западной Фракии.

Франция также не признает наличия этнических меньшинств на территории страны, заявляя, что все жители страны — это граждане страны и все они обладают равными правами. Но при этом власти страны на протяжении всей ее новейшей истории проводят ассимиляторскую политику. А реальная культурная неоднородность страны и значительный приток мигрантов, из которых формируются этнические кварталы во французских городах, новые сети социального и культурного взаимодействия потребовали еще более интенсифицировать ассимиляционные усилия государства. Поэтому в 2007 г. было принято решение о создании специального министерства. Оно получило название Министерство интеграции, национальной идентичности и соразвития. В числе основных задач были названы четыре: 1) обуздание миграционных потоков; 2) соразвитие; 3) улучшение социальной интеграции мигрантов; 4) содействие формированию национальной идентичности.

Очевидно, что деятельность министерства была направлена в основном на интеграцию мигрантов во французское общество, признание мигрантов принимающим сообществом и принятие мигрантами норм и ценностей этого общества, преодоление внутренних культурных границ между гражданами Французской республики и формирование общей гражданской идентичности у представителей всех культурных общин страны. К созданию министерства подталкивали недостаточная интегрированность переселенцев из других стран

и выходцев из семей недавних мигрантов во в французское общество. Серьезный стимул к этому дали беспорядки 2005 г., которые были спровоцированы убийством полицейскими двух подростков из семей иммигрантов. Эти события рассматривались некоторыми наблюдателями как всплеск межэтнического противостояния или как крах французской интеграционной модели. Более пристальный взгляд на проблему позволил по-иному оценить протесты молодежи иммигрантских окраин французских городов: «Проблема не в том, что иммигранты и их дети не чувствуют себя французами, а в том, что общество порой не считает их таковыми. Проблема не в том, что принцип «одна страна — один народ — один язык» плох, а в том, что он не до конца соблюдается. Введение «позитивной дискриминации», предлагаемое некоторыми, не решит проблему, поскольку сохраняет сам принцип неравенства. Достаточно вместо этого непримиримо и последовательно бороться с классической «негативной» дискриминацией и не уповать на привилегии и льготы, предоставляемые отдельным категориям населения»¹.

Французский политический класс осознал необходимость изменений во внутренней политике, и спустя год после беспорядков 2005 г. был принят Закон о равенстве возможностей. Он стал инструментом, улучшающим шансы интеграции молодых людей из иммигрантских семей, и содержал комплекс мер, предупреждающих дискриминацию в различных сферах общественной жизни, в частности, на рынке труда. Молодые люди из нуждающихся иммигрантских семей обрели возможность повышать свой образовательный уровень с помощью специальных программ и получать поддержку государства при трудоустройстве. Так, например, фирмы с количеством сотрудников свыше 50 человек должны рассматривать анонимные заявления на вакантные должности: фотография заявителя не требуется, а фамилия, имя, дата, страна рождения, пол и адрес шифруются. Будущий работодатель выбирает квалификацию и опыт нового сотрудника, а не его этническую, возрастную, половую, социальную или религиозную принадлежность.

Но решение проблем занятости и трудоустройства не исчерпывает задачи интеграционной политики. Наиболее слож-

ными являются вопросы, связанные с культурной гомогенизацией французского общества. При этом здесь есть коллизия между необходимостью интеграции и соблюдением культурных прав меньшинств. Непонятно, как сохранять индивидуальную культурную и религиозную специфику мигрантов, но добиваться при этом признания ими общих ценностей французского общества, которые являются светскими по своей природе. И особенно сложно побудить мусульман, которые составляли основную массу мигрантов, принять общие культурные ценности французской нации, основанные на республиканской традиции.

Здесь в роли жесткого культуртрегера выступило само государство. В 2004 г., несмотря на сильное сопротивление партий коммунистов и зеленых, был принят закон о запрете ношения религиозных символов в государственных школах. Следующим шагом в этом направлении стал закон 2010 г., запрещающий носить в общественных местах одежду, полностью скрывающую лицо. В октябре 2010 г. Конституционный совет Франции признал, что закон соответствует Конституции Франции, поставив тем самым точку в правительственных и общественных дискуссиях по поводу правомерности данного закона. Принуждение иммигрантов к интеграции является одним из принципов политики интеграции, которая стала проводиться с приходом к власти президента Николя Саркози с 2007 г. и с создания вышеназванного министерства. В период президентства Ф. Олланда усилилась критика политики французских властей со стороны партии Национального фронта Франции по причине серии террористических актов, которые связывают со слабым контролем над миграцией.

Концепция ассимиляторской политики Израиля отчасти схожа с другими аналогичными моделями, но по-своему уникальна. Страна представляет собой *этноконфессиональное государство*, основное население которого, по замыслу его отцов-основателей, должны были составлять приверженцы иудаизма. При этом страна является типичным мигрантским сообществом (35% населения — иммигранты в первом поколении), сформировавшимся за счет массового переселения евреев из разных стран мира. Историческую основу современного населения страны составляют выходцы из России и Польши, приехавшие в Израиль с 1880 по 1929 г. Власти Израиля активно приглашают в страну мигрантов, но при этом

¹ Филиппова Е. Что происходит во Франции // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 63. Сентябрь–октябрь. 2005. С. 8.

придерживаются политики «этнически привилегированной миграции», поскольку получить гражданство и помощь от государства мигранты могут лишь в том случае, если они приверженцы иудаизма и являются по происхождению евреями (неверующие евреи считаются лицами, которые находятся на пути к вере). Приверженцы иных конфессий (кроме членов семей репатриантов) практически не могут получить права гражданства в Израиле.

Но евреи все разные, и эти различия связаны не только с наличием специфических культурных групп (ашкенази и сефардов), но и с антропологическими особенностями разных групп иудеев, языковыми различиями и т.д. Поэтому в израильском обществе размыты границы между «Мы» и «Они», как и само понятие «израильтянин». К примеру, куда относить 1,5 млн арабов, которые имеют израильское гражданство, но которых не привлекают к службе в армии, которые не могут получить в Израиле образование на арабском языке.

Для достижения гражданской и культурной солидарности сразу же после создания в 1948 г. государства Израиль было создано Министерство алии и абсорбции (тогда оно именовалось Министерством иммиграции). Министерство алии и абсорбции — это первое государственное учреждение Израиля, с которым сталкиваются новые репатрианты часто еще до того, как приедут на землю Израиля. Его основная функция — выдача государственной помощи новым жителям. Министерство также занимается вопросами популяризации Израиля, налаживанием связей с потенциальными репатриантами. Через его структуры иммигрант может получить поддержку на каждом этапе интеграции в израильское общество. В 2013 г. Министерство приняло новую программу в связи с тем, что в Европе усиливается антисемитизм, а ситуация в таких странах, как Украина, стимулирует выезд евреев и членов их семей на постоянное жительство в Израиль.

Иные задачи решают институты этнополитики, которые созданы в странах, где провозглашена политика мультикультурализма. В Канаде создана сложная система законодательства и институтов, регулирующих этнополитику. Это в значительной степени связано с тем, что Канада является федеративной страной и в ее провинциях нормы законодательства могут существенно различаться. Среди федеральных институтов мультикультурной политики следует назвать Департамент ка-

надского наследия, Департамент по вопросам мультикультурализма и гражданства, Этнокультурный совет Канады. Полномочия каждого из ведомств определялись специальными федеральными актами.

Основные задачи практической реализации мультикультурной политики с 1993 г. возложены на Департамент канадского наследия. Акт о мультикультурализме уполномочил федеральный департамент, ответственный за мультикультурную политику, разрабатывать и принимать необходимые меры, которые вытекают из определенных законами целей и задач этой политики. В частности, в задачи департамента входит претворение в жизнь проектов и программ культурного и социального развития групп меньшинств, оказание содействия индивидам и организациям, которые добиваются сохранения и развития мультикультурного наследия. В задачи департамента входит содействие в организации образовательных и культурных институтов для языковых меньшинств, поддержка местного самоуправления в местах их компактного проживания.

Государственная мультикультурная политика Австралии представляла собой политический инструмент, призванный гармонизировать отношения между культурными сообществами, обеспечить внутренний мир и поддержать культурное многообразие. Институтом реализации политики мультикультурализма является Департамент по иммиграции и охране границ. В 1987 г. было сформировано Бюро по мультикультурным делам при премьер-министре, действовавшее до 1996 г., затем его функции перешли к Департаменту по делам иммиграции и мультикультурализма, с 2007 по 2013 г. — Департаменту иммиграции и гражданства.

Названные структуры занимались и занимаются реализацией мультикультурной политики и распределяют бюджетные средства на нужды культурного развития этнических сообществ, ведут сбор информации о проведении мультикультурной политики, осуществляют выработку стратегических решений и программ по поддержке этнических сообществ и коренных жителей. В числе задач названных институтов — контроль над образовательными программами. Федеральные власти Австралийского Содружества и власти штатов оказывают поддержку мультикультурному образованию, которое включает в себя двуязычное обучение и специальные учебные программы, нацеленные на взаимообогащение учащихся

и лучшее понимание ими культурного многообразия страны, предметное знакомство с культурами разных народов. Публичные школы строят обучение на основе унифицированных программ и английского языка, но есть классы со специальными программами для детей иммигрантов, где английский преподается как второй язык. На основе обычных школ при содействии этнических организаций функционируют так называемые «субботные школы», в которых учащиеся могут бесплатно изучать разные языки. Это важно, ибо при реализации политики мультикультурного обучения и воспитания в Австралии были закрыты устаревшие учебные заведения типа школ-интернатов для детей-представителей коренных народов.

Законы штатов об образовании предусматривают возможность создания негосударственных школ, получающих государственное финансирование. Существенную долю негосударственных школ составляют аборигенные, а также «общинные» или «этнические» школы, где утвержденная государством учебная программа дополняется изучением языка, истории и культуры определенной этнической группы. Такие школы в 1980-е гг. открыли до 700 иммигрантских общин. В каждом штате действует ассоциация этнических школ, и для аккредитации этнической школы членство в ней обязательно. Ассоциация выполняет контрольные функции, помогает в подготовке кадров, представляет школы и их педагогические коллективы перед официальными властями.

В Индии с ее необычайным культурным многообразием создано Министерство по делам меньшинств, в задачи которого входит контроль над регулируемыми и развиваемыми программами центрального правительства в отношении меньшинств в Индии, в том числе мусульман, сикхов, христиан, буддистов и зороастрийцев, обозначенных как общины меньшинств в соответствии с законом 1992 г. Министерство участвует в защите языковых меньшинств, и эта функция возложена на Комиссара по языковым меньшинствам.

Культурное разнообразие страны диктует специфический характер государственных институтов, ответственных за реализацию этнополитики. В Индии для этой цели создано два министерства. Вторым является созданное в 1999 г. Министерство по делам племен. Дело в том, что в стране, помимо официальных меньшинств, есть еще несколько категорий

культурно отличительных групп. Конституция Индии официально признает наличие «списочных каст», «списочных племен» и «иных отсталых классов». Под ними подразумеваются разные социальные группы, которые являются наиболее обездоленными и находящимися на низших ступенях индийского общества. В популярной литературе зачастую «списочные касты» именуют *далитами*, а «списочные племена» — *адиваси*. В настоящее время в список входит 1108 каст и 645 племен. Списки «иных отсталых классов» составляются на федеральном уровне и на уровне штатов. В настоящее время эти списки включают 2297 социальных групп. В отношении списочных племен, каст и низших классов государством проводится политика позитивной дискриминации, включающая резервирование мест в государственных высших учебных заведениях и учреждениях.

Министерство разрабатывает и координирует программы, призванные обеспечить социальное и культурное развитие списочных племен и каст, и в его задачи входит социальное обеспечение и социальное страхование членов зарегистрированных племен; планирование мер по повышению благосостояния представителей племен и каст, разработка соответствующих проектов и проведение исследований, оценка положения каст и племен, статистика и обучение; обеспечение стипендиями студентов, принадлежащих к таким племенам; решение вопросов, касающихся прав владения лесами и их ресурсами для племен, проживающих в лесной зоне.

Министерство по делам племен Индии не является уникальным государственным институтом, ибо там, где в составе населения выделяются этнические группы с особым статусом или составляются списки и реестры таких групп, нередко возникают и государственные службы, предназначение которых состоит в организации взаимодействия между государством и статусными группами. Так, еще в 1824 г. в США было создано Бюро по делам индейцев (BIA), в СССР в 1924 г. для оказания государственной помощи малочисленным народам Севера в составе Наркомнаца был создан Комитет содействия народам северных окраин (Комитет Севера), в Новой Зеландии в 1989 г. создано Министерство по делам маори, в 1990-е гг. активисты марийского движения требовали создания специального Министерства народа мари в Республике Марий Эл.

В России в 2015 г. учреждено Федеральное агентство по делам национальностей, предшественниками которого являлись другие специализированные ведомства, начиная с Народного комиссариата по делам национальностей, действовавшего в первые годы советской власти и заканчивая рядом федеральных министерств в постсоветский период. Функции агентства предполагают, что оно может осуществлять межведомственную координацию, а его деятельность должна опираться на анализ процессов, имеющих место в сфере межкультурного взаимодействия. Согласно положению об агентстве, перед ним поставлены следующие задачи: а) реализация государственной национальной политики и оказание государственных услуг в этой сфере; б) осуществление мер по укреплению единства многонационального народа РФ (российской нации); в) обеспечение межнационального согласия, этнокультурное развитие народов, защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов; г) взаимодействие с национально-культурными автономиями, казачьими обществами и иными институтами гражданского общества; д) разработка и реализация государственных и федеральных целевых программ в сфере межнациональных отношений; е) осуществление государственного мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений; ж) профилактика дискриминации по признакам расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; з) предупреждение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни.

Наконец, в странах, где внутренняя политика строится на принципах конституционного национализма и практикуются разные формы политики исключения в отношении этнических меньшинств, специализированные государственные институты этнополитики, как правило, отсутствуют. При этом в функции отраслевых ведомств включены задачи, реализация которых обеспечивает политическое и культурное доминирование привилегированных этнических групп. Важное внимание в таких управленческих структурах уделяется обеспечению контроля над гражданством и миграцией, а также образовательной и языковой политикой, нацеленной на языковую ассимиляцию групп меньшинств. Так, в Эстонии действует Управление по делам гражданства и миграции, в функции которого входит выпуск документов (паспорт гражданина, эстонский паспорт иностранца, эстонская ID-карта), рассмотрение

заявок о гражданстве, иммиграционный контроль. По своему прямому назначению данный институт нельзя отнести к институтам этнополитики, но дело в том, что он несет ответственность за рассмотрение заявок о гражданстве. А после образования суверенной Эстонской Республики в 1991 г. (тогда же был принят Закон о гражданстве) значительную часть ее населения составляли лица, которых политическая элита доминирующей этнической группы не хотела признать гражданами, хотя значительная их часть родилась в Эстонии. В связи с этим в 1992 г. около трети населения относились к «лицам с неопределенным гражданством»¹, которых просто называли «негражданами».

Статус этих людей регулируется Законом об иностранцах Эстонской Республики от 1993 г. Большинство сегодняшних *неграждан* составляют бывшие граждане СССР, проживавшие на территории Эстонии и не получившие ее гражданства. В настоящее время большинство изначальных неграждан обрели права эстонского гражданства, часть получила гражданство Российской Федерации или иной страны, остальные являются «лицами с неопределенным гражданством». Доля апатридов в населении Эстонии существенно снизилась, но все еще остается высокой, что позволяет говорить о ситуации массового безгражданства в этой стране.

Поскольку получение гражданства и интеграция в эстонское общество мигрантов и жителей Эстонской Республики увязаны с обязательной сдачей экзамена по эстонскому языку, важно обратить внимание и на другой институт — языковую инспекцию (*Keeleinspektion*), которая была сформирована еще в 1995 г., а в нынешнем виде существует с 1998 года. В компетенцию инспекции входят надзор за исполнением требований к употреблению языка в делопроизводстве органов государственной власти и местных самоуправлений, в сфере обслуживания, торговли и здравоохранения; надзор за соответствием официального употребления языка литературной норме; контроль над выполнением требований к знанию государственного языка работниками, обязанными знать его по долгу службы. Инспекторы имеют право применять меры административного воздействия от предупреждений до весьма

¹ *Полещук В.В., Димитров А.С.* Континуитет как основа государственности и этнополитики в Латвии и Эстонии // Этническая политика в странах Балтии / Отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов. М., 2013. С. 72.

значительных штрафов, взыскиваемых с организаций и частных лиц, а также предписаний государственным учреждениям и частным предприятиям об увольнении работников.

В докладе Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью от 2010 г. было отмечено, что, по мнению представителей русскоязычного меньшинства Эстонии, языковая инспекция пользуется неограниченной властью. Властям Эстонии было рекомендовано создать механизм контроля над деятельностью инспекции и проводить регулярные консультации о ее деятельности с представителями русскоязычного меньшинства с целью улучшения их отношения к инспекции. Во многом сходная с ситуацией в Эстонии политическая практика имеет место в соседней Латвии, а также в Малайзии.

Важно заметить, что создание и функционирование государственных институтов этнополитики зависит от общей политической конъюнктуры в стране. Приход к власти политических партий и лидеров, чьи политические программы и идеи отличаются от предшественников, а также давление со стороны общественности могут менять функции названных институтов, равно как и ставить под угрозу само их существование. Так, созданное первым в истории Бразилии президентом-женщиной Дельмой Русеф Министерство по правам человека и расового равенства было упразднено в мае 2016 г. после начала процедуры импичмента и отстранения ее от власти.

Территориальная и культурная автономии

Институт автономии — один из распространенных институтов этнополитики и многие этнические движения в качестве основной цели ставят достижение автономии для своей группы в рамках того или иного государства. Предоставление необходимого уровня автономии есть один из способов обеспечения представительности правления. Любые попытки расширить политическое участие групп этнических меньшинств должны учитывать возможности для установления местной автономии, автономии в отдельных сферах и для создания механизмов диалога с группами, чьи интересы требуют поддержки со стороны государства.

Различают три типа автономии: политическую территориальную автономию, административную автономию и персональную (или культурную) автономию. Автономия предполагает пере-

распределение полномочий между центральной властью и автономными территориальными образованиями. Центральная власть, как правило, передает в регионы только часть полномочий. Другая часть относится к совместному ведению и третья — к исключительному ведению центральной власти. Правительство страны не контролирует полностью все действия органов власти автономии, но может воспользоваться правом вето в случае превышения последней своих полномочий. По своей природе автономия предполагает ту или иную степень кооперации и координации действий между центральной и местной властью.

После победы большевиков в России в 1917 г. в стране начался процесс так называемого национально-государственного размежевания, итогом которого стало создание СССР. Это государство многие специалисты называют этнической федерацией, поскольку принятая большевиками доктрина этнического национализма предполагала слом прежней системы административно-территориального деления страны и создание системы «национально-государственных образований» с тем, чтобы границы расселения этнических групп максимально совпадали с административными границами. Было создано три основных типа таких автономных образований: союзные республики, автономные республики и национальные округа (с 1977 г. — автономные округа). Здесь были сформированы собственные органы законодательной и исполнительной власти, при комплектовании которых приоритет отдавался представителям титульных этнических групп.

После Второй мировой войны в этническую федерацию превратилась и Югославия, в составе которой были созданы шесть республик, титульным населением которых были сербы, словенцы, хорваты, македонцы, черногорцы, а в Республике Босния и Герцеговина был смешанный этнический и конфессиональный состав населения (босняки). Помимо республик, было создано несколько автономных краев, в том числе Косово с албанским меньшинством. В 1968 г. Чехословакия также превратилась в этническую федерацию, ибо Чехия и Словакия обрели статус самостоятельных республик в составе федерации.

В конце XX в. все три страны распались именно по границам республик, которые рассматривались властями как форма государственного устройства. И поэтому не случайно полити-

ки и многие эксперты относятся к территориальной политической автономии с опаской, полагая, что они несут угрозу дезинтеграции страны. Тем не менее процесс формирования этнотерриториальных автономий продолжается. В 1979 г. после шести лет подготовки в Гренландии было введен т.н. гомруль, или Домашнее Правление (*Greenland Home Rule*), что означало не только культурное и политическое дистанцирование гренландцев (инуитов) от Дании и датчан, но и реализацию их лозунга: «Гренландия — это нация». В результате Гренландия обрела свое правительство, свой парламент и стала самостоятельно распоряжаться ресурсами территории.

В 1993 г. Бельгия была преобразована из унитарной страны в федерацию и разделена на три языковых сообщества: франкоязычное, немецкоязычное, фламандское, которые административными единицами не являются и каких-либо структур управления не имеют, но фламандское сообщество имеет границы, совпадающие с границами региона Фландрия. Французское сообщество обычно называют «Сообщество Валлонии и Брюсселя» (*Communaut Wallonie-Bruxelles*), но это название официально не признано и не вполне соответствует действительности, поскольку на территории Валлонии расположен немецкоязычный регион, а Брюссель имеет статус самостоятельного региона, на который полномочия Французского сообщества не распространяются. На территории Брюсселя, кроме Французского, действует также Фламандское сообщество. Немецкоязычное сообщество Бельгии (*Deutsch sprachige Gemeinschaft Belgiens*) является самым маленьким из языковых сообществ и состоит из девяти муниципалитетов, где компактно проживает немецкое население.

В 1998 г. произошла конституционная революция в Великобритании, суть которой заключалась в передаче значительных полномочий этнонациональным регионам. В 1998–1999 гг. был воссоздан парламент Шотландии — Холируд, ликвидированный в 1707 г. после заключения унии с Англией; впервые организована ассамблея Уэльса — Сеннед, возобновлена деятельность Стормонта — законодательного собрания Северной Ирландии, прерванная в 1972 г. введением прямого правления из Лондона на фоне разгоревшегося конфликта между католиками-ирландцами и англичанами-протестантами. Полномочия региональных парламентов были различны, но все они могли формировать региональные правительства, а

шотландский парламент обладал еще и налоговыми полномочиями. В дальнейшем права Шотландии были еще более расширены, и Банк Шотландии получил право печатания денег, поэтому на отпечатанных в Шотландии фунтах стерлингов стоит надпись «Банк Шотландии» (Северная Ирландия также имеет право на эмиссию своего фунта, который может обращаться только на ее территории). Процесс децентрализации и автономизации породил и усиление шотландского сепаратизма.

Тем не менее в Европейском Союзе процесс регионализации считается одним из основных направлений современной политической модернизации, и по этому пути идут многие страны. В Италии созданы пять автономных областей, каждая из которых обладает широкими полномочиями, касающимися экономического и культурно развития. И в ряде случаев путь регионализации позволил снять многие проблемы. Так, если прежде в немецкоязычном Южном Тироле существовали сильные сепаратистские настроения, то ныне они ушли в прошлое, поскольку немецкий стал официальным языком, наряду с итальянским, а все местные проблемы обсуждаются в стенах провинциального парламента или решаются местным правительством. Особое место придается территориальной автономии Конституцией Испании 1978 года. Территориальные автономии здесь наделены широкими полномочиями. В статутах (конституциях) Каталонии, Страны Басков и Галисии особо оговаривается этнический характер этих территорий.

Особой формой территориальной автономии можно считать резервации, т.е. выделение особой территории для племенной или этнической группы, на которую не могут посягать представители других групп, государство и промышленные компании. В США процесс создания резерваций относится к началу XIX в., когда стали заключаться специальные договора между племенами и правительством. Затем был принят ряд законов, которые отменяли общинное пользование землей и передавали ее в руки отдельных лиц, а также Закон о перемещении индейцев, которые позволили изымать из пользования племен значительные территории, а самих индейцев лишать прав владения традиционными территориями и перемещать на другие земли. В 1936 г. был принят Закон об индейской реорганизации, отменивший приватизацию общих землевладений индейцев и позволивший вернуться к местному само-

управлению на племенной основе. Закон восстановил за индейцами право на управление их собственностью (в основном земельной) и включал положения, направленные на создание здоровой экономической основы для существования индейских резерваций. Сегодня в США порядка 300 резерваций, общая площадь которых 223 тыс. кв. километров. В юридическом плане резервации имеют почти те же права, которыми обладают штаты. На их территории действуют как федеральные законы, так и законы, которые устанавливают сами индейские общины. Но население резерваций имеет и ряд льгот: оно освобождено от уплаты подоходного налога и налога на собственность.

В 1920-е гг. советский этнограф В.Г. Богораз предлагал создать резервации для малочисленных народов Севера с тем, чтобы оградить их территории от промышленного освоения и уберечь образ жизни этих народов от разрушения, но его идея не была поддержана. Многие специалисты полагают, что резервации — это не свободные зоны культурного развития, а некая замаскированная форма апартеида, ибо резервации вычлениаются из общего культурного пространства страны. В этом отношении показателен опыт создания бантустанов в ЮАР в эпоху апартеида. Создание бантустанов началось в 1940-е гг., и суть процесса состояла в том, чтобы закрепить за отдельными этническими группами некие территории, которые были объявлены формально независимыми или автономными образованиями. К бантустанам приписывались все представители той или иной этнической группы, для которой они, якобы, создавались, даже если они никогда не жили на территории «своего» бантустана. За пределами бантустана его «граждане» считались «иностранцами», а потому на «законных основаниях» могли быть поражены в правах. Тем самым, с одной стороны, они являлись формой политической и культурной сепарации населения ЮАР, а с другой — способом оправдать господство белого меньшинства и дискриминацию чернокожего населения. Не случайно в программе Африканского национального конгресса, возглавлявшего борьбу чернокожего населения ЮАР за свои права, ключевым было требование ликвидации бантустанов. В 1994 г. все 10 бантустанов ЮАР были ликвидированы, их территории вновь включены в состав страны (см. Кейс 11).

Кэйс 11. Аборигенные корпорации Аляски и канадский Нунавут

Особые формы территориальной автономии сложились на Аляске и севере Канады, которые можно рассматривать и как форму самоуправления для аборигенного населения этих территорий, и как правовой институт обеспечения права аборигенов на землю и право на распоряжение землей и ресурсами.

В 1971 г. был принят Акт о разрешении земельных требований коренных жителей Аляски. Согласно этому закону, в пользование ассоциаций коренных жителей передавалось 44 млн акров федеральных земель, или 12% территории штата Аляска. Акт предусматривал составление реестра коренных жителей, и любой, кто мог доказать, что он на одну четверть крови является коренным, должен быть внесен в реестр. Акт определял территориальные границы 12 этнических (племенных) территорий, в которые было включено 225 национальных сел (при этом поселение должно было насчитывать не менее 25 жителей).

Руководство каждым этническим регионом осуществляет Национальная региональная корпорация, представляющая своего рода акционерное общество, членами которого были все зарегистрированные на ее территории коренные аляскинцы. Каждый из них получал свою долю акций корпорации, с которых он мог получать доход. В этой связи естественно, что права на землю передавались не в собственность каждого коренного аляскинца, а в собственность национальных региональных корпораций или национальных сел (сельских корпораций). В индивидуальное пользование были переданы только небольшие участки земли. В собственности сельских корпораций переходили территории непосредственно вокруг поселков, площадь которых зависела от численности жителей в поселении. Региональным корпорациям отошли земли, рассредоточенные по всему штату. Использование земель и их ресурсов стало основой финансового благополучия корпораций и источником поступления средств в их бюджеты, но эффективность бизнеса в разных корпорациях разная, поэтому и экономическое положение их членов существенно различается.

Система корпораций имела свои изъяны. Земли корпораций освобождались от налогообложения на 20 лет, а затем становились объектом налогообложения, а акционеры могли свободно распоряжаться своими акциями и продавать их любому желающему, что увеличивало риск захвата земель частными фирмами, риск банкротства самих корпораций. Финансовая поддержка федерального правительства со временем прекратилась, и корпорации должны были выживать только за счет собственной деятельности. Кроме того, акции корпораций получили только те, кто родился до 1971 г., а все вновь родившиеся их не получали. Потому рост населения приводил к уменьшению доли доходов наследниками первого акционера. Если же он продавал свои акции, то они и вовсе лишались доходов от земли. Это привело к тому, что начался постепенный распад некоторых корпораций. При этом, как это ни

удивительно, аляскинцы, которые проживали в резервациях, оказались в лучшем положении, ибо избежали рисков, которые принесли с собой корпорации. Кроме того, начался поиск альтернативы корпорациям, и в ряде мест были ликвидированы местные муниципалитеты и заменены общинным правительством и собственным судейским советом.

Другой формой автономии меньшинств является примененная в Канадской федерации модель самоуправления инуитов. Решающим в деле урегулирования отношений федерального правительства и коренного населения стало образование неправительственной Инуитской циркумполярной конференции (Inuit Circumpolar Conference/ICC), которая начала свою деятельность в 1977 г. и получила в 1983 г. признание ООН в качестве неправительственной организации, выступающей за интересы коренных народов всего Севера.

Официальное признание статуса организации привело к тому, что в 1984 г. около 2500 инуитов Западной Арктики получили право на 35 тыс. кв. миль земли, а в 1990 г. последовало такое же соглашение между 7000 индейцев Юкона и правительством. Данные соглашения стали правовой основой для более крупного Нунавутского соглашения, которое было заключено между инуитскими лидерами и канадским правительством в 1991 году. По данному соглашению примерно 17 тыс. инуитов получили право заниматься охотой, звероловством и рыболовством в Нунавуте, т.е. на территории в 772 тыс. кв. миль (это одна пятая территории Канады). Нунавутское соглашение сделало инуитов крупнейшим корпоративным землевладельцем во всей Северной Америке. Соглашение не означало полного отказа правительства от своих прав на землю. По итогам переговоров с правительством инуиты отказались от своих прав на значительные территории, на которые они первоначально претендовали. Причем это оказались наиболее богатые земли, где располагались газовые и нефтяные месторождения. Соглашение предусматривало права двух уровней. Во-первых, права на ведение охоты, рыболовства и звероловства на подведомственных территориях. Во-вторых, права полной собственности, т.е. пользования землей и право продажи по усмотрению коллектива. В районах, которые перешли под юрисдикцию правительства, инуитские общины получили гарантии некоторых прав управления внутри и этих общин.

Соглашение потребовало демократической организации инуитских общин с целью обеспечить управление Нунавутом. Были созданы специальные органы управления Территорией Нунавут, как административные, так и политические. Нунавут имеет выборный руководящий совет, именуемый Тенгавикской Федерацией, который создан на основе местных советов старейшин и в котором большинство составляют инуиты. Что касается местных административных органов, то в них ощущен дефицит кадров инуитов. По типу Нунавутского соглашения построено самоуправление на Юконе.

Наиболее распространенной формой автономии этнических меньшинств является национально-культурная. **Национально-культурная, или персональная автономия (НКА)** — это такая форма удовлетворения культурных интересов, которая предполагает предоставление этнической общности, составляющей меньшинство в данном государстве, определенной самостоятельности в вопросах организации образования и других форм культурной жизни (право на создание библиотек, национальных школ, театров и т.д.). НКА формируется на экстерриториальной основе, т.е. распространяется не на конкретную территорию, а на всех представителей определенной этнической группы. Реализуется путем создания этнокультурных центров, землячеств, этнических общественных советов и ассоциаций.

Концепция персональной автономии означает, что за этнической группой закрепляется право пользоваться достоянием своей культуры, использовать родной язык в частной и публичной жизни, отправлять религиозные потребности, создавать собственные ассоциации, поддерживать культурные связи с диаспорами, иметь возможность изучать язык, историю, традиции и культурное наследие своего народа. Практически все полиэтничные страны мира используют данный институт как основной или дополняющий систему федеративного государственного устройства. Вместе с тем трактовка понятия «культурная автономия» в политической практике государств иногда слишком узкая и не позволяет в полной мере реализовать культурные запросы представителей этнических меньшинств. Примером такой политической практики в современной Европе является Латвия. Узкая трактовка понятия «культурная автономия» исходит из политических соображений, среди которых превалирует опасение, что культурно прогрессирующее меньшинство может в результате развития собственных культурных и общественных институтов получить сильное политическое влияние в государстве в ущерб этническому большинству.

Концепция национально-культурной автономии была разработана в начале XX в. австрийскими социал-демократами Отто Бауэром и Карлом Реннером. Форм национально-культурной автономии достаточно много, и они существуют в разных странах. В России в 1996 г. приняты федеральный закон о национально-культурной автономии и ряд аналогичных региональных законов. Соответственно национально-культур-

ные автономии могут быть федеральными и региональными (например, федеральная национально-культурная автономия татар, национально-культурная автономия украинцев Республики Коми и т.д.). В России в настоящее время зарегистрировано около 20 федеральных национально-культурных автономий и более 1200 региональных и местных организаций. В 2009 г. Государственной Думой принят закон «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона “О национально-культурной автономии”», предусматривающий оказание финансовой поддержки федеральными, региональными и местными уровнями власти соответствующим уровням национально-культурных автономий.

Институты альтернативного представительства

Поскольку либеральная демократия есть власть большинства, постольку в сложных сообществах интересы меньшинств могут ущемляться, хотя чаще всего это «ущемление» является мнимым, поскольку конституционно гарантируется равенство прав всем гражданам. Но представители этнических меньшинств, чья численность невелика, действительно имеют мало шансов быть избранными в представительные органы власти и участвовать в политических процессах и как полномочные представители избравшего их населения, и как полномочные представители своей группы, что нередко расценивается как отсутствие равенства шансов на политическое представительство у меньшинств. Чтобы уравнивать шансы на участие в политических процессах и на политическое представительство у доминантных культурных групп и у групп этнических меньшинств, в ряде случаев создаются институты альтернативного (или параллельного) политического представительства.

Интересной формой названных институтов являются саамские парламенты в странах Скандинавии. Политические организации у зарубежных саамов возникли еще в начале XX в., но особенно интенсивным этот процесс стал в 1950-е гг., что и привело к созданию в 1956 г. Скандинавского совета саамов, объединившего саамов Швеции, Норвегии и Финляндии. Политическая активность саамских организаций привела в итоге и к формированию так называемых саамских парламентов, которые стали частью конституционного и государственного

строения стран Скандинавии. В Финляндии саамский парламент был учрежден в 1973 г., в Норвегии — в 1989 г., в Швеции — в 1993 году. Выборы в саамские парламенты проходят вместе с общенациональными выборами по специальным спискам, в которые может быть включен каждый гражданин названных стран, имеющий саамские корни и заявивший о своем желании участвовать в этих выборах. Саамские парламенты имеют статус консультативного органа и не обладают правом вето на решения государственных органов. Они рассматривают проблемы, которые затрагивают интересы саамского населения и представляют в правительственные органы или королю ежегодные доклады о положении саамов. В 2017 г. Швеция, Норвегия и Финляндия подписали Саамскую конвенцию, согласно которой саамы во всех трех странах объявлялись коренным народом, и предполагается, что за этим решением последует ряд политических и институциональных изменений в их пользу.

Специалисты считают, что исторически первой формой саамского парламента является саамская волость («Коладаг соббарь»), которая была создана по решению российских властей в 1866 г. и начала функционировать в 1868 г. на Кольском полуострове. Собрание представителей волости собиралось один раз в год и рассматривало проблемы местного саамского населения.

В Финляндии, которая на протяжении нескольких веков входила в состав Шведского королевства и где в интеллектуальных кругах бытует мнение, что культура была принесена в страну из Швеции, шведское меньшинство занимает особое положение. Уже в 1919 г., т.е. год спустя после обретения независимости, здесь была создана Шведская народная ассамблея (Svenska Finlands Folkting). Она состоит из 75 членов, 70 из которых заполняются на основе результатов муниципальных выборов, а пять назначаются парламентом Аландских островов, имеющих автономный статус в составе Финляндии. Кандидатов выдвигают политические партии, которые являются двуязычными или представляют лишь шведское меньшинство («одноязычные» партии). В функции ассамблеи входит обсуждение проблем шведского меньшинства и отстаивание его интересов.

В России в последние годы сложилось несколько форм такого представительства. На федеральном уровне реального представительства нет, но в 2003 г. в Государственной Думе был внесен законопроект «Представительный федеральный

орган уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». На региональном уровне практика формирования представительных органов коренных малочисленных народов была узаконена еще раньше. В 1995 г. в Ямало-Ненецком автономном округе была установлена система выборов, которая гарантировала представительство коренных малочисленных народов в законодательном органе округа. Для этого создан многомандатный избирательный округ, по которому баллотируются представители коренных малочисленных народов Ямала. Этот округ охватывает всю территорию данного субъекта. В законе о выборах Государственной Думы ЯНАО за представителями коренных малочисленных народов закреплена квота представительства в местном парламенте из трех депутатских мест. Из числа представителей коренных малочисленных народов избирается председатель или один из заместителей председателя Государственной Думы округа. Устав округа предусматривает, что один из заместителей губернатора Ямало-Ненецкого округа назначается из числа представителей коренных малочисленных народов, а в штатном расписании администрации автономного округа предусмотрено образование специального структурного подразделения — департамента по делам коренных малочисленных народов, обеспечивающего реализацию прав коренных малочисленных народов Севера.

Примерно аналогичная практика политического представительства сложилась в Ханты-Мансийском автономном округе. Законом «О выборах депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа» предусматривается особая форма представительства коренных малочисленных народов в депутатском корпусе округа, которая носит название «Ассамблея коренных малочисленных народов Севера». Ассамблея призвана представлять и защищать интересы коренных малочисленных народов, проживающих на территории данного субъекта РФ. Она не является самостоятельным органом, а лишь объединяет депутатов Думы, избранных по единому многомандатному округу (вся территория округа), где избираются пять депутатов, для которых в составе Думы выделена соответствующая квота. Председатель Ассамблеи является одновременно и заместителем председателя Думы округа. Сегодня характер формирования и функции Ассамблеи изменены, и эти изменения не кажутся специалистам вполне оправданными.

Консультативные институты

Правительственные учреждения при разработке программ социального и культурного развития меньшинств, при выработке моделей этнополитики нуждаются в правовом и научном обеспечении своей деятельности. Она осуществляется либо привлекаемыми экспертами, либо консультативными советами, действующими на постоянной основе. В числе экспертов наиболее значимую роль играют юристы, антропологи/этнологи, специалисты в области образования и некоторые другие. Роль экспертной поддержки наиболее значима там, где имеет место сложный состав населения и имеются проблемы в отношениях между этническими, конфессиональными и расовыми группами.

Наиболее активно подобные структуры создаются в странах, где провозглашена политика мультикультурализма, ибо сама суть этой модели предполагает поиск форм и методов согласования интересов культурных групп, разработку способов формирования плюралистических обществ. В связи с этим, например, в Канаде после официального признания мультикультурной ориентации страны была принята программа исследований, которая должна была обеспечить экспертное сопровождение политики мультикультурализма.

Система консультативных институтов создана в Австралии. С 1977 г. при правительстве для консультаций был создан Австралийский совет по этническим делам, и тогда же консультативные советы появились при нескольких министерствах Австралийского Содружества (в частности, при министерстве образования) и при правительстве штатов. В 1987 г. был сформирован Консультативный совет по мультикультурным делам (АСМА—Advisory Council on Multicultural Affairs) при премьер-министре. Состав совета формируется из видных общественных деятелей, в основном являющихся представителями различных этнических организаций. Эта организация обобщает информацию о реализации мультикультурной политики и разрабатывает рекомендации для правительства Содружества. Включение членов в состав совета происходит по рекомендации правительства, а срок их деятельности ограничен временем действия очередной программы по мультикультурализму.

Специфический состав Совета по мультикультурным делам определил характер его инициатив. Абсолютизация по-

литкорректности привела к тому, что в стране были установлены весьма жесткие нормы, которые запрещали публикации и высказывания, рассматриваемые как оскорбления представителей этнических сообществ или групп в целом. Такой подход делал невозможными объективные оценки некоторых характеристик австралийского общества, например, положения с этнической преступностью. Следующим шагом стали рекомендации совета ввести квотирование не только в общественных структурах, но и в образовательных учреждениях и даже в частном секторе. И хотя правительство отвергло эти предложения, была развернута программа поощрения бизнесменов, принимающих на работу представителей меньшинств. Таким образом, борясь с этнической дискриминацией, правительственная политика мультикультурализма закрепляла особое положение этнических групп.

Среди консультативных институтов можно назвать сети мониторинга межэтнической напряженности и раннего предупреждения конфликтов, различные исследовательские организации, главной задачей которых является анализ динамики этнополитических ситуаций, разработка методов предотвращения и урегулирования конфликтов. Здесь можно назвать российские общественную организацию «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» и ООО «Этноконсалтинг», итальянскую общественную организацию «Этнобарометр» и германский частный фонд Бергхофский центр по конструктивному разрешению конфликтов, другие упомянутые выше аналогичные институции.

В России существует развернутая сеть консультативных институтов при органах власти федерального и регионального уровней. При правительстве Российской Федерации создан консультативный совет по делам национально-культурных автономий, аналогичный совет имеется при Федеральном собрании Российской Федерации, с 2013 г. действует Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям, который одновременно выполняет функции дискуссионной площадки и консультативного органа. В регионах РФ созданы многочисленные консультативные структуры при органах местной власти. Особого внимания заслуживает опыт деятельности Сахалинской областной Думы. В 1994 г. здесь введен пост представителя от коренных малочисленных народов области, который избирается на Съезде коренных малочисленных народов

Сахалина. Он наделен правом законодательной инициативы, является депутатом Думы Сахалинской области и подчиняется непосредственно Председателю областной Думы.

В Хабаровском крае принят закон «Об уполномоченном представителе коренных малочисленных народов Хабаровского края». Действие этого закона распространяется на коренные малочисленные народы, проживающие в крае и имеющие свои организации. Закон подразумевает создание консультативного органа, который формируется из уполномоченных представителей коренного населения. Уполномоченными представителями коренных малочисленных народов являются их общественные объединения и организации, а также граждане, уполномоченные коренным населением представлять его интересы в органах государственной власти и местного самоуправления. Уполномоченные представители из числа граждан избираются в каждом сельском и поселковом муниципальном образовании на собраниях граждан и формируют из своего состава районные советы уполномоченных представителей, действующие на общественных началах при районном исполнительном органе. В Красноярском крае создана Общественная палата коренных малочисленных народов Красноярского края, которая призвана обсуждать проблемы аборигенных этнических групп и осуществлять взаимодействие с региональными властями.

Эффективным механизмом консультаций с коренными народами могут служить и консультативные советы, создаваемые при губернаторах и исполнительных органах муниципальных образований. В 2002 г. консультативный совет уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера на общественных началах создан, например, решением губернатора Чукотского автономного округа. Консультативные советы по делам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока созданы в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах при Постоянных представителях Президента РФ в федеральных округах. Без кооперации и поддержки консультативных институтов государственные институты этнополитики, а нередко и судебные органы не могут принять наиболее квалифицированные решения.

Правовые институты

В дискуссиях по поводу положения этнических меньшинств чаще всего присутствуют рассуждения о нарушении их прав либо государством в целом, либо местными властями. При этом проблеме недискриминации и защиты прав меньшинств уделяется серьезное внимание как в системе международного права, так и в национальных законодательствах, где основное внимание сосредоточено на разработке мер по созданию условий для поддержания культурной самобытности этнических сообществ, сохранению их образа жизни и среды обитания. За последние несколько десятилетий была создана система защиты прав меньшинств, разработаны и приняты многочисленные законодательные акты, призванные обеспечивать права лиц, принадлежащих к национальным (этническим) меньшинствам, и во многих странах, включая Россию, сложилась система правовой защиты меньшинств.

Правовые институты являются важным инструментом в отстаивании прав меньшинств и разрешении спорных вопросов. Дело в том, что суды общей юрисдикции не всегда способны разрешить споры, связанные с владением и распоряжением землей и ее ресурсами, с правом пользования биоресурсами, и другие правовые коллизии, если эти споры касаются недоминантных этнических групп, у которых сложилась своя система владения и пользования территориями, свои представления о праве, справедливости и т.д. Здесь нужны не только юридические знания, но и антропологическая подготовка, необходима сложная и специфическая система разбирательств (см. Кейс 12).

Кейс 12. «Трибунал Вайтанги»

Одним из наиболее известных подобных правовых институтов является Трибунал Вайтанги, предыстория которого начинается с эпохи массовой колонизации Новой Зеландии европейцами в начале и середине XIX столетия. Для урегулирования отношений между маори и колонистами в 1840 г. был заключен Договор Вайтанги, сторонами которого выступили власти Великобритании и вожди 45 маорийских племен. Согласно английской версии договора, Новая Зеландия переходила в управление Великобритании, в обмен на это маори сохраняли свои имущественные и неимущественные права, получали покровительство Великобритании и передавали ей исключительные права на покупку у

них земель. Британская корона, опираясь на свое исключительное право на покупку земель маори, через несколько лет в принудительном порядке выкупила у них половину общей гарантированной площади, около 30 млн акров, а затем отторгла у маори большую часть их земель, что привело к экономическому и политическому господству новых поселенцев. Сегодня им принадлежит всего лишь около четырех процентов территории Новой Зеландии.

Основой регулирования правового статуса маори является статутное право, центральным звеном которого следует считать именно Договор Вайтанги. Договор состоит из трех статей, а перевод текста на язык маори отличается от оригинала, что всегда затрудняло попытки дать однозначные оценки договору и допускало двойные толкования текстов европейцами и маори. Все это повлияло на управление страной, право собственности, права продажи земли, так как не учитывалось разное восприятие этих понятий европейцами и маори.

Договор Вайтанги не вносит законодательные указания, но создает принципы сосуществования маори и современного новозеландского государства. Основными из этих принципов являются: принцип руководства (государство имеет право и обязанность создавать законы и определять их исполнение); принцип самоуправления (маори имеют право на самоорганизацию и свободное распоряжение всеми принадлежащими им ресурсами); принцип равноправия (все новозеландцы, включая маори, имеют равные права); принцип разумного сотрудничества (все стороны должны руководствоваться доброй волей в решении совместных вопросов); принцип возмещения (государство должно принимать разумные меры и в соответствии со своими возможностями компенсировать ранее нанесенные маори ущербы).

Договор стал основанием для создания в начале 1970-х гг. специализированного Вайтангского трибунала, сфера компетенций которого была определена актом в 1975 году. В трибунал входят 16 членов, которые назначаются генерал-губернатором (с 1992 г., когда было создано специальное министерство — по представлению министра по делам маори). Половину членов трибунала составляют маори. Возглавляет трибунал председатель, который является либо действующим судьей Верховного суда, либо судьей в отставке, либо судьей земельного суда маори. Решения Трибунала не имеют юридической силы, выполнение его решений необязательно. Но авторитет Трибунала оказался настолько высок в новозеландском обществе, что на практике большинство его решений исполняются. За время своей деятельности Трибунал вынес множество решений в пользу маори, касающихся земельных споров, удовлетворения исков маори по поводу присвоения их земель и угодий. По рекомендации этой судебной инстанции язык маори, наряду с английским, признан официальным и его надлежит использовать в судопроизводстве, официальной переписке и делопроизводстве. Более того, в своих докладах Трибунал пытается представить Договор Вайтанги как основу конституционного строя Новой Зеландии, основу его правовой системы и поддерживает концепцию развития двух культур в одной нации.

Но в адрес Трибунала раздается и обоснованная критика. В частности, говорится о том, что в докладах Трибунала и в его деятельности абсолютизируется значение Договора Вайтанги и сам договор трактуется слишком произвольно. Более серьезными являются претензии по поводу того, что деятельность трибунала способствует разделению новозеландского общества, где формируются две отдельные правовые системы, два гражданства и игнорируется необходимость укреплять единство страны и ее народа. Поэтому многие юристы выступают с призывом: «Одно право для всех.»

Там, где в судебной практике применяются нормы обычного права, нередко возникает необходимость использования специальных правовых институтов, которые уполномочены решать судебные споры, ответчиками или истцами в которых выступают представители этнических меньшинств или группы меньшинств. Подобная практика распространена в Австралии, хотя сам факт признания обычного права неоднозначен. Использование обычного права ведет к пересмотру прежде всего деятельности правоприменительных органов, традиционно ориентированных на общее право. В конце 1970-х гг. в ряде австралийских штатов были созданы комиссии по вопросу признания обычного права аборигенов. При обсуждении этого вопроса значительное внимание уделялось судебной деятельности, созданию специальных судов для аборигенов (Северная Территория), выборам судей для рассмотрения споров между аборигенами (Западная Австралия). В Квинсленде действует суд по делам аборигенов и островитян Торресова пролива.

На федеральном уровне действует Государственный суд по правам коренного населения на землю (National Native Title Tribunal — NNTT). Данная судебная инстанция не выносит никаких решений, ибо она призвана решать споры в досудебном порядке и определить формы удовлетворения требований общин «коренных жителей». Дело в том, что суды, прежде чем происходит рассмотрение дел, связанных с исками аборигенов, передают их материалы на экспертизу, а эксперты составляют доклад об обоснованности иска.

В случае выдвижения земельных требований со стороны аборигенов главными сторонами конфликта выступает государство и «представительные организации», которые выступают от имени «коренных жителей». Через своих адвокатов эти представительные организации привлекают в качестве экспертов исследователей в области социальных наук (главным обра-

зом, антропологов/этнологов). Ученые участвуют в судебном разбирательстве на двух этапах. Сначала они собирают информацию, которая необходима при ведении переговоров или при вынесении судебного решения о принятии иска и составляют специальный доклад — Connection Report («Доклад об обоснованности иска»). В докладе составитель старается показать, что хозяйственная деятельность, которую ведут аборигены на оспариваемой территории, по своему характеру не изменилась с доколониальных времен и эта деятельность важна для поддержания их культурной специфики. Иски принимаются к рассмотрению в том случае, если эксперту удастся доказать, что современная социальная организация общины аборигенов и их образ жизни (включая специфику хозяйственной деятельности) существенно не отличаются от того, что имело место на данной территории до вхождения ее в состав Британской империи. Доклад должен доказать культурную преемственность групп аборигенов и их связь с конкретной территорией через анализ мифологии, ритуалов, экономической жизни и т.д.

Государство, в свою очередь, тоже обращается к антропологам/этнологам. Цель экспертов, которых привлекает государство, обратная — доказать, что целостность группы как культурного сообщества нарушена и не прослеживается культурной преемственности в образе жизни современных аборигенов и их предшественников, поскольку хозяйственные и культурные практики существенно изменились. Если антропологи приходят все же к выводу, что описанная в докладе об иске ситуация доказывает обоснованность претензий группы аборигенов, и если государство принимает эти претензии, то дело откладывается. До его рассмотрения по существу проводятся переговоры в Государственном суде по правам коренного населения на землю. Если же нанятые государством антропологи отклоняют доводы экспертов, привлеченных представителями аборигенов, тогда дело передается в федеральный суд. Другие заинтересованные стороны, например горнодобывающие компании, также могут привлекать антропологов, чтобы получить необходимую информацию для разрешения судебных споров. Таким образом, **антропологическая/этнологическая экспертиза становится важным инструментом не только правового регулирования, но и этнополитики.**

Практика работы подобных специализированных судебных инстанций могла бы быть полезной и в России, поскольку

ку споры между представителями коренных малочисленных народов и добывающими компаниями имеют место, а сотрудники судов общей юрисдикции не всегда могут разобраться в предмете спора и вынести обоснованное решение, ибо на местах нет лицензированных экспертов-этнологов, которые могли бы составить экспертное заключение по таким делам. Поэтому не случайно в России ведется подготовка Закона об этнологической экспертизе. На уровне региона такой закон уже имеется в Якутии.

Общественные институты

Во всем мире существует большое количество этнических организаций, которые стремятся сохранять и пропагандировать культурное наследие разных культурных групп и претендуют на некую форму представительства этих групп и выражение их интересов. Однако в силу того, что эти организации формируются, как правило, лишь активистами и не имеют легитимного мандата на представление интересов всей группы, их можно рассматривать скорее как символический институт.

Усиление интереса к этничности и возникновение организаций и движений, которые первоначально ратовали за национальное пробуждение и ориентировались на активизацию общественного интереса к изучению языков и народной культуры, стало характерным явлением для XIX столетия. Такие организации стали возникать у южных и западных славян, финнов и других народов. Тогда же начался и процесс политизации этничности, ибо просветительские идеи стали трансформироваться в идеи национально-освободительные и этнополитические. Свидетельством тому стало, к примеру, проведение в 1848 г. в Праге первого Всеславянского съезда, на котором обсуждались идеи политического объединения славянских народов Европы¹.

Более активно этнические организации стали возникать в XX столетии, а особенно во второй его половине. На рубеже 1980–1990-х гг. этнические организации появились в России повсеместно, причем нередко сразу несколько организаций пытались представлять интересы той или иной этнической

группы (например, российских немцев или кольских саамов). Однако политический ресурс и лоббистские возможности этнических организаций были невелики, поэтому как в России, так и за ее пределами этнические организации стремятся объединяться в ассоциации и союзы. Так, в 1989 г. была учреждена Конфедерация горских народов Кавказа (ныне — Конгресс народов Кавказа), в 1990 г. возникла Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНСС и ДВ), объединившая в своем составе несколько десятков этнических организаций, в 1991 г. была создана Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации. Для защиты интересов американских индейцев в 1944 г. был учрежден Национальный конгресс американских индейцев (National Congress of American Indians), в 1956 г. создан Скандинавский совет саамов, объединивший саамов Норвегии, Швеции и Финляндии, в Австралии создана Федерация советов этнических общин.

Этнические активисты и некоторые эксперты иногда называют этнические организации институтами гражданского общества. Но отличие институтов гражданского общества от этнических организаций состоит в том, что первые не только формируются как общегражданские институты, но и их деятельность нацелена на защиту интересов всех представителей местных сообществ (или всех жителей региона, государства), т.е. общих интересов. Этнические организации — это объединения, сформированные по этническому принципу, в основе деятельности которых лежит защита групповых интересов, а не интересов сообществ в целом. Главная цель этнических организаций состоит в манифестации культурной отличительности этнических групп, сохранение их культурных границ и культурной самобытности, а поэтому в программных документах и декларациях этнических организаций и их объединений нередко этничность прямо противопоставляется гражданству и общегражданским идеалам. Вместе с тем этнические организации могут кооперироваться с гражданскими организациями и движениями и ставить перед собой общегражданские цели.

Региональные институты этнополитики в России

Государственные институты этнополитики стали появляться в российских республиках с начала 1990-х годов.

¹ Шабает Ю.П. Всеславянские съезды // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: Этнополитический справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2015.

Так, в 1991 г. был создан Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете Министров Республики Карелия, в 1993 г. был создан Государственный комитет по делам национальностей в структуре правительства Коми, в 1995 г. Комитет по делам национальностей появился в Удмуртии и в структуре правительства Мордовии. В Республике Марий Эл, как и во многих других регионах, департамент по делам национальностей был создан в составе Министерств культуры, а само это министерство стало именоваться Министерством культуры и по делам национальностей. В Башкирии государственную национальную политику курирует управление общественно-политического развития администрации главы РБ. В Адыгее этнополитической проблематикой занимается Комитет Республики Адыгея по делам национальностей, связям с соотечественниками и СМИ, в Кабардино-Балкарии, как и в Адыгее, этнополитическое регулирование осуществляется попутно с решением других управленческих задач, поскольку один из четырех советников главы республики готовит материалы, характеризующие межнациональные отношения, а в правительстве создано Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей Кабардино-Балкарской республики.

В зону ответственности региональных институтов этнополитики входит взаимодействие с национальными объединениями, организация различных фольклорно-фестивальных мероприятий, конференций, т.е. довольно узкая сфера деятельности, связанная прежде всего с культурным развитием и публичной демонстрацией культурного разнообразия, а также отчасти с образованием или теми областями, которые являются объектами управления региональных департаментов культуры и образования, т. е. возникло дублирование функций управленческих структур.

Поэтому не случайно, что сами институты этнополитики часто не выделены в самостоятельные структуры, не имеют достаточных финансовых ресурсов, а в системе регионального управления четко не определена сфера компетенций управленческих структур, призванных реализовывать государственную национальную политику. Так, в Архангельской области проблемами национальной политики занимается министерство по развитию местного самоуправления, курируемое заместителем губернатора по региональной политике. Хотя

оно создает различные целевые программы, но не обладает квалифицированными кадрами в сфере этнополитики и достаточными финансовыми ресурсами, а его деятельность не опирается на обоснованную стратегию региональной национальной политики. В Ненецком автономном округе этнополитика «разорвана» между двумя ведомствами — Управлением коренных малочисленных народов севера и Управлением внутренней политики. В Пермском крае создано специальное Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа, которое решает вопросы, связанные с его развитием. Но собственно этнополитикой ведает Отдел этнокультурной политики, само название которого свидетельствует о довольно узкой направленности его деятельности.

В Мурманской области обеспечением защиты прав коренных малочисленных народов, проблемами их социально-экономического развития занимается с 2010 г. Комитет по взаимодействию с общественными организациями и делам молодежи Мурманской области, в 2011 г. в дополнение к нему создана рабочая группа по вопросам гармонизации межэтнических отношений при правительстве области, а с 2009 г. действует Совет по коренным малочисленным народам Севера. В Вологодской области с 2012 г. делами общественных объединений, в том числе национально-культурных автономий, ведает Департамент внутренней политики правительства области. В Кировской области «развитием национальных культур» и «поддержкой национально-культурных автономий» занимается Департамент культуры. В других российских областях, краях с институтами этнополитики ситуация сходная.

Помимо организационного многообразия институтов региональной этнополитики, следует отметить еще и неустойчивость форм названных институций, о чем можно судить как по федеральным учреждениям, так и по региональным. Организационное многообразие, неконсолидированность и неустойчивость самих институтов этнополитики часто сопровождается не только ограниченностью финансовых ресурсов, находящихся в их ведении, но еще и ограниченностью и неопределенностью их функций именно как институтов этнополитики. К примеру, когда в 2007 г. в Коми воссоздавалось Министерство национальной политики, было утверждено новое положение о министерстве, которое определяло его функции и сферу компетенций. К этому времени был накоплен уже

довольно большой опыт региональной этнополитики, который позволял определить круг функций и задач, для решения которых региональные власти решили воссоздать министерство. В названном положении перечислено большое количество функций, включая технику безопасности, гражданскую оборону, награждение граждан, взаимодействие с международными организациями в сфере «национальных отношений», содействие культурно-языковой адаптации мигрантов, содействие мероприятиям, направленным на поддержку традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера и т.д. Но названные функции выглядели неопределенно, и их перечень явно не соответствовал актуальным проблемам этнополитики¹. В то же время в числе функций названного министерства отсутствовали такие важные направления деятельности, как межведомственная координация в реализации государственной национальной политики, ибо очевидно, что этнополитика не может реализовываться силами и средствами одного министерства и по сути своей она является комплексной задачей, к реализации которой необходимо привлекать многие управленческие структуры. В этой связи можно упомянуть Министерство маорийского развития в Новой Зеландии, в числе основных функций которого как раз и значатся межведомственная координация, контроль над деятельностью всех государственных департаментов и их вклад в реализацию принятой в стране этнополитики, а также консультирование других ведомств.

Часто в числе функций республиканских ведомств, основной задачей которых является реализация государственной национальной политики, нет важного ее направления — политики интеграции, связанной с осуществлением целенаправленных мер, обеспечивающих формирование общероссийской идентичности и укрепление российской гражданской нации. При этом очевидно, что укрепление гражданской солидарности и гражданских ценностей ведет к снижению рисков межэтнического и межконфессионального противостояния, а потому данная функция должна быть одной из ключевых в системе функциональных обязанностей институтов этнополитики.

¹ *Шабаетв Ю.П.* Чем будет заниматься новоявленный Миннац? // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 76. Ноябрь–декабрь. 2007.

Контрольные вопросы и задания

1. Роль государственных институтов этнополитики.
2. Институты территориальной и культурной автономии.
3. Причины появления институтов альтернативного представительства и их деятельность.
4. Предназначение и роль консультативных институтов этнополитики.
5. Предназначение правовых институтов этнополитики.
6. Могут ли рассматриваться этнические организации как институты гражданского общества?
7. Региональные институты этнополитики в России.

Литература

- Аккиева С.И., Шербина Е.А.* Роль общественных объединений Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в сохранении этнической идентичности населения региона // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 4 (66).
- Ананидзе Ф.Р.* Правовое положение маори в Новой Зеландии // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4(71).
- Беликович А.В.* Арктика: земля и люди: Анализ земельной политики северных государств по отношению к коренным народам. Магадан, 1995.
- Гневко В.А.* Местное самоуправление на Аляске. Анкоридж-Санкт-Петербург: Ун-т Аляски; Ин-т упр. и экономики. 1998.
- Горбунов С.Н., Задорин М.Ю.* Коренные народы и устойчивое развитие. Архангельск, 2014.
- Гражданские инициативы в сфере этнической политики / Под ред. В.Ю. Зорина, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2013.
- Даль И.* Гренландский вариант самоуправления // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2013.
- Дюмонд Д.Е.* Некоторые проблемы автономии малых национальных групп (на примере Аляски) // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Вып 1. Новосибирск, 2000.
- Институты гражданского общества в межнациональных отношениях / Под ред. В.А.Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2014.
- Лиз Д.* Самоуправление на Юконе // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2013.
- Лопуленко Н.А.* Опыт автономии в Канадской Арктике — Нунавут: Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 170. М.: ИЭА РАН, 2004.
- Таксами Н.Ч.* Конституция Аляски в контексте особенностей национальной политики штата // Право и политика. 2008. № 9.
- Торнборн Г.* Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, №1.
- Шабаетв Ю.П., Садохин А.П.* Локальные проблемы реализации государственной национальной политики Российской Федерации // ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 10. № 1.
- Anaya S.J.* Indigenous Peoples in International Law. Oxford, 1996.
- Fleras A., Elliot J.L.* The Nations Within: Aboriginal-State Relations in Canada, the US and New Zealand. Toronto, 1992.
- Jackson R., Jackson D.* Politics in Canada: Cultures institutions, behavior and public policy. Scarborough (Ont.), 1990.
- Jones S.* Federal programs of assistance to American Indians. Wash.: GPO, 1981.
- Steinlien O.* The Sami Law: A Change of Norwegian Government Policy Toward the Sami Minority? // The Canadian Journal of Native Studies. 1989. Vol. 9, N 1.

ЭТНИЧНОСТЬ И ПРАВО

Основными в правовой системе современных демократических обществ являются права личности. Эти права закреплены нормами национальных законодательств, а также международными нормами. Личность обладает гражданскими правами, т.е. правом на жизнь, свободу и личную неприкосновенность; правом на национальную и культурную самоидентификацию, свободу совести и свободу мысли, свободу выбора национальности и языка общения; равенством перед законом; политическими правами, к которым относятся такие права и свободы, как свобода слова, право на информацию, право на объединения (свобода союзов), на равный доступ к государственной службе, право на гражданство, избирательные права (активное и пассивное право: избираться и быть избранным в политический орган на свободных выборах); социальными, экономическими и культурными правами, т.е. правами, обеспечивающими свободу трудовой деятельности (правом частной собственности и ее наследованием, правом на труд и на вознаграждение за труд и др.), правом на образование, на доступ к культурным ценностям, на участие в культурной жизни, правом на охрану интеллектуальной собственности.

Этот круг прав отвечает основным интересам личности, но, по мнению многих политиков и экспертов, существуют еще и специфические права — права меньшинств, права коренных народов, которые следует признать групповыми или коллективными правами. Выработка и обеспечение правовых норм, связанных с принадлежностью личности к той или иной культуре, а также соотношение личностных и коллективных прав составляют одну из основ этнополитики.

Основные правовые коллизии в этнополитике

В этнополитике существует ряд сложных правовых коллизий. Во-первых, вопрос о соотношении коллективных и индивидуальных прав или, иначе, о соотношении прав личности и прав этнических и расовых групп. Во-вторых, о проблеме допустимости и сферах применения так называемой позитивной дискриминации (политике аффирмативных акций), т.е. о политике целенаправленной поддержки и преференций для культурно уязвимых или исторически дискриминированных групп за счет ресурсов основного общества. И наконец, о проблеме приемлемости и границ применения норм обычного права и их соотношения с кодифицированными юридическими нормами, т.е. проблема *правового плюрализма* как признанного государством соединения централизованного права и традиционных правовых норм, существующих у ряда этнических, религиозных или региональных групп населения.

Одна из коллизий, которая влияет на этнополитику, — это неоднозначная трактовка понятия «коллективные права» и нерешенность вопроса о соотношении прав личности и групповых прав. Отсутствие среди политологов и правоведов единой точки зрения относительно концепта групповых прав обусловлено различным пониманием природы этнического. Примордиальное понимание этничности как устойчивой и неизменной социальной реальности, имеющей натуралистическую основу, т.е. базирующейся на «кровной связи» членов таких сообществ, ведет к признанию необходимости коллективных прав этносов и этнических групп, вплоть до позиции, что право на самоопределение имеют этносы и только этносы, а не какие-либо территориальные сообщества. Конструктивистские трактовки природы этнического исходят из того, что этносы есть социальные конструкции, границы которых условны и изменчивы, а чувство принадлежности к этническому сообществу подвижно и ситуативно, и чаще всего отрицают значимость и эффективность юридического закрепления групповых прав. Более того, конструктивисты доказывают, что идея групповых прав может быть разрушительной для полиэтничных сообществ.

Большинство националистических движений и этнических активистов в России заявляют об ущемлении в стране «коллективных прав этносов», о несовершенстве российского

законодательства в части защиты этих прав, о его несовместимости с международными правовыми нормами и документами, призванными гарантировать эти права. Такой позиции придерживаются не только политически ангажированные деятели и общественные активисты, но и некоторые отечественные юристы, как правило, вообще незнакомые с этнополитологией и рядом других дисциплин, необходимых для качественного правового анализа интересов и прав лиц, занимающиеся правовым анализом интересов и прав лиц, принадлежащих к этническим общностям (последние часто называются нациями, народами, этносами)¹.

Проблема групповых прав все более становится политическим инструментом. Основанием для превращения ее в такой инструмент как раз и служат международные правовые акты, которые допускают неоднозначные трактовки принципа групповых прав. В реальной жизни групповые права часто не защищают представителей меньшинств, а узурпируются этническими элитами, и в этом смысле интересы меньшинств оказываются еще менее защищенными, поскольку произвол государства, промышленных компаний, иных политических игроков дополняется произволом собственных лидеров.

Националистически настроенные эксперты и этнические активисты заявляют, что права меньшинств, права этнических групп должны быть первичны по отношению ко всем другим правам. В лучшем случае они говорят о «правильном сочетании» групповых прав и прав личности. Права этнических групп, согласно данной трактовке, могут быть только коллективными правами, ибо культурная самобытность есть коллективное свойство. Сохранение этой самобытности, по их мнению, возможно только через некое «этническое самоопределение». Однако следует согласиться с мнением, что «практически все специалисты в области юридической антропологии, признающие приоритет прав личности по отношению к правам каких бы то ни было социальных групп, солидарны во мнении о том, что групповое этническое самоопределение — не более чем ситуативный политический лозунг, не имеющий отношения к праву как таковому»².

¹См.: *Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010.

²*Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. М., 2003. С. 132.

В том случае, когда речь идет о правах меньшинств или этнических сообществ, мы имеем в виду не некие абстрактные социальные сообщества или статистические группы, а подразумеваем лиц, принадлежащих к данным меньшинствам и сообществам, и их ясно выраженную индивидуальную волю принадлежать к указанным сообществам и реализовать свои личные культурные или экономические интересы в рамках данных сообществ. Более того, конструкция коллективного права такова, что она может быть выражена только в категории общего интереса, который проявляется в результате организованного и идеологически оформленного действия. Права личности в данном случае оказываются вторичными и подчиненными правам некой обезличенной организации, а следовательно, они как бы уничтожаются конструкцией коллективных прав. Практика этнополитики показывает, что чаще всего лидеры выступают от имени этнических сообществ, не получая от отдельных представителей этих сообществ полномочий на то, чтобы представлять их интересы, или имея полномочия, которые делегированы весьма условно и лишь частью сообщества.

Распространенная в этнополитическом дискурсе проблема защиты прав национальных (этнических, расовых, религиозных) меньшинств трактуется, к примеру, как проблема защиты неких коллективных образований, чьи интересы выражают отдельные лидеры. При этом упускается из виду принципиальный момент, который касается того, что речь должна идти об интересах *лиц, принадлежащих к меньшинствам*, и только об этих интересах.

Защита меньшинств и их культурного своеобразия не может, тем не менее, восприниматься как создание жестких барьеров между общинами, а потому она вовсе не означает, что государство должно противодействовать добровольной ассимиляции, которая неизбежна в полиэтничных и развивающихся обществах. Здесь, как правило, велика доля межэтнических браков и межэтнических контактов на личностном уровне, через которые естественным образом и происходит ассимиляция. Однако, к примеру, в таком фундаментальном документе Совета Европы, как «Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств», присутствует только осуждение действий, направленных на ассимиляцию меньшинств. Другая сторона данного процесса никак не артикулируется. Между тем следует подчеркнуть, что фактор неравенства и принижен-

ного статуса, а также групповая принадлежность стали отличительной чертой проблемы меньшинств, в отличие от схожих проблем прав человека или социальных доктрин. И все же **в сфере правовой протекции проблема меньшинств всегда воспринималась как проблема человека-личности, связанная с принадлежностью к группе, а не как проблема группы как таковой.**

Именно поэтому аналогичная и более ранняя декларация ООН в своем названии имела формулу «о правах личностей, принадлежащих к языковым, расовым, этническим (национальным), религиозным меньшинствам», а не о правах меньшинств как таковых. Европейская рамочная конвенция нарушила этот важный принцип и предложила мыслить меньшинства в категории группового права — одного из самых спорных и трудно исполнимых концептов. **Меньшинства — это прежде всего ситуация пониженного положения части членов общества и проблема меньшинств есть не статистическая проблема, а проблема политическая, когда необходимо решать вопросы доступа к власти и ресурсам.**

В ситуации меньшинства может оказаться не только численно не доминирующие группы, но и те, которые составляют большинство на данной территории, но политически притесняются. Примером может служить ситуация в Башкортостане, где татары и русские являются большинством, но политическая власть концентрируется в руках башкирской элиты. В Дагестане имеет место «меньшинства без большинства», а сам Дагестан называют «страной меньшинств». Поэтому важный вопрос, который должны решить политики и специалисты: кто является меньшинством в России? Эта проблема имеет принципиальное значение потому, что в ситуации меньшинств сегодня находятся многие титульные или, выражаясь языком этнических лидеров, «коренные народы» в республиках РФ, а в некоторых республиках в такой ситуации оказываются русские.

Обладание политическими, экономическими или культурными правами оказывается возможным лишь в результате личного выбора и частного интереса. К примеру, возможность участвовать в формировании саамских парламентов в странах Скандинавии появляется у граждан этих стран лишь тогда, когда они добровольно и в частном порядке заявят о своей принадлежности к саамским сообществам и проявят стремление к тому, чтобы быть внесенными в списки народа саами,

которые одновременно являются и списками избирателей названных парламентских институтов. Другой пример: получать доход от эксплуатации земель на Аляске коренные аляскинцы могут, лишь став членами ассоциаций коренных аляскинцев, проявив личное желание считаться членом этнических сообществ. Земля сообществ есть общее достояние, но доходы от нее есть индивидуальная рента.

Российский закон о территориях традиционного природопользования коренных народов также предполагает индивидуально подтверждаемое право пользования территориями, которые включены в систему традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Иными словами, любой законодательный акт, основанный на концепте коллективных прав, на деле не может игнорировать личные права представителей этнического сообщества. Если же в законодательном акте упускается из виду проблема прав личности, то законодательный акт приобретает характер не закона или конвенции, а декларации, т.е. документа, который носит преимущественно политический характер, ибо говорит лишь о принципах, а не о механизмах реализации прав.

Закон должен строиться на понимании того, что представляет собой субъект права. В случае с этническими (и расовыми) сообществами такого четкого понимания быть не может, ибо границы этнических (расовых) сообществ весьма условны, а многие представители этнических групп в полиэтнических (миграционных) государствах или имеют множественную этническую идентичность, или же вообще не говорят о своей этнической принадлежности, а называют себя американцами, россиянами, бразильцами, т.е. для них существует только гражданская идентичность. При этом вопрос об этнической принадлежности человека в таких странах часто ставит опрашиваемого в тупик, ибо в реальности нередко трудно определить эту принадлежность.

Стоит согласиться еще с одним важным принципом, когда дискутируется проблема коллективных прав этнических (или расовых) сообществ, а именно: «Субъект права должен не только иметь способность приобретать и реализовывать права своими действиями, но и исполнять обязанности, а также нести ответственность. Условное или статистическое множество подобными свойствами не обладает, и речь может идти

только о фикции»¹. Таким образом, как только упускается личностный аспект защиты интересов и прав, проблема теряет правовое значение и приобретает значение политического инструмента, с помощью которого отстаиваются интересы политических лидеров и элит, отождествляющих себя с данной группой или выступающих от имени группы.

Другой правовой коллизией является решение вопроса о правовых преференциях в сфере политической, экономической и культурной. Естественно, что общедемократический принцип равенства прав не допускает ущемления прав личности по этническому, расовому или конфессиональному признаку. Но те расовые, этнические и конфессиональные группы, которые долгое время преследовались или ущемлялись, могут существенно отставать от доминантного большинства в образовательном плане, в сфере доступа к общественному богатству, и это отставание является следствием длительной политики дискриминации. В этих случаях для выравнивания позиций нередко осуществляется политика, которая получила название *политика аффирмативных действий* или «позитивная дискриминация». Такая политика проводится в США в отношении афроамериканцев, в ЮАР в отношении черного большинства страны, в Малайзии в отношении коренных малайцев.

К примеру, в Малайзии к моменту обретения государственной независимости в 1957 г. малайцы, как и другие группы коренного населения (*бумипутера*), составляли численное большинство, но экономически серьезно отставали от китайского меньшинства. Малайцам принадлежали лишь 10% предприятий и 1,5% вложенного капитала. Конституция предоставила гражданство проживающим в стране китайцам и индийцам и в то же время наделила малайцев особыми правами на владение землей, дало возможность занимать государственные должности, получать образование и заниматься коммерческой деятельностью. После межэтнических столкновений в 1969 г. государство начало проводить новую политику искоренения бедности среди населения и реструктуризации малазийского общества, с тем чтобы сократить, а в конечном итоге и исключить отождествление этнической принадлеж-

ности с экономической деятельностью или географическим размещением групп. Правительство установило для малайцев квоты в сфере коммерческого лицензирования и владения капиталом, а также оказало помощь в форме кредитов, обучения и предоставления производственных помещений. Оно обеспечило акциями частные предприятия бумипутера, чтобы число их представительств среди акционеров достигло 30%.

Во Франции после бунтов в «арабских» кварталах французских городов в 2005 г. власти заговорили о необходимости проводить политику позитивной дискриминации в отношении выходцев из арабских и африканских стран, обосновавшихся во Франции. Предполагается, что иммигрантам и их потомкам отдаются предпочтения при поступлении в высшие учебные заведения и при трудоустройстве. Именно в позитивной дискриминации многие политики и ученые видят механизм, с помощью которого можно удовлетворить интересы этнических, расовых и религиозных меньшинств, не подвергая серьезной деформации принципы демократии.

Однако позитивная дискриминация возможна лишь как временная мера, и проводить эту политику следует осторожно, ибо сама она способна провоцировать межэтническую напряженность и конфликты. Примеры, когда позитивная дискриминация перерастает просто в дискриминацию и даже в этнические чистки, показывают, что простое изменение позиций угнетаемых групп на привилегированные нередко провоцирует рост насилия в отношении прежних элитарных социальных слоев и этнических групп. Так произошло в бывшей Южной Родезии (Зимбабве), где белые фермеры, которые обеспечивали экономическое процветание страны, подверглись массовым гонениям, а их экономическое могущество было сломлено силовыми методами, и черная элита выдавила белых не только из власти, но и заставила многих белых фермеров покинуть страну.

Не менее показателен пример ЮАР, где с целью исправления несправедливостей эпохи апартеида правительство Африканского национального конгресса одной из ключевых целей внутренней политики объявило программу трансформации южноафриканского общества, которая должна обеспечить представленность различных групп населения на всех уровнях социальной иерархии. Трансформация должна была ликвидировать последствия многолетнего господства бело-

¹ *Осипов А.Г.* Национально-культурная автономия: Идеи, решения, институты. СПб., 2004. С. 443.

го населения страны, в результате которого черные владели только 2% акций южноафриканских компаний, а их позиции в бизнесе, управлении и доходных сферах занятости были слабыми. Ключевыми элементами этой программы стали законы «О равенстве прав при найме» и «О расширении экономических возможностей чернокожих», принятые в 2003 г. Де-юре этими законами должны были пользоваться все категории граждан, но де-факто они оказались адресованы только чернокожему населению. Лишь чернокожие могут быть руководителями компаний, занимать привилегированные посты в государственном аппарате, только им предназначены доходные и престижные рабочие места (например, пилотов в государственных авиакомпаниях). Практика реализации данных законов вызвала недовольство среди белого населения и привела к оттоку молодых белых южноафриканцев в Европу и Америку. Это позволяет говорить об «апартеиде наоборот». Так, пытаясь исправить несправедливости прошлого, Южная Африка на деле отклоняется от закрепленного в ее Конституции принципа нерасовости. В результате программа трансформации общества становится ширмой для укрепления кланового элитизма, для закрепления принципа расы как базового принципа южноафриканского национализма.

Многие специалисты говорят о том, что предоставление отдельным категориям населения определенных преимуществ государство допускает потому, что такая мера обходится дешевле, чем долговременные социальные реформы. Как показывает опыт, позитивная дискриминация не открывает дополнительные возможности для меньшинств ни в сфере доступа к высшему образованию, ни в сфере трудоустройства. Характерен в этом отношении пример США, где еще в 1964 г. было принято антидискриминационное законодательство, целью которого было снижение безработицы среди чернокожих. Американские исследователи задались целью — определить, как повлияла позитивная дискриминация последних десятилетий на положение афроамериканцев, которые были главными адресатами специальных мер социальной поддержки. В феврале 2007 г. среди белых насчитывалось 4% безработных, среди выходцев из стран Азии — 2,7%, а среди чернокожих — 7,9%! Это означало, что за несколько десятилетий ситуация на рынке труда практически не изменилась, несмотря на то что последняя категория населения имела целый ряд льгот.

Обычное право и урегулирование споров с общинами коренных народов

Другой правовой коллизией, которая связана с этнополитикой, является допустимость и пределы использования норм обычного права при решении проблем отдельных этнических групп. Что касается допустимости их использования, то политическая практика дала положительный ответ на данный вопрос. Принятая в 1989 г. Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 169 «О коренных народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах» предлагает «легализовать» нормы обычного права. Допускают использование норм обычного права и три федеральных закона РФ: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (1996), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (1999), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (1999). Логика использования норм обычного права вытекает из того, что, по мнению С. Соколовского, «специфика защиты прав коренных народов заключается в *охране их образа жизни*, укорененного в их мировоззрении и верованиях; все остальные права гарантируются стандартными нормами прав человека и прав меньшинств»¹.

Чаще всего нормы обычного права принимаются во внимание, когда решаются проблемы природопользования. Однако нередки случаи, когда эти нормы сталкиваются с кодифицированными юридическими нормами государства. Специалисты полагают, что наиболее перспективным для включения в действующие правовые нормы являются обычаи самоуправления коренных и малочисленных народов. Не случайно именно эти обычаи раньше других стали интегрироваться в современные правовые нормы. Так, Уголовный кодекс Гренландии 1954 г. опирается на обычное право инуитов (эскимосов). Специалист по обычному праву народов Севера Н.И. Новикова полагает, что «учет обычаев коренных народов в первую очередь именно в суде не только свидетельствует об

¹ Соколовский С.В. Правовой статус и идентичность коренных народов (по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года) // Расы и народы. Вып. 33. М., 2007. С.48.

осознании законодателем важности этого вопроса, но и в наибольшей степени соответствует логике права»¹.

Широко используется обычное право и в юридической практике Австралии, когда возникают проблемы урегулирования отношений между аборигенами и горнодобывающими компаниями или другими юридическими лицами. Но обычное право здесь не включено в законодательство, а используется опосредованно. В 1993 г. на основании предыдущего опыта законодательства, призванного урегулировать отношения аборигенов с внешним миром, был принят закон «О правах коренного населения» (Native Title Act), где было использовано понятие «обычное право на землю». Закон ввел в юридическую практику понятие «статус коренного жителя» (native title). Именно через это понятие определяются условия, при которых права аборигенов (так как они определяются их собственными законами) могут признаваться юридически. Нормы обычного права дают основания для юридического признания права на землю.

Необходимость учитывать нормы обычного права в юридической практике уже неоднократно подчеркивалась российскими специалистами, и с ними согласны власти целого ряда регионов. Чтобы сделать эту практику легитимной, в Якутии, к примеру, приняли республиканский закон «Об этнологической экспертизе», сегодня ведется разработка аналогичного федерального закона. При этом важно заметить, что к принятию подобного закона подталкивает и уже сложившаяся система правовой защиты этнических групп, представители которых продолжают вести традиционный образ жизни. В российское федеральное и региональное законодательство уже вошло такое понятие, как «территории традиционного природопользования», которое связано с защитой родовых (семейных) угодий и сохранением образа жизни и культурной специфики локальных групп. Однако существует ряд сложностей при использовании этнологической (антропологической) экспертизы, которые связаны с разницей в исследовательских подходах, неполнотой или ошибочностью ранее полученных сведений о культурной специфике аборигенных групп и рядом других. Следует иметь в виду, что обычное право, помимо ра-

циональной основы, покоится еще и на мифологизированных представлениях, а потому использование норм обычного права может быть ограниченным. Очевидно, что решение вопроса о применимости нормы обычного права для регулирования определенных сфер деятельности должны определять не только праведы и сами субъекты правового регулирования, но и эксперты из числа этнологов.

Право наций на самоопределение и правовое поле этнополитики

Относительно выработки ключевых правовых понятий, которые затрагивают интересы этнических, расовых и конфессиональных групп, до сих пор много споров и неопределенностей. Та система норм и тот язык, которым пользуются эксперты, требуют уточнения и унификации, ибо пока они допускают много разночтений и в большей мере являются не юридическим языком и правовыми нормами, а политическими инструментами. Это, в частности, касается такого ключевого в международном праве положения, как «**право наций на самоопределение**». Кто, когда и в каких ситуациях может и должен обладать этим правом и что есть самоопределение по своей сути? Международные эксперты не способны дать однозначный ответ на этот вопрос, ибо право на самоопределение, по существу, вступает в противоречие с другим основополагающим принципом международного права — принципом нерушимости границ и государственной целостности.

Поэтому важный вопрос, который связан с проблемой самоопределения, есть вопрос о границах самоопределения. Является ли право на самоопределение абсолютным или же оно имеет свои ограничения? Ответ на первый из этих вопросов должен быть отрицательным. Самоопределение, как правило, затрагивает интересы других сообществ, без учета мнения которых оно не может состояться или не может быть признано легитимным. Кроме того, надо иметь в виду, что принцип территориальной целостности вошел в международную политику практически одновременно с появлением идеи самоопределения народов и утвердился отнюдь не случайно. Он был установлен в 1648 г. с заключением Вестфальского мира, положившего конец серии войн, в том числе религиозной Тридцатилетней войны, в которую были втянуты мно-

¹ Новикова Н.И. Обычное право народов Севера: возможности и ограничения государственной правовой системы // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 7.

гие страны Европы. Одним из положений Вестфальского договора, существенно изменившего государственные границы, стал принцип территориальной целостности, ставший общепринятым. Но тот же Вестфальский мир утвердил и принцип самоопределения народов, который впоследствии стал рассматриваться как воля большинства народа, проживающего на конкретной территории, свободно определять свой политический статус. До восстания голландцев против испанской короны право монархов вершить судьбы своих подданных не подвергалось сомнению. Но в данном конкретном случае монарх утратил это право. При подписании Вестфальского мира европейские державы констатировали, что подданные имеют право на самовыражение, а потому согласились признать независимость Нидерландов. По сути, названное решение привело к свержению ряда европейских монархий и появлению новых независимых государств.

Следующим документом международного значения, который подтвердил право наций на самоопределение, стала Декларация независимости США 1776 года. Этот документ во многом изменил мир, превратив его из «мира империй» в «мир суверенных государств». По образу и подобию американской были созданы декларации независимости более ста стран. В 1945 г. был принят Устав ООН, в основу которого был положен принцип территориальной целостности государств — членов этой организации и запрещение использовать силу при разрешении международных конфликтов. Уже в первой статье Устава право народов на самоопределение было обозначено как норма международного права. Развивая идею самоопределения, в 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, в первом пункте которой говорилось, что «подчинение народов иностранному игу и господству» является отрицанием основных прав человека и противоречит уставу ООН. Здесь же заявлялось, что всякая попытка, «направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами устава организации». Иными словами, принцип самоопределения был подтвержден в качестве нормы международного права, но сопровождается оговорками, которые ставили его под сомнение, что не по-

мешало использовать лозунг и норму самоопределения в процессе деколонизации.

В 1966 г. ООН приняла Пакт о гражданских и политических правах и Пакт об экономических, социальных и культурных правах, в которых заявлялось о том, что **все народы имеют право на самоопределение и в силу этого права они могут свободно устанавливать свой политический статус и столь же свободно определять собственное экономическое, социальное и культурное развитие**. Право на самоопределение закреплено и в Декларации о принципах международного права, принятой в 1970 г. Ссылка на него содержится в тексте Заключительного акта Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., где, правда, оно снова вступает в противоречие с утверждениями о нерушимости государственных границ.

Некоторые специалисты в области права называют это противоречие «ловушкой самоопределения». Карен Паркер в докладе «Республика Малуку: Случай самоопределения» справедливо заметила, что современное международное право не может однозначно ответить на вопрос: что необходимо сделать, чтобы создать новое государство? В XX в. в результате развала колониальных империй появился способ, который называют «декларативным». Суть его состоит в том, что некая территория просто объявляет о том, что она является независимым государством. Второй способ — конституционный — более сложен, ибо требует международного признания новообразованного государства.

Принцип суверенитета стал универсальным принципом политической организации в истории человечества. Суть его состоит в том, что территория планеты поделена между государствами, внутри которых вся полнота власти исходит из одного источника — конституции, монархической традиции, теократии и т.д. Но этот принцип не оказался незыблемым. Его верховенство впервые было поставлено под сомнение после окончания Первой мировой войны, а подверглось решительной ревизии в 1940–1960-е гг., когда распались колониальные империи и на карте планеты появились десятки новых государств. После окончания «холодной войны» идея суверенитета еще раз была поставлена под сомнение, поскольку ООН разрешила проведение гуманитарных интервенций против государств, где совершаются преступления против своих собственных граждан. Признание независимости Косово, Абха-

зии и Южной Осетии стало продолжением этого процесса, а крымский прецедент упрочил наметившуюся тенденцию. Более того, крымский прецедент представляет собой некий современный практикум по самоопределению, а потому заслуживает подробного анализа и рассмотрения.

Ряд исследователей полагает, что ныне само понятие «суверенное государство» во многом утратило смысл, поскольку сильнейшие страны мира диктуют остальным государствам свою волю. Фактически подобная ситуация, по их мнению, означает возрождение института протекторатов. Международная политика последнего десятилетия XX и первого десятилетия XXI в. дискредитировала идею самоопределения, ибо самоопределение возможно лишь в мирном правовом поле. В противном случае речь будет идти не о *самоопределении*, а об *определении* за чужой счет.

Институт государственного суверенитета постепенно умирает еще и потому, что решение глобальных вопросов перекладывается на различные международные организации — ООН, ЕС, «семерку» («двадцатку») и т.д. Это ведет к тому, что на карте мира сначала перестанут появляться новые государства, а впоследствии начнется исчезновение существующих. Не случайно автор книги «Народы без государств» Монсерат Губерно полагает, что в условиях современной цивилизации многие народы отказываются от борьбы за создание собственного национального государства. Она считает, что главной причиной этого стали демократические изменения, которые имели место в последние десятилетия. Если государство, частью которого они являются, предоставляет им возможность сохранять свою культурную самобытность, то борьба за национальное самоопределение теряет смысл. Более того, можно считать, что **полное самоопределение народов в его современном понимании заключается в том, чтобы обеспечить право наиболее полно их участия в широком общественно-политическом процессе, но в рамках общего социально-политического пространства.**

После Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.), в документах которого было заявлено о нерушимости послевоенных границ в Европе, государственные границы на Европейском континенте радикально изменились, и число независимых государств выросло в полтора раза. Появились новые государства и в других частях планеты: от Эфиопии отделилась Эритрея, от Индонезии от-

кололся Восточный Тимор, Судан разделился на два независимых государства — Южный Судан и Северный Судан.

Помимо процессов разделения суверенных государств и перекройки их прежних границ имел место и обратный процесс — воссоединение некогда разделенных территорий/государств и создания/воссоздания единых государственных образований. Так, в 1990 г. произошло фактическое поглощение ГДР Федеративной республикой Германии. Для объединения двух стран была использована возможность, предусмотренная Конституцией ФРГ: территория ГДР была включена в состав ФРГ, и действие конституции ФРГ было распространено на новую территорию. Процесс объединения Германии был осуществлен не на основе референдума, а в результате договоренностей между политическими лидерами и поэтому неясно, какая часть восточногерманского населения поддерживала идею объединения (хотя сам процесс был спровоцирован массовыми выступлениями протеста против политики правящей партии и в поддержку идеи объединения). Неясно также, каким желали видеть это объединение простые немцы, поскольку события развивались стремительно и широких общественных и политических дискуссий о принципах объединения организовать не удалось. Однако известно, что результатом объединения был не только экономический рост, но и многие личные трагедии, а также появление в массовом сознании граждан единой Германии неких новых культурных границ — разделение немцев на *осси* и *весси*, т.е. на восточных и западных немцев, и маркирование жителей новоприобретенных федеральных земель как еще не вполне состоявшихся граждан, как социальных аутсайдеров.

Пятнадцатью годами ранее состоялось объединение Южного и Северного Вьетнама, и здесь тоже не обошлось без своеобразного культурного маркирования жителей ранее самостоятельного государства, которое оказалось неспособным противостоять партизанскому движению, возглавляемому Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама (вьетконгом) внутри страны и армии Северного Вьетнама, вторгшейся в 1975 г. на юг после вывода оттуда американских войск. И в этом случае объединение страны породило новое культурно-политическое маркирование, суть которого заключалась в том, что поглощавший Южный Вьетнам Север и его население рассматривались как социальные лидеры, а

южане как аутсайдеры, не вполне подготовленные к усвоению «передового» социального устройства Северного Вьетнама. В 1997 г. произошло воссоединение Гонконга с Китаем, хотя значительная часть китайского населения Гонконга не горело желанием объединяться с «исторической родиной». Во всех указанных случаях речь шла об объединении земель, которые некогда составляли единое государство и где проживали представители тех же этнических групп, которые составляли большинство в «принимающих» государствах. В этом же ряду случаев находятся и события, связанные с воссоединением Республики Крым с Россией (см. Кейс 13).

Кейс 13. Случай крымского референдума

Крымский полуостров был составной частью распавшегося в 1991 г. СССР, а до 1954 г., когда его волюнтаристским путем передали Украине, он входил в состав Российской Федерации. В марте 2014 г. после смены власти в Киеве местные власти организовали и провели в Крыму референдум, по итогам которого Республика Крым и Севастополь снова вошли в состав Российской Федерации в качестве ее субъектов, т.е. почти таким же образом как восточногерманские земли были интегрированы в состав ФРГ. А поскольку право на самоопределение закреплено в российской Конституции, постольку интеграция осуществлялась в соответствии с Основным Законом РФ. При этом жителей Крыма сразу же стали рассматривать как полноценных сограждан, и у россиян не появилось для них фольклорного определителя, аналогичного германскому осси.

О мирном характере процесса крымского самоопределения можно судить по показательному факту — многие военнослужащие подразделений украинской армии (и подразделения целиком) добровольно вошли в состав российских вооруженных сил, причем среди них было немало украинцев родом из разных регионов Украины. Согласно данным опроса, проведенного в марте 2014 г., 91% опрошенных россиян были согласны с присоединением Крыма к России «в качестве субъекта Российской Федерации». Никого в Крыму не стали «перевоспитывать», а наоборот — началось решение многих застарелых проблем, включая оформление прав на землю для крымских татар, а государственными языками были признаны русский, украинский и крымско-татарский.

Вопрос о правомочности крымского референдума и о праве народа Крыма на самоопределение нередко пытаются сознательно отодвинуть на второй план, поскольку опровергать право на самоопределение сложно и можно запутаться в аргументах, определяющих правомочность итогов народного волеизъявления. Поэтому используют другой аргумент, который связан с Будапештским меморандумом. Этот меморандум был подписан

5 декабря 1994 г. в Будапеште, и его смысл состоял в том, что Украина заявляла о своем безъядерном статусе и передавала России арсеналы ядерного оружия, которые хранились на ее территории. Помимо Украины, меморандум подписали Россия, Великобритания и США. В документе говорилось, что страны-подписанты будут уважать суверенитет и государственные границы Украины, что они будут воздерживаться от применения силы или угрозы силой в отношении этой страны и не будут осуществлять экономическое давление. Этот документ, однако, не давал однозначных гарантий государственной целостности Украины и подписанты не брали на себя предписывающих обязательств. Потому не случайно, что меморандум неоднократно подвергался критике, причем чаще всего со стороны украинских лидеров. А самое главное, что ни одна из стран-подписантов не ратифицировала данный меморандум, т.е. де-юре он не вступил в силу. Ссылки критиков на Беловежское соглашение 1991 г., Алма-Атинскую декларацию (Декларацию о целях и принципах СНГ от 1991 г.) или Договор о дружбе между РФ и Украиной от 1998 г. также не очень убедительны.

Однако важно обратить внимание на итоги референдума. Серьезные эксперты согласны с тем, что результаты референдума были предопределены сформировавшимися в Крыму общественными настроениями. При этом заметим, что недочеты в процедуре проведения референдума в Крыму были схожи с теми, что имели место и во время референдумов осени 2014 г. в Каталонии (Испания) и Шотландии (Великобритания), но в этих случаях упущения организаторов референдумов не ставили под сомнение легитимность самих опросов общественного мнения, поскольку их проведение было лишь реализацией права народа Шотландии и народа Каталонии на самоопределение (хотя в 2017 г. и власти Испании, и власти ЕС поставили это право под сомнение). Но такое же право было и у народа Республики Крым, о чем избегают упоминать западные и украинские политики, якобы приверженные нормам демократии и международного права.

Чаще всего критики крымского референдума анализируют ситуацию весны 2014 г. и последующего времени, избегая говорить о предыстории вопроса и некорректно апеллируя к нормам международного права. Прежде всего, стоит заметить, что система норм международного права не является завершенной и в ней много противоречий, включая противоречия между правом на самоопределение и правом на государственный суверенитет. Оппоненты России считают присоединение Крыма аннексией, полагая, что референдум о присоединении был нелегитимен, поскольку проводился в условиях, когда в Крым были введены войска, которые стали фактором давления на население и местные власти. При этом западными критиками и российскими оппонентами действующей власти России замалчиваются аргументы, которые противоречат идее аннексии. В числе этих аргументов тот факт, что референдум 2014 г. стал лишь завершающим этапом процесса крымского самоопределения,

начало которого относится к январю 1991 г., т.е. к первому референдуму о статусе Крымского полуострова. А российские войска были размещены на полуострове согласно государственным договоренностям между РФ и Украиной и находились в Крыму с начала существования независимой Украины. Нормы международного права не дают оснований заявлять, что самоопределение крымчан нелегитимно. Заявления о нелегитимности крымского самоопределения опираются на абсолютизацию идеи суверенитета и территориальной целостности государств, но право на суверенитет не является абсолютным и нерушимым.

Все попытки абсолютизировать принцип территориальной целостности и на этой основе построить критику крымского референдума и действий российских властей спорны. Дело в том, что международный принцип территориальной целостности представляет собой некое правило игры, о котором при определенных исторических обстоятельствах договорились ведущие державы в силу того, что их это тогда устраивало, а еще больше — в силу того, что договоренность отражала баланс мировых сил, сложившийся достаточно ситуативно с окончанием Второй мировой войны. История и политическая практика показывают, что принцип территориальной целостности никогда не был абсолютным (не случайно государства мира быстро признали не вполне легитимный распад СССР в 1991 г. на 15 независимых государств, а европейские страны, не дожидаясь завершения внутриюгославского диалога, стали признавать независимость югославских республик в 1991–1992 гг.). Более того, вся человеческая история основана на перманентном изменении границ существующих государств. Принцип самоопределения народов представляется как неотъемлемое историческое право, исходящее из базовых ценностей человеческой цивилизации. Право наций на самоопределение является отражением не ситуативного расклада, а фактического положения дел на протяжении всей истории.

При этом важно заметить, что под нацией понимается не этническое, а гражданское сообщество. Между тем в России и за ее пределами распространены идеи так называемого этнического самоопределения, сторонники которого рассматривают этнические группы как субъекты права. Но правом на самоопределение обладают лишь политически организованные территориальные сообщества, к которым и относится население Республики Крым.

Многие народы на определенном этапе своего развития начинали бороться за обретение какой-либо формы своего государственно-политического самоопределения. Появление на рубеже XIX—XX вв. научной формулировки данного принципа и превращение его в инструмент политической мобилизации означало не только то, что борьба за самоопределение превратилась в распространенное политическое явление, но также и то, что она глубоко осмыслена политиками и учеными и стала одной из ключевых политических идей.

Логика истории свидетельствует, что принцип самоопределения народов исторически преобладает над принципом территориальной целостности государств и должен рассматриваться как первичный, поскольку базируется как на опыте исторического развития человеческих сообществ, так и на приоритете прав человека и гражданина, возведенных в принцип международной политики, а принцип нерушимости границ в этой связи будет трактоваться как вторичный. Такое соотношение определяется и самой дефиницией двух принципов. Принцип территориальной целостности по своей сути является принципом уважения территориальной целостности. В то же время принцип самоопределения трактуется как право. Уважение подразумевает, что то, что достойно уважения, есть значимое явление, которое обязательно учитывается в политической и юридической практике, но не может быть абсолютным и безграничным. Право же подразумевает то, что есть изначально, оно первостепенно и его использование может быть ограничено лишь другим правом или отказом по собственному желанию от его реализации. Исходя из приведенных аргументов, принцип территориальной целостности государств представляется относительным и ситуативным по своей сути, в то время как право наций на самоопределение является абсолютным и неотъемлемым. Сторонниками данного подхода являлись многие советские ученые, политические деятели и юристы, которые отстаивали и развивали основные положения концепции права народов и наций на самоопределение.

В научной литературе существует, однако, позиция, согласно которой первичным является нерушимость государственных границ, а право на самоопределение — вторично. Наконец, сторонники третьего подхода заявляют, что оба принципа международного права обладают равной юридической силой, отрицая существование какого-либо конфликта или столкновения между принципами самоопределения народов и территориальной целостности и призывая рассматривать указанные принципы один в контексте другого. Сторонники такой точки зрения утверждают, что все возникающие в доктринах международного права разногласия, связанные с вопросом о якобы существующем примате одного принципа над другим, урегулированы в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 года. Согласно тексту документа, Генеральная Ассамблея исходит из убеждения «в том, что принцип равноправия и самоопределения народов является существенным вкладом в современное международное право и что его эффективное применение имеет первостепенное значение для содействия развитию дружественных отношений между государствами, основанных на уважении принципа суверенного равенства, будучи убеждена поэтому в том, что любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности государства или страны или их политической

независимости, несовместима с целями и принципами Устава...». Следовательно, принцип самоопределения народов не может рассматриваться отдельно от остальных нормативных постановлений. В Декларацию о принципах международного права 1970 г. также включена трактовка другой важной детали, касающейся соотношения принципов самоопределения и территориальной целостности государств, а именно так называемой «предохранительной клаузулы», защищающей государства от необоснованных сепаратистских поползновений.

Для полной объективности и понимания ситуации вокруг Крыма необходимо заметить, что до событий зимы–весны 2014 г. на полуострове пророссийские политические силы пользовались поддержкой местного населения, но она была ограниченной. Массовый опрос 2013 г., проведенный Институтом этнологии и антропологии РАН, выявил умеренную поддержку крымчанами идеи интеграции Крыма с Россией (четверть опрошенных). Важнейшей причиной формирования массовых стремлений к независимости стало ощущение угрозы безопасности в связи с событиями на Майдане. Дело в том, что на Украине, среди западных политиков, экспертов долгое время смена власти на Украине рассматривалась как демократическая революция. Не случайно это событие получило название «революция достоинства». Многие ее участники действительно добивались ограничения власти олигархов и коррумпированных политиков, их протест был справедлив, но мало кто в России и на Западе обратил внимание на общественную атмосферу, которая стала складываться в стране за несколько месяцев до революции.

На площадях украинских городов (в основном в западных областях) тысячи молодых людей устраивали флэш-мобы, во время которых все вместе прыгали и весело выкрикивали расистский лозунг: «кто не скачет — тот москаль», а позднее стали кричать «москалей на ножи», «москаляков — на гиляку» (т.е. призывали к массовым убийствам русских). Никто из украинских политических деятелей не осудил эти призывы к этнической вражде и этнической бойне, поэтому не случайно, что после «революции достоинства» на дверях квартир, где проживали русские (как вспоминают те, кто вынужден был уехать из страны), стали появляться надписи: «Здесь живет москаль». Одним из первых решений новой Верховной Рады Украины стало решение (вскоре аннулированное), направлен-

ное против русского языка, которое вызвало негативную реакцию у миллионов русских, проживавших в стране, и особенно в Крыму, где русский язык доминировал во всех сферах жизнедеятельности. Опасения крымчан за свое будущее вынудили их искать поддержки за пределами Украины, прежде всего в России, к которой многие из них испытывали чувства близости и общности.

Наиболее интенсивные связи с Россией имели, конечно, представители русской общины Крыма, но важно, что эту близость, согласно данным опросов, ощущали также более половины украинцев и почти четверть крымских татар. Не случайно, что на референдуме 16 марта 2014 г. о статусе полуострова, по заявлению крымских властей, более 90% принявших участие в голосовании крымчан проголосовали за вхождение республики в состав Российской Федерации на правах субъекта при общей явке чуть более 80%. Итоги референдума не признали Украина и большинство стран мира, которые на голосовании в Генеральной Ассамблее ООН высказались в поддержку резолюции (март 2014 г.) о целостности Украины. Однако если посмотреть на результаты голосования по Крыму в ООН в конце 2017 г., то заметно, что отношение к проблеме постепенно меняется. Как и прежде, большинство стран не признают присоединение Крыма к России правомочным. Тем не менее, как отметили российские СМИ, позицию России поддержали страны, в которых проживает половина человечества.

Между тем юристы ЕС из ассоциации адвокатов, аккредитованных с органами государственной власти при ЕС (AALEP), доказали законность присоединения Крыма к России и отвергли довод об аннексии, военном давлении на крымчан со стороны воинского контингента РФ (показав, что давление осуществляли именно власти Украины и их силовые структуры). Руководитель организации Кристиан де Фулой опубликовал на ее сайте статью, где привел целый ряд аргументов, которые подтверждали законность референдума и обоснованность права народа Крыма на самоопределение¹.

Еще ранее к тому же выводу пришли юристы авторитетного российского адвокатского бюро «Резник, Гагарин и пар-

¹Юрист ЕС признал Крым российским. URL: <https://utro.ru/politics/2017/10/05/1341931.shtml>

тнеры», которые провели собственное инициативное конституционно-правовое исследование и определили, что в строго юридическом смысле жители Крыма никогда не выходили из состава РСФСР (территории дарить можно, но граждан надо спрашивать о желании изменить свой статус). Показательно, что результаты этого исследования опубликованы в оппозиционной российской газете, которая (как и несистемная оппозиция в целом) изначально не поддерживала идею воссоединения Крыма с Россией. Анализ показывает, результаты референдума стали лишь повторной констатацией гражданской принадлежности крымчан в ходе референдума 2014 г., а серьезные ошибки правового характера, которые были допущены в процессе строительства независимой Украины, не оставляют ее руководству надежд юридически обосновать свои притязания на Крым¹.

Для оценки побудительных мотивов, явившихся основой для того, чтобы крымчане в массе своей повернулись лицом к России и отвернулись от Украины, надо учитывать этнокультурные ориентации и общественную практику крымчан, а также политический опыт предшествующих двух десятилетий. Во-первых, следует иметь в виду, что региональная крымская идентичность в последние десятилетия активно укреплялась и в значительной мере не дополняла общеукраинскую гражданскую идентичность, а противостояла ей. Так, более 40% русских называли себя в первую очередь крымчанами, и крымская идентичность для них была важнее украинской гражданской идентичности, большинство украинцев, наоборот, считали себя в первую очередь гражданами Украины, но и среди них около четверти считали региональную идентичность перво-степенной. Для крымских татар ни региональная, ни общегражданская идентичности не представляли существенного значения, поскольку для них была важнее этническая². Поэтому очевидно, что на ментальном уровне полной интеграции Крыма в общеукраинское политическое и тем более культурное пространство не произошло. В 1993 г. на территории Крымского полуострова из 529 школ ни одна не использовала украинский язык как язык обучения. Интеллектуальная эли-

та Крыма и местная интеллигенция не поддерживали общеукраинскую политическую мифологию и националистические версии украинской истории, которые преподносились в школьных учебниках. Поэтому крымские учителя массово отказывались учить детей по украинским учебникам и транслировали на уроках иную версию украинской и российской истории¹.

В понимании политических настроений крымчан и итогов крымского референдума 2014 г. важную роль играет обращение к политической предыстории, которую не учитывают критики действий российской власти и итогов референдума. Особо заметим, что 20 января 1991 г. именно в Крыму состоялся первый в истории СССР референдум. В нем приняли участие 81,3% избирателей. На вопрос: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?» положительно ответили 1 343 855 человек (93,26%). Историческая значимость данного референдума состоит в том, что это была первая попытка решить судьбу Крыма, основываясь не на позиции «верхов», а на волеизъявлении самих его жителей. Референдум был признан правомочным. На основе его результатов Верховный Совет Украинской ССР вынужден был принять решение о восстановлении Крымской АССР. Однако восстановление автономии было не единственным, о чем на референдуме заявило население полуострова. В бюллетенях для голосования стоял вопрос не просто о восстановлении автономии Крыма, а о воссоздании именно Крымской Автономной Советской Социалистической Республики — тем самым определялся и общественно-политический статус автономии. Крымская республика существовала только в составе Российской Федерации, но никогда не существовала в составе Украинской ССР и, следовательно, решение о ее воссоздании означало возврат в состав того субъекта, в рамках которого республика и была создана.

Результаты референдума позволили принять в сентябре 1991 г. Декларацию о суверенитете Крыма, а в мае 1992 г. — Конституцию республики. Но попытки отделиться от Украины были пресечены киевскими властями. В 1995 г. была отменена

¹ *Никитинский Л.* Крым, который не «наш» и не «ваш» // Новая газета. 2016. 5 сент. № 98 (2529).

² *Губогло М.Н., Старченко Р.А.* Референдум 16 марта 2014 года в Крыму (опыт этносоциологического исследования). М.: ИЭА РАН, 2016.

¹ *Полуянов А.Ю.* Власть, идеология и проблема исторического самосознания: русское население Крыма в 2005–2010 гг. // Русский сборник. Т. XVI. М., 2014.

Конституция республики, упразднен пост президента Республики Крым, произведен раздел территории на Автономную Республику Крым и город Севастополь как самостоятельный субъект, а права автономии урезаны. На проведение нового референдума о самоопределении (в поддержку проведения которого в Крыму были собраны сотни тысяч подписей его жителей) киевские власти наложили бессрочный мораторий, отказав народу Крыма в праве самому решать свою судьбу и предвидя очевидные итоги референдума.

Исторический опыт крымского самоопределения, который был приобретен в первой половине 1990-х гг., был учтен населением и местными политиками при выборе форм политического противостояния с Киевом весной 2014 года. Этот опыт не давал надежд на конструктивный диалог и учет мнения населения Крыма киевскими властями, а потому вполне оправданно был избран декларативный способ самоопределения.

Но самое главное, что жители Крыма не сомневаются в правильности сделанного ими выбора. Данный факт был подтвержден в ходе исследований, которые проводились на территории республики после референдума западными социологами, в частности исследователями из Института Гэллага. Подтверждает этот факт и исследование, проведенное Берлинским Центром восточноевропейских исследований (ZOiS) в марте—мае 2017 г., согласно которому 79% опрошенных немецкими исследователями жителей Крыма заявили, что удовлетворены сделанным ими выбором и если бы им пришлось сделать его вновь, то они повторили бы свое прежнее решение¹.

Культурные права

Большинство акторов этнополитики, заявляя о своих политических целях и идеях, неизменно подчеркивают стремление содействовать сохранению культурной самобытности группы, интересы которой(ых) они формально представляют. Без апелляции к культуре этнополитика существовать не может. В этой связи очевидно, что сущностью этнополитики должна быть защита культурных прав личности. Выше уже говорилось, что, к примеру, защита прав коренных народов есть

по своему основному содержанию *защита их образа жизни*. А защита образа жизни есть защита права на отличие.

В этнополитике принципиально важно не просто защищать культурные права личности, но соблюдать баланс между двумя основополагающими культурными нормами.

Первая правовая норма — это *право на отличие*. Это право предполагает, что каждый человек может относить себя к той культурной группе, с которой он себя в данный момент отождествляет (свободный выбор этнической принадлежности), каждый человек вправе говорить на том языке, который считает родным (свободный выбор языка), вправе обучаться на этом языке, вправе следовать тем культурным традициям, которые он признает (свободный выбор образа жизни). Другое дело, что, признавая право на отличие, государство не всегда берет на себя обязательства обеспечить его полную реализацию, ибо, к примеру, организовать обучение на корейском языке в Архангельске чисто технически и финансово будет затруднительно. В этом случае реализация права ложится на плечи самих граждан, и государство может лишь оказывать содействие этому и не должно мешать. Более того, государство призвано продекларировать права и подтвердить приверженность им, но что касается выбора культурных предпочтений, то здесь государству желательно придерживаться нейтралитета, ибо иначе идея свободы выбора культурных ценностей будет подвергаться сомнению (касается это свободы вероисповедания или языка общения).

Вторая правовая норма — это *право на культурную свободу*. Идея культурной свободы означает, что каждый человек сам выбирает себе культурные ценности, включая язык. Это право предполагает, что свободный выбор культурных ценностей предполагает возможность смены культурной идентичности (в том числе и этнической принадлежности), что никто не вправе навязывать человеку ценности, препятствовать ему менять свои культурные ориентации. Это означает, что попытки насильственно заставить людей изучать язык народа на том основании, что люди заявляют о своей принадлежности к данному народу (проявляют с ним культурную солидарность), есть покушение на культурную свободу личности.

При этом в докладе ООН о человеческом развитии за 2004 г., где идея культурной свободы была обоснована и подтверждена как одно из основополагающих прав личности,

¹ Немцев шокировали результаты проведенного ими соцопроса в Крыму. URL: <https://newsland.com/community/6399/content/nemtsev-shokirovali-rezultaty-provedionnogo-imi-sotsoprosa-v-krymu/6085224>

отмечается, что государство, поддерживая культурную свободу, заинтересовано в культурном единстве своих граждан и именно на это направлены его основные усилия: «Если в этнических и религиозных вопросах для государства возможно и даже желательно оставаться “нейтральным”, подобная позиция в отношении языка является непрактичной. Понятие гражданства требует общего языка для укрепления взаимопонимания и эффективной коммуникации. Ни одно государство не может позволить себе обеспечивать услуги и выпускать официальные документы на каждом из языков, используемых на его территории»¹.

Язык правовых документов и правоприменительная практика

Несмотря на то что в области правового регулирования отношений государства и этнических сообществ, межэтнического взаимодействия за последние годы в России сделано много, нельзя утверждать, что нормотворчество осуществляется исходя из практических потребностей, из необходимости предоставить политикам действенный инструмент воздействия на общественно-политическую практику. Об этом, в частности, свидетельствует отсутствие в языке законодательных актов однозначных категорий, наполненных этнополитической спецификой. С.В. Соколовский, осуществивший анализ терминологического инструментария этнонациональной политики РФ, только в Конституции выявил семь базовых терминов и терминосочетаний: народ (население), народ (этническая общность), многонациональный народ, коренной малочисленный народ, национальное меньшинство, малочисленная этническая общность и национальность. Он и другие исследователи полагают, что необходимо упорядочить терминосистему юридических актов, в которых речь идет об этнополитике. Это важно не только с позиций юридической строгости, но и диктуется необходимостью исключения из политической практики лексики этнонационализма, которая не только распространена, но нередко сознательно используется политиками для мобилизации этнических групп.

¹ Доклад о человеческом развитии 2004. Культурная свобода в современном мире. М., 2004. С. 71.

Упорядочение терминосистемы должно касаться не только унификации терминов, используемых в национальных законодательных актах, но оно должно опираться на тот юридический язык, который присутствует в международных правовых актах. Международные эксперты отмечают, что в российском законодательстве нередко употребляется термин «национальный» в значении «нерусский» и понятие «национальная политика», обозначающее политику в отношении нерусского населения, что в российском законодательстве нет четкого определения понятия «этническое меньшинство» и есть ряд других неопределенностей. Но, пожалуй, самой опасной тенденцией является стремление расширить содержание понятий «этничность» и приписать многим общественным явлениям и социальным отношениям этнический смысл. В докладе, составленном по итогам реализации проекта ТАСИС «Улучшение межэтнических отношений в России и развитие толерантности в России», по этому поводу сказано следующее: «Характерной чертой политического дискурса внутри страны является этнизация на всех уровнях. Общественное восприятие все больше определяется этническими соображениями. Все получает определение в этнических терминах не только среди населения страны, но и среди правительственных структур всех уровней... Такое развитие ситуации таит в себе потенциальную опасность, так как в этом контексте люди рассматриваются не как равные между собой человеческие существа, а как отличные друг от друга существа этнические. Это приводит к ложной интерпретации социальных противоречий и конфликтов вообще...»¹.

Иными словами, необходимо не только сделать язык законодательных актов, касающихся реализации этнополитики, более строгим, но важно не допускать неадекватного использования терминов этнополитики в правовых документах и политических декларациях. **Многозначность и многочисленность этнически маркированных терминов, используемых в юридической и политической практике в современной России, есть следствие политизации этничности и проявление стремления к политической манипуляции этничностью, использованию ее в узких**

¹ Галдия М., Вурда Д. Правовые аспекты межэтнических отношений в Российской Федерации // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004. С. 329.

интересах элит, есть движение не к гражданскому обществу, а от него. Важно подчеркнуть, что граждане одного государства не могут делиться на «коренных» и «некоренных» жителей, а также на «государственнообразующих», «основное население» и «диаспоры».

Контрольные вопросы и задания

1. Каково соотношение прав личности и коллективных прав?
2. В чем состоит правовое и политическое содержание проблемы права наций на самоопределение?
3. В чем заключается смысл «позитивной дискриминации»?
4. Проблема совершенствования языка правовых документов в сфере межэтнических отношений.

Литература

- Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р.* Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. М., 1997.
- Беляев С.А.* Международно-правовой принцип запрета дискриминации: процедуры и механизмы международных организаций. М., 2005.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии. М., 1993.
- Грушкин Д.В.* Право народов на самоопределение: история развития и воплощения идеи // Право народов на самоопределение: идея и воплощение / Сост. А.Г. Осипов. М., 1997.
- Губогло М.Н., Старченко Р.А.* Референдум 16 марта 2014 года в Крыму (опыт этносоциологического исследования). М.: ИЭА РАН, 2016.
- Дусэ Л., Гласкин К.* Незавидное место ученого: Антропология, прецедентное право и австралийские «общества» // Социальная антропология во Франции. М., 2009.
- Казанник А.И.* Правовые проблемы развития межнациональных отношений в России // Национальная политика в Российской Федерации / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1993.
- Кецбая Г.Р.* Содержание принципа равноправия и самоопределения народов: Некоторые новые подходы к его реализации / Г.Р. Кецбая // Право: Теория и практика. 2003. № 6.
- Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Манускрипт, 2017.
- Лорд Актон.* Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. М., 2002.
- Максимов А.А.* Права коренных народов севера на землю и природные ресурсы: эффективное использование и совместное управление // Библиотека коренных народов Севера. Вып. 3. М., 2005.
- Национальные меньшинства: Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах Юга Российской Федерации / Под ред. В. Мукомеля. М., 2003.
- Национальные отношения: Отечественные и международные правовые документы. М., 1998.

- Новикова Н.И.* Обычное право народов Севера: возможности и ограничения государственной правовой системы // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 7.
- Обычай и закон: Исследования по юридической антропологии / Под ред. Н.И. Новиковой, В.А. Тишкова. М.: Фонд «Стратегия», 2002.
- Обычное право и правовой плюрализм: Мат-лы XI Международ. конгресса по обычному праву и правовому плюрализму. Москва, август 1997 г. М., 1999.
- Осипов А.Г.* Национально-культурная автономия: Идеи, решения, институты. СПб., 2004.
- Павлов П.* Международное право и реформирование законодательства Российской Федерации о коренных народах // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. М., 2003.
- Право и этничность в субъектах Российской Федерации / Под ред. Н. Ворониной, М. Галдия. М.: ИЭА РАН, 2004.
- Право народов на самоопределение: идея и воплощение: Мат-лы научно-просветительского семинара. Москва, 22–23 марта 1997 г. М., 1997.
- Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004.
- Рашинов А.Р., Рашинова Н.А., Кроз М.В.* Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовые характеристики. М., 2005.
- Рулан Н.* Юридическая антропология: Учебник для вузов. М., 1999.
- Соколовский С.В.* К дискуссии о самоопределении народов (заметки на полях статьи И.М. Сампиева «Самоопределение народов: анализ идейно-теоретических подходов») // Этнографическое обозрение. 2001. № 3.
- Статус малочисленных народов России: Правовые акты и документы. М., 1994.
- Степанов В.В.* Принципы, объекты и терминология этнологической экспертизы // Расы и народы. Вып. 34. М., 2009.
- Степной закон: Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Под ред. Ю.И. Семенова. М.: Старый сад, 2000.
- Тишков В.А.* Меньшинства: меняющийся мир и рамки конвенции // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад EAWARN, 2002. М.: ИЭА РАН, 2003.
- Тишков В.А.* Этничность и право в современной России // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004.
- Тишков В.А.* Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития // Вестн. Российской нации: Избр. публикации 2008–2014 гг. Спецвыпуск. С. 628–637.
- Филиппов В.Р., Филиппова Е.И.* Закон и этничность. М.: Пульс, 1998.
- Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010.
- Хриенко П.* Референдумы в Крыму, на Украине и в СССР. URL: <http://www.kro-krim.narod.ru/LITERA/UKRAIN/referen.html>
- Этническая и этнополитическая карта Крыма: Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / Под ред. В.Ю. Зорина, Р.А. Старченко, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017.
- Юридическая антропология: Закон и жизнь / Под ред. Н.И. Новиковой, В.А. Тишкова. М.: ИЭАРАН, 2000.

- Armitage D.* The Declaration of Independence: A Global History. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 2007.
- Barbieri W.A., Jr.* Citizenship: Immigration and Group Rights in Germany. Durham: Duke University Press, 1998.
- Cassese A.* Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge, 1995.
- Crawford J.* The Right of Self-Determination in International Law: Its Development and Future // Peoples' Rights. 2001. N7 (57).
- Ethnicity and Group Rights / Ed. by I. Shapiro, W. Kymlicka. N.Y.; L.: New York University Press, 1997.
- Gottlieb G.* Nation against State. A New Approach to Ethnic Conflicts and the Decline of Sovereignty. N.Y.: Council on Foreign Relations Press, 1993.
- Guibernau M.* Nation without State: Political Communities in a Global Age. Cambridge: Polity Press, 1999.
- Hannum H.* Autonomy, Sovereignty, and Self-Determination: The Accommodation Of Conflicting Rights. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990.

ЭТНОПОЛИТИКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРАХ

К числу задач этнополитики, помимо законодательного и политического регулирования межэтнических отношений, относятся меры, направленные на предупреждение конфликтных ситуаций и формирование благоприятного климата межобщинного взаимодействия, способствующие процессам гражданской консолидации общества. Эти меры должны сочетаться с грамотной информационной политикой, целью которой является формирование культуры межэтнических отношений, основанной на толерантности и сотрудничестве, поддерживающей культурное многообразие в данном государственном сообществе.

Школа в системе этнополитики

Молодежь и школа — один из ключевых субъектов этнополитики. Этническая идентичность человека, его знание о своем народе и стране, о народах и странах мира формируются с юных лет, прежде всего в семье, а затем в школе. Именно в школе закладываются первые представления о Родине, ее истории и героях, воспитываются чувства гражданской ответственности и патриотизма. Вместе с этим подросток на уроках географии, истории, литературы, в процессе общения с учителями и сверстниками получает информацию об этнокультурном составе населения своей страны, региона, города, в котором он проживает. Все это предполагает в качестве компонента школьных программ и стандартов воспитание и обучение культуре толерантности в сфере межэтнического общения, умению предотвращать и разрешать возможные конфликты на основе этнических, расовых или религиозных различий. Там, где это не делается в должной степени и где сама

общественная среда или политика могут противодействовать позитивным установкам среди молодежи, возникают идеология и молодежные группировки экстремистского толка.

В ряде стран, в том числе и в России, существуют своего рода молодежные субкультуры, которые предопределяет ненависть к «чужакам» («черные», «азиаты», «кавказцы» и т.п.). Такие молодежные группы имеют свою символику (часто заимствованную из фашистской или расистской идеологии и практики) и ведут себя вызывающе и агрессивно. Их часто называют «группами ненависти», ибо они исповедуют ненависть и практикуют насилие в отношении тех, кто отличается от них по физическому облику и культуре. В России среди подобных групп наиболее известны скинхеды, нацболы, неонацистские и другие ультрарадикальные группировки. Рекрутирование в эти группы начинается зачастую со школы. В декабре 2010 г. в Москве на Манежной площади было наиболее известное массовое выступление последователей и сторонников радикальных националистических групп. Молодежная ксенофобия распространена фактически по всей стране, особенно в крупных российских городах.

Именно по этой причине в политике по укреплению межнационального согласия в российском обществе важнейшее внимание обращается на молодежь и на школу. В конце 1990-х гг. Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляло комплексную программу «Профилактика экстремизма и формирование толерантности в российском обществе». В российских школах проводились уроки толерантности. В вузах создавались кафедры ЮНЕСКО по тематике «Культура мира». В 2000-х гг. аналогичная программа осуществлялась под эгидой правительства Москвы «Москва — многонациональная» и «Москва — столица многонациональной России», которая во многом была обращена к молодежи. После создания Общественной палаты Российской Федерации в 2006 г. начала работать в ее структуре Комиссия по толерантности и свободе совести, а затем появился клуб «Многонациональная Россия», который объединяет молодых лидеров этнических и молодежных организаций. Интересные и полезные программы и проекты в области толерантного воспитания молодежи были осуществлены в российских регионах.

К сожалению, проблема ксенофобии и молодежного экстремизма в России решается с огромным трудом. Отрицатель-

ное воздействие оказали социальные последствия мирового экономического кризиса, общий поворот в мировой политике и в молодежных настроениях в пользу радикально-националистических идей и практик, неподготовленность институтов гражданского общества (включая научное и преподавательское сообщество) и властей противостоять этому новому вызову.

В последние годы в России можно слышать рассуждения об этнопедагогике и этнопсихологии, книги и доклады на эту тему писались для учителей и обществоведов. Во многих местах создавались этнопедагогические центры, проводились семинары по этнопедагогике. При этом сама этнопедагогика как целостная и продуманная часть образовательного процесса в России не сложилась, точнее, она во многом исходила из ограниченной методологии изначальной приоритетности самой этничности и поощрения этнической исключительности. Применительно к школе чаще всего речь идет о том, чтобы реанимировать элементы традиционного воспитания, характерные для той или иной местности и того или иного народа в прошлом, и встроить их в воспитательный процесс современной школы. В представлениях современных последователей этнопедагогике нередко царит эклектика и оторванность от современной жизни.

Довольно часто так называемое этнокультурное образование ограничивается попытками привить учащимся навыки традиционных ремесел: этнопедагогические эксперименты ограничиваются уроками плетения корзин, изготовления туесов, гончарных изделий и т.д. Порой педагоги пытаются сопровождать эти занятия культурно-просветительской работой на тему «Как хороши были традиции наших предков до того, как их стала вытеснять чуждая нашему народу космополитичная городская (американская, европейская, общероссийская) культура». Такая «этнопедагогика» превращается в своеобразный факультатив по этноцентризму, противоречит интересам общественного развития полиэтничных стран.

Если говорить о теоретическом уровне этнопедагогике, то в ряде республик были приняты *концепции этнокультурного образования*. Однако часто концепции и обусловленная ими практика этнокультурного образования носят этноцентричный характер, ибо основное внимание уделяется изучению традиционной культуры титульных этнических групп или, в лучшем случае, пропаганде культурной отличительности этнических

сообществ. Между тем основой этнокультурного образования должно стать воспитание адекватных представлений о многонациональной природе Российского государства (многонациональном российском народе — российской нации) и исторически сформировавшейся поликультурности республиканских и местных сообществ, воспитание культуры толерантности у учащихся. А *главной целью* системы этнокультурного образования (вместе с другими образовательными и информационными системами) является формирование представлений о национальном единстве россиян как на общенациональном, так и на региональном уровне.

Многие отечественные и зарубежные специалисты видят в подобной дисциплине или в ее аналогах очевидную необходимость и объясняют эту необходимость особенностями социализации личности и, в частности, спецификой освоения культурных ролей ребенком, спецификой формирования идентичностей, культурных стереотипов и предубеждений. Наиболее часто в этой связи ссылаются на труды швейцарского психолога Ж. Пиаже, но их трактовка российскими «этнопсихологами» искажается под углом этничности. Пиаже на примере школьников Женевы исследовал национальную (общешвейцарскую) идентичность, а не партикулярно-этнические, которых среди швейцарцев существует не менее трех-четырех. Пиаже выделял три этапа в формировании национальной идентичности у ребенка. На первом из них в 6–7 лет ребенок приобретает элементарные и несистематизированные сведения о своей национальной принадлежности. На втором этапе в 8–9 лет он уже может однозначно идентифицировать себя с группой, к которой принадлежит. В 10–11 лет национальная идентичность формируется в полном объеме, и к этому времени ребенок способен осознавать уникальность истории собственного народа, понимает, в чем заключается специфика традиционной культуры его соотечественников, у него появляется чувство патриотизма, групповой солидарности, он усваивает разницу между своим народом (в данном случае — швейцарцами) и другими.

Наряду с этой информацией ребенок усваивает и предубеждения, имеющие место в сознании взрослых членов группы, причем усвоение предубеждений начинается рано. При этом уровень предубеждений у детей может быть даже выше, чем у взрослых, от которых эти предубеждения приходят в

детскую среду. Наиболее яркая характеристика предубеждений — это негативизм, неприятие, ненависть, возникающие при восприятии членов других групп. Поскольку на детей после 7 лет влияют многие социальные факторы, постольку их предубеждения далеко не всегда являются следствием семейного воспитания. В этой связи возникает необходимость воздействовать на формирование культуры толерантности у ребенка не только в семье, но и в школе.

Вместе с тем важно не столько прививать учащимся некоторые знания о других культурах и навыки общения с их носителями. Не менее важно выработать у учащихся позитивное отношение к культурам, отличным от собственной, понимание необходимости диалога со всеми этническими группами и добиться того, чтобы учащиеся осознавали поликультурность современного мира. В процессе обучения и воспитания необходимо формировать у учащихся ясную культурную идентичность, доброжелательное отношение к другим группам, к межкультурным различиям.

Конкретные методики мультикультурного воспитания могут включать межгрупповые диалоги, создание групп кооперативного (совместного) обучения, программы межкультурного тренинга и другие приемы. Но все они должны быть включены в более широкие программы общекультурного просвещения. В рамках такого просвещения снимаются специальные видеofilмы, издаются специальные пособия, брошюры, в которых представлена информация о культуре и традициях разных народов и стран. Однако все модели дидактического характера недостаточно эффективны, поскольку предполагают лишь пассивное усвоение этнокультурной информации. Для того, чтобы восприятие чужой культуры и ее носителей стало более осознанным и естественным, необходимо не только образование, но и воспитание учеников в духе толерантности. В школе со сложным этническим и расовым составом учащихся основную роль в воспитании мультикультурализма должен играть учитель, знающий основы этнографии и умеющий строить толерантные отношения с учениками и между учениками.

В такой полиэтничной стране, как Россия, внедрение программ и практик межкультурного взаимодействия является актуальной задачей, особенно в свете распространения экстремистских взглядов среди молодежи, существующих в массовом сознании этнических стереотипов и настроений неприятия культурно отличных групп.

Двуединой целью школы является воспитание российской национальной идентичности (гражданского самосознания) при сохранении этнокультурной идентичности каждого учащегося. Это означает, например, что российские школы должны обеспечивать одинаковые стандарты знания государственного русского языка и в то же самое время обеспечивать возможности для изучения языков других национальностей и обучения на этих языках в начальной школе. В настоящее время из примерно 200 языков и диалектов, на которых говорит население России, в качестве языков обучения и языков изучения в системе общего образования функционирует 89 языков (помимо русского). С точки зрения этнокультурной политики, это высокий стандарт защиты языков, которого нет в других странах с подобным языковым разнообразием. За последние 20 лет увеличилось количество школ (в основном в городской местности), в которых изучается родной язык или на нем ведется преподавание. В настоящее время такими являются около половины всех российских школ, тогда как в 1991 г. их было всего 13%.

Тем не менее проблема изучения языков титульных этнических групп в российских республиках в последние годы привела к возникновению конфликта интересов между представителями этих групп и остальной частью населения республик, включая ту часть титульных этнических сообществ, для которой русский язык стал родным. Дело в том, что в ряде республик (Коми, Татарстан, Мордовия и др.) были приняты решения об обязательном изучении всеми учащимися средних школ языков титульных этнических групп, независимо от доли представителей этой группы в составе населения республики и их языковых ориентаций (в Коми, например, доля коми всего 23%, а около 40% народа коми во время переписи населения 2010 г. назвали русский язык своим родным языком).

Пренебрежение мнением русскоязычной части населения привело к тому, что имели место обращения в органы власти республик с требованием отменить норму обязательного изучения и защитить культурные права русского и русскоязычного населения республик (в частности их право на культурную свободу, свободу выбора культурных ценностей). Это навязывание языка титульных групп другим культурным группам было своеобразным проявлением *лингвистического национализма*, ибо такая практика базировалась не только на стремле-

нии придать дополнительные стимулы для сохранения языков титульных сообществ, но и отражала стремление отдельных этнических активистов и местных политиков сформировать в сознании населения представление о республиканских социумах как об иерархически организованных сообществах. Идеология этнонационализма не рассматривает республиканские социумы как сообщества равноправных граждан, а представляет титульные этнические группы как «коренные» (т.е. главные), которым в единоличную собственность передано «право» владеть республиками. А раз это «главные народы», то их культурные ценности должны иметь исключительный статус и навязываться остальным этническим группам населения, независимо от их желания. Такая практика противоречит демократическим нормам и потребностям формирования интегрированных сообществ, объединенных гражданской солидарностью и взаимным уважением представителей разных культурных и конфессиональных групп.

После того, как летом 2017 г. на совещании в Йошкар-Оле Президент РФ В.В. Путин высказался за исключительно добровольное изучение языков титульных этнических групп в республиках, ситуация стала меняться, но сопротивление изменениям было довольно значительным. Между тем опрос учеников, их родителей и студентов, который был проведен в апреле—мае 2017 г. по единой программе во многих республиках (программа разработана ИЭА РАН), показал, что все названные группы не отвергают идею знакомства учащихся с языками титульных народов, но практику навязывания языков как предмета для всех школьников общеобразовательных учебных заведений поддерживает меньшинство населения, включая и представителей титульных этнических групп. При этом исследование показало, что подавляющее большинство респондентов и экспертов (независимо от их этнической принадлежности) выступает за расширение практики этнокультурного образования, но необходимость расширения объясняют желанием сохранить культурные традиции, потребностью получать больше знаний об истории своей республики и страны в целом, а также стремлением к укреплению гражданского единства россиян¹.

¹См.: Тишков В.А., Степанов В.В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестн. Российской академии наук. 2017. № 10. С. 879–890.

Нередко практика языковой политики в республиках и позиции лидеров этнонациональных движений в этом вопросе определялись не глубоким осмыслением этой проблемы, а подсказками некоторых зарубежных экспертов. В частности, в «Пособие по языковой политике», которое было подготовлено эстонским специалистом Мартом Раннунто и распространялось среди активистов этнонациональных движений, есть положения, которые прямо противоречат логике укрепления гражданского согласия и правам человека. Так он, в частности, заявляет, что Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, нацелена на защиту национально-религиозного или языкового самосознания, что заставляет понимать культурные сообщества как «коллективные тела», у которых есть это самосознание. На самом деле в названном документе речь идет о создании условий для сохранения культурных традиций. Отталкиваясь от своеобразной трактовки содержания международных документов, автор заявляет, что между языковыми правами человека могут возникнуть некие противоречия. В чем же он их видит? Оказывается, свобода выбора культурных ценностей, включая выбор языка, может быть вредной, ибо это осложняет группе сохранение ее языка. Вредным он считает и подчеркивание приоритета индивидуальных прав над коллективными правами¹, т.е. завуалированно он призывает к диктату группы над личностью, что, кстати, является одним из ключевых положений идеологии финно-угорских этнонациональных движений².

В этой связи полезно сослаться на мнение французского исследователя Ронана Ле Коадика, который заметил: «Родиться в определенной культурной среде — вовсе не означает сделать свободный выбор, как раз наоборот. О культурной свободе можно говорить только в том случае, если индивид сознательно принимает решение продолжать жить в соответствии с нормами этой культуры и если он делает этот выбор с учетом альтернативных возможностей»³.

¹ Раннунт М. Пособие по языковой политике. Таллин, 2004. С. 89.

² Шабаетов Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб., 2010.

³ Ронан Ле Коадик. Мультикультурализм // Филиппова Е.И. Французские тетради: Диалоги и переводы. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 141.

Безусловно, практика воспитания и поощрения межкультурной чувствительности не может и не должна ограничиваться школой. Этим должны заниматься и другие организации, прежде всего социальные службы, что требует от работников данных служб определенной компетенции в сфере межкультурного диалога. Но как бы то ни было, начинать мультикультурное образование необходимо в школе. Внедрение такого образования само обусловит последующие изменения в социальных практиках.

Этническая проблематика в СМИ

Роль средств массовой информации (СМИ) в современном полиэтничном обществе очень существенна. Для нашего предмета прежде всего важны проблемы освещения этнической тематики, ее воздействия на общество и ее использования политикой. Известно, что пресса, радио, ТВ, Интернет — это основные коммуникационные каналы, через которые осуществляются поддержка и трансляция культуры, межэтническое общение и межкультурный диалог. Кроме того, это еще и серьезный идеологический инструмент, с помощью которого формируются массовые представления людей. СМИ не просто информирует общество о событиях, в том числе и в сфере этнополитики и межэтнических отношений, но, отбирая и комментируя их, внедряют в массовое сознание толерантные или конфликтные ценности, образы, ориентиры и идеи.

СМИ играют важную роль в современном этнокультурном развитии многих стран мира, в том числе и Российской Федерации. За последние 25 лет в нашей стране фактически сформировалась заново разнообразная система региональных телевизионных каналов и радиостанций, которые имеют этнокультурный характер (их иногда называют «этнические СМИ»). В 2008 г. в России, помимо русскоязычных, было зарегистрировано более 400 телевизионных и более 300 радиопрограмм, вещавших на 50 языках российских национальностей. В 2010 г. 2279 электронных СМИ и 94 информационных агентства осуществляли свою деятельность на 66 языках, в том числе 968 изданий — на татарском, 355 — на башкирском, 299 — на украинском, 212 — на якутском, 185 — на чувашском, 133 — на чеченском, 128 — на белорусском, 120 — на

азербайджанском, 115 — на армянском, 112 — на удмуртском, 102 — на коми, 81 — на бурятском, 87 — на аварском языке, 73 — на иврите и 19 — на идише.

Многие этнокультурные объединения имеют собственные периодические издания — газеты «Татарский мир», «Азербос», «Греческая газета» (ежемесячная газета Московского общества греков), «Ноев ковчег» (газета армянской диаспоры стран СНГ), «Еврейская газета», «Российские корейцы» и др. В 2005 г. в России была создана Гильдия межэтнической журналистики, объединяющая журналистов, которые пишут на этническую тематику. Эта организация устраивает ежегодный Всероссийский конкурс средств массовой информации на лучшее освещение темы межэтнического взаимодействия «СМИротворец» и издает еженедельное приложение «Национальный акцент» к общероссийской газете «Аргументы недели».

Практика показывает, что СМИ могут ориентировать массовое сознание не только на толерантные идеи равенства людей перед законом, но также и на идеи ксенофобии, шовинизма, неонацизма и расизма. От гражданской позиции и ответственности СМИ, их владельцев, спонсоров и конкретных авторов в большой мере зависит, будет ли в стране или регионе сохраняться межэтнический мир или будет нагнетаться напряженность, разжигаться межэтническая рознь. Эту способность СМИ влиять на массовое сознание, на представления людей в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений активно используют в своих интересах политики во многих полиэтничных регионах мира. Понятно, что в таких ситуациях власти и общество должны уметь воздействовать на СМИ и противостоять негативным информационным попыткам спекулировать на этнической проблематике.

Следует признать, что в средствах массовой информации поликультурных регионов и стран этнокультурная и этнополитическая проблематика присутствует постоянно. Более того, именно СМИ нередко тиражируют не только ценности и нормы, которые исповедует общество, но и предрассудки, стереотипы и установки, которые способствуют росту межэтнической напряженности, сохраняют и ужесточают границы между этническими и расовыми общинами. Иногда это тиражирование осуществляется сознательно, поскольку этничность используется в политической борьбе и служит аргументом для

обоснования позиций соперничающих политических сил или лидеров. Но чаще эксплуатация этнических предрассудков и стереотипов носит неспровоцированный и неявный характер, является следствием общей неподготовленности журналистов, их нежелания соблюдать принципы журналистской этики, их стремления сыграть на чувствах читателей.

В последние десятилетия российские и мировые СМИ передают в большом количестве так называемую этнически окрашенную информацию, которая изначально имеет или обретает политический смысл и тем самым становится существенным компонентом современной этнополитики. Это — упоминания в публикациях о странах и народах, об их образе жизни, о национальных или этнических обычаях и ценностях, информация об этнической культуре, экономике, спорте, медицине и других сферах общественной жизни. Основными признаками **этнической информации** в газете или в передачах радио и ТВ являются упоминания этнонимов, например *узбекский, татарский, немецкий, английский, русский*, употребление терминов, связанных с этничностью: *шовинизм, национализм, национал-экстремизм, ксенофобия, национал-фашизм* и т.п.¹ Этнически окрашенные материалы в СМИ могут выполнять гуманную, толерантную миссию. Они *просвещают людей, информируют их, развлекают, могут организовать на добрые дела и выполняют еще много других полезных функций*. Из СМИ люди узнают много нового не только о других народах, но нередко и о своем собственном. Такого рода этническая информация воспитывает у читателей, слушателей, зрителей патриотизм и гражданственность, интерес и уважение к другим народам, к их жизни и достижениям, способствует формированию этнического самосознания, чувства коллективного достоинства, уважительного отношения к своей этнической общности. Актуализированная и мобилизованная политиками и журналистами этничность может сплотить представителей одного народа, например, ради защиты ценностей — *родной земли, родной страны, религии и других национальных святынь*.

В настоящее время изобретено много информационных технологий, с помощью которых современные политики и общественные активисты манипулируют массовым сознани-

¹См.: Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 29–32.

ем, например, не только объединяют полиэтничное население в солидарное согражданство, но и разъединяют его на *своих* и *чужих*. Причем в роли *чужих* могут представить соседей, гастарбайтеров, «лиц кавказской национальности» и т.п. Рядовым гражданам не всегда легко осознать, что массированное формирование общественного этнического сознания, нагнетание этнических страстей с помощью СМИ нередко направлены на распространение среди населения установок нетерпимости: *не пустить, прогнать, выселить, убрать «чужих», «не нас», «этнических других», «не таких, как мы».*

Наиболее глубокий анализ отечественной прессы на предмет ее этнополитических публикаций осуществлен В.К. Мальковой. Она отмечает, что в современной российской прессе широко представлены этнические идеологемы, среди которых есть интегрирующие и консолидирующие идеологемы, идеологемы позитивной полиэтничности, идеологемы открытой толерантности, и вместе с тем присутствуют идеологемы, муссирующие исторические обвинения, идеологемы конфликтности и вражды, идеологемы-насмешки, идеологемы-подстрекательства, идеологемы-обвинения и очернения и т.д. В наиболее явной форме названные идеологемы и провоцирующий характер этнополитических публикаций проявляются при освещении темы этнических миграций. Этнические миграции рисуются во многих публикациях как угроза экономическому благополучию местного населения, как опасность для доминирующей культуры. С ними связывают распространение наркомании, рост терроризма и усиление опасности исламского экстремизма, процветание криминальной экономики. По сути, обобщенный образ мигранта предстает в таких публикациях как образ «врага у ворот».

Освещение этнополитических проблем отечественной журналистикой в прессе зачастую страдает отсутствием ответственного профессионального подхода: «Изменение состава авторов газет, освещающих этнические сюжеты, их непостоянство и сменяемость может свидетельствовать о случайном интересе и о поверхностном знании журналистами предмета обсуждения. Это может также навести на мысль о недостаточной их подготовленности в данной тематике и о некомпетентности людей, затрагивающих вопросы межэтнического взаимодействия... Поэтому одним из важнейших резервов для гуманизации межэтнической атмосферы... могла бы стать си-

стема целенаправленных мероприятий, направленных на повышение квалификации журналистов, работающих с этнической тематикой в различных СМИ», — пишет В.К. Малькова¹.

Руководители некоторых изданий, понимая всю сложность этнополитических комментариев, стараются избегать публикаций на тему этнополитики, ибо не уверены в том, что уровень квалификации журналистов достаточен для объективного и качественного анализа данной темы. Свою позицию данные руководители объясняют тем, что не хотят «ворошить улей». Но замалчивание темы не есть проявление журналистской объективности и ответственного подхода к освещению социальных реалий, что диктуется долгом журналиста и журналистской этикой. В своей работе В.К. Малькова предлагает некую памятку для журналистов, освещающих этничность в СМИ, которая может служить своеобразным «путеводителем» в работе с этнической проблематикой.

Принципы, которыми должны руководствоваться журналисты, изложены в Кодексе профессиональной этики российского журналиста и в Заявлении международной федерации журналистов о принципах поведения журналистов, но они не всегда строго выполняются. Не случайно Парламентская Ассамблея Совета Европы в 1995 г. приняла специальный документ (Рекомендация 1277) о мигрантах, этнических меньшинствах и СМИ), в котором указала на необходимость всесторонне и беспристрастно освещать важные этнополитические проблемы и, в частности, проблему этнических меньшинств и мигрантов.

Что считать толерантным или интолерантным и вредным при освещении в СМИ этнических особенностей нашей жизни? Это один из вопросов, ответ на который ищут многие специалисты. Конечно, более или менее четкими ориентирами в этом вопросе являются известные международные и отечественные документы о стандартах и нормах поведения в демократических обществах. Таких документов много. В нашей стране это соответствующие статьи Конституции РФ, Гражданского и Уголовного кодексов РФ, ряд специальных законов о СМИ, о гражданстве РФ, об экстремизме, о языках народов РФ и т.д. Кроме того, по аналогии с другими страна-

¹ Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики: Из опыта анализа российской прессы. М., 2004. С. 203.

ми у нас разработан ряд профессионально-этических кодексов российских журналистов¹.

Недостаток некоторых правовых документов и журналистских кодексов заключается в их декларативности. Это действительно «рамочные» рекомендации, не содержащие конкретных рабочих понятий и определений, например, таких явлений, как *разжигание межнациональной розни, унижение национальной чести и достоинства, национальная исключительность, шовинизм, национал-экстремизм* и др.² Тем не менее эти документы в последние годы стали использоваться в российской практике. В российской политической практике до сих пор главной проблемой, которая находится в центре внимания региональных и федеральных властей, является не проблема этнополитической корректности содержания публикаций в СМИ, а проблема поддержки газет, журналов, радио и телевидения на языках народов России. Безусловно, такая проблема существует, и она состоит не в количестве изданий и времени вещания, а в качестве публикаций и уровне подготовленности журналистов. Этнические СМИ часто проигрывают в конкуренции с массовыми региональными и федеральными изданиями именно по этим параметрам.

Есть и другая проблема, которая представляется особо актуальной прежде всего для российской прессы. **В демократическом государстве пресса должна исполнять роль своеобразного катализатора процессов гражданской консолидации, укрепления гражданской солидарности, и посредством прессы общественное мнение мобилизует правовые и политические институты на защиту прав меньшинств, на противодействие экстремизму.** Именно так происходит в эффективно функционирующих демократи-

¹Основные рамочные документы по проблемам освещения этничности в СМИ: Кодекс профессиональной этики российского журналиста; Декларация Московской хартии журналистов; Положения о программе «Чистые перья»; Декларация об основных принципах, касающихся вклада СМИ в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и борьбу против расизма, апартеида и подстрекательства к войне и др. (Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы. ФЗГ / Сост. Ю.В. Казаков. М., 2002).

²На эту тему существует мало работ, и тем больший интерес представляет статья А. Макеевой «Правовой анализ нормативной базы по разжиганию национальной, социальной, религиозной нетерпимости или розни», включенная в сборник «Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения» (М., 2002).

ях, хотя и не без проблем. Но, как отмечает Э. Паин, «несмотря на то, что пресса обращает критическое внимание на экстремистские выходки, отсутствует последующая правовая и политическая реакция государства на отмеченные прессой факты, а общественность пассивно относится к различным проявлениям экстремизма»¹.

Социальная реклама и информационные кампании

Функции социальной рекламы состоят в том, чтобы не только информировать население об острых социальных проблемах и привлекать к ним общественное внимание (информационная функция), но, в первую очередь, способствовать изменению моделей поведения людей в тех сферах жизнедеятельности, в которых такие изменения необходимы. Изменение моделей поведения возможно лишь через образовательные и воспитательные кампании, а потому социальная реклама одновременно с моделированием поведения выполняет образовательную и воспитательную функции, равно как и пропагандистскую, поскольку ориентирует людей на ценности и идеалы, в утверждении которых заинтересовано общество в целом.

Осознание ценности социальной рекламы для реализации государственной национальной политики у политической элиты России уже есть. Так, на экспертно-аналитической конференции, посвященной пятой годовщине принятия «Стратегии государственной национальной политики», которая состоялась в РАНХиГС 19 декабря 2017 г., председатель Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ И. Гильмутдинов высказал мнение, что необходимо внести изменения в федеральный закон «О рекламе», с тем чтобы активизировать использование социальной рекламы в названной сфере за счет определенных отчислений от рекламы коммерческой.

Безусловно, социальная реклама не может быть самостоятельным средством воспитания или идеологического воз-

¹ Паин Э. Этнополитический экстремизм в России: социально-культурные истоки и причины неэффективности принимаемых мер противодействия // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга, 2004. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 27.

действия: она лишь создает некий визуальный фон для государственной политики, но это весьма важный инструмент в системе политических средств, посредством которых реализуется социальная, в том числе национальная, политика. Удачный пример социальной рекламы, ориентированной на укоренение в обществе культуры толерантности, приведен в статье профессора Елены Бурлиной, размещенной на сайте Московского Бюро по правам человека. Речь идет о немецком плакате, формирующем повседневную толерантность, созданном еще в конце 1960-х гг. во Франкфурте-на-Майне. Плакат публикуется в современных школьных учебниках, наличествует в музейных витринах и на уличных рекламных тумбах. Глубокий смысл изложен всего в семи строчках, написанных как бы от руки:

«Твой Иисус — еврей
Твой автомобиль — японский
Твой кофе — бразильский
Твои цифры — арабские
Твои буквы — латинские
Твоя демократия — греческая
Твой сосед после всего этого — лишь иностранец!»

Как отмечает профессор Бурлина, концепция плаката состоит в том, чтобы показать, что человек всегда пользуется повседневными трудами других народов. И если даже символ твоей веры был рожден другим народом, то можно ли при этом свысока или косо смотреть на иностранцев и представителей других культур? Таким образом, **технология повседневной толерантности состоит в том, чтобы выявить и использовать в социальной рекламе повседневные вещи, т.е. те, которыми пользуются все и которые очевидно создают необходимый культурный образ или культурный фон.**

Помимо позитивных образов и культурных моделей, в социальной рекламе возможно и допустимо использование и негативной информации. В качестве примера подобной антирекламы можно назвать фильм «Мама, я скинхед», снятый режиссером и автором сценария Виталием Юрьевым, режиссером Ольгой Пономаревой, оператором Александром Терновым. Фильм рассказывает об этнической нетерпимости и экстремизме в молодежной среде. Авторы фильма дают зрителям возможность выслушать точку зрения на проблему не только представителей правоохранительных органов, но и скинхедов,

членов РНЕ; задуматься о судьбах современной молодежи, которая часто не видит духовной поддержки ни со стороны государства, ни со стороны старшего поколения. Фильм лишен нотаций — он просто приглашает зрителей к размышлению, сопереживанию, к поиску решения сложных социальных проблем, проблем межкультурного взаимодействия.

Формы и методы социальной рекламы могут быть разнообразными, но она должна создаваться профессионалами, быть эффективной и вписываться в социальную политику государства.

Контрольные вопросы и задания

1. Каково значение и содержание современной этнопедагогике?
2. Охарактеризуйте формы и методы мультикультурного образования и воспитания.
3. Роль СМИ в формировании культуры толерантности, в поддержании социальной стабильности и межнационального сотрудничества.
4. Каково значение социальной рекламы?

Литература

- Бурлина Е. Технологии повседневной толерантности: философия и практика культуры. URL: [http:// antirasizm.ru](http://antirasizm.ru)
Идентичность и толерантность. М., 2002.
- Кузнецов П.А. Социальная реклама. Теория и практика: Учебное пособие. М., 2012.
- Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В. Межкультурный диалог в школе. Кн. 1. Теория и методология. М., 2004.
- Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики: Из опыта анализа российской прессы. М.: ИЭА РАН, 2004.
- Малькова В.А., Тишков В.А. Образы российских республик в Интернете. М.: ИЭА РАН, 2009.
- Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение: В помощь школьному учителю. М.: ИЭА РАН, 2004.
- Медийная индоктринация: антропологические исследования / Отв. ред. В.К. Малькова, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2018.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Этничность и социальная работа: анализ учебной литературы // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.
- Сыротева А.А. Поликультурное образование: Учебно-метод. пособие. М., 2001.
- Толерантность в межкультурном диалоге / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: ИЭА РАН, 2005.
- Федотова Л.В. Социология массовой коммуникации. СПб.: Питер, 2003.
- Шабаетов Ю.П. Манекены и граффити: символическое пространство интолерантности // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 79. Май—июнь. 2008.
- Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: Изд-во РУДН, 2002.
- Green J.W. Cultural Awareness in the Human Services: a Multi-ethnic Approach. 3 ed. Boston: Allyn & Bacon, 1998.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ

Важную роль в этнополитических процессах играют не только идеология и общественное воздействие тех или иных политических сил, программы и лозунги этнокультурных и националистических организаций и движений, но и ориентация на те или иные этнополитические мифы, которые могут становиться основаниями идеологических конструкций и рычагом групповой мобилизации.

Политическая теория рационального выбора, которая занимает видное место в современной политологии, способствовала усиленному вниманию исследователей к анализу роли символов и мифов в политических процессах. Наиболее рационально подошел к этому вопросу американский политолог М. Эдельман, который рассматривает мифы и символы как часть «политического перформанса», суть которого состоит в удовлетворении потребностей людей получать политические указатели, помогающие им облегчить тревоги и сформулировать символы веры. Мифы также помогают правительствам оправдывать свои решения и манипулировать общественным сознанием. Важно отметить, что, **несмотря на различия в методологии и выводах, все политологи, изучающие перемены в обществе с точки зрения культуры, считают символы и мифы главными в этом процессе.**

Сущность этнополитических мифов

Как известно, миф в классическом понимании — это своеобразная форма кодировки в устной традиции главных ценностей традиционного общества. В словаре Тони Лоусона и Джоан Гэррод «Социология» по поводу мифа сказано следующее: «Миф — священное, почитаемое сказание, обыч-

но связанное с имеющими большое значение для конкретного общества событиями, например с происхождением народа, с повествованием о его богах или героях прошлого»¹. Такого антропологического определения мифов, изучению которых посвятил свои исследования знаменитый британский антрополог Бронислав Малиновский, пытавшийся с их помощью выявить базовые ценности различных обществ, а также не менее знаменитый французский антрополог Клод Леви-Стросс, утверждавший, что все мифы выражают представления о таких фундаментальных «бинарных противоположностях», как мужчина и женщина, друг и враг, природа и общество. Мифы были подвержены анализу как система символов, посредством которых выражается культураобщества. Мифы могут быть обнаружены не только в устных и письменных дискурсах, но и во всех формах *популярной культуры*, как, например, в спорте, кино, моде, рекламе и т.д.

Любой народ имел свою систему мифов, посредством которых происходило объяснение существующего миропорядка и места человека в нем, а также места конкретного этнического сообщества в картине мира. Мифы являются одним из исторически апробированных способов утверждения общественных норм в качестве не нуждающихся в доказательствах фактах природы или истории, своеобразной формой самопознания и самоидентификации. Отсюда очевидно, что миф в общественном и индивидуальном сознании является не только логичной, но и неизбежной составляющей. Понятие политического мифа было сформулировано сто лет назад Ж. Сорелем, который видел его предназначение в отображении «инстинктов», «ожиданий» и «страхов» национального движения или политической партии, в придании завершенности их идеологии.

В последние годы историческое мифотворчество особенно расцвело, ибо спрос на этнополитические мифы резко возрос. Это не является случайностью и связано с тем взрывом этничности, о котором уже упоминалось. Новые мифы и идеология выстраиваются под влиянием современных социальных реалий и одновременно помогают их строить и укоренять. При этом этнополитические мифы могут носить характер как ло-

¹ Лоусон Т., Гэррод Дж. Социология. А—Я: Словарь-справочник. М.: БРЭ, 2000. С. 227.

кальных идеологических установок и стереотипов, так и региональных, общенациональных и даже цивилизационных. К примеру, на Западе весьма распространен миф о нарастающей исламской угрозе, а в исламских странах велико опасение, что Запад стремится к христианизации мусульманского мира и к навязыванию ему своих норм жизни.

Рождение новых государств, активизация националистических движений привели к поиску обоснования их пространственных и культурных границ, потребовали ответа на вопрос «кто мы?» и «откуда мы?», подтолкнули к созданию актуальных национальных символов и к новому «прочтению» собственной истории. Конечно, эти потребности отчасти удовлетворяли исследования и публикации, которые рассматривали различные аспекты истории народов, их культурного развития, их этнического бытия, но строго академические издания и аналитические публикации в прессе не могли выполнить ту роль, которую с успехом решало рождение мифов, оттесняя на задний план прагматические интересы реальных социальных сил. **Миф становился доказательством прямого действия, заменяя собой сложную систему аргументации при выдвижении требований политической автономии, территориальных претензий, политических и культурных приоритетов для этнической общности или группы.** Как отмечает Кристофер Флад в своем исследовании природы политического мифа, миф есть «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах». При этом мифотворчество есть нормальный способ сделать политические (этнополитические) события и явления понятными и приемлемыми для идеологического восприятия. Мифы есть способ поддержания исповедуемых ценностей и форма их эффективной трансляции. К. Флад в этой связи подчеркивает: «Мифотворчество — это постоянная практика, которая пронизывает деятельность политических комментаторов... В идеологической сфере теоретическая аргументация имеет особый престиж, поскольку она является рефлексией разума, и в ней концентрируется содержание мыслительной деятельности. Но мифотворчество идет рука об руку с теорией. Только историческая интерпретация событий и прогнозы на будущее способны продемон-

стрировать то, что наши ценности, убеждения, цели имеют некоторое значение в общественной жизни»¹.

Миф не признает различий, сознательно упрощает действительность и предлагает (в форме некоего культурного кода) простое и однозначное решение. Мобилизующее влияние мифа, особенно героического мифа, обращенного к «золотому веку» народа, когда он имел собственную государственность, политическое величие, показала на примере армян С.В. Лурье в работе «Историческая этнология». Но армянский пример отнюдь не единственный. В.А. Шнирельман пишет по этому поводу: «Этногенетический миф, имеющий важную компенсаторную функцию, нужен людям в критические моменты их истории, когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, когда этнические меньшинства борются против дискриминации и ее последствий, когда народ ведет борьбу за политическую самостоятельность, когда на развалинах империи возникают новые государства, когда имперский в прошлом народ испытывает дискомфорт, теряя прежний статус, когда два соседних народа предъявляют права на одну и ту же территорию, которую оба они издавна занимали, когда пришельцы разного этнического происхождения сплываются в новую этническую группу, наконец, когда единый в прошлом народ оказывается разорванным на части и образует новую диаспору»². Шнирельман обращает внимание на содержание этнополитических мифов современности и показывает, из чего складывается этнический образ прошлого и за что ведется борьба. Ключевыми сюжетами, вокруг которых рождаются новые этнополитические мифы, являются события, связанные с обретением родины, формированием собственной государственности или ее предтечи, великими завоеваниями и героями, страшными катастрофами, прервавшими восхождение народа к вершинам могущества и расцвета.

Идеологические функции и функции этнополитической мобилизации, которыми обладают политические мифы, неразрывно связаны с правовой функцией. Миф есть своеобразная правовая основа, на которой базируются идеологиче-

¹ Флад К. Политический миф: Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 241.

² Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. М. Олкотт, А. Малашенко. М.: Московский центр Карнеги, 2000. С. 16.

ские построения и этнополитическая мобилизация. Правовая функция мифа была характерна для традиционных обществ, в которых не существовало писаного права, но она наследовалась более развитыми сообществами. Как пишет основатель Французской ассоциации юридической антропологии Норбер Рулан, «законодательная власть мифа объясняет тот факт, что во многих обществах за человеком не признается такая же власть. У евреев законом является Тора — договор о союзе с Яхве, поэтому правитель не имеет законодательной власти. В традиционном мусульманском праве источником права является Коран, и правитель также не имеет законодательного права: он является исполнителем, но не законодателем. Во многих африканских обществах человек может лишь прибегать к праву, поскольку только мифы могут творить право»¹.

Связь между правом и мифотворчеством имеет место и в современном законодательстве, начиная от доктрин государственного нациестроительства и заканчивая защитой интересов миноритарных этнических сообществ и особенно так называемых «коренных народов». С.В. Соколовский заметил по этому поводу: «В отличие от выверенной рациональности юридических норм международного права в сфере защиты прав меньшинств нормы, регулирующие права так называемых “коренных народов”, пронизаны иррациональными посылами и романтической мифологией». В Конвенции МОТ № 169, к примеру, говорится о некоей мифической «связи» коренных народов с землей и территорией. В самой же политической практике коренное население трактуется как особая целостность, которая именно в таком качестве и должна являться объектом этнонациональной политики. Территории, заселенные «коренными народами», трактуются как некие «священные анклав», вторжение на которые представителей других этнических общностей нежелательно. Политизация и мифологизация представлений о «коренных народах» выгодна этническим элитам, которые ведут борьбу за участие в прибылях, получаемых от эксплуатации ресурсов тех территорий, где расселены данные народы.

Характерно, что, преследуя цель этнополитической мобилизации и сплочения группы, а также обосновывая право

на территорию, националистические идеологи и мифотворцы порой не скрывают, что посредством исторического мифа пытаются решать практические цели нациестроительства. Так, Северная Осетия занимает особое положение на Северном Кавказе, поскольку осетины как этническая группа разделены государственной границей, конфессиональной принадлежностью (часть из них христиане, а часть — мусульмане) и имеют внутригрупповые различия (дигорцы, иронцы, кударцы). Часть населения республики составляют русские, а часть — ингушское меньшинство, проживающее в спорном Пригородном районе. В этой республике есть особая потребность в консолидационных идеях и в исторической обоснованности прав осетин на территории современного проживания. Эта потребность еще более актуализировалась после открытого осетино-ингушского конфликта 1992 г. и фактического изгнания ингушей с территории Северной Осетии. Осетины, которые исторически были ориентированы на интеграцию с Россией и чья элита не культивировала идею государственной нации, акцентировали в этнонациональной идеологии не статусные идеи, а консолидирующие, и именно в таком ключе идеологи строили и транслировали миф о прошлом народа. Поэтому они сознательно использовали историческую память о великих кочевниках-аланах, об аланском царстве для утверждения прямой генетической связи осетин с аланами и современной Осетии с аланским царством. При этом сами местные исследователи считали, что не важно, насколько реально осетины являются единственными прямыми потомками алан и какова степень их языкового и антропологического соответствия с древним «северо-кавказским субстратом». Важно было то, что аланская версия происхождения осетин говорила об их арийском происхождении, что как бы незримо связывало мусульман и христиан глубокими историческими узами, которые были древнее самих христианства и ислама. Кроме того, такие генетические корни задавали определенный вектор в геополитических ориентациях осетин и способствовали интеграции разных этнографических групп в сообщество, спаянное исторической памятью и общей идеей. Аланская идея была закреплена не просто в школьных учебниках и официальной пропаганде, она приобрела значение этнополитического маркера, ибо с 1994 г. республика Северная Осетия стала называться

¹ Рулан Н. Юридическая антропология: Учебник для вузов. М.: НОРМА, 1999. С. 57.

Северная Осетия — Алания, а футбольный клуб и команда называются просто «Аланией».

Миф может быть как интеграционным, так и дезинтеграционным. В последнем случае его используют как идеологическую основу для исключения той или иной этнической группы из политического пространства страны. Нет нужды говорить о широко известном мифе о «заговоре сионских мудрецов» и прочих антисемитских мифологемах. Эти мифы уже принесли свои «плоды» в виде Холокоста и продолжают оказывать влияние на современных политиков в разных странах мира. Но данный пример не является единственным. Уже упомянутые события 1993—1994 гг. в Руанде тоже имели идеологическую основу в виде мифа. Социальным и культурным антропологам хорошо известно, что народы тутси и хуту относятся к бантуязычным народам Африки, общая численность которых превышает 40 млн человек. Но для обоснования политической гегемонии тутси в Руанде выдвинули гипотезу об их хамитском происхождении, о том, что их язык сходен с афро-азиатскими языками. Директор немецкого Института социальной антропологии имени Макса Планка в Галле Гюнтер Шлее по этому поводу заметил: «Собственные мифологические представления о миграции с севера наложились здесь на раннеколониальные спекуляции, что *тутси* как правящий народ должны были прийти с севера (оттуда обычно якобы и приходили правители), что и превратилось в итоге в хамитский миф. *Хуту* усмотрели в нем не только притязания *тутси* на доминирование, с которым нужно было бороться, но и то, что они являются пришельцами, а вовсе не африканцами. Геноцидные следствия, которые имело это представление, здесь можно не комментировать...»¹.

Не менее важную дезинтеграционную роль играл и миф о «Великой Оромии» как определенной политической или территориальной общности, который способствовал отделению Эритреи от Эфиопии. На самом деле Оромия никогда не существовала, и в основе эритрейского сепаратизма лежали противоречия между доминирующими в стране христианами-амхара и мусульманскими народами и племенами Эритреи, в том числе и *оромо*, которые пришли на данную территорию в XVI столетии.

¹ Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. М.: Изд-во «Терра», 2004. С.50.

Практика этнополитического мифотворчества

Само этнополитическое мифотворчество зависит от политических пристрастий и ориентиров лидеров. Так, татарская общественно-политическая мысль к началу 1990-х гг. четко разделилась на «татаристов» и «булгаристов». Первые придают основное значение в этногенезе татар золотоордынскому периоду истории, и их цель состоит в культурной и языковой консолидации всех татар России под единым идеологическим знаменем. Кроме того, связь современных татар с кочевыми империями, которые долгое время доминировали на просторах Евразии и более древние, чем Киевская или Московская Русь, позволяет сторонникам этой теории доказывать превосходство тюрок над русскими и славянами вообще. Эта теория как бы ориентирует своих приверженцев в тюркский и исламский мир, формирует символическую культурную границу между татарами и русскими. Вторые считают, что предков татар надо искать исключительно в Волжской Булгарии — государстве, сформировавшемся в IX—X вв. в Среднем Поволжье и разгромленном монголами в XIII в. Ориентация на Волжскую Булгарию в значительной мере основывается на стремлении исторически обосновать претензии на суверенитет современного Татарстана, отстоять его территориальную целостность и особый государственный статус и даже обосновать право на создание Идель-Уральской республики, объединяющей территории казанских татар, башкир, чувашей, марийцев и мордвы в рамках одной государственной единицы.

Особо рафинированные формы мифотворчества характерны для части идеологов финно-угорских народов России. Здесь заслуживают внимания две мифологические конструкции. Одна — это превращение в факт истории сказания о Биармии, а вторая — это попытка представить расширяющиеся культурные контакты между регионами проживания финно-угорских народов как процесс «воссоздания» некоего «финно-угорского мира».

В некоторых средневековых скандинавских сагах повествуется об обширной стране Биармия или Бьярмаланд, которая лежит к востоку от самой северной скандинавской провинции Финнмарк. Сведения об этой стране скудные и, как правило, описывают северный морской путь норвежцев и их битвы с бьярмами. В Биармии в горах никогда не тают сне-

га, но страна эта богата: в ней есть полные сокровищ храмы и города. На основании этих саг уже более ста лет делаются попытки представить Биармию как первое государственное образование финно-угров. Причем его считают и прародиной всех финно-угорских народов. Сторонники идеи Биармии заявляют, что это государство существовало уже в первые века нашей эры и биармийцы якобы «держали в своих руках торговлю между Востоком, Западом и Югом». А раз Биармия сформировалась как государство задолго до Киевской Руси, то и культурные традиции финно-угров более «чистые и древние».

Эта идея необходима для подтверждения прав финно-угорских народов на государственность и на приоритетные права в рамках собственных этнотерриториальных образований. Одновременно она призвана цементировать концепцию финно-угорской общности и дать историческое обоснование идее строительства «финно-угорского мира», по поводу которого говорится о необходимости его «воссоздания». Мифы о былом едином финно-угорском государственном образовании или о современном «финно-угорском мире» имеют в своей основе стремление к расширению группы солидарности и усилению политического ресурса этнонациональных движений финно-угорских народов. Это же мифотворчество предоставляет дополнительный ресурс региональным политическим элитам, которые могут использовать его как канал развития межрегиональных и международных связей, как своеобразную форму воздействия на федеральный центр и как средство политической рекламы. А «мнение финно-угорского мира» становится мифологизированным аргументом политического лоббирования интересов регионов или их элит, а по большому счету — давления на Россию по части соблюдения прав меньшинств и ограничения ее действий по защите русскоязычного населения в Эстонии. Не случайно, именно эстонцы оказались одними из главных конструкторов мифа о финно-угорском мире¹.

Вообще попытки мифологизации отношений между федеральным центром и этнотерриториальными автономиями

¹ *Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 196 / Институт этнологии и антропологии РАН. М.: ИЭА РАН, 2007. *Шабаетов Ю.П., Чарина А.М.* Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России. СПб., 2010.

России могут выливаться как в сугубо прагматические действия, так и в символические акции. Одной из таких акций стала попытка хантыйского поэта и оленевода Юрия Вэллы обратить внимание на положение малых народов Севера и на необходимость их государственной поддержки через символические действия, характерные для традиционной культуры хантов и их жизненной «философии». Для этого в 1996 г. на священном месте Нумпо он провел жертвоприношение и посвятил только что купленного оленя президенту России. Олень стал частью его стада. Когда президент болел, он сделал жертвоприношение и посвятил богам первого олененка от президентской оленихи. Затем он напомнил о президентском олене и избранному на этот пост В.В. Путину. Этот же олень был неким аргументом и в его спорах по поводу угодий с нефтяниками, которые продолжаются и после смерти поэта.

В.А. Шнирельман отмечает, что «этничность служит в наше время важным ресурсом в борьбе за социальные и политические права или за доступ к каким-либо особым привилегиям (особенно в условиях аффирмативной политики). Но, чтобы чувствовать себя вправе вести такую борьбу, этническая группа должна доказать свою аутентичность, т.е. продемонстрировать свои реальные особенности — культурные и языковые»¹. Помимо языка и культуры, свою роль играют и этнополитические мифы, которые призваны подчеркнуть обоснованность притязаний этнической группы и ее специфичность, доказать ее укорененность на данной территории и связь с предками (реальными или мнимыми). Мифы придают завершенность национальной идеологии, ибо она творит, по мнению Б. Андерсона, воображаемые, т.е. мифологизированные сообщества. Однако опасность этнополитических мифов состоит в том, что они несут угрозу раскола полиэтнических сообществ, если эти сообщества не выработали какого-то объединительного мифа. Более того, отсутствие объединительного мифа, который примирял бы разные культурные сообщества и цементировал государственные устои, приводит к тому, что каждое сообщество начинает творить свои мифы и ориентироваться на них и при этом мифы разных этнических сообществ могут вступать в жесткую конкуренцию друг с другом.

¹ *Шнирельман В.А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии современной России // *Этнографическое обозрение*, 2003. № 4. С. 5.

Ярким примером такой конкуренции являются исторические мифы о прошлом Косово, которые исповедуются сербами и косовскими албанцами (*косоварами*) (см. Кэйс 14).

Кэйс 14. Косовский миф

Для сербов Косово — это территория, которую с XII в. контролировала княжеская династия Неманьичей. Младший сын основателя династии, принявший монашество на горе Афон под именем Саввы, основал сербскую автокефальную церковь, признанную в 1219 году. Косово был центром империи царя Душана, созданной в 1346 году. Многие крупнейшие сербские православные монастыри находятся в Косово, а в городе Печ расположен центр сербской церкви. Печская патриархия символизирует автокефалию сербского православия. Патриарх, резиденция которого давно перенесена в Белград, продолжает носить титул Печского патриарха. Именно в Косово он символически принимает сан.

Особую роль в мифотворчестве играет память об исторических событиях, ибо здесь, в Косово, в 1389 г. произошло сражение, которое, как полагают историки, открыло путь к завоеванию Балкан Оттоманской империей. Сербская историография рисует это сражение как важную веху национальной истории сербов, а в сербской фольклорной традиции песни и сказания о битве на Косовом поле занимают важное место и сыграли свою роль в том, чтобы идеологи сербского национализма рассматривали Косово как исключительно сербскую территорию. Между тем здесь на протяжении столетий проживали (и довольно мирно) как сербские, так и албанские крестьяне, и именно здесь, в Косово, во второй половине XIX в. стало зарождаться албанское национальное движение.

Идеологи албанского радикального национализма выдвигают свою версию истории края. Поскольку топонимика Косово в основном славянская и даже современные «албанские» названия местностей (которые активно внедряют националисты) часто являются лишь албанизированными формами славянских названий, египетские объяснения насильственной славянской колонизацией, начавшейся еще во времена Средневековья. Было заявлено, что сербы пришли в регион позднее албанцев, и при этом идеологи албанского национализма указывают на целенаправленную политику переселения в край сербов, которая осуществлялась в 1930-е и 1990-е гг. Но эти волны переселенцев не были многочисленными, и именно поздние переселенцы в первую очередь покинули Косово во время эскалации этнополитического конфликта.

Албанцы утверждают, что являются «коренным народом», ибо якобы происходят от иллирийцев, населявших эти места в эпоху Античности. Эту связь пытаются обосновать албанские историки с целью показать степень «автохтонности» албанского населения. Поскольку славяне появились на Балканах в VI–VII вв., постольку из «иллирийского происхождения» албанцев делается вывод, что сербы не имеют никаких прав на Косово.

Обе стороны пытались оспорить и ослабить позиции и аргументы друг друга в противостоянии за приоритет над территорией и за политическое доминирование в крае. Сербь, к примеру, подчеркивают, что демографическое доминирование албанцев возникло только в XX столетии и стало следствием лишь массовой иммиграции с гор Северной Албании. Многие сербские националисты обвиняли маршала Тито в том, что он способствовал этому переселению после 1945 г. с целью ослабить Сербию и сербский народ. Албанцы, в свою очередь, пытались поставить под сомнение, что православные сербские монастыри в Косово издревле служили цитаделями православия в этих местах. По мнению албанских историков, эти монастыри были построены на руинах католических церквей и монастырей, которые были более древними и которые якобы были албанскими. Последние в XVI–XVIII вв. были обращены в ислам, а до этого были католиками.

Каждая из сторон отстаивала свои исключительные права на Косово и ее историю, хотя эта земля есть общее достояние двух народов. Но эта идея не стала фактом массового сознания, не поддерживалась сербской и албанской элитами и не нашла выражения в общих мифах и символах. Именно данное обстоятельство и позволило албанскому этносепаратистскому движению достичь успеха, добиться независимости Косово и признания большим количеством государств.

Важно иметь в виду, что объединительные мифы должны быть восприняты массовым сознанием и поняты им, ибо в противном случае они начинают отторгаться и подвергаться сомнениям. Так, политический миф Европейского союза «Европа — наш общий дом» при решении важнейших вопросов будущего Евросоюза, в частности принятия европейской Конституции, оказался не способен конкурировать с другим этнополитическим мифом — мифом о «польском водопроводчике», который вытеснит на рынке труда французов и других «старых европейцев», который живет за счет граждан стран «старой Европы». Этот миф постоянно эволюционирует, и в кризисный период он трансформировался в образ «нахлебника-грека», противостоящего трудолюбивым бюргерам. Если первый из названных мифов воспринимался как абстрактный идеал, не связанный с повседневной жизнью европейцев, то второй оценивается как реальная угроза жизненным планам, благополучию и привычному образу жизни. Поэтому второй миф стал более актуален. Актуальность этнополитического мифа и определяет его действенность.

Плоды этнополитического мифотворчества в странах Балтии

Проблема политического мифотворчества и его последствий, пожалуй, наиболее очевидна на примере страны Балтии. Тот факт, что процесс постсоветского нациестроительства в странах Балтии приобрел откровенно мифологизированный характер, в чем-то оправдан, ибо для формирования нации необходим объединительный миф. Поскольку гражданские нации в странах Балтии к моменту утраты независимости так и не были сформированы, а в сознании населения благодаря советской политике сохранения культурных границ между основными этническими группами утвердилась этноцентричная и иерархичная модель республиканских сообществ, постольку процесс нациестроительства в постсоветскую эпоху не мог опираться на республиканские идеалы свободы, равенства и братства. Советская этнополитика стала фундаментом, на котором строились концепты литовской, латышской и эстонской этнонаций. Используя советские идеи «коренизации» и этнической иерархии, основой наций во всех трех странах были объявлены титульные этнические группы, а способом интеграции наций — усвоение и безоговорочное признание меньшинствами культурных ценностей доминирующих групп. Поэтому вполне логично, что балтийская политическая мифология была ориентирована не столько на интеграцию общества, сколько на обоснование идеи политической/культурной иерархии и этнической сепарации.

Первый и самый важный политически миф, взятый на вооружение политиками трех стран, — это *миф о реституции*. Он не является объединительным, а его смысл заключается в обосновании этнической сепарации и строительства на территории стран Балтии не гражданских наций, а разделенных обществ. Идея реституции сводится к тому, что на рубеже 1980–1990-х гг. Литва, Латвия и Эстония восстановили не просто государственную независимость, но «восстановили государства», существовавшие на их территории до 1940 г. При этом совершенно очевидно, что все три балтийских государства отличаются от довоенных территориально, социальной структурой населения, структурой экономики, нормами культурной жизни, этническим составом жителей, а большая часть граждан родилась уже после утраты независимости. И, каза-

лось бы, как можно в этих условиях сделать миф о реституции действенным инструментом политики, социального структурирования общества, культурного строительства? Однако балтийский опыт показывает, что это возможно.

Миф о реституции был принят большинством литовцев, латышей и эстонцев, чему в немалой степени способствовало отсутствие глубоких гражданских традиций в политической культуре населения прибалтийских республик. Консолидации этнического большинства балтийских стран и принятию ими мифа о реституции помог другой политический миф — *миф коллективной жертвы*, в качестве которой предстают исключительно литовцы, латыши и эстонцы. Тот факт, что в процессе советизации Прибалтики были уничтожены культурные институты меньшинств и сама их культура, что жертвами репрессий были русские, евреи и представители других этнических групп, не принимается во внимание, равно как и то, что от большевизма пострадали многие миллионы граждан СССР. Более того, «особая балтийская концепция жертвы» позволяет вынести за скобки этнополитического дискурса факты прямого участия борцов с советским режимом в преступлениях против человечества.

Творцы концепции коллективной жертвы исходили из того, что жертва имеет «право» на политический реванш, на компенсацию за те унижения, которые она вынуждена была терпеть. Очевидно, что этноцентричная модель общества, которую разрабатывали балтийские политики и идеологи, ориентирована не на гражданское сознание, а на трайбализм. Для изгнания зла из «обновленных» балтийских сообществ, как во многих традиционных обществах, местным этническим элитам были необходимы очистительные жертвы. Поскольку «наказать» советский режим было невозможно, постольку в качестве заместительной жертвы стало рассматриваться русское население стран Балтии. Это население идеологи этнонационализма назначили ответчиком за страдания эстонцев, литовцев и латышей. Через акт жертвоприношения, суть которого заключалась в ущемлении политических прав русских и символическом исключении их из состава наций, восстанавливалась справедливость в отношении литовского, латышского и эстонского населения Прибалтики. Для политического оправдания балтийского трайбализма был создан третий важный этнополитический миф: миф о коллективной вине за «совет-

скую оккупацию», которая лежит на русском населении Прибалтики. Названную культурную группу стали рассматривать и маркировать как «пятую колонну», как носителя имперского сознания, как проводника интересов России, которая не утратила своих имперских амбиций и является угрозой для независимых стран Балтии.

Наоборот, российские исследователи нередко называют русских в Прибалтике «еврорусскими», «балтийскими русскими», подчеркивая тем самым их культурное отличие от русского населения РФ. Действительно, большинство русских в Эстонии, Латвии и Литве воспринимали себя как органическую часть местных сообществ. Не случайно многие из них поддержали идею государственной независимости, и в числе активистов Народных фронтов, возникших в эпоху горбачевской перестройки, были и русские. К примеру, нарвское отделение Народного фронта Эстонии, где были преимущественно русские, являлось активной частью этого политического движения.

Избранная литовскими, латышскими и эстонскими элитами форма этнополитического маркирования русскоязычного меньшинства стала способом разделения жителей прибалтийских стран на различные категории граждан, обладающих не одинаковыми правами и/или имеющих разные возможности для социальной мобильности. Важно заметить, что с балтийскими методами политической и культурной сепарации граждан были согласны многие западные политические деятели и эксперты, заявлявшие о своей приверженности нормам демократии.

При этом политическая мифология была важна прежде всего как аргумент для обоснования «права на дискриминацию» по этническому признаку. Правда, дискриминация носила скрытый характер, поскольку прямые ограничения прав на основании этнической принадлежности жителей стран Балтии было бы сложно оправдать и объяснить европейскому и мировому сообществу. Способом скрытой дискриминации была избрана политика гражданства, в результате которой на начальном этапе постсоветского нациестроительства 40% жителей Эстонии и 30% жителей Латвии были лишены гражданства и объявлены негражданами, т.е. в Эстонии и Латвии произошло то, что А. Коэн назвал в свое время процессом ретрайбализации. Ретрайбализация по А. Коэну есть про-

цесс, при котором этническая группа, вовлеченная в борьбу за власть и привилегии с членами другой группы в рамках формальной политической системы, для достижения своих целей манипулирует обычаями, мифами, символами и с их помощью создает политическую организацию, которую использует в качестве оружия в этой борьбе¹. В данном случае такой политической организацией является этнократическое государство.

Этнократическое государство создает механизмы, с помощью которых культурные границы внутри него поддерживаются и воспроизводятся. Чтобы политические мифы эффективно работали в рамках модели разделенного общества, элитам стран Балтии необходима была специальная политика исторической памяти, т.е. такая политика, с помощью которой исторический опыт обретает тот смысл, который диктуется требованиями текущей политики, ориентированной на интересы этнического большинства. В результате избранной в Балтии политики исторической памяти происходит не только «присвоение истории» этническим большинством, но осуществляется «овладение пространством», «присвоение времени», что в итоге оставляет этнические меньшинства без собственных исторических образов, без своих пространственных ориентиров и топонимов, без культурных институтов, помогающих сохранять идентичность и культурное наследие. В этой связи уместно замечание Хью Майалла: «...формы того, как группы хранят и воспроизводят память о своем прошлом, имеют решающее значение для мобилизации конфликта, а значит, и для примирения и работы с культурными традициями»². Но в странах Балтии не происходит даже символического примирения. К примеру, чтобы показать, что неэстонское население культурно не связано с территорией Эстонии, в новой интеграционной программе страны, разработанной Министерством культуры, прежние формулы «жители Эстонии других национальностей или с иным родным языком» и «представители национальных меньшинств, люди, родным языком которых является не эстонский», заменена на политически и

¹ *Cohen A.* Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Town. L.: Routledge, 1969.

² *Майалл Х.* Трансформация конфликтов: комплексная задача // Этнополитический конфликт: пути трансформации: Настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука, 2007. С. 85.

культурно некорректное понятие «жители иммиграционного происхождения».

Попытки вытеснить из социального пространства балтийских стран историческую память меньшинств, отгеснить их ценности и интересы на периферию местного культурного ландшафта и этнополитики создают почву для конфликтов в балтийских странах, примером чего является протестная мобилизация русскоязычного населения Латвии. Одним из поводов такой мобилизации стала латышизация личных данных нелатышского населения. На основании законов «Об акте регистрации» и «О государственных языках» русские и другие нелатышские имена и фамилии стали записываться чиновниками ЗАГСов и иных официальных учреждений на латышский лад, что противоречило культурным и языковым традициям меньшинств. Так, фамилия Шишкин превратилась в Сискинс (Siskins), Райхман в Райхманс (Raihmans), имя Мирон трансформировалось в Миронос и т.д. Нежелание считаться с культурными традициями нелатышей, вступавшее в прямое противоречие с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах, привело к созданию движения «Верните наши имена», а иные ущемления культурных интересов меньшинств в Латвии только усиливали их протестную мобилизацию.

Заметим, что протестная мобилизация произошла не тогда, когда это было наиболее политически выгодно и удобно для меньшинств (прежде всего, русского), а тогда, когда возник конфликт культурных интересов между этническим меньшинством и этнократическим государством. А это означает, что есть очевидные пределы для дискриминации меньшинств и лояльность русского/русскоязычного населения государству как таковому (именно этим можно объяснить отсутствие массовых протестов при принятии законов о гражданстве) не есть лояльность в отношении методов этнополитики, практикуемых в балтийских странах, особенно в Эстонии и Латвии, поскольку Литва очевидно имеет свою специфику культурной политики и политики гражданства.

Наряду с политикой исторической памяти, значимую роль в балтийской этнополитике играет и языковое строительство. Язык здесь еще на закате советской эпохи стал рассматриваться не столько как носитель культуры, сколько как часть идеологии. В идейных конструкциях прибалтийских народ-

ных фронтов языку уделялось достаточно много внимания, и требование придать языку этнического большинства статус государственного было их общим требованием. С обретением государственной независимости языковая политика резко ужесточилась. Стало очевидным стремление сформировать на территории Литвы, Латвии и Эстонии этнократические государства и этнонации, ограничить права меньшинств и создать зримые и незримые препятствия для социальной мобильности нетитульных групп (по образному выражению эстонского ученого Е. Хелемяэ, создать «стеклянный потолок»). Названный подход требовал того, чтобы любой публичный акт использования языка трактовался с позиций лингвистического национализма, покоящегося на лозунге «язык — это власть». Язык большинства был объявлен единственным государственным языком во всех трех странах. Получение гражданства для неграждан в Эстонии и Латвии тесно увязывалось с языковыми компетенциями, а система школьного образования радикально стала трансформироваться из двуязычной в моноязычную, хотя при этом власти балтийских стран вынуждены были ограничивать свой радикализм под давлением европейских экспертов. Тем не менее Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств не только не была ратифицирована, но даже не подписывалась Эстонией и Латвией. Собственно и программы интеграции, которые реализовывались в Латвии и Эстонии, имели своей целью не формирование общей идентичности, гражданской солидарности, утверждение общих культурных идеалов, а лишь языковую унификацию латышского и эстонского обществ. Это означает, что целью властей стран Балтии стала языковая ассимиляция этнических меньшинств (в Литве эта политика имеет свою специфику, но столь же очевидна, особенно применительно к польскому меньшинству).

Жесткая языковая политика является важным, но не доминирующим направлением балтийской этнополитики. Как замечено выше, ключевым элементом концепций балтийских этнонаций является гражданство. Полноценными гражданами и культурной основой этнонаций являются этнические литовцы, латыши и эстонцы и их культурные ценности. Нулевой вариант гражданства, который изначально лидеры национальных фронтов обещали всем жителям балтийских стран, после признания их независимости был реализован лишь в

Литве. В Эстонии и Латвии власти отказались от примирительных и объединительных формул, которые способствовали бы формированию плюралистического и мультикультурного общества. Так же жестко и решительно, как в свое время и большевики, этнократичные элиты стран Балтии внедряли в политическую, культурную и общественную жизнь местных сообществ идею политического и культурного доминирования титульных этнических групп. Представляется, что в Балтии можно наблюдать прямое противопоставление этничности и гражданства, демократии для всех — демократии для избранных, свободной политической и социальной конкуренции — политическому доминированию и дискриминации отдельных культурных групп.

Крайними формами этого типа политики являются геноцид и политика апартеида, проводившаяся во времена господства белого меньшинства в Южно-Африканской Республике. Аналогии с апартеидом напрашиваются сами собой, когда более предметно знакомишься с принципами этнополитики, которые взяты на вооружение политическими и культурными элитами Балтии. В свое время много шума наделала брошюра финской журналистки Леэны Хиетанен под названием «Эстонская холодная война», изданная в 2008 году. В ней автор обвинила Эстонию в поддержке режима апартеида, способствующего лишению гражданских прав русскоязычного меньшинства. В своей работе Хиетанен утверждала, что во время апрельских беспорядков 2007 г., спровоцированных сносом (переносом памятника на городское кладбище) «Бронзового солдата» в Таллине, правительство Эстонской республики действовало расчетливо, так как отношение властей к здешнему немалому русскому меньшинству якобы аналогично отношению Израиля к палестинцам или прежних властей ЮАР — к чернокожим.

Поскольку формы этнополитики, как правило, не существуют в чистом виде, постольку применительно к Балтии уместно говорить о своеобразном сочетании ассимиляторской политики и политики исключения (в Литве это преимущественно ассимиляторская политика). Наконец, важное значение имеет вопрос о том, как стоит оценивать балтийскую этнополитику в контексте европейской интеграции. С вступлением стран Балтии в ЕС разные этнические группы ее населения связывали разные надежды: этническое большинство

надеялось подтвердить свой статус европейцев и стать полноправными членами большого и авторитетного сообщества, этнические меньшинства полагали, что демократические традиции Евросоюза заставят власти стран Балтии изменить свое отношение к этим группам населения. Но хотя ЕС и привержен идеям единства и сотрудничества, однако это сотрудничество ориентировано в основном на государственные институты стран-членов, но не на входящие в их состав культурные сообщества, что в итоге и привело к невосприимчивости европейской бюрократией проблем меньшинств в балтийских странах после их вступления в Евросоюз.

Некоторые специалисты выражают осторожную надежду на то, что следование европейским традициям демократии будет способствовать тому, что этнические меньшинства получат больше возможностей для участия в политической жизни, для социальной мобильности, для сохранения своей культурной идентичности. Но, на наш взгляд, европейские политики и эксперты не замечают того, что балтийская этнополитика в постсоветскую эпоху развивалась не в русле европейских традиций, а совершенно по особому пути. Самые близкие аналоги тем формам этнополитики, которые практикуются в Латвии, Эстонии и в какой-то мере в Литве, мы находим за пределами Европы (если не принимать во внимание вышеназванный закон о гражданах Рейха). Сходные с балтийским опытом формы регулирования отношений между государством и этническим меньшинством имели место в Шри-Ланке до того, как противоречия между тамилами и сингалами привели там к началу кровопролитной и длительной гражданской войны. Много общего с прибалтийскими практиками можно наблюдать и в Малайзии, где бумипутра обладают значительными привилегиями, призванными обеспечить их политическое доминирование и конкурентоспособность в сфере бизнеса, государственного управления, культуры, а китайское и индийское этнические меньшинства сознательно ущемляются в правах. Есть сходство в этнополитике стран Балтии и с той ситуацией, которая имеет место в Мьянме, где часть населения объявлена «нежелательными мигрантами» и лишена прав гражданства по этническому и конфессиональному признаку (мусульмане-рохинджа) и где до недавних пор фактически шла вооруженная борьба между правительством и рядом этнических меньшинств.

Контрольные вопросы и задания

1. Каково социальное значение мифа?
2. Этнополитический миф и его роль в политике?
3. Назовите примеры современных этнополитических мифов и этнополитического мифотворчества.
4. Роль мифа в национальной идеологии?
5. В чем суть этнополитического мифотворчества в странах Балтии?

Литература

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001.
- Арсентьев Н.М., Доленко Д.В., Юрченко В.А.* Центр и периферия: история России или множества России? // Финно-угорский мир: история и современность. Саранск, 2000.
- Дробизьева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
- Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1990. № 2.
- Кириллова Н.Б.* Медиакультура, миф и политика // Философские науки. 2006. № 5.
- Мифы и мифология в современной России / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2000.
- Мухаметшина Н.С.* Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. Самара, 2003.
- Нации и национализм: Сб. статей. М.: Праксис, 2002.
- Нечаев В.Д.* Региональный миф в политической культуре современной России. М., 1999.
- Реальность этнических мифов / Под ред. М.Б. Олкотт, А. Малашенко. Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2000.
- Рулан Н.* Юридическая антропология: Учебник для вузов. М.: НОРМА, 1999.
- Скальник П.* Советская «теория» этноса и ее южноафриканская параллель // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.
- Соколовский С.В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.
- Тишков В.А.* Российский народ: История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Финно-угорская проблема: Ответ Евросоюзу: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 196 / ИЭА РАН. М., 2007.
- Тощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
- Уяма Т.* От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: курсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона / Под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2002.
- Филиппов В.Р.* Грезы о «Большой Чувашии» // Этнографическое обозрение. 1995. № 6.
- Флад К.* Политический миф: Теоретическое исследование. М., 2004.

- Шабаетов Ю.П.* Гендер как элемент конструирования этнической идеологии // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 70. Ноябрь–декабрь. 2006.
- Шабаетов Ю.П., Чарина А.М.* Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России. СПб., 2010.
- Шлее Г.* Управление конфликтами: теория и практика. М., 2004.
- Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.
- Шнирельман В.А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4.
- Шнирельман В.А.* Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры-Гешарим, 2012.
- Этническая политика в странах Балтии / Под ред. В.В.Полещука, В.В.Степанова. М.: Наука, 2013.
- Abizadeh A.* Historical Truth, National Myths, and Liberal Democracy // Journal of Political Philosophy. 12 (3).P. 291–313.
- Geary P.* The Myth of Nations: the Medieval Origins of Europe. Princeton: Princeton University Press, 2002.
- Gutiérrez N.* Nationalist Myths and Ethnic Identities: Indigenous Intellectuals and the Mexican State. Lincoln: University of Nebraska Press, 1999.
- Hosking G, Schöpflin G.* Myths and Nationhood. N.Y.: Routledge, 1997.
- Kaufman S.* Modern Hatreds : the Symbolic Politics of Ethnic War. N.Y.: Cornell University Press, 2001.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭТНИЧНОСТЬ

Проблема глобализации для современных социальных наук превратилась в одно из важнейших направлений исследований. За последнее десятилетие число публикаций, затрагивающих процесса глобализации росло. В тех из них, которые затрагивали социокультурный ракурс этого явления, отмечалось, что глобализация ведет к гомогенизации культур, что она является свидетельством кризиса национальных культур, вызывает столкновение исторических общностей людей. Утверждалось также, что глобализация ведет к конфликту цивилизаций, фрагментации мира из-за существующих цивилизационных различий.

Если обратиться к существенным характеристикам процесса глобализации, то здесь акценты делаются на качественно новом уровне интегрированности, целостности и взаимозависимости мира. Нынешний этап глобализации исследователи рассматривают как дополнение растущей взаимозависимости стран усиливающейся транснационализацией хозяйственной, информационной и других видов деятельности. Транснационализация ведет к постнационализму, когда реальной становится перспектива «растворения» наций и государств в более сложных и прежде не существовавших международных структурах.

Такое понимание глобализации предполагает, что этнический фактор утрачивает свое значение во внутренней и международной политике, что доминирующее значение приобретают новые идентичности и новые системы ценностей, разрушающие прежние культурные границы. В этой связи Энтони Смит задает резонный вопрос: «Можно ли представить время, когда на смену не только этническому национализму, но и национальным государствам, национальным идентичностям и национализму как таковому придет космополити-

ческая культура и наднациональное правление?»¹ Анализируя позиции исследователей проблем национализма, он отмечает, что они предрекают, во-первых, неизбежный упадок «национального государства», во-вторых, замену национализма и, в-третьих, преодоление этничности.

Глобализация и проблема сохранения этничности

Те, кто использует понятия «наднационализм» и «глобальная культура», указывают на фрагментацию национальных идентичностей, утрату экономического суверенитета и растущую политическую взаимозависимость национальных государств. Но вместе с тем имеются и свидетельства того, что «в эпоху добровольных сетей социального взаимодействия, основывающихся на потребностях и деятельности индивидов, этнонациональная организация служит важным каналом для индивидуальной идентификации и солидарности... Этнонациональные движения политически активны и к тому же служат основой для формирования культуры». Имеет место не преодоление этничности, а возрождение «этнических уз самими процессами глобализации». Более того, события последнего десятилетия XX в. позволили Э. Смиту высказать мнение об очевидном «глобальном этническом возрождении».

Действительно, пока мы наблюдаем не формирование новых глобальных идентичностей, не замещение и преодоление этничности «наднационализмом», а явную актуализацию этничности и плюс к этому усиление регионализма. Не случайно в последние годы все чаще говорят о «Европе регионов». Правда, процессы глобализации приводят к формированию новых трансграничных регионов, или «еврорегионов», которые формируются на стыке прежних государственных границ. Примером таких «еврорегионов» можно назвать разделенный город Хапаранд/Торнио на границе Швеции и Финляндии, «еврорегион» Нейсе-Ниса-Нысса на стыке границ Чехии, Польши и Германии или планируемый регион «Карелия» по обе стороны российско-финской границы. Но все эти регионы имеют прочные исторические и этнические основания для своего возникновения и призваны, главным образом, устра-

¹ Смит Э. Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004. С. 388.

нить искусственные и ненужные барьеры между естественно тяготеющими друг к другу территориями.

Вместе с тем за пятьдесят лет интенсивной европейской интеграции все еще не сложилось условий для того, чтобы можно было говорить об общеевропейской культуре или общеевропейской идентичности, хотя элементы того и другого существуют. Впрочем, главной ошибкой многих апологетов глобализации является их убежденность в том, что новые культурные стандарты и новые глобальные идентичности обязательно должны замещать старые, и прежде всего этнические. В то же время само этническое самосознание неоднородно и демонстрирует возможные формы сосуществования разных идентичностей. Члены этнических сообществ могут обладать как общеэтническим самосознанием, так и субэтническим, т.е. одновременно соотносить себя с нацией и этнической общностью в целом и с этнографической группой или местным сообществом, например, француз и корсиканец, русский и казак, немец и баварец, даргинец и кубачинец.

Важно иметь в виду, что экономическая сущность процесса глобализации, выражающаяся в доминировании транснациональных компаний и интеграции производственных систем, которая, казалось бы, ломает все границы и ограничения эпохи доминирования национальных государств, на самом деле жестко регламентируется национальными правительствами путем имеющих в их руках институциональных форм. Деятельность транснациональных компаний, как правило, привязана к определенным национальным государствам, и последние оказывают на них решающее влияние.

Глобализация и политическая кооперация этнических сообществ

Процессы глобализации, не отменяя этничности и не ослабляя ее влияния на общественное развитие, сказываются на положении этнических сообществ, создают новые реальности и новые перспективы для этнического развития и актуализации этничности. Ломка прежних преград, развитие информационных и культурных связей позволяют этнически родственным сообществам укреплять солидарность, заимствовать эффективные образцы самоорганизации, рассчитывать на

экономическую и политическую поддержку в деле экономической и социальной модернизации.

Надежды такого рода имеют место не только в среде интеллигенции и активистов этнонациональных движений, но и в академической среде. В качестве доказательства сошлемся на монографию удмуртского исследователя И.К. Калинина, в которой он, в частности, выражает надежду, что российские финно-угорские народы имеют шанс противостоять ассимиляции и выстоять в конкуренции языков и культур, опираясь на поддержку родственных им народов на Западе: «Встречное расположение к культурному сближению со стороны Финляндии, Венгрии, Эстонии обещает хорошие перспективы. В изучении и интерпретации культуры этих стран, прежде всего, необходимо усвоение тех моментов ментальности, которые конструируют современное общество, ориентируя человека не на потребление плодов цивилизации, чем, к сожалению, грешит интерпретация Запада российским общественным сознанием, а на их производство. Для восточных финнов более близкое знакомство с жизнью финнов Финляндии или венгров означает, поэтому, кроме всего прочего, и возможность “прицепиться” к первому эшелону модернизации»¹.

Развитие сотрудничества между «родственными народами» и государственными институтами стран, где они проживают, действительно в последние годы существенно расширилось, обрело своеобразные организационные формы и стало выполнять интеграционную миссию как в Европе, так и в циркумполярном регионе. Что касается уже упомянутого сотрудничества финно-угорских народов и возлагаемых на него надежд, то эффект от этого сотрудничества налицо. В 1992 г. в столице Республики Коми Сыктывкаре был проведен I Всемирный конгресс финно-угорских народов, на котором был учрежден международный Консультативный комитет финно-угорских народов, который впоследствии стал добиваться статуса неправительственной организации ООН. В Декларации об основных принципах, целях и задачах объединения финно-угорских народов мира, которая была принята на первом конгрессе, говорилось: «Мы рассматриваем Всемирный конгресс финно-угорских народов как высший форум (предста-

¹ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000. С. 153.

вительное собрание) неправительственных институтов самих народов:

- мы видим себя открытым для всего мирового сообщества добровольным объединением равноправных родственных народов, включающимся в общеевропейский процесс ОБСЕ и руководствующимся Всеобщей декларацией прав человека, Парижской хартией для новой Европы, 169-й Конвенцией Международной организации труда и другими нормами международного права для коренных народов и национальных меньшинств;
- мы твердо намерены выполнять волю наших народов к сотрудничеству и взаимопомощи в экономической, экологической, правовой, социальной, информационной, научной и культурной областях...»¹

Всемирные финно-угорские конгрессы с тех пор стали проводиться регулярно, а культурное сотрудничество между странами и регионами проживания финно-угорских народов развивалось как на межправительственном уровне, так и на уровне общественных ассоциаций. В соглашениях между Россией и Финляндией, Россией и Венгрией, Россией и Эстонией тема культурного сотрудничества, а точнее, ее этнический аспект был особо оговорен. Правительства Эстонии и Финляндии приняли специальные программы оказания содействия своим «сородичам» в России, под которые выделялись значительные средства. На эти средства ежегодно в вузах Эстонии и Финляндии обучаются десятки студентов и аспирантов из этнически родственных этим странам российских регионов, издаются учебники и книги на языках финно-угорских народов, финансируются программы культурных мероприятий типа летних лагерей для школьников и студентов, театральные и фольклорных фестивалей, съездов и встреч финно-угорских писателей.

На II Всемирном конгрессе финно-угорских народов заговорили о формировании «финно-угорского мира» как общего культурного и информационного пространства финно-угорских народов, как некой новой идентичности. Таким образом, новые возможности глобального мира стимулировали активизацию этничности. Более того, вслед за этнической сфе-

рой интеграционные тенденции стали формироваться в сфере экономической и политической. Финляндия инициировала принятие ЕС специальной программы «Северное измерение», призванной интенсифицировать экономическое сотрудничество Евросоюза с регионами Европейского Севера России, но прежде всего с Карелией и Коми, где проживает родственное финнам население. Некоторые ученые из Эстонии и Финляндии стали заявлять, что после вступления в Европейский союз Финляндии, Венгрии и Эстонии стоит задуматься о том, как далее стоит сотрудничество между этими странами и российскими регионами с финно-угорским населением. Высказывалось даже предположение, что они могут стать ассоциированными членами Евросоюза прежде России, поскольку вопрос о вступлении в эту организацию самой России не стоит. Таким образом, актуализированная этничность отчасти выступает в качестве стимулятора процессов экономической и политической интеграции и даже способствует усилению процессов глобализации.

Отчасти аналогичную картину можно наблюдать и на примере татар. Подъем татарского национализма на рубеже 1980–1990-х гг. привел к идее созыва Всемирного конгресса татар. Первый такой конгресс прошел в Казани в июне 1992 г. Его проведение обосновывалось в Декларации конгресса «необходимостью единства татар всего мира под знаменем национального обновления». На конгрессе был создан исполком, который стал рассматриваться делегатами как международная организация, ставящая своей целью «возрождение татарского народа, его языка и культуры». Если финно-угорские конгрессы заявляли об укреплении сотрудничества народов целой языковой семьи, то конгресс татар пытался в глобальном плане интегрировать «татарский этнос». Эта геополитическая идея привела идеологов татарского движения к тому, что они вообще стали отрицать наличие субэтнических подразделений среди татар — кряшен, сибирских татар, астраханских татар, крымских татар. На этой идеологической основе раздавались даже требования внести изменения в переписные листы Всеобщей переписи населения 2002 г., в идеологию которой якобы сознательно заложен принцип разделения татарской нации на отдельные составляющие.

Но более прагматичные татарские интеллектуалы заявляют не о необходимости механического ранжирования всех

¹Штрихи этнополитического развития Коми Республики: Очерки. Документы. Материалы: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 231.

татар, а о долгосрочных ориентирах нациестроительства, которые включают широкую интеграцию татар в культурное пространство Европы и Азии. К примеру, татарский ученый Дамир Исхаков пишет по этому поводу: «Геополитические приоритеты Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии. Татарстан нуждается в выходе на мировое сообщество через западную (демократическую) цивилизацию, но при сохранении особого акцента на общетюркские и мусульманские начала своей культуры и идентичности»¹.

В интеграционных, глобалистских целях пытаются использовать этничность и некоторые другие этнонациональные движения и лидеры, хотя акценты здесь могут быть самыми разными. Своеобразный пример «этнической глобализации» демонстрируют малочисленные народы Севера России, Сибири и регионов Дальнего Востока. Этим народам несколько десятков, и численность их колеблется от нескольких сотен человек до десятков тысяч. Их культуры, как правило, связаны с промысловым хозяйством — охотой, рыбной ловлей, оленеводством. Однако их традиционное хозяйство переживает кризис, а многие из них под давлением индустриальной культуры, изменений в образе жизни, миграции на их территории пришлого населения стали утрачивать свою этничность, и сегодня стоит вопрос о возможности их выживания или о полном поглощении этих народов иноэтничным окружением.

Малые народы Российской Федерации для усиления своих политических позиций внутри страны все активнее прибегают к кооперации своих усилий с родственными народами или народами, имеющими сходные исторические судьбы, но проживающими за пределами государственных границ России. Вместе с ними создаются международные этнополитические объединения, которые лоббируют интересы этих народов на национальном и на международном уровнях. Первыми в этот процесс включились российские саамы, которые в 1992 г. вступили в созданный в 1956 г. Совет северных саамов, объединявший до этого саамов Швеции, Норвегии и Финляндии. С этого времени организация получила новое название — Совет саамов. В 1996 г. правительства восьми арктических стран

сформировали Арктический совет, призванный решать проблемы сохранения окружающей среды в Арктике. На правах равноправных членов в этот совет вошли Совет саамов, Инуитская циркумполярная конференция и АКМНС и ДВ. Позднее к ней присоединились Арктический совет атабасков, Международная ассоциация алеутов. Сотрудничество коренных малочисленных народов Севера в рамках международных программ позволяет им добиваться признания в качестве равноправных политических партнеров в решении проблем внутрисубъективной и международной жизни, затрагивающих их интересы; требовать от национальных правительств единого подхода в отношениях с малыми народами и этнографическими группами; способствовать формированию и развитию правовой базы, регулирующей права малых народов на уровне национального законодательства и в международном праве.

Именно процессы глобализации актуализировали проблему коренных народов, поскольку интересы промышленного развития заставили вторгаться на земли, населенные коренными народами, а развитие информационных систем и надгосударственных политических институтов показало, что это вторжение угрожает образу жизни и культурам уникальной части человеческой цивилизации.

Сейчас, по оценке ООН и Международной рабочей группы по делам коренных народов (IWGIA), на земле проживает 220 млн представителей коренных народов, сохраняющих традиционные культуры. Они занимают около 20% всей поверхности суши, причем районы их проживания — это наиболее ценные в экологическом отношении территории, обеспечивающие сохранение уникального генофонда планеты и стабилизирующие воздействие индустриальных регионов на атмосферу и водные пространства. Для того чтобы эффективно использовать международные инструменты и механизмы реализации основных свобод коренных народов, около трех десятилетий назад в рамках Подкомиссии по поощрению и защите прав человека Комиссии ООН по правам человека была создана Рабочая группа по коренным народам. В 1985 г. эта группа приступила к разработке Декларации о правах коренных народов, проект которой в 1993 г. был передан на рассмотрение в Подкомиссию. После многолетних усилий лидеров движения, ученых и политиков Генеральная Ассамблея ООН

¹ Исхаков Д. Модель Татарстана: «за» и «против» // Суверенный Татарстан: Документы. Материалы. Хроника: В 3 т. М., 1998. Т. 2. С. 90.

приняла в сентябре 2007 г. Декларацию о правах коренных народов (см. Кэйс 15).

Кэйс 15. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов (извлечения)

Статья 1

Коренные народы имеют право, коллективно и индивидуально, на полное осуществление всех прав человека и основных свобод, признанных в Уставе Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека и в нормах международного права, касающихся прав человека.

Статья 2

Лица, принадлежащие к коренным народам, и коренные народы свободны и равны со всеми другими народами и отдельными лицами из их числа и имеют право быть свободными от какой бы то ни было дискриминации при осуществлении своих прав, в особенности дискриминации на основе их коренного происхождения или самобытности.

Статья 3

Коренные народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие.

Статья 4

Коренные народы при осуществлении их права на самоопределение имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций.

Статья 5

Коренные народы имеют право сохранять и укреплять свои особые политические, правовые, экономические, социальные и культурные институты, сохраняя при этом свое право, если они того желают, на полное участие в политической, экономической, социальной и культурной жизни государства.

Статья 6

Каждый человек, принадлежащий к коренному народу, имеет право на гражданство.

Статья 7

1. Лица, принадлежащие к коренным народам, имеют право на жизнь, физическую и психическую неприкосновенность, свободу и личную безопасность.

2. Коренные народы имеют коллективное право на жизнь в условиях свободы, мира и безопасности в качестве самобытных народов и не должны подвергаться никаким актам геноцида или каким бы то ни было другим актам насилия, включая принудительное перемещение детей, принадлежащих к группе, в другую.

Статья 8

1. Коренные народы и принадлежащие к ним лица имеют право не подвергаться принудительной ассимиляции или воздействию в целях уничтожения их культуры.

2. Государства обеспечивают эффективные механизмы предупреждения и правовой защиты в отношении:

a) любого действия, имеющего своей целью или результатом лишение их целостности как самобытных народов или их культурных ценностей, или этнической принадлежности;

b) любого действия, имеющего своей целью или результатом лишение их своих земель, территории или ресурсов;

c) принудительного перемещения населения в любой форме, имеющего своей целью или результатом нарушение или подрыв любого их права;

d) принудительной ассимиляции или интеграции в любой форме;

e) пропаганды в любой форме, имеющей целью поощрение или разжигание расовой или этнической дискриминации, направленной против них.

Статья 9

Коренные народы и принадлежащие к ним лица имеют право принадлежать к коренной общине или народности в соответствии с традициями и обычаями данной общины или народности. Осуществление такого права не может породить никакой дискриминации в какой бы то ни было форме.

Статья 10

Коренные народы не подлежат принудительному перемещению со своих земель или территорий. Никакое перемещение не осуществляется без свободного, предварительного и осознанного согласия соответствующих коренных народов и производится после заключения соглашения, предусматривающего справедливую и честную компенсацию и, где это возможно, вариант возвращения.

Статья 11

1. Коренные народы имеют право на соблюдение и возрождение своих культурных традиций и обычаев. Это включает в себя право на сохранение, защиту и развитие прежних, нынешних и будущих форм проявления их культуры, таких, как археологические и исторические объекты, памятники материальной культуры, рисунки, обряды, технологии, изобразительное и исполнительское искусство и литература.

2. Государства обеспечивают средства правовой защиты через эффективные механизмы, которые могут включать в себя реституцию, разработанные совместно с коренными народами, в отношении их культурной, интеллектуальной, религиозной и культовой собственности, отчужденной без их свободного, предварительного и осознанного согласия или в нарушение их законов, традиций и обычаев.

Статья 12

1. Коренные народы имеют право соблюдать, отправлять, развивать и передавать свои духовные и религиозные традиции, обычаи и обряды; право сохранять, охранять и посещать без постороннего

присутствия свои места религиозного и культурного значения; право пользоваться и распоряжаться своими обрядовыми предметами и право хоронить на родине останки своих умерших.

2. Государства стремятся обеспечить возможность доступа к находящимся у них обрядовым предметам и останкам умерших и/или их возвращения на родину в рамках справедливых, транспарентных и эффективных механизмов, разработанных совместно с соответствующими коренными народами.

Статья 13

1. Коренные народы имеют право возрождать, использовать, развивать и передавать будущим поколениям свою историю, языки, традиции устного творчества, философию, письменность и литературу, а также давать свои собственные названия и имена общинам, местам и лицам и сохранять их.

2. Государства принимают действенные меры по обеспечению защиты этого права, а также по обеспечению того, чтобы коренные народы могли понимать происходящее и быть понятыми в ходе политических, судебных и административных процессов, путем, если это необходимо, обеспечения перевода или с помощью других надлежащих средств.

Статья 14

1. Коренные народы имеют право создавать и контролировать свои системы образования и учебные заведения, обеспечивающие образование на их родных языках, таким образом, чтобы это соответствовало свойственным их культуре методам преподавания и обучения.

2. Лица, принадлежащие к коренным народам, в особенности дети, имеют право на получение государственного образования всех уровней и во всех формах без какой-либо дискриминации.

3. Государства совместно с коренными народами принимают действенные меры для того, чтобы принадлежащие к коренным народам лица, в особенности дети, в том числе проживающие вне своих общин, имели, когда это возможно, доступ к образованию с учетом их культурных традиций и на их языке.

Статья 15

1. Коренные народы имеют право на достоинство и многообразие их культуры, традиций, истории и чаяний, которые должны соответствующим образом отражаться в сфере образования и общественной информации.

2. Государства в консультации и сотрудничестве с соответствующими коренными народами принимают действенные меры по борьбе с предрассудками, искоренению дискриминации и развитию терпимости, взаимопонимания и добрых отношений между коренными народами и всеми другими слоями общества.

Статья 16

1. Коренные народы имеют право создавать свои собственные средства массовой информации на своих языках и получать доступ ко всем видам средств массовой информации, не принадлежащих коренным народам, без какой-либо дискриминации.

2. Государства принимают действенные меры для того, чтобы обеспечить надлежащее отражение в государственных средствах массовой информации культурного многообразия коренных народов. Государствам без ущерба для обеспечения полной свободы выражения мнений следует побуждать частные средства массовой информации адекватно отражать культурное многообразие коренных народов.

Статья 17

1. Лица, принадлежащие к коренным народам, и коренные народы имеют право в полной мере осуществлять все права, установленные в соответствии с применимым международным и внутригосударственным трудовым правом.

2. Государства в консультации и сотрудничестве с коренными народами принимают конкретные меры для защиты детей коренных народов от экономической эксплуатации и выполнения любой работы, которая может быть опасной или мешать учебе ребенка, или наносить вред здоровью или физическому, умственному, духовному, нравственно-му или социальному развитию детей, принимая во внимание их особую уязвимость и важность образования для расширения их возможностей.

3. Лица, принадлежащие к коренным народам, имеют право не подвергаться дискриминации в отношении условий их труда и, в частности, занятости или заработной платы.

Статья 18

Коренные народы имеют право на участие в принятии решений по вопросам, которые затрагивали бы их права, через представителей, избираемых ими самими по своим собственным процедурам, а также на сохранение и развитие своих собственных директивных учреждений.

Статья 19

Государства добросовестно консультируются и сотрудничают с соответствующими коренными народами через их представительные институты с целью заручиться их свободным, предварительным и осознанным согласием, прежде чем принимать и осуществлять законодательные или административные меры, которые могут их затрагивать.

Статья 20

1. Коренные народы имеют право на сохранение и развитие своих политических, экономических и социальных систем или институтов, гарантированное пользование своими средствами, обеспечивающими существование и развитие, и на свободное занятие своей традиционной и другой экономической деятельностью.

2. Коренные народы, лишённые своих средств, обеспечивающих существование и развитие, имеют право на справедливое возмещение ущерба.

<...>

Важной стороной интеграционных процессов, которые затронули коренные народы, является то, что это сотрудниче-

ство позволяет привлекать дополнительные ресурсы туда, где собственные возможности ограничены. Так, сотрудничество со своими этнополитическими союзниками за пределами России позволило АКМНС и ДВ получать международные гранты и международную финансовую поддержку для создания информационных центров, сайтов и сетей, где аккумулируется информация о положении дел на территории проживания отдельных народов и политическом взаимодействии этнополитических организаций малых народов; за счет этих средств создаются и поддерживаются традиционные промыслы, формируются коммерческие организации народов Севера и проводится их обучение для успешной адаптации к условиям рыночной конкуренции.

Особое внимание многие исследователи обращают на то, как влияют процессы глобализации на культурное развитие стран и народов. Очевидно, что нарождающаяся «глобальная культура» имеет в своей основе то, что прежде называлось «англо-саксонской» культурой, которая исторически связана с протестантской этикой. Но в современном мире существует еще целый ряд стран и регионов, где в процессе длительного исторического развития сформировались специфичные культуры мирового уровня, имеющие мощное влияние на ценностные системы сотен миллионов людей, — это Индия и Китай, это Арабский Восток, это Япония и Франция и это Россия. В этих странах происходит реакция на глобализацию, в частности распространяются антиамериканские настроения. Такая ситуация дает повод некоторым исследователям говорить о цивилизационном противостоянии как о глобальном конфликте современности.

Характерно, что если в начале XX в., анализируя масштабные социальные сдвиги, Освальд Шпенглер говорил, что процесс политического распада ведет к формированию новой, более амбициозной и авторитарной цивилизации, то драматичные события конца XX в., которые не были следствием войн или революций, заставили Самюэля Хантингтона говорить о том, что процессы глобализации не только не создают единой цивилизации, но ведут к столкновению цивилизаций. Взрывы в Мадриде и лондонском метро, теракт в Ницце и столкновения в Австралии, «карикатурная война» между Европой и мусульманскими странами и многие другие процессы и явления, казалось бы, только подтверждали идею столкнове-

ния цивилизаций и показывали нарастание этнополитической конфликтности в современном мире. Вместе с тем ряд исследователей отмечает и другую сторону современной глобализации, которая связана с тем, что в процессе глобальных трансформаций формируются не новые универсальные культурные ценности, а осуществляется навязывание западных стандартов культурного потребления. Поэтому реакцией на вестернизацию становится стремление незападных культур к изоляции.

Будучи связанной с регионализацией и поиском локальных идентичностей, глобализация привела к замещению конфликта между социальными системами новыми конфликтами и цивилизационными противоречиями. **Глобализация на современном этапе развития человеческого общества не ведет к вытеснению или замещению этничности, а способствует ее актуализации и политизации. Глобализация позволяет расширить политическое и информационное поле культурной партикулярности, она способствует превращению миноритарных этнических сообществ не просто в политически активных игроков, но и в международных акторов.** Глобализация позволяет перераспределять ресурсы в пользу тех этнических сообществ и этнических групп, которые находятся в сложном положении, и дает им дополнительные стимулы для самоорганизации и выживания.

Подчеркивая тот факт, что глобализация не вытесняет и не замещает этничность, необходимо отметить, что процессы глобализации оказывают и разрушительное воздействие на этничность. Но конкуренция языков и культур имела место в истории человечества всегда, их породила не глобализация, она лишь интенсифицировала эти явления, которые обретают качественно иной характер. Вместе с тем политическим менеджерам необходимо учитывать, что современная глобализация — это еще и глобализация рисков. В частности, как пишет В.И. Пантин, становится очевидным, что происходит «...глобализация социально-политических конфликтов, глобализация экологического кризиса, глобализация терроризма и организованной преступности»¹. По его словам, глобализация есть не одна из многих проблем, а «проблема проблем», которая сложна и противоречива. В отношении этнического и этнополитического развития эта противоречивость проявляет-

¹ Пантин В.И. Глобальное видение истории и современности // Философские науки. 2004. № 7. С. 77.

ся достаточно очевидно. И наиболее очевидна она в практике европейского мультикультурализма, ставшей своеобразным ответом правящих кругов европейских стран на все возрастающие масштабы этнических миграций.

Сами эти миграции были вызваны процессами глобализации, ибо развивающиеся мирохозяйственные связи требовали создания широкого рынка рабочей силы. Но масштабы миграций оказались таковы, что мультикультурализм сам оказался «жертвой» глобализации. Европейский мультикультурализм оказался в кризисе, поскольку политика культурной терпимости в странах Западной Европы привела к формированию из этнических мигрантов «параллельных обществ», которые живут по своим законам, изолированы от доминантного общества в языковом и культурном плане. В мультикультурном обществе культура этнических мигрантов рассматривалась как форма сохранения их идентичности. В таком качестве она постепенно превращалась в контркультуру, противостоящую общенациональной культуре принимающего мигрантов сообщества. Культурная обособленность становится агрессивной, и степень агрессивности напрямую зависит от степени отчуждения той или иной группы иммигрантов от основного населения страны. При этом культурные противоречия могут легко трансформироваться в противоречия политические, в открытое противостояние мигрантов доминантному большинству.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите три исторических этапа в развитии процессов глобализации.
2. Каковы критерии процессов глобализации?
3. Э. Смит о глобализации и «наднационализме».
4. Вытесняет ли глобализация этничность, а глобальная культура — этнические культуры?
5. Как сочетается глобализация и регионализация?
6. Как влияет глобализация на этнополитические процессы в современном мире?

Литература

- Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004.
- Богатуров А.* Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4.
- Богомолов Б.А.* Глобализация: некоторые подходы к осмыслению феномена // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 3.

- Борисшопец К.П.* Национальное измерение глобального мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 1.
- Гусейнов А.А.* О возможности глобального этноса // Диалог культур в глобализирующемся мире: Мировоззренческие аспекты. М., 2005.
- Игрицкий Ю.* Национальное государство под натиском глобализации // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4.
- Калинин И.К.* Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Культурная сложность современных наций / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016.
- Марен А.* В поисках европейской идентичности: Парадипломатическая деятельность Республики Карелия и ее последствия // Политическая наука. 2002. № 1.
- Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С.Хантингтона. М., 2004.
- Пантин В.И.* Глобальное видение истории и современности // Философские науки. 2004. № 7.
- Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С.* Национальные проблемы на постсоветской территории: Учебное пособие. СПб., 2001.
- Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России / Под ред. Е.П. Чельшева. М., 2017.
- Смит Э.* Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004.
- Хелд Д., Гольтблатт Д., Пerratон Дж.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М., 2004.
- Штрихи этнополитического развития Коми республики: Очерки. Документы. Материалы. М., 1994. Т. 1.
- Этнические проблемы и политика государств Европы / Под ред. М.Ю. Мартыновой. М.: ИЭА РАН, 1998.

Внутренняя политика государства не остается неизменной, ибо его территория, социальный состав населения, характер экономического развития могут существенно изменяться с течением времени. Меняется и характер культурного развития стран, ибо этнический, расовый и религиозный состав населения может существенно усложняться, а отношения между группами могут претерпевать заметные изменения. Отсюда очевидно, что подходы к регулированию отношений между самими культурными сообществами, а также между ними и государством не являются чем-то неизбежным, а политическое руководство должно на каждом этапе развития государства вырабатывать наиболее приемлемые для данного исторического этапа модели этнополитики. В этом смысле опыт российской истории весьма показателен.

Истоки российской этнополитики

Россия исторически формировалась как полиэтничное (многонациональное) государство. Согласно летописной версии, русская государственность возникла при участии варягов, когда князь Рюрик основал политический центр нового государства — город Ладогу. Но за скупыми сведениями летописи скрывается весьма показательное явление: к варяжскому князю Рюрику обратились не одни лишь словены, а пять племен. Среди этих племен только два были славянскими (кривичи и словены), а три (чудь, весь и меря) были финскими или финно-угорскими¹. Очевидно, что эти племена не случайно обратились к иноземному князю, а сделали это, понимая

¹ Кирпичников А. Обстоятельства зарождения: Исторические данные о 1150-летию российской государственности // Родина. 2011. № 4. С. 73.

необходимость улучшения управления землями, на которых они проживали бок о бок друг с другом, т.е. они осознавали как свое территориальное единство, так и общность своих интересов. Итогом этого осознания стали общие поиски эффективного и авторитетного правителя для формирующегося раннегосударственного объединения. В средневековой традиции практика приглашения монарха была распространенным явлением, но важно другое — выбор варяга в качестве политического лидера был не случаен, ибо путь «из варяг в греки» пролегал через территории славянских и финских племен, и древние устоявшиеся торговые связи стали основой для культурной и политической интеграции, которая представлялась современникам вполне естественной.

Первоначальная поликультурность российского государства есть важный факт отечественной истории, но не менее важен и другой факт: этническая неоднородность населения достаточно рано заставила власти обратить внимание на регулирование отношений между государством и этническими группами, на необходимость учета культурной специфики групп подданных. Особенно очевидно это стало после вхождения Поволжья и сибирских земель в состав Московского государства. Длительный процесс присоединения сибирских земель был непростым и происходил при участии многих этнических групп: союзниками русских выступали коми-зыряне, казанские татары, кодские ханты, якуты, эвенки, юкагиры, в то время как марийцы, чукчи, коряки оказывали длительное сопротивление «русским» отрядам. Когда в 1581 г. Ермак двинулся на покорение Сибирского ханства, ядро его небольшого войска составляли зыряне и казанские татары. По некоторым данным, и сам Ермак был зыряннином (т.е. коми). Помимо представителей названных этнических групп, в отряде были строгановские служилые люди и наемники — немцы и литовцы. В составе последующих военных и торговых экспедиций в Сибирь также было много зырян, татар и представителей ряда других народов, и в этой связи можно говорить о том, что покорение и колонизация Сибири были совместным предприятием многих российских народов.

Присоединение обширных пространств на востоке, населенных многочисленными народами, потребовало создания специальных органов управления новыми территориями. В середине XVI в. после завоевания Казанского и Астраханского

ханств был создан Приказ Казанского дворца, ведавший восточными землями. С 1599 г. этот приказ стал ведасть и сибирскими делами, а в 1637 г. был создан Сибирский приказ, в наставлениях которого на местах указывалось на необходимость мирных сношений с «ясачными людьми», т.е. с сибирскими народами, которые платили дань русскому царю. Основной формой взаимодействия между центральной властью и сибирскими народами были, по сути, *даннические отношения*, выражавшиеся в регулярной уплате ясака, т.е. налога пушниной или другими продуктами местного промысла¹. В документах приказа содержались требования соблюдать веротерпимость, не посягать на земли, которыми традиционно пользовались местные народы, не вмешиваться в их внутреннее самоуправление, и поэтому вплоть до советской эпохи народы Сибири обладали довольно высокой степенью внутренней культурной автономии. Сохранение этой автономии стало важным принципом государственной политики сначала Московского царства, а затем и Российской империи. Так, например, в «Уложении 1649 года» говорилось, что всякое изъятие земель у татар, мордвы, чувашей, черемисов, вотяков и башкирцев со стороны дворян и детей боярских запрещалось под угрозой царской немилости².

К тому времени понятие единой страны было характерно только для правящей династии и местной знати. Средневековое сознание опиралось в первую очередь на локальные определители. Так, согласно летописным свидетельствам, набеги на северные земли Московского царства, которые совершали вогуличи и остяки (т.е. манси и ханты), являвшиеся тогда союзниками Сибирского ханства, отражали объединенные отряды «двинян», «устюжан», «сысоличей», «вычегодцев» и т.д. Иными словами, подданные московского великого князя, а затем и русского царя рассматривались не как единые культурные сообщества (народы), а как локальные группы подданных, и главным критерием их культурного единства были территория и религия («православные», «магометане»). Поэтому не случайно, что каждая территориальная группа отдельно присягала на верность русскому царю.

¹ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008.

² Национальная политика в императорской России. М., 1998. С. 61.

Лишь при Петре I, когда Россия превратилась в империю, понятие народа стало обретать реальный смысл. Уже в 1700 г. в монарших указах появляется понятие государства, которое увязывается не с подвластной территорией и группами подданных, а с *народом*. Такое толкование сущности государства, однако, использовалось для целей внешней политики, чтобы поставить Россию вровень с западноевропейскими державами, где эпоха Просвещения породила идею народа как главного игрока на сцене истории, идею народного суверенитета¹. Наследники Петра в своих манифестах при восхождении на престол уже в обязательном порядке говорили о том, что воцарение происходит с «согласия народа», и считали важным подчеркнуть свое стремление служить «благу Отечества» и заботиться о «единстве государства».

Екатерина Великая прямо указывала, что управляет не столько территорией, сколько «российским народом». Однако если на Западе идея народного суверенитета предполагала, что главные ценности, которые цементируют народное единство, есть равенство, свобода и достоинство личности, то в крепостнической России нужно было искать другие основания, на которых может рождаться народное единство. И такие основания были найдены. Екатерина II предложила считать православную веру чертой национального характера, и она же обратила внимание на язык как на важный культурный фактор единению народа. В практическом плане превращению русского языка в инструмент культурной интеграции народа способствовала деятельность таких видных представителей русской культуры, как Третьяковский и Ломоносов. Последний издал в 1755 г. «Российскую грамматику», которая не только положила начало формированию русского литературного языка. К началу XIX в. в противовес западной рациональности и культу разума родилось представление о «русской душе» и «русском характере», которым якобы чужда рациональность, но которые выражают некие древние черты, рожденные историческим опытом народа.

Расширение территорий и принятие в подданство все новых народов вызвало необходимость изучения их культурной специфики. Уже в первой половине XVIII в. появляются ра-

¹ Тишков В.А. Российский народ: История и смысл национального самосознания. М., 2013.

боты, посвященные картографированию и типологизации народов, проживавших в Поволжье и за Уралом. Одним из первых этим занялся русский картограф С.У. Ремезов, издавший «Чертежную книгу Сибири», затем подобная работа была продолжена пленным шведским офицером Ф.И. Страленбергом, который в 1730 г. издал в Стокгольме свой труд под названием «Северная и восточная часть Европы и Азии...». Наиболее значительным трудом стала 4-томная «История Сибири» академика Г.Ф. Миллера. Накопление научного материала, вместе с увеличивающимся опытом административного управления землями, заселенными различными народами, способствовало пониманию необходимости не только управлять территориями, но и выстраивать отношения между государством и автохтонным населением новоприобретенных территорий.

В России раньше многих других стран перешли к политике регулирования отношений государства с меньшинствами, к законодательному оформлению этой политики. В первой четверти XIX в. в Прибалтике было отменено крепостное право. В 1822 г. принят Устав «Об управлении инородцев», разработанный М.М. Сперанским. Он содержал положения о правах коренных народов. Устав пополнялся новыми актами, а в 1892 г. все эти акты были сведены в Положение об инородцах, которое действовало до революции 1917 г. (см. Кейс 16).

Кейс 16. Устав об управлении инородцев (извлечения)

Глава V. Обица права кочевых инородцев

§ 24. Кочевые инородцы составляют особенное сословие в равном степени с крестьянским, но отличное от него в образе управления.

§ 25. Кочующие инородцы остаются вообще на прежних их правах. Им внушить надлежит, что с умножением хлебопашества, они отнюдь не будут против воли их обращаемы в звание крестьян и вообще без собственного их желания не будут включены ни в какое другое сословие.

§ 26. Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенный во владение земли.

§ 27. Подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обыкновениям.

§ 28. Утверждаются во владении кочующих земли, ныне ими обитаемые, с тем, чтоб окружность, каждым племенем владеемая, была по распоряжению местного Начальства подробно определена.

§ 29. Инородцы имеют свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами на водах и землях, каждому роду назначенных.

§ 30. Инородцы ограждаются от взаимных стеснений, какия могут производить от перехода одних племен на земли, другим племенам принадлежащей, для производства промыслов, без обоюдного на то согласия.

§ 31. Строго запрещается Россиянам самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных.

§ 32. Россияне могут брать у инородцев места в оброчное содержание, но всегда по условиям с обществами.

§ 33. Наймы инородцев в частную работу имеют быть производимы с ведома родового Начальства, как в особом положении о долгах и обязательствах крестьян и инородных предписано.

§ 34. Инородцы управляются собственными своими Родоначальниками и почетными людьми, из коих составляет их степное Управление.

§ 35. Кочующие управляются по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным.

§ 36. В уголовных только преступлениях кочующие судятся в Присутственных местах и по общим Государственным установлениям.

§ 37. Уголовными делами относительно инородцев почитать: 1) возмущение, 2) намеренное убийство, 3) грабеж и насилие, 4) делание ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного имущества. Все же прочие дела, не выключая и кражу, пока нравы их образованием не умягчатся, считать исковыми.

§ 38. В проступках в Российских городах и селениях разбирают они местною Полицией) на основании общих положений.

§ 39. Инородцы платят подати по особому положению с числа душ, которое определяется общею переписью (ревизиею).

§ 40. Кочующие инородцы участвуют в общих по Губернии повинностях, как о том особенно постановлено.

§ 41. Содержание степного Управления составляет внутреннюю повинность кочующих.

§ 42. Все кочующие инородцы освобождаются от рекрутской повинности.

§ 43. Казачьи полки из кочующих, для охранения границ составленные, комплекуются по прежнему.

§ 44. От употребления гербовой бумаги, как равно и от других штемпелевых налогов, кочующие освобождаются.

§ 45. Инородцы имеют право сбывать свои произведения и лов продажей и меною в городах, селениях и на учрежденных ярмарках.

§ 46. Позволяется свободная торговля с кочующими во всякое время всеми припасами и изделиями, кроме горячих напитков.

§ 47. Ввоз и продажа горячих напитков в стойбищах и на ярмарках кочующих строжайше запрещается.

§ 48. Торговля с кочующими служащим в той же Губернии чиновникам, под каким бы то предлогом и видом ни было, запрещается.

§ 49. Служащие чиновники не должны входить ни в какое частное посредство по торговле с кочующими и запрещается им ручаться за них по долгам или другим условиям.

§ 50. В долговых делах частных людей с кочующими инородцами, наблюдается особенной порядок, в положении о долгах предписанный.

§ 51. Необходимое пособие некоторым инородцам в продовольствии и промыслах, как то: продажа хлеба, пороха и свинца, в приличных местах доставляется от Губернского Начальства.

§ 52. Кочующим дается право на отлучки по словесному позволению их старшин в соседственные города, селения и ярмарки, хотя бы и далее ста верст было. На отлучку далее 500 верст обязаны они от Земской полиции иметь письменный вид, как равно и в случае наймов у Русских в годовая услуги.

§ 53. Кочующие иноверцы пользуются свободою в вероисповедании и Богослужении.

Глава VIII. О законах и обычаях

§ 68. Все кочующие и бродячие инородцы, как выше сказано, управляются по их собственным степным законам и обычаям. Но поелику законы сии и обычаи в каждом племени имеют некоторое и часто важное от других отличие, притом же, сохраняясь поныне чрез одни изустныя предания, могут быть и сбивчивы и неопределенны, то по сим причинам предоставляется местному Начальству от почетнейших людей собрать полныя и подробныя о сих законах сведения, рассмотреть оныя по Губерниям в особых Временных Комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими установлениями, и расположив в надлежащем порядке, представить местному Главному Управлению на утверждение.

§ 69. Таким образом, утвержденные степные законы имеют быть напечатаны на Российском языке, и если можно на языках тех самых племен, до коих оны относятся, или на языке, с употребляемым ими сходственном.

§ 70. Законы сии и Российскими Присутственными местами приемлются в основание в суждениях о делах кочующих и бродячих инородцев.

§ 71. По напечатании сих законов представить оныя в Правительствующий Сенат, и не допускать потом в них никаких изменений, пока с переменою образа жизни и степени образования, не будет надобности изменить образ самага их управления.

§ 72. Недостаток в степных законах при решении дел дополняется Российскими узаконениями¹.

<...>

В Российской империи этничность как инструмент, с помощью которого решались задачи укрепления государства, стали использовать рано. Чтобы обеспечить лояльность финского

населения имперской короне, на верность которой присягнул финляндский сейм после присоединения Княжества Финляндского к Российской империи в 1809 г., российские власти предоставили княжеству широкую внутреннюю автономию и стимулировали фенноманское движение, развитие которого должно было ограничить шведское влияние в Финляндии. После присоединения к России в Финляндии начинается эпоха так называемого «национального пробуждения». Финская элита стала проявлять интерес к родному языку, из диалектных форм был сформирован литературный финский язык, который стал вытеснять шведский из образования и делопроизводства. Формировались национальные культурные институты и националистический финский миф, финны начали осознавать себя отдельным народом со своей собственной историей.

В Прибалтике для ослабления немецкого влияния поддерживалось этническое самосознание среди латышей и эстонцев, и не случайно, что само название народа «эстонец» возникло лишь в середине XIX столетия. Поддерживалось стремление к формированию собственных литературных традиций, театров, книгоиздания и т.д.

Но поскольку империя была крайне обширна, а разные ее территории были заселены народами, которые существенно различались по уровню социально-экономического развития, для укрепления ее устоев необходима была некая объединительная политика. Цементировать страну, по мысли идеологов позднеимперской эпохи, должна была имперская нация, которая представлялась в качестве культурной пирамиды, где основа — это великороссы, а самодержец — ее вершина. Место остальных народов в этой пирамиде было не вполне понятным. Идея имперской нации и ее великорусского ядра находила отклик в умонастроениях интеллектуальной элиты страны. От описания экзотических инородческих групп, населяющих обширные пространства империи, интерес исследователей стал смешаться к изучению русского крестьянина и его культурных ценностей. Созданное в середине XIX в. Русское географическое общество определило своей целью изучение *Русскойземли* и *Русскогонарода*, а усилиями путешественников, писателей и историков «“ледяные пустыни” и “девственная тайга” наполнялись русскими героями и русскими воинами»¹. К нача-

¹Национальная политика в императорской России: Поздние первобытные и предклассовые общества севера европейской части, Сибири и Русской Америки / Сост., ред. и автор вступительной статьи Ю.И. Семенов. М.: Старый сад, 1998. С. 141–176.

¹Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 97.

лу XX в. сформировалась националистическая доктрина, суть которой последовательно пропагандировала газета «Русское знамя», а ее содержание определялось следующим образом: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском»¹.

Идея преданности народов империи своему самодержцу не требовала укрепления гражданской солидарности россиян, социальных связей внутри российского общества, формирования общих идеалов и традиций. Верноподданничество монарху позволяло уповать на унификацию управления и законодательства, но не на реальное единство политического пространства страны. Когда стало очевидно, что лояльности верховному правителю недостаточно, власти страны стали использовать русский язык и русский народ как культурные образцы и образы, на которые следует ориентироваться другим народам империи. Преподавание русского языка на окраинах империи расширялось, в Прибалтике, к примеру, он стал преподаваться вместо немецкого, в Финляндии с 1900 г. он был объявлен третьим официальным языком наряду с финским и шведским, обучение в гимназиях осуществлялось только на русском языке.

Очевидно, что крупнейший народ страны и его язык являются культурными доминантами в общем социальном пространстве любого государства, но, во-первых, нельзя было противопоставлять русских другим народам, а во-вторых, для укрепления государственного единства важно было утверждать гражданскую солидарность среди россиян, что в условиях самодержавной России было труднодостижимо. Различия в экономическом и культурном развитии страны спровоцировали рост националистических настроений там, где экономические и социальные процессы протекали более динамично и где уже сформировались новые националистические элиты. Эти элиты не были готовы мириться с культурным доминированием одного народа, и потому не случайно в начале XX в. «национальный вопрос» стал одной из ключевых внутриполитических проблем Российской империи. К тому же унифицировать управление империей не удавалось в силу того, что отдельные ее части обладали экстерриториальностью в форме Великого

княжества Финляндского, Царства Польского, Хивинского и Бухарского ханств.

Националистические движения на окраинах стимулировали центробежные тенденции в императорской России. Не случайно противники режима (и в первую очередь российские социал-демократы) настойчиво говорили о «национальном вопросе», о «русском великодержавном шовинизме», призывали народы национальных окраин к борьбе с самодержавием, а точнее — с имперским государством. Конечно, не «национальный вопрос» привел к краху царской власти, но при обострении экономических и социальных проблем государства, вызванных участием в мировой войне, националистические движения в условиях отсутствия гражданского единства и идеалов способствовали падению царского режима в 1917 году.

Советская этнополитика

Как и власти императорской России, российские социал-демократы в своей этнонациональной политике не были последовательными. В Программе РСДРП содержалась поддержка тезиса о самоопределении народов вплоть до отделения и создания своего суверенного государства, говорилось о полном равноправии наций и вместе с тем осуждалось их стремление к национальной обособленности как буржуазно-националистическое течение. Российские социал-демократы (большевики) осуждали идею национально-культурной автономии и приветствовали союз и слияние малых народов с большими «социалистическими нациями». Лидер большевиков В.И. Ленин двояко относился к национализму. Ключевым тезисом всех его работ по национальному вопросу было утверждение, что первоочередной задачей российской социал-демократии является борьба за диктатуру пролетариата, а национальный вопрос — это вопрос второстепенный. Тем не менее национальный вопрос после прихода большевиков к власти в России приобрел крайне важное значение, и государство было перестроено по этническому признаку, хотя серьезных этнополитических движений в пользу автономий было немного, равно как и сама этничность во многих частях империи не воспринималась населением как значимое культурное отличие.

¹ Размолodin М.Л. О разности фундаментальных основ черносотенной и националистической доктрин в России начала XX века // Клио. 2011. № 2 (53). С. 153.

Этнонациональная политика в Советской России изначально формировалась как политика культивирования этнических различий, хотя при этом подчеркивалась значимость и важность пролетарского интернационализма. Главной политической опорой советского строя и наиболее лояльной социальной группой был официально объявлен пролетариат (промышленные рабочие), а остальные социальные группы объявлялись недостаточно зрелыми для социалистического преобразования общества. Но этнические меньшинства рассматривались как естественный союзник пролетариата, поскольку многие из них не имели развитой классовой структуры. Кроме того, как и пролетариату, представители меньшинств могли рассматриваться как эксплуатируемая часть общества: в качестве эксплуататора выступало само государство в лице его чиновников и представителей «имперской нации», под которой имелось в виду великоросское демографическое большинство.

Поскольку большевики делали ставку на привлечение этнических меньшинств на свою сторону в качестве политических союзников, политизация этничности для них стала одним из важнейших направлений внутренней политики государства после того, как им удалось одержать победу в Гражданской войне. Именно большевики способствовали превращению этничности из сугубо культурного феномена в политический ресурс и довели политизацию этничности до огромных масштабов. **Первое и самое главное, что было сделано большевиками в этой сфере, — это институционализация этничности и абсолютизация культурных границ между этническими группами, превращение этих границ из символических в социально и политически значимые.**

Начало процессу институционализации этничности было положено созданием специального правительственного органа, в компетенцию которого входило регулирование отношений между государством и этническими группами. Уже 8 ноября 1917 г. был создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), который просуществовал до 1923 года. Главной задачей Наркомнаца была реализация общих принципов национальной политики большевиков. Идеологической основой деятельности нового органа стала доктрина, суть которой сводилась к трем основным положениям: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным государственным образованием; 2) в пределах данного госу-

дарственного образования группа объявляется «коренной», а все остальное население — «некоренным»; 3) представители «коренной» группы получали политические и культурные преференции¹.

Потребность в бюрократических институтах, призванных «управлять племенами» и «охранять» их, на следующем этапе развития российской этнополитики дополнялась другими формами институционализации этничности, которые были более масштабны и имели более серьезные последствия для судеб страны. Во-первых, начался процесс «национально-культурного размежевания» народов России и формирования этнической федерации, когда границы административных единиц тесно увязывались с этнокультурными границами, которые, по существу, устанавливались сверху и весьма произвольно. Во-вторых, происходила замена гражданских и республиканских идеалов и ценностей идеалами, ориентированными на местную солидарность и локальные культуры. Идеологическое поле советской этнополитики было сложнее, чем идеологическое поле имперской, но и оно было таким же иерархичным, причем эта иерархия приобрела более сложный характер.

Важную роль в институционализации этничности сыграл процесс ее огосударствления. Наркомнац осуществлял работу по подготовке культурного размежевания народов России, на практике означавшую создание союзных и автономных республик и областей. Главным основанием для их создания было наличие некоего коренного народа, именем которого называлась республика или иное национально-государственное образование. Первые «национальные» республики стали возникать сразу после победы большевиков: еще в декабре 1917 г. была провозглашена Украинская советская республика, в 1918 г. — Российская Советская Социалистическая республика, а 1 января 1919 г. — Белорусская ССР, в октябре 1918 г. провозглашено создание Автономной области немцев Поволжья (в 1923 г. преобразована в автономную республику), в марте 1919 г. создана Башкирская автономная советская республика.

Затем началось массовое создание автономных республик и областей — в 1920 г. были провозглашены Карельская тру-

¹ *Тишков В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука, 1994.

довая коммуна, Калмыцкая и Марийская автономные области, Автономная Татарская Советская Социалистическая республика, Автономная область вотского (вотяцкого) народа, Киргизская Автономная Советская Социалистическая республика (с 1925 г. — Казахская); в 1921 г. были созданы Коми Автономная область, Дагестанская, Абхазская, Аджарская Советские Социалистические республики, в 1922 г. Ойротская и Якутская республики, в 1924 г. — Кара-Киргизская и т.д. В 1925 г. был создан первый национальный округ — Коми-Пермяцкий, в 1929 г. второй — Ненецкий, а в 1930 г. еще восемь национальных округов. Помимо республик, областей и национальных округов в разных регионах страны создавались национальные районы и даже национальные сельсоветы, т.е. этнически маркировалась вся территория страны.

Особое значение в формировании системы этнической иерархии сыграло создание в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических республик (СССР). В единое союзное государство объединились формально самостоятельные Украинская, Белорусская республики и РСФСР, а также Армянская, Азербайджанская и Грузинская, которые первоначально объявили о своей государственной независимости (как и Литва, Латвия и Эстония), а затем после начала внутренних междоусобиц были захвачены Красной армией при поддержке местных большевиков. В октябре 1923 г. Хорезмская Народная Советская Республика преобразуется в социалистическую и также входит в состав СССР, а в 1924 г. к нему присоединяется Бухарская Народная Советская республика. В 1936 г. Казахская и Киргизская автономные республики были преобразованы в союзные. Принятая в 1936 г. Конституция СССР зафиксировала 11 союзных и 20 автономных республик (затем после присоединения некоторых бывших территорий Российской империи и аннексии самостоятельных Балтийских стран были созданы Литовская, Латвийская, Эстонская и Молдавская Советские Социалистические республики).

В конституции 1936 г. была проведена четкая грань между различными формами этнонациональных образований: республики, как союзные, так и автономные, были объявлены тем типом государственного устройства, который обладает суверенитетом (фактически лишь номинальным). Автономные области и округа определялись лишь как форма административно-территориального деления, отличающаяся от осталь-

ных областей только тем, что их управленческий аппарат был приспособлен к особенностям проживающего там населения. Законодательная власть в СССР была представлена двухпалатным парламентом, одна из палат (Совет национальностей) должна была представлять интересы национально-территориальных субъектов советской федерации. Представительство в Совете национальностей в свою очередь отражало неравенство статусов национально-государственных образований: союзные и автономные республики получали по пять мест для своих представителей, а автономные области — только по одному.

Создание сложной системы этнических административно-территориальных образований объяснялось разным уровнем социально-экономического развития народов бывшей Российской империи. Одни из них объявлялись «социалистическими нациями» и поэтому могли претендовать на создание «собственной» союзной республики, которая находилась на вершине национальных административно-территориальных образований. Уровень развития и численность населения других были достаточны лишь для того, чтобы иметь автономную республику, область, округ или же «свой» национальный район. Уже сама эта иерархия противоречила идеям, изложенным в «Декларации прав народов России», принятой съездом советов 2 ноября 1917 г. и ставшей своего рода манифестом советской этнополитики. В этом документе провозглашались: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств; 3) отмена всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств.

Основополагающие принципы Декларации применялись в реальной политике избирательно, и власть сама решала, как надо их трактовать. Меньшинствам навязывались формы национальной автономии, и ни в одном случае создание республик, национальных областей или округов не сопровождалось актами самоопределения. Этническим сообществам (как и всему населению страны) навязывались социалистические формы хозяйствования, которые вступали в прямое противоречие с их культурными традициями. К примеру, проводилась принудительная коллективизация кочевых народов, сам тип хозяйствования которых предполагал индивидуальную

форму хозяйственной жизни. Кочевников насильно заставляли переходить к оседлому образу жизни, равно как обязывали отдавать своих детей в школы-интернаты, где те обретали знания, которые для традиционного образа жизни в кочевьях не были необходимыми.

Однако в советской этнополитике были и позитивные начала. Для многих малых народов разрабатывалась своя письменность, литературные традиции и литературные жанры, свойственные развитым литературным языкам, создавались театры, в которых осуществлялись постановки первых «национальных» опер, балетных спектаклей, трагедий и комедий, хотя их художественный уровень мог быть невысок, равно как и востребованность в местном сообществе. Государство выступало в качестве некоего верховного культуртрегера (просветителя), спонсировавшего культурные традиции этнических сообществ, но одновременно радикально ломавшего социальную и культурную среду, в которой на протяжении столетий существовали народы страны. **В отличие от царской России, которую иногда называли «тюрьмой народов», Советский Союз стал своего рода колыбелью многих наций.**

В ходе так называемого национально-государственного строительства в 1920–1930-е гг. эти «социалистические нации» консолидировались (точнее — оформились и утвердились общая идентичность, или самосознание, представления о существовании нации) на разнородной кланово-племенной основе вокруг «собственной государственности». В послевоенные десятилетия они обрели необходимые институты для «национального самоопределения вплоть до отделения» (территория, экономика, конституции, представительные органы власти, профессиональная культура и наука, полная система образования и т.д.).

Важнейшее значение для политического и культурного развития страны имел отказ от идеи гражданства и республиканских идеалов равенства, путем политизации и актуализации категории «национальность» и придания ей смысла, отличного оттого, который принят в республиканской традиции и в мировой политической практике. Впервые этот термин в России появился в 1926 г., когда проводилась первая всесоюзная перепись населения. В первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. опрашиваемым задавался только вопрос о языках, но этническая принадлежность никак

не фиксировалась. При проведении переписи 1926 г. переписчики столкнулись с серьезными сложностями, поскольку население многих мест, а особенно районов со смешанным населением, никогда прежде не считало себя представителями отдельной культурной общности, термин «национальность» для людей был непонятен, ибо они привыкли соотносить себя с местным сообществом, религиозной общиной, а не с какой-то этнической группой.

На вопрос о национальности жители сел и поселков нередко отвечали «тутошние», «местные», «крестьяне» и не могли взять в толк, чего от них добиваются переписчики. Условность категории «национальность» была связана поначалу еще и с тем, что целый ряд народов был сконструирован властью искусственно. Из разноплеменного населения сконструировали почти все социалистические нации Средней Азии, одновременно проведя довольно неуклюжее национально-территориальное размежевание между республиками. Из нескольких мелких групп сформировали *хакасов*, само имя для которых заимствовали из китайских хроник; из небольших этнических сообществ сформировали этническое сообщество, названное *алтайцами*; именно в советские годы произошло формирование нынешних дагестанских народов — аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев и т.д. При этом происходили не только процессы формирования крупных «народов» из разрозненных культурных групп, но и обратный процесс деления народов на более мелкие составляющие, что порой диктовалось политической целесообразностью: коми были разделены на коми-зырян и коми-пермяков, а адыги на адыгейцев, черкесов, кабардинцев, которые были близки друг к другу по культуре и языку. Так же поступили и с близкими по культуре и языку карачаевцами и балкарцами, чеченцами и ингушами. Из четырех говорящих по-якутски тунгусских родов был создан особый народ долганы (хотя сами представители «народа» данным этнонимом никогда не пользовались).

Создание многих национально-административных единиц и одновременное придание политического смысла этнической принадлежности граждан по логике большевиков потребовало и проведения специальной *политики коренизации*, когда не личные деловые качества специалиста становились главным критерием для его назначения на должность в госаппарате, а этническая принадлежность. Эта политика проводилась до

начала 1930-х гг. и сопровождалась нередко откровенным вытеснением со статусных позиций представителей «некоренного» населения (чаще всего русских, украинцев). Для представителей «коренных народов» не только предоставлялись лучшие возможности продвижения по карьерной лестнице, но и был предусмотрен ряд привилегий, которые существовали на протяжении всей советской эпохи. Им выделялись квоты в центральных вузах страны, куда они могли поступать вне основного конкурса, представители малых народов освобождались от службы в армии, их культурные институты получали большие государственные дотации и т.д. К примеру, в начальный период политики коренизации «в вузах Средней Азии под “бронью” находилось 70% студенческих мест для представителей “титულных национальностей”»; до 20% — для представителей «национальных меньшинств» и только 10% — для так называемых “европейцев”. В 1928–1929 гг. бронированием Наркомпроса для национальных меньшинств охватывалось около тысячи мест в высших учебных заведениях страны. В педагогических техникумах страны в тот же период больше 45% мест было занято студентами из числа “отсталых национальностей”»¹.

Завершающим этапом в этнизации культурного и политического пространства Советского Союза стало введение в 1932 г. внутреннего гражданского паспорта для горожан (сельские жители получили паспорта к концу 1950-х гг.). Графа «национальность» в паспорте стала обязательной, причем запись этнической принадлежности производилась согласно специальной инструкции и человек не мог сам свободно определить, с какой этнической группой он желает себя отождествлять (или не отождествлять вовсе). Тем самым человек директивно «привязывался» к определенной культурной группе. Но важнее было другое следствие «государственной этничности»: с помощью внедрения в массовое сознание понятия национальности и идеи культурной иерархии из государственной идеологии и массового сознания вытеснялись идеи гражданской солидарности, дискредитировались идеалы свободы, равенства, когда все граждане страны являются полностью равноправными, а их правовой статус идентичен.

¹ *Соколовский С.В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.: Путь, 2004. С. 68.

Но тоталитарный (затем — авторитарный) советский режим в этом не нуждался.

Политика в отношении разных национальностей не была неизменной, но поскольку принцип культивирования различий и дифференцированного отношения к представителям разных этнических групп был одним из основополагающих принципов советской этнополитики, постольку автономные области легко преобразовывались в автономные республики, а те — в союзные и обратно. Статус союзной республики с 1940 по 1956 г. имела Карелия, которая именовалась Карело-Финской республикой. Автономные области и республики и округа могли произвольно ликвидироваться, а затем вновь восстанавливаться или же не восстанавливаться вовсе. Так, всего два года — с 1937 по 1939 г. — просуществовал автономный округ, титульным населением которого являлись тверские карелы. Были ликвидированы национальные районы и сельсоветы. Показательным примером избирательного отношения к этническим сообществам стали депортации народов. Начались они в 1937 г., когда из приграничных районов массово начали выселять финнов-ингерманландцев и дальневосточных корейцев, но значительный масштаб приобрели уже в годы Великой Отечественной войны. В 1941 г. из Автономной Республики немцев Поволжья были выселены все немцы, а республика была ликвидирована, а в 1943–1944 гг. со своих мест проживания выселены в Среднюю Азию и Сибирь балкарцы, ингуши, карачаевцы, чеченцы, крымские татары, турки месхетинцы, калмыки. Были ликвидированы Чечено-Ингушская АССР. Причиной репрессий против народов явились обвинения в пособничестве оккупантам. Очевидно, что эти обвинения не могли касаться отдельно взятого народа в целом, поскольку в военизированных формированиях Вермахта и в полиции служили около миллиона советских граждан, представлявших многие национальности.

Возвращение из мест ссылки произошло только после смерти И.В. Сталина, но оно не коснулось всех репрессированных народов и не привело к их полной реабилитации, поскольку отнятое у выселенных имущество не было возвращено и не все автономные образования восстановлены. В апреле 1991 г. Съезд народных депутатов СССР принял закон о реабилитации депортированных народов, который осудил политику депортации как преступную.

В годы войны произошла корректировка советской этнополитики: власть осознала необходимость выделить роль крупнейшего этнического сообщества страны — русских, а также напомнить о героическом прошлом всех народов в защите Отечества. Именно в годы войны Сталин заговорил о «великом русском народе», в это же время в качестве общенациональных символов стали использоваться имена великих полководцев прошлого — Суворова, Кутузова, Ушакова, а важные события из совместной истории российских народов (Куликовская битва, Отечественная война 1812 г.) были представлены как примеры объединения народов страны перед внешней опасностью.

Власть признала, что общенациональное единство есть важный ресурс, дефицит которого вполне очевидно проявился в ходе войны, особенно на ее начальном этапе. В формуле семьи русский народ был объявлен «старшим братом», а иные народы — «младшими братьями», что дало критикам советской этнополитики повод утверждать, что тем самым советский режим проводил политику русификации. На самом деле статус «старшего брата» не влек за собой каких-либо преференций.

Важное изменение в советской этнополитике послевоенного периода — развитию вглубь национальных культур, развитие и сближение наций и народностей страны и их культур и установка на формирование на этой основе новой исторической общности людей — советского народа. При этом нельзя сказать, что идея «дружбы народов» оказалась неработающим идеологическим лозунгом. В эту идею не только верили советские граждане — на ее реализацию работали многие социальные институты.

В числе таких институтов особое место принадлежало армии, ибо всеобщая воинская повинность не была формальной и все мужчины призывного возраста проходили службу в воинских частях, которые, как правило, были дислоцированы за многие сотни и тысячи километров от дома и представляли собой многоэтнические подразделения, в которых происходило формирование того, что называли «воинским братством». В индивидуальном сознании военнослужащих укоренялось чувство принадлежности к единому народу, чувство патриотизма.

Коллективы крупных предприятия в СССР тоже были многоэтническими, ибо их кадровый состав, особенно инже-

нерно-технические кадры, формировался за счет централизованного направления выпускников технических (и всех других) вузов на конкретные предприятия. Эти предприятия могли находиться в любой из национальных республик. Немалую роль в формировании единого социального и культурного пространства страны играло перераспределение трудовых ресурсов и квалифицированных кадров, но и сам характер экономического развития страны. В практике промышленного развития территорий была распространена такая форма, как «всесоюзные ударные стройки». На эти стройки люди ехали со всей страны, ибо здесь уровень заработной платы был выше; на них направлялись отряды добровольцев, сформированные в разных регионах СССР. Совместный труд на значимых стройках и предприятиях также способствовал поддержанию мифологемы «дружбы народов».

Реформа школы 1958 г. предоставила родителям учеников право самим определять, на каком языке их дети должны обучаться в школах. Прежде в национальных школах в автономных республиках и округах обучение в начальных классах полностью шло на местных языках, а затем начиналось углубленное изучение русского — и в старших классах уже все предметы преподавались на нем. В союзных республиках были школы, где все обучение шло на русском языке или на языке «титულიной национальности». При этом в одних школах как предмет преподавался русский язык, а во-вторых — язык титульного народа. После 1958 г. в автономных республиках и округах начался переход на русский язык обучения. Этот процесс стимулировался обращениями родителей учеников, которые желали, чтобы их дети учились в «русских школах»: было распространено мнение, что качество обучения в них выше и дает больше шансов для поступления в вузы.

Экономическая несостоятельность и неконкурентоспособность советской модели хозяйствования в итоге привела к тому, что уровень жизни людей стал падать, обострилась ситуация на потребительском рынке, дефицит товаров и услуг стал хроническим и повсеместным явлением. На волне нарастания общественного недовольства руководство страны начало политические реформы, и эти реформы показали, что **советская политика культивирования различий создала реальный фундамент не просто для политизации этничности, но превратила идеологию этнического национализма в самую распространен-**

ную форму политических идеологий как в позднем СССР, так и на постсоветском пространстве.

Приход к власти в 1983 г. М.С. Горбачева ознаменовался политикой перестройки, суть которой сводилась к открытому диалогу с Западом, ослаблению политического доминирования Коммунистической партии (политика демократизации), расширению возможностей для свободного обсуждения всех проблем общественной и политической жизни (политика гласности), расширению хозяйственной самостоятельности предприятий и легализации частной инициативы в хозяйственной жизни (кооперативное движение). Ослабление политико-идеологического диктата центра, растущая хозяйственная самостоятельность, открытие советского общества для внешнего мира и внешние воздействия были однозначно прочитаны частью националистически настроенной интеллигенции и республиканскими бюрократиями как возможность осуществления самоопределения через сецессию (отделение). Общим лозунгом для всех региональных политических программ были демократизация и децентрализация — цели, которые внешне вполне совпадали с целями горбачевской реформы. Однако националистическая политика со стороны периферии носила поэтапный характер: хозяйственный расчет — суверенизация — новые договорные отношения — независимость. Эта поэтапность оказалась реализованной из-за грубых ошибок центральной власти и конфликта властной элиты в самом центре. Сыграли свою роль и внешние факторы поддержки дезинтеграционных сил внутри самого СССР.

Еще до распада страны центральная власть столкнулась с острыми кризисами в некоторых союзных республиках, где активизировались радикально-националистические силы, а также с рядом открытых этнических конфликтов, которые она пыталась решить в основном мирными средствами. Не получили адекватной реакции первые этнические погромы и другие формы насилия в Сумгаите, Фергане, Оше. Ни Верховный Совет, ни сам Горбачев не смогли принудить к согласию враждующие стороны в Карабахском конфликте. Использование армии против массовых выступлений в Литве, Грузии и Азербайджане дало противоположные результаты, а именно дискредитацию власти Кремля и мобилизацию радикально-националистических сил и сторонников выхода союзных республик из состава СССР.

Перестроечный период обозначил проблемы, с которыми встретился СССР в ситуации кризиса элит, их борьбы за власть и взрывного роста этнонационализма, включая его крайнюю форму — сепаратизм. Прежние формулы интернационализма, дружбы народов и единого советского народа дали сбой. Большую популярность в среде политиков и интеллектуалов приобрели идеологические концепты «национального освобождения» и «национального самоопределения». Лауреат Нобелевской премии в области литературы А.И. Солженицын в своих «посильных соображениях» так образно описал ситуацию, а точнее, выразил свое достаточно спорное видение «национальных проблем» (он это обозвал «национальным изводом») в СССР: «Сегодня видится так, что мирней и открытей для будущего: кому надо бы разойтись на отдельную жизнь, так и разойтись. И именно при этом всеместном национальном изводе, заслоняющем нам остальную жизнь, хоть пропади она при этой страсти, от которой сегодня мало кто в нашей стране свободен.

Увы, многие мы знаем, что в коммунальной квартире порой и жить не хочется. Вот — так сейчас у нас накалено и с нациями.

Да уже во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови — да и не надо удерживать такой ценой! Как у нас все теперь поколесилось — так все равно “Советский Социалистический” развалится, все равно! — и выбора настоящего у нас нет, и размышлять то не над чем, а только поворачиваться проворней, чтоб упредить беды, чтобы раскол прошел без лишних страданий людских, и только тот, который уже действительно неизбежен»¹.

Эту позицию явно не разделяла как центральная власть, так и большинство населения страны (опросы и референдум 1991 г. подтвердили это), хотя большинство населения ряда союзных республик (три прибалтийские республики, Грузия, Азербайджан) было настроено на выход из СССР. Горбачевское руководство пыталось разрулить ситуацию типичными съездовскими решениями и использованием против собственных граждан необученной для этих целей армии. Осторожный

¹ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л., 1990.

поворот от проводимой политики в области национальных и федеративных отношений был сделан на Всесоюзной XIX партконференции 1988 г. Конференция повторила прежние партийные установки: в докладе Горбачева говорилось, что «Союз выдержал проверку временем» и что ведущей тенденцией в формуле «расцвет и сближение наций» является сближение социалистических наций, цементирующее новую историческую общность — «советский народ». В то же время было отмечено, что «сближение наций» не означает их слияния. В специальную резолюцию «О межнациональных отношениях» было включено положение о необходимости расширения прав союзных и автономных республик, законодательного разграничения компетенции СССР и союзных республик, ограничения вопросов в ведении СССР, а также «образования специального государственного органа по делам национальностей и национальных отношений»¹.

К попыткам найти «национальный ответ» можно также отнести проведение специального Пленума ЦК КПСС в 1989 г. по вопросам межнациональных отношений. Обсуждались эти вопросы и на XXVIII съезде КПСС в 1990 году. На пленуме был принят документ — платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», в котором опять же речь шла о «последовательном отстаивании принципа национального самоопределения», правда, уже через «обновленную федерацию». В резолюции съезда по проблемам межнациональных отношений вместо обычной фразы об укреплении дружбы народов и воспитании трудящихся в духе интернационализма и советского патриотизма целью национальной политики определялось «всяческое содействие и создание условий для свободного развития и обеспечения прав граждан, принадлежащих к национально-культурным общностям»². Но в выступлениях делегатов съезда и внутри самой партии все больше возобладали этнонационалистические взгляды на ситуацию в стране и на ее будущее. Коммунистам республиканских организаций, не говоря уже о мощных

общественных движениях, все больше хотелось «полнокровного национального самоопределения».

В 1989—1990 гг. власть от КПСС фактически перешла к выбранному на альтернативной основе законодательному органу власти в лице Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, за которым на очередь владеть центром встало руководство РСФСР. Союзный парламент принял ряд законов по вопросам государственного устройства, но среди них не было ни одного по национальному вопросу, хотя депутатский корпус достаточно справедливо отражал этнический состав населения страны, а сам ход дискуссий напоминал не парламент единого государства, а некую «ассамблею наций», лоббировавших исключительно свои этнические или региональные проблемы.

Союзный центр в национальном вопросе старался проводить политику уговаривания и резонансов в пользу сохранения общей страны. М.С. Горбачев и его окружение были деморализованы трагическим исходом силовых разгонов массовых антиправительственных выступлений в Тбилиси, Баку, Вильнюсе. Опубликованные позднее командой Горбачева документы «Союз можно было сохранить»¹, а также одна из первых подборок документов по истории распада СССР² подтверждают эти искренние, но малорезультативные усилия. Верховный Совет РСФСР, возглавляемый Б.Н. Ельциным, действовал более напористо. В условиях мощного сепаратистского давления республик Прибалтики, Закавказья, Украины вопрос о судьбе государства в огромной степени зависел от позиции России. Вокруг Ельцина сложилась группа советников по данному вопросу (Г.В. Старовойтова, С.Н. Станкевич, Ю.Н. Афанасьев, Р.Г. Абдулатипов), которые исходили из концепта безоговорочного признания права наций на самоопределение вплоть до отделения, понимая под нациями не гражданские, территориальные, а этнические сообщества. Идеалом им представлялось переустройство СССР в форме «союза государств» как неизбежного и даже исторически закономерного процесса упразднения «советской империи».

¹ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 66–67; Т. 2. С. 157–158.

² Резолюции XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 18–22.

¹ Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е перераб. и доп. изд. М., 2007.

² Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / Сост. А.П. Ненароков и др. М., 1992.

В этой драматической ситуации Россия во главе с Ельциным стала фактическим вершителем бурно развивающихся процессов. Верховный Совет РСФСР, начиная с принятия Декларации о государственном суверенитете, стал жестко ставить перед союзным Центром свои условия, объявив о приоритете законов РСФСР над законами СССР. Выступая в мае 1990 г. на I Съезде народных депутатов РСФСР, Б.Н. Ельцин потребовал «полнокровного суверенитета»: «Многолетняя имперская политика центра привела к неопределенности нынешнего положения союзных республик, к неясности их прав, обязанностей и ответственности». Больше всего от старой системы страдает Россия, и она должна принять собственную конституцию как суверенное демократическое государство и построить свои отношения с другими республиками на договорной основе. Этот принцип суверенности должен был быть распространен и на субъекты Российской Федерации, которыми должны стать как национально-автономные, так и территориально-экономические образования¹. На этом же заседании М.С. Горбачев выступил против «суверенитета, доведенного до абсурда», и сказал, что «без России Союз вообще немислим».

Становилось очевидным, что в СССР наряду с экономическим, политическим, идеологическим кризисом имел место кризис национально-государственного устройства и гражданской идентичности, который выражался в том, что часть советских граждан и региональных элит не воспринимали себя как представителей единого сообщества граждан.

Во взаимосвязи с кризисом гражданской идентичности начался бурный процесс мобилизации этничности. Этнический национализм, нередко в его самых радикальных формах, стал определять характер движения бывших советских республик к новой государственности, включая РСФСР. Перед новыми политическими силами России встала задача дать ответы на эти вызовы, найти правовые механизмы разрешения конфликтов. Первой в этом ряду стояла задача реформирования старой модели федерализма, унаследованной Россией от СССР. Отсюда и заявления Б.Н. Ельцина в сентябре 1990 г. на сессии Верховного Совета РСФСР: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Это было вызвано

борьбой с Союзным центром за автономию РСФСР, а также личной борьбой Ельцина с Горбачевым за власть в Кремле. Борьба завершилась в декабре 1991 г., когда лидеры трех крупнейших республик (Украины, РСФСР и Белоруссии) без согласования с лидерами других республик подписали Беловежское соглашение, признававшее, что СССР как политической реальности более не существует.

Распад СССР произошел в форме восстания взбунтовавшихся провинций против федерального центра, и это еще раз доказывало явный дефицит интеграционной политики в бывшем Советском Союзе и уязвимость советского этнического федерализма. Суперцентрализация страны и сосредоточение всех политических, экономических и финансовых институтов в одном месте, а также глубокие диспропорции в социально-экономическом развитии союзных республик рождали недовольство политическим центром, который противопоставлял себя периферии. Сверхцентрализованная система в сочетании с этническим федерализмом оказалась весьма неустойчивой политической моделью, что доказал опыт распада СССР.

Формирование государственной национальной политики Российской Федерации

Этнонациональная политика Российской Федерации, политическое руководство которой имело перед глазами свежий пример распада супердержавы, очевидно должна была строиться на ином, нежели советская модель, фундаменте. И действительно, в основание этнополитики РФ были положены принципы, которые должны были обеспечивать наиболее полное выражение интересов этнических общностей и групп, составляющих население страны. Во-первых, эта политика строилась исходя из того, что в поле национальной политики попадают все народы, в том числе и не имеющие национально-государственных образований, включая русских. Во-вторых, она предусматривала возможность «разгосударственного» самоопределения народов через систему этнокультурных объединений и ассоциаций, в частности — через национально-культурную автономию. В-третьих, власти Российской Федерации предприняли усилия для того, чтобы исправить несправедливости советского режима, допущенные им в отношении целого ряда народов (этнических групп), и

¹Известия. 1990. 25 мая.

сделать саму систему этнической самоорганизации и культурный выбор человека свободными от диктата со стороны государства. В-четвертых, менялся характер федеративных отношений, и соответственно менялось содержание этнического федерализма, унаследованного от СССР. Свидетельством тому стало подписание Федеративного договора, что явилось первым крупнейшим политическим событием после распада СССР. Федеративный договор был подготовлен и подписан в Кремле 31 марта 1992 г. полномочными делегациями всех субъектов Федерации (кроме Татарстана и Чечено-Ингушетии, а Башкирия подписала его особым протоколом — приложением). Принятый документ означал шаг вперед в упорядочении государственного устройства России уже одним тем, что впервые обозначил составные части Федерации — ее субъекты, хотя и нес в себе «мины замедленного действия», в частности неравноправие субъектов Федерации. Подписание Федеративного договора сняло нарастающее напряжение внутри государства.

При всей его противоречивости, Федеративный договор заложил основу для будущей Конституции России. Новая Конституция Российской Федерации, принятая всенародным референдумом 12 декабря 1993 г., стала подлинно демократической, несмотря на некоторые непоследовательные формулы относительно ограничителей и принципов сменяемости высших органов власти и должностных лиц.

Отметим наиболее важные положения и новации Конституции применительно к этническому фактору. В отличие от всех конституций советского периода, в новой Конституции Российской Федерации нет раздела «Национально-государственное устройство», как нет и градации субъектов Федерации на национально-государственные, административно-территориальные и национально-территориальные. При этом принципиально важным стало признание равноправия всех субъектов Федерации. Конституция не предусматривает за субъектами Федерации ни права, ни процедуры их выхода из состава Федерации. **Таким образом, однозначно трактуется право народа на самоопределение как самоопределение в составе Российской Федерации.** Свободным стало толкование национальной принадлежности, граждане обрели право самостоятельно определять и указывать свою национальность, в то

же время никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности.

В целом Основной закон значительно обогатился терминами, относящимися к понятиям «народ», «нация», «национальность», что расширяет возможность правового регулирования процессов этнокультурного и этнонационального развития, нациестроительства. Например, преамбула Конституции («Мы, многонациональный народ Российской Федерации...») позволяет трактовать понятие «многонациональный народ» как тождественное понятиям «российская нация», «россияне», в смысле политической нации и гражданства. Согласно новой Конституции, в России закреплена модель кооперативного федерализма. Выбор этой модели был продиктован политическими реалиями начала 90-х гг. — конкретной расстановкой политических сил, степенью напряженности взаимоотношений центра и регионов. Субъекты должны были реально «видеть» себя в Федерации, чтобы родились необходимые правовые условия и стимулы для сотрудничества и кооперации.

Для реализации практической политики в области регулирования отношений между этническими сообществами и между ними и государством были необходимы более конкретные решения и действия. С этой целью в декабре 1991 г. в структуре российского правительства был создан Государственный комитет Российской Федерации по национальной политике — Госкомнац РФ. В январе 1994 г. Госкомнац РФ был преобразован в Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (Миннац РФ), наименование которого менялось несколько раз. В 2001 г. Миннац был упразднен. С декабря 2001 г. по март 2004 г. Министром («без портфеля») по вопросам межнациональных отношений был В.Ю. Зорин. В 2004 г. вопросы межнациональных отношений переданы в Министерство регионального развития Российской Федерации, в котором образован специальный департамент. С 2014 г. действует Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН).

Именно благодаря усилиям Миннаца с помощью российских ученых была создана правовая и политическая основа российской этнополитики, суть которой была изложена в принятой в 1996 г. «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». В Концепции, с

учетом Конституции и признанных Россией норм международного права, были определены принципы государственной национальной политики: равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии; право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества; содействие развитию национальных культур и языков народов Российской Федерации; своевременное и мирное разрешение противоречий и конфликтов; запрещение любых форм ограничения прав граждан по национальному признаку, а также действий, направленных на разжигание национальной розни, ненависти, либо вражды; сохранение исторически сложившегося единства и целостности Российской Федерации.

Концепция стала не только правовым, но и доктринальным актом в вопросах государственной политики в сфере этнонационального развития России. Особенность новаций состояла в следующем. Понятие «нация» употреблялось в двух значениях: как политическая, или гражданская, нация и как культурная, или этнонация. Вся международно-правовая практика и доктринальный язык современных государств (кроме постсоветских и постюгославских) оперируют первым значением этого слова. Многие культурные, политические, сепаратистские движения, организации и даже республики в составе РФ пользуются его вторым значением. Концепция на тот момент еще не вводила категорию гражданской российской нации, но ограничивала этническое понимание нации своим предпочтением использовать в официальном языке такие достойные понятия, как «народы» или «национальности». Гражданское и этнокультурное значения понятия «народ» не противоречат друг другу, и принадлежность конкретного человека к обоим или нескольким типам общностей не является взаимоисключающей.

Концепция более глубоко и современно трактовала понятие самоопределения как формы обеспечения права гражданских и этнокультурных общностей на выбор самостоятельных путей национального и культурного развития, форм политического управления. Самоопределение в рамках многоэтнических государств осуществляется в двух основных формах: внутренних территориальных образований и экстерриториальной национально-культурной автономии. Поэтому существование респу-

блик в составе Российской Федерации признается важнейшей формой внутреннего территориального самоопределения.

Второй важной формой самоопределения Концепция определяла экстерриториальную национально-культурную автономию (в 1996 г. был принят федеральный закон о национально-культурной автономии). Ее субъектом могут быть любые этнокультурные общности независимо от территории расселения и статуса. Это прежде всего право на отправленные разнообразные запросы граждан, которые возникают на основе их этнокультурной принадлежности и самосознания. Предусматривается возможность, помимо образовательно-культурной деятельности любого уровня, культурно ориентированной предпринимательской деятельности, право общинной собственности и — самое важное — право на особые формы политического представительства и законодательную инициативу.

В Концепции проводился принцип гражданского равноправия и равных прав народов. Все народы России определяются как государствообразующие, если речь идет обо всей стране, хотя отмечается историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны. Именно через эту культурную систему граждане России независимо от национальной принадлежности способны в полной мере реализовать свои социальные возможности и политические права в общероссийском общественном пространстве.

Выборы парламента — Федерального Собрания Российской Федерации в декабре 1993 г. открыли новую страницу в истории многонациональной России. На законодательном уровне в обеих палатах — Государственной Думе и Совете Федерации, в соответствующих комитетах и комиссиях стали подниматься проблемы межэтнических отношений. Законодательная работа над этими проблемами в Государственной Думе первого (1993—1995) и второго (1995—1999) ее созывов стала одним из основных направлений ее деятельности. Стали проводиться парламентские слушания по национальной проблематике¹.

При этом ситуация в стране в 1990-е гг. характеризовалась, с одной стороны, резким ростом межэтнического про-

¹ Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных думах России: Опыт законотворчества. М., 1999. С. 314—316.

тивостояния и конфликтности, а с другой — активной политизацией этничности. Мобилизованная этничность находила отражение в политических практиках региональных властей и закреплялась в законодательных актах, декларациях этнополитических организаций, нередко носивших откровенно дискриминационный характер. В 1990-е гг. в Российской Федерации выделились три очага этнической нестабильности. Самый «горячий» — на Северном Кавказе с его масштабными этнополитическими военными конфликтами (Чечня, Северная Осетия, Ингушетия, Дагестан, частично районы Ставропольского края). В 2000-е гг. ситуация в Чечне обрела стабильность, но экстремистско-террористическое подполье под маркой «Имарата Кавказ» возникло в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Негативное влияние этого очага распространилось на часть сельскохозяйственной зоны России — территорию Предкавказья, нижнее Поволжье и южный Урал, а также южные области российского Черноземья.

Второй очаг напряженности возник в промышленном Волго-Уральском регионе с центрами повышенной конфликтности в Татарстане и Калмыкии. Эти две республики были в состоянии дестабилизировать обстановку во всем регионе и тем самым разредить общее экономическое пространство европейской и сибирской частей России, но со второй половины 1990-х гг. ситуация здесь начала стабилизироваться с опорой на социально ориентированное хозяйственное развитие.

Третий очаг развился на юге Восточной Сибири. Там межэтническая напряженность усилилась в результате сепаратистских проявлений в Тыве и Бурятии, образующих вместе с Хакасией и Республикой Алтай потенциальную полосу нестабильности вдоль границы России с Монголией и Китаем. Но и здесь за последнее десятилетие положение изменилось к лучшему.

Мониторинг этнонационализма в России показал, что наибольшее развитие в 1990-е гг. получили риторика сепаратизма и конституционные разногласия между Федерацией и ее субъектами. Заметно меньше были выражены готовность к выходу из состава Федерации и противостояние в экономической сфере. Проблемы конституционных разногласий между Федерацией и ее субъектами были связаны не только с трудностями раздела собственности, распределения власти, но и с несовершенством механизма выработки законов. Россия и

ее регионы в исследуемый период пополнили свою юридическую базу тысячами новых актов, однако многие из них неоднократно подвергались изменениям. Вместе с тем риторика стремления к независимости и ее проявления в законодательстве редко выражались в крайних формах. Лишь Чеченская Республика заявила о выходе из Федерации, а Татарстан готов был идти в вопросах независимости на компромиссы.

Российские власти не были последовательны в своих действиях, касающихся как формирования общих принципов государственной национальной политики, так и использования конкретных механизмов решения этнонациональных проблем. Отчасти это было связано с необходимостью политического лавирования между интересами федерального центра и интересами субъектов на начальном этапе постсоветской истории. Более всего, конечно, на политическое развитие страны и ее регионов влияла неопределенность стратегических целей и политических идей новой власти, в первую очередь недостаточно ясно сформулированная ориентация на гражданские идеалы и ценности, на формирование гражданского единства и согласия, общегражданской идентичности.

Подобная неопределенность привела к тому, что договорной федерализм понимался как аргумент в пользу этнизации социального и культурного пространства «национальных» республик и округов, и стала стимулом для формирования на местах моделей этнического национализма¹.

В конце 2000-х гг. руководство страны вынуждено было обратить внимание на положение дел в сфере межнациональных отношений, ибо межэтнические столкновения и ксенофобские выходки происходили не только в дальних городах типа карельской Кондопоги, но уже и в столице. Проявления межнациональной розни все чаще наблюдались в армейских коллективах и даже в школах. Столкновения на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. стали сигналом, указавшим на перекосы в практике реализации этнополитики и на необходимость изменения подходов к ее формированию.

За постсоветский период в федеральной и региональной государственной национальной политике сложились три основных подхода, на основе которых осуществляется регули-

¹ Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротаева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.

рование межэтнических отношений: алармистский, лоялистский, интеграционистский. Каждый из них имеет право на существование, но между этими подходами необходимо было найти некий разумный баланс, который в первые постсоветские годы найден не был. Как правило, этнополитика опирается только на два первых подхода. Тогда как интеграционистский подход опирается не на идею отличий, а на идею общности, а потому в его основе должны лежать механизмы, способствующие укреплению общероссийской идентичности и гражданской солидарности россиян.

В 2000-е гг. стали предприниматься попытки придать этническую окраску тем сферам общественного бытия, которые носят интернациональный, общечеловеческий характер, которые призваны объединять людей, а не различать их по принципу культурной оппозиции «свой—чужие». В эти годы лидеры и активисты этнонациональных организаций заговорили об этнической религии, этнической моде, этнических конкурсах красоты, этнических спортивных турнирах и начали превращать свои воззрения в культурные практики. В числе таких этнокультурных акций традиционными стали Дни национальных культур, празднование Сабантуя, создание «национальных подворий» и «национальных деревень» на окраинах республиканских и областных центров, проведение фестивалей украинской, немецкой, татарской и т.д. культур, поддержка национально-культурных автономий. Иными словами, акцент делался на пропаганду культурного многообразия и демонстрацию этого многообразия в фольклорно-фестивальной форме. Такая практика способствовала восприятию культурного пространства России и ее регионов как полиэтничного, но нередко названные акции расценивались населением (а особенно молодежью) как своеобразные и очередные шоу, которые проводятся для развлечения зрителей и не связаны с многонациональной природой российского общества и его проблемами.

Идея гражданской интеграции российского общества присутствовала в сфере публичных дискуссий, и многие эксперты, журналисты указывали, что для упрочения государственного единства страны необходимы усилия властей и выработка программы интеграции российского общества, которая должна стать ключевым элементом государственной национальной политики.

Современная стратегия государственной национальной политики

В последнее десятилетие идея гражданской интеграции российского общества вышла на передний план в сфере публичного дискурса. Многие эксперты, политики, журналисты указывали, что для упрочения государственного единства страны необходима выработка программы интеграции российского общества, которая должна стать и ключевым элементом государственной национальной политики. С начала 2000-х гг. российские власти начали предпринимать масштабные акции, направленные на формирование единого политического, правового и экономического пространства страны. С 2004 г. лидеры государства заговорили о российской нации как о политической реальности и о необходимости обеспечения гражданской солидарности россиян.

В середине 2000-х гг. стало ясно, что суть национальной (этнической) политики должна состоять в укреплении государственного единства, координации усилий государственных органов в при решении проблем этнических общностей, в организации их диалога с властью, согласовании действий всех заинтересованных сторон при решении проблем культурного развития этнических групп, гармонизации межэтнических отношений и урегулировании этнополитических конфликтов. Осознание этого факта привело к тому, что в 2012 г. был создан Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям, в состав которого вошли специалисты в области этнополитики, представители общественных движений, основных конфессий, журналисты. Тем самым было продемонстрировано, что этническая политика должна представлять собой синтез усилий различных государственных ведомств и общественников в реализации цели построения стабильного и интегрированного гражданского общества.

Значимость координации между институтами власти и гражданского общества при проведении этнополитики была особо подчеркнута в утвержденной В.В. Путиным 19 декабря 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Данный документ не был лишь декларацией намерений, а был построен как руководство к действию по следующей схеме: оценка проблемных ситуаций — постановка политических целей и

задач — определение механизмов реализации сформулированных целей¹.

Важным изменением в доктрине российской этнополитики стал тот факт, что руководство государством не только признало политическое значение, но всячески утверждало идею российской нации. В 2004 г. на встрече в г. Казани по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений В.В. Путин впервые заявил, что «есть все основания говорить о российском народе как о единой нации» и о необходимости укреплять исторически сложившееся национальное единство россиян. В 2008 г. Д.А. Медведев сказал похожие слова, подтвердив тем самым линию высшего руководства страны на формирование общероссийской национальной идентичности. Во время президентской кампании 2012 г. основной кандидат в президенты страны В.В. Путин уже в первой программной статье изложил свое видение вопроса, ибо, по его мнению, «для России — с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур — национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»². Одним из важных положений статьи была оценка праздника 4 ноября — Дня народного единства. Этот день есть праздник победы «над внутренней враждой и распрями, когда сословия, народности осознали себя единой общностью. Мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации»³.

Принципиально важным было то, что такой весомый документ, как «Стратегия...», принятая в первый год нового президентского срока В.В. Путина, имела однозначную общегражданскую направленность. Важнейшим ее положением была нацеленность на «укрепление гражданского самосознания и духовного единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации)». «Русская нация» и «многонациональный народ Российской Федерации»

¹ См.: Зорин В.Ю. Тексты и политика: к истории формирования постсоветской модели этнополитики // SCHOLA-2016. Политическая текстология и история идей. М.: Изд-во МГУ, 2016. С. 217–225; Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2014. Вып. 236.

² Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

³ Там же.

рассматривались в названном документе как синонимы, что демонстрировало намерение властей не противопоставлять этничность согражданству, а добиваться того, чтобы «политика согражданства» сопровождалась сохранением культурного многообразия страны, а гражданская российская идентичность не противопоставлялась этнической (культурной) идентичности, а сосуществовала вместе с ней. Для реализации идеи гражданской интеграции предусматривался комплекс мер. Причем важную роль в укреплении единства российской нации должны играть такие институты, как армия, школа, учреждения культуры, а деятельность по укреплению «государственного единства» и «единства народа» должна быть межотраслевой и стать общей заботой всех структур власти.

Важной частью этнополитики было не только формирование российской гражданской идентичности и оптимизация межобщинных отношений, но и профилактика межнациональной напряженности через формирование системы мониторинга, борьба с различными проявлениями межэтнической вражды и экстремизма, а также «гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений».

В числе важнейших целей национальной политики в Стратегии были обозначены сохранение этнокультурного многообразия России и обеспечение успешной социальной и культурной адаптации мигрантов. Стратегическая линия в этой сфере обрела не только ясные цели, но идейную определенность, ибо российские лидеры заявили, что государственная национальная политика должна носить сбалансированный характер и избавиться от тех дисбалансов, которые прежде имели в ней место, в первую очередь это касается усиления роли интеграционного подхода.

Одна из первоочередных задач интеграционной политики — формирование культурного образа российской нации, превращение политической идеи в зримые и привлекательные «продукты», являющиеся результатом художественного и научного творчества. Отсюда вытекает задача усиления гражданских начал в школьном воспитании, ибо школа есть один из важнейших институтов социализации личности. У молодежи необходимо воспитывать понимание того, что Россия исторически формировалась как поликультурное и поликонфессиональное сообщество, а также формировать, как сказано в Стратегии, «общероссийское гражданское самосознание».

Можно уверенно сказать, что Стратегия 2012 года «ушла в народ», ее содержание начали изучать и использовать в системе региональных органов власти и органов муниципальной власти, пропагандировать в СМИ, преподавать в вузах. В поддержку и в развитие ее идей отечественными этнологами, социологами, психологами, политологами были выполнены многочисленные научные исследования российской идентичности, осуществлялся мониторинг межэтнических отношений. За последние годы вышла целая библиотека академических изданий и публицистических работ по вопросам национальной идентичности, гражданскому националстроительству, российскому патриотизму, состоянию межэтнических отношений¹.

Согласно установленному порядку обязательного обновления каждые пять лет документов государственного стратегического планирования, в 2017 г. был инициирован процесс подготовки новой редакции Стратегии государственной национальной политики. 7 декабря 2018 г. был опубликован Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года». Чем примечательна новая редакция Стратегии, если к ней подходить как к наиболее цельной презентации государственной доктрины² в настоящий момент развития?

Документ гласит, что его цель — обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранение этнокультурной самобытности ее народов,

¹ См. обзорную публикацию: Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики // Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва / Под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018. Среди коллективных трудов отметим: Этническое и религиозное многообразие России. 2-е доп. изд. / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018; Российская идентичность. Психологическое благополучие. Социальная стабильность / Под ред. Ю.П. Зинченко. М.: Изд-во МГУ, 2017; Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / Под ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2017; Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении: Социокультурный и религиозный контексты / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.

² Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры // Вестн. Российской нации. 2018. № 1. С. 13–30.

обеспечения конституционных прав и свобод граждан. Основывается Стратегия на принципах демократического федеративного государства. При этом учитывается многовековой историко-культурный опыт становления и развития российской государственности, основанный на взаимодействии и сотрудничестве народов, населяющих Российскую Федерацию. При наличии в стране противников концепции российской нации из числа этнонационалистов разной категории, а также отрицателей российского национального проекта в пользу православно-цивилизационного подхода, важно, что новая редакция Стратегии закрепляет концепт российской нации, развивая содержание этого понятия и других базовых понятий, которые используются в документе.

Отметим, что впервые в доктринальном документе о государственной национальной политике формулируются основные дефиниции как результат выполнения поручения Президента РФ Российской академии наук о создании Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. В новой редакции Стратегии используются следующие предложенные Научным советом основные понятия:

а) *государственная национальная политика* Российской Федерации — это система стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленными на обеспечение межнационального согласия, гражданского единства, поддержку этнокультурного и языкового многообразия в Российской Федерации, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, предупреждение конфликтов и проявления экстремизма на национальной и религиозной почве;

б) *многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)* — сообщество свободных, равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием;

в) *гражданское единство* — основа российской нации, признание гражданами Российской Федерации ее суверенитета, государственной целостности, единства правового пространства, общегосударственного исторического и культур-

ного наследия, этнокультурного и языкового многообразия, равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, солидарность в достижении целей и задач развития общества;

г) *общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)* — понимание гражданами их принадлежности к своей стране, ее народу, государству и обществу, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, ответственности за судьбу страны, а также приверженность базовым ценностям;

д) *межнациональные (межэтнические) отношения* — взаимодействие людей (групп людей) разных национальностей (этнической принадлежности) в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни Российской Федерации, оказывающих влияние на ее этнокультурное и языковое многообразие и гражданское единство;

е) *национально-культурные потребности (этнокультурные потребности)* — потребности людей (групп людей) в самоидентификации, сохранении и развитии своей культуры и языка;

ж) *народы, национальности, этнические общности* в Российской Федерации — национальный и этнический состав населения Российской Федерации, образующий этнические общности, свободно определяющих свою национальную и культурную принадлежность людей;

з) *этнокультурное и языковое многообразие* — совокупность всех этнических культур и языков народов Российской Федерации.

Включение в текст Стратегии раздела с основными понятиями было продиктовано тем, что обновленный язык государственной национальной политики, который в большей степени отражает российскую реальность и современное научное знание, далеко не всегда адекватно понимается «потребителями» Стратегии из числа государственных служащих, медийных работников, общественников. Кроме того, как показал опыт предыдущей редакции документа, где не было основных дефиниций, скрытые и явные противники и критики концептуального содержания Стратегии намеренно искажали или оглуляли ее основные положения. Больше всего, конечно, доставалось понятию *российская нация*: одни считали, что в России не может быть гражданской нации, ибо еще нет и настоящего гражданского общества, другие запугивали угрозой

отмены всех других наций, их переделкой в одну нацию типа советского народа, который «приказал долго жить». Раскрытие содержания этого фундаментального концепта призвано ослабить позиции отрицателей гражданской нации в России и развеять опасения насчет судьбы этнонаций в Российской Федерации.

Стратегия определила цели государственной национальной политики:

а) укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов;

б) укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации);

в) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;

г) сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества;

д) гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений;

е) успешная социальная и культурная адаптация иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество.

Помимо целей в Стратегии прописаны также приоритеты госнацполитики, среди которых:

а) сохранение русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения;

б) профилактика экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве;

в) создание дополнительных социально-экономических, политических и культурных условий для улучшения социального благополучия граждан, обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия в Российской Федерации, прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью, со сложным этническим и религиозным составом на-

селения, а также на приграничных территориях Российской Федерации;

г) соблюдение прав коренных малочисленных народов Российской Федерации;

д) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Российской Федерацией и добровольному переселению в Российскую Федерацию.

Раздел Стратегии с оценкой состояния межэтнических отношений изменился незначительно по сравнению с прежней редакцией, хотя именно вокруг одного из его положений было больше всего эмоционального накала в ходе подготовки документа. Речь идет об оценке роли русского народа и русской культуры в истории российской государственности и их месте в современной России. Среди сторонников русского национализма в его наиболее радикальных формах есть давняя позиция о необходимости конституировать доминирующий статус представителей этнического большинства, самого крупного народа Российской Федерации, и определить его место как государствообразующего народа по сравнению с другими народами страны. С этой позицией сталкивались также разработчики Концепции 1996 года и первой редакции Стратегии 2012 года, но при этом они ограничивались формулировкой о ведущей роли русского народа и русской культуры.

С учетом отрицательного мнения по данной позиции представителей нерусских народов, прежде всего мнения российских республик, которые согласовывали проекты всех этих документов, разработчики новой редакции считали, что запись об одном государствообразующем народе может вызвать неблагоприятные последствия в сфере межэтнических отношений, не говоря уже о том, что она противоречит Конституции. В итоге в настоящем тексте изложены следующие очень важные оценки относительно т.н. русского вопроса. В разделе II (пункт 11) записано: «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный

труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь, коллективизм».

В этот же ряд концептуальных положений в новую редакцию включена и следующая запись относительно содержания российской гражданской идентичности: «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру».

Последняя запись является новацией, и за нее особенно ратовали активные сторонники т.н. цивилизационного подхода, которые видят Россию не как государство-нацию, а как «государство-цивилизацию». Как хорошо известно, вокруг метафоры цивилизаций выстроена масса давних и разных историософских суждений, которые с трудом выдерживают научную критику (чего стоит, например, концепт «конфликта цивилизаций»). Однако, само по себе понятие *цивилизация* широко используется в политике и в публицистике. Целый ряд стран с богатым историко-культурным наследием мирового значения и с высоким современным статусом позволяют называть себя и называться не только нациями, но и цивилизациями. Поэтому можно говорить, например, о китайской, индийской, американской цивилизациях, в тоже время не отрицая существование этих крупнейших современных наций. Естественно, что имеется более чем достаточно оснований говорить и о российской (или русской) цивилизации в ее культурном значении без противопоставления этого обозначения феномену полиэтничной российской нации. На наш взгляд, в Стратегии найден этот баланс двух концептов в оценке российской государственности, русского народа и русской культуры мирового значения. В тоже самое время текст не допустил поверхностную риторику насчет «приоритета духовного над материальным», особой значимости соборного коллективизма и т.п.

В Стратегии подчеркивается задача создания организационно-правовых и экономических условий для расширения участия институтов гражданского общества, в том числе и межнациональных объединений, национально-культурных автономий, иных некоммерческих организаций, специализирующихся на проектах в области гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, в решении задачи государственной национальной политики Российской Федерации.

Особое внимание в документе уделено муниципальному звену, особенно вопросам повышения квалификации служащих. Еще один новый пункт — ожидаемые результаты от реализации Стратегии. Это укрепление единства страны, мирное разрешение межнациональных конфликтов, сохранение языков российских народов, поддержка коренных малочисленных народов РФ, создание условий для адаптации мигрантов. Среди проблем в этой сфере названы распространение терроризма и экстремизма, возникновение межнациональной и межрелигиозной розни, гиперболизация региональных интересов и сепаратизм, незаконная миграция, социальное неравенство населения, частичная утрата этнокультурного наследия, последствия этнотерриториальных конфликтов, отток русского и русскоязычного населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока.

Таковы основные этапы эволюции национальной политики в нашей стране, включая ее новейший период. Этот период мы начали с конца 1980-х гг. и заканчиваем декабрём 2018 года. Если говорить о главном итоге нескольких десятилетий, полных научных поисков и дебатов, общественных обсуждений, политических решений, то можно высказать следующее заключение. Главное состоит в том, что общими усилиями прлитиков и ученых выработан единственно возможный вариант существования и развития нашей страны как полиэтничного и поликонфессионального государства на основе *российского национального проекта* и его основной формулы «единства в многообразии». А вместе с этим **само понятие национальной политики, которая до этого фактически понималась только как этническая политика, наполняется новым и более адекватным содержанием как политика общенационального строительства и обеспечения национальных интересов нашего народа как полиэтничной гражданской нации.**

Контрольные вопросы и задания

1. Каким образом власти Московского царства и Российской империи регулировали отношения между государством и этническими сообществами?
2. Каковы особенности идеологического поля этнополитики Российской империи?
3. Каковы были принципы советской этнополитики?
4. Какие трансформации претерпела модель советской этнополитики и с чем они были связаны?
5. Каким образом изменилась государственная национальная политика в постсоветскую эпоху?
6. Какие подходы к формированию механизмов реализации этнополитики имели место в практике политического менеджмента в постсоветское время?
7. Каковы основные положения Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года?

Литература

- Антропология социальных перемен: Сб. статей / Под ред. Э. Гучиновой, Г. Комаровой. М.: РОССПЭАН, 2011.
- Ачкасов В.А., Бабавев С.А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры России. СПб., 2000.
- Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998.
- Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Суни и Т. Мартина. М.: РОССПЭАН, 2011.
- Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Языки славянской культуры, 1998.
- Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротяева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
- Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. М.: ИСПИ РАН, 2003.
- Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных думах России: Опыт законодательства. М.: Русский мир, 1999.
- Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональный и инфраструктурный аспекты: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 263. М.: ИЭА РАН, 2018.
- Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭАН, 2011.
- Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / Под ред. Л.М. Дробижеевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.
- Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва / Под ред. В.А. Тишкова; Сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018.

- Национальная политика в Российской Федерации / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1993.
- Паин Э.А. Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
- Паин Э.А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003.
- Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С. Национальные проблемы на постсоветской территории: Учебное пособие. СПб., 2001.
- Российская идентичность. Психологическое благополучие. Социальная стабильность / Под ред. Ю.П. Зинченко. М.: Изд-во МГУ, 2017.
- Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011.
- Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.: ИЭА РАН, 2004.
- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года //Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
- Тишков В.А. Этнология и политика. Статьи 1989-2003. М.: Наука, 2004.
- Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. Г.Н.Севостьянова. М.: ИРИ РАН, 2005.
- Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 1996.
- Шаббаев Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб., 2010.
- Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Под ред. Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова. М., 2012.
- Этническое и религиозное многообразие России. 2-е доп. издание / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018.
- Hirsh F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and Making of the Soviet Union. Chichester; Itaca; N.Y.: New Press, 2005.
- Russia Before and After Crimea: Nationalism and identity, 2010–2017 / Ed. by P. Kolsto, H. Blakkisrud. Edinburg: Edinburg University Press, 2018.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для того чтобы этнонациональная политика была эффективной, ее суть должна заключаться в организации диалога этнических общностей с властью, согласовании действий всех заинтересованных сторон при урегулировании этнополитических напряженности и конфликтов. Это требует координации усилий всех государственных органов. Этнополитика должна представлять собой синтез усилий различных государственных ведомств для оптимизации положения этнических сообществ и сбалансированного учета их интересов в общефедеральной и региональной политике. По мнению Ж.Т. Тощенко, «этнонациональная политика, как и политика в целом, представляет собой регулятивно-контрольную сферу, направляющую жизнь, деятельность и отношения (согласие, подчинение, господство и конфликт) между различными национальными и этническими сообществами. Национальная политика — это и средства, и методы, при помощи которых взаимодействие между людьми различной национальной и этнической принадлежности осуществляется посредством социальных и духовных атрибутов (культура, язык, менталитет, традиции и обычаи)»¹.

Но каким бы не было определение сущности этнополитики, очевидно, что речь в любом случае идет о способах вовлечения этнических общностей и групп в государственную политику и разных стратегиях их поведения в зависимости от политических систем в их странах. При этом исследователи этнонациональных проблем отмечают, что в полиэтничных странах вряд ли возможно создание единой и приемлемой для

¹ Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003. С. 137.

всех этнонациональной политики, какие бы идеалы всеобщего равенства в нее ни закладывались.

Исходя из этого нередко допускается некоторый отход от принципов универсального равенства, и этническим меньшинствам предоставляются некоторые преимущества. При этом очевидно, что в каждом конкретном случае нужны свои решения и особая программа действий. Отсюда вытекает, что этнополитика в полиэтничном государстве не может быть одновариантной, а должна представлять собой набор стратегий, адаптированных к условиям регионов, этническому составу их населения, характеру межэтнических связей и т.д. Такой подход требует, чтобы разработкой стратегий занимались не только госслужащие, но и специалисты в области этнополитики. Именно они должны разрабатывать для чиновников рекомендации и конкретные методы осуществления региональной этнополитики.

Вместе с тем адаптированные к местным условиям региональные стратегии не только не отрицают неких общих принципов и базового содержания государственной этнополитики, но и предполагают их наличие, ибо в противном случае государственные интересы могут быть принесены в жертву локальным интересам и стремлениям региональных политиков к получению политической выгоды за счет эксплуатации ресурса этничности. Об этих общих принципах и о сущности этнополитики отечественные этнологи и политологи дискутируют уже второе десятилетие. Наиболее полно их сформулировал М.Н. Губогло: «Содержание новой этнической политики состоит в расширении спектра самовыражения этничности путем разработки механизмов, способных примирить политико-правовые интенции и интегративные задачи государства по созданию юридически обоснованной солидарности граждан, т.е. согражданства, с жизненно важными социально-демографическими, культурно-языковыми и психологическими аспектами этнических общностей и групп. Долгосрочность ее вытекает из признания многоэтничности постоянно действующим фактором»¹.

Принимая такое понимание этнополитики как ее концептуальную основу, можно и нужно предложить для реализации

¹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. С. 721.

в практической деятельности государственных ведомств следующие основополагающие принципы:

- многоэтничность, в основе которой — признание культурного своеобразия различных групп и закрепление этой этнокультурной специфики в правовых нормах и программах ее поддержки;
- признание этнического многообразия имеющих место административно-политических образований и исключение из политической практики требований о совпадении этнических и административно-территориальных границ;
- целенаправленная политика по укреплению государственной целостности страны, основанная на понимании федерализма как динамичной системы совместной организации и сотрудничества между федеральным центром и субъектами и между самими субъектами;
- признание российского федерализма важным инструментом обеспечения баланса между этническим многообразием и государственным единством, одним из механизмов обсуждения и разрешения межэтнических конфликтов;
- равноправие граждан независимо от их этнической, языковой и религиозной принадлежности;
- закрепление права каждого гражданина определять свою единичную или множественную этническую принадлежность и права отказа от ее фиксации;
- создание условий, препятствующих проявлениям дискриминации и ограничению прав граждан по признакам этнической, языковой и религиозной принадлежности;
- запрещение и уголовное преследование деятельности, направленной на возбуждение социальной, этнической, языковой и религиозной розни в сфере межэтнических отношений;
- содействие сохранению и развитию этнических культур с целью оказания помощи этническим сообществам в деле межпоколенной передачи культурных традиций;
- содействие сохранению, развитию и функционированию языков этнических общностей, исходя из понимания того, что язык является механизмом этнокультурного самоопределения.

Эти принципы, так или иначе, присутствуют в документах, касающихся национально-культурного развития народов России, и в аналогичных международных правовых актах.

Вместе с тем государство не вправе навязывать этническим общностям ни этноцентричную модель развития, которая ведет к изоляции и обособлению этнического сообщества, ни ассимиляционную, которая вызывает противодействие и провоцирует конфликты. Однако идея культурной свободы должна быть акцентирована в концептуальных основах этнонациональной политики. Очевидно, что государство не должно противодействовать добровольной ассимиляции, неизбежной в полиэтничных и динамично развивающихся сообществах.

Гражданская интеграция, которая покоится на идее общих культурных и политических ценностей, может быть успешно совмещена и с идеей культурного плюрализма, хотя в России активисты этнонациональных движений и некоторые исследователи воспринимают эти идеи как антагонистические. Между тем подобный подход к интеграционной идее ведет к сегментации общества на этнические анклав, разрушению общенационального единства и, как следствие, к росту ксенофобии и расизма.

Реформы в сфере этнополитики на новом этапе начались с инициативы Президента РФ В.В. Путина привести в соответствие с федеральной Конституцией конституционно-правовые акты субъектов Российской Федерации — и прежде всего республиканские базовые правовые нормы, которые еще сохраняли положения эпохи «неограниченного суверенитета» и слабые гарантии прав человека нетитульной национальности. Для решения этой задачи в 2000 г. была введена система семи федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента России и сетью федеральных инспекторов непосредственно в субъектах Федерации. В течение нескольких лет были внесены поправки в республиканские конституции и законы. Федеральные округа сохраняются в системе государственно-административного устройства страны. В январе 2010 г. из Южного федерального округа был выделен Северо-Кавказский федеральный округ с центром в г. Пятигорске.

В сфере этнотерриториального устройства страны был начат процесс укрупнения субъектов Федерации за счет слияния автономных национальных округов с более крупными областями и краями. Меньше всего укрупнение субъектов преследовало цель лишить проживающие в автономных округах малочисленные народы атрибутов самоопределения, поддержки

их традиционного хозяйства и культурно-языкового развития. Всего было упразднено шесть автономных округов, и общее число субъектов Федерации составило 83, включая 21 республику, одну автономную область и четыре автономных округа. После присоединения к Российской Федерации территории Крыма в 2014 г. добавились два новых субъекта: Республика Крым и г. Севастополь.

Подведем общие итоги и сделаем ряд полезных для жизни выводов после изучения курса этнополитологии. Прежде всего, нет никаких сомнений, что данная дисциплина имеет особую актуальность и общественно-политическую значимость для нашей многонациональной страны — России. Этнический фактор пронизывает все сферы нашей жизни, начиная от бытовых повседневных контактов и заканчивая самыми сложными проблемами экономики и политической жизни. Но этнокультурное многообразие населения нашей страны сопровождается не только негативными проявлениями и рисками, но включает в себе много позитивного и привлекательного. Собственно говоря, все развитие нашей страны, ее исторические достижения в области науки и культуры, ее победы на фронтах войны и на спортивных аренах — все это результат совместных усилий представителей многих народов, которые исторически проживают на территории нашего государства.

У России есть уникальный опыт управления многоэтничными сообществами и регионами, особенно по части длительного мирного сосуществования людей, которые исповедуют разные религии — христианство в форме православия, ислам, буддизм и иудаизм. Наша страна известна своими позитивными результатами в области сохранения языков и культурных традиций малых народов. Здесь отечественный опыт носит противоречивый характер, ибо в царские времена имели место черта оседлости и еврейские погромы, во времена правления Сталина — насильственные депортации целых народов и гонения против церкви и верующих, а уже в постсоветское время произошел разрушительный вооруженный конфликт в Чечне.

И все же за последние три десятилетия в Российской Федерации имел место процесс, который можно назвать «этническим возрождением». Укрепили свое самосознание представители больших и малых народов, даже увеличилось их общее число, через внутреннее самоопределение в форме республик

и национально-культурных автономий стал более определенным их суверенный статус и свободы в рамках общего государства и на основе Конституции России.

Круг проблем, которые находятся в сфере внимания этнополитологии, широк, а сами эти проблемы требуют квалифицированного подхода и подготовленных для этого кадров в области государственного управления, образования и культуры. Только хорошее знание этнической тематики и этнополитических процессов позволяют принимать решения в области государственного управления и развития страны, которые не разделяют народ, а сплачивают его в единую гражданскую нацию.

Задача научного сообщества и нового поколения политических менеджеров — превратить этнополитику в эффективный механизм укрепления гражданской солидарности, поддержания социальной стабильности на местном, региональном и федеральном уровнях. Само появление и обсуждение учебно-методических программ в сфере этнополитики подталкивает политический истеблишмент на путь выбора рациональных решений и к отказу от импровизационных действий в столь важной сфере жизни страны. Существует потребность в том, чтобы этнополитология в учебных программах вузов переместилась с периферии учебного процесса в число основных дисциплин и заняла прочное место в учебном процессе. Особенно это актуально для вузов российских республик, других многоэтничных регионов и городских мегаполисов, каким, например, является Москва. Очевидно и то, что ее преподавание необходимо распространять не только на кафедрах политологии, социологии, этнографии или на исторических факультетах. Этнополитологические знания необходимы будущим журналистам и правоведам, которые сталкиваются с этнологической проблематикой, не имея при этом соответствующей специальной подготовки.

Существование радикальных группировок, проявления расизма и ксенофобии в молодежной среде говорят о необходимости воспитания культуры толерантности, начиная со школьной скамьи, соответствующих школьных программ по обществоведению. Лучшая часть российского учительства и вузовского профессорско-преподавательского состава всегда была восприимчива к веяниям времени и стремится обогатить и разнообразить учебный процесс. Данный учебник может быть полезен для учителей-новаторов и для вузовских

преподавателей, которые ищут способы обновить содержание общественных дисциплин. Такое обновление необходимо, поскольку под лозунгом пересмотра тоталитарного наследия в новые школьные учебники проникают не только сомнительные материалы и суждения, но и отдельные элементы расизма, шовинизма и этнонационализма.

Предложенная в нашем учебнике трактовка этнополитических проблем расширяет личностный кругозор в понимании этнокультурного многообразия, воспитывает чувство гражданской ответственности за сохранение мира и стабильности.

Автономия. Различают несколько типов автономии (от греч. *autos* — сам, и *nómos* — закон): политическую, административно-территориальную и персональную (или культурную) А. Административно-территориальная А. представляет собой совокупность мер по обеспечению определенной степени самоуправления этнической общности, отличающейся от большинства населения государства и, как правило, имеющей численное преобладание на отдельной части территории государства. А. предполагает перераспределение полномочий между центральной властью и автономными территориальными образованиями. Центральная власть передает в регионы только часть полномочий, другая часть относится к совместному ведению и третья — к исключительно ведению центральной власти. Правительство страны не контролирует полностью действия органов власти автономии, но может воспользоваться правом вето в случае превышения последних своих полномочий. А. предполагает кооперацию и координацию действий между центральной и местной властью. Персональная (или культурная) А. применяется к членам культурно отличительной общности в государстве или в регионе независимо от места их проживания. Она предоставляет право сохранять и развивать религиозные, языковые и культурные традиции группы с помощью создаваемых ею общественных институтов и при поддержке государства.

Автономия национально-культурная. Форма реализации этнокультурных потребностей и запросов граждан преимущественно на индивидуальной основе в рамках полиэтничных обществ. В государстве или в его отдельном регионе А. предоставляет определенную самостоятельность в организации образования и других форм культурной жизни (право на создание библиотек, школ, театров, вещания и т.д.). Формируется на экстерриториальной основе, т.е. распространяется не на конкретную территорию, а на всех представителей этнического сообщества. Реализуется через такие формы, как этнокультурные центры, землячества, этнические общественные советы и ассоциации. В России в 1996 г. принят федеральный закон о национально-культурной автономии (НКА) и аналогичные региональные акты. НКА могут быть федеральными (например, федеральная национально-культурная автономия российских немцев) и региональными (например, национально-культурная автономия украинцев Республики Коми). Всего в России зарегистрировано 18 федеральных, 240 региональных и около 700 местных НКА.

Автономия этнотерриториальная. Во многих государствах со сложным составом населения существует этнотерриториальная А. В этом случае этническая общность вместе со всем остальным населением территории получает права административной автономии. Примером могут служить Аландские

острова в Финляндии (населенные шведами), иракский Курдистан, автономные округа в Китае, канадский Квебек, испанская Каталония, российские республики и автономные округа. При создании этнотерриториальных образований важную роль играет характер расселения этнической группы (или нескольких групп) и автохтонность ее проживания на данной территории. Такой тип А. дает некоторые дополнительные права республикам, включая право иметь свои конституции, издавать законы, поддерживать языки и культуру т.н. титульных (давших название) групп при условии соблюдения гражданского равноправия в рамках этнотерриториального образования. В полиэтничных странах (к примеру, в Индии, Канаде, Испании) при территориальном делении избегают строгого совмещения административных единиц с этническими территориями и особый статус получает все население автономного образования. В некоторых странах законодательно запрещено создавать территориальные этнические А., а также политические партии на этнической основе. В России республики, автономные области и округа являются равнозначными с остальными субъектами федерации и не обозначаются как «национальные» (этнические) образования.

Ассимиляция. Ассимиляция (лат. *assimilatio* — уподобление, сходство) — социально-культурный процесс, в результате которого представители этнической общности утрачивают свою отличительность и растворяются в другом или в других этнических сообществах. Происходит утрата языка, культурных традиций и самосознания. А. на практике выражается в усвоении представителями одной этнической группы языка, культуры и идентичности другой. Конечной фазой А. считается смена этнического самосознания. Различают естественную и насильственную А. Естественная А. происходит в ходе культурных контактов этнических сообществ и отдельных индивидов. Насильственная ассимиляция насажается путем отказа в признании самого факта групповой отличительности (напр., в Турции длительное время не признавалось существование курдов), дискриминации, подавления языка и культуры меньшинств. А. представляет особый вид социальной политики. Она включает способы, с помощью которых принимающее общество может решить, как обращаться с индивидами или группами, которые отличаются в культурном, языковом или социальном отношении. Политика А. чаще всего избирается в отношении иммигрантского населения или групп, которые оказываются включенными в границы принимающего общества. Эта политика носит ненасилственный характер и ориентирована на интеграцию.

Геноцид. Под геноцидом (от греческого *genos* — род, племя и лат. *caedo* — убиваю) понимается преднамеренное и систематическое уничтожение этнической (расовой) или иной культурно-отличительной группы. В истории известны многочисленные случаи организованного насилия против отдельных групп (религиозных еретиков, туземных народов, «ведьм»), но только в условиях Нового времени Г. становится политической реальностью. Один из самых известных фактов Г. — массовое уничтожение евреев нацистами, хотя фактов геноцида в XX в. было больше. В международном праве Г. считается преступлением против человечества. Международная конвенция «О предупреждении преступлений геноцида и наказании за него» (1948) устанавливает уголовную ответственность лиц, виновных в совершении Г. При этом под Г. понимается не только массовое физическое уничтожение представителей отдельной культурной группы, но и создание условий, которые препятствуют воспроизводству группы и ведут к ее вымиранию. На этом основании в политических лозунгах некоторых этнических активистов используется термин *этноцид*, не имеющий общепринятой трактовки и правового содержания.

Гражданство. Категория гражданства выражает отношения между человеком и государством. Нация есть сообщество граждан, т.е. юридически и политически равнозначных членов, на основании свободного волеизъявления которых и формируются политические институты. Национальное государство — это государство, где каждый гражданин уравнивается в правах с остальными и никакие сословные, имущественные, этнические (расовые) характеристики личности не могут являться основанием для дискриминации или для получения преимуществ перед остальными гражданами. Г. является категорией, определяющей отношение человека к политическому сообществу. Г. в ряде стран служит способом реализации политической гегемонии этнического большинства и своеобразным «этническим сепаратором» в миграционной политике, поскольку Г. предоставляется в приоритетном порядке представителям этнических групп, которые рассматриваются как культурно-близкие основному населению страны.

Коренные (аборигенные) народы. Коренные (или аборигенные) народы — это признанная международно-правовыми документами категория населения, которая представляет собой автохтонное население государства или региона, представители которого в местах своего исторического проживания сохраняют традиционный образ жизни, отличный от образа жизни основного населения государства. В России термин «коренные малочисленные народы» был введен в политический лексикон и нормативные акты в постсоветский период. В трактовке некоторых активистов аборигенных движений «коренной народ» — это исконный народ, обладающий приоритетным правом пользования территорией, природными ресурсами и претендующий на особый статус на территории. В таком контексте понятие «коренной народ» представляет собой особую социальную категорию, призванную узаконить определенные права-привилегии, что может вызывать конфликт между аборигенами и постоянным местным населением или между аборигенами и государством. Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах» не приводит определения «коренные народы», а лишь указывает, что конвенция распространяется на «народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями, или специальным законодательством». Здесь же говорится, что к коренным народам относятся потомки населения, которое проживало на данной территории до ее завоевания или колонизации, и подчеркивается, что использование термина «коренные народы» не означает наделения их особыми правами. Эксперты относят к «коренным народам» индейцев обеих Америк, многие народы Африки, аборигенов Австралии, арктические народы зарубежного Севера и малочисленные народы российского Севера, Сибири и Дальнего Востока. Специфика защиты прав коренных народов состоит в охране их образа жизни, ибо остальные права гарантируются стандартными нормами прав человека и прав меньшинств. Образ жизни коренных народов базируется на традиционных формах хозяйствования, к которым относятся охота, рыбная ловля, собирательство, морской зверобойный промысел, оленеводство. Нормы защиты прав коренных народов распространяются лишь на тех, кто сохраняет приверженность традиционному образу жизни.

Ксенофобия. Под ксенофобией (от греч. *xenos* — чужой, *phobos* — страх) понимается страх перед чужими людьми или людьми другой этнической принадлежности, часто переходящий в неприятие представителей этих групп. К.

может проявляться в форме негативных этнических стереотипов или прямых призывов к ограничению в правах или депортации представителей чуждых этнических, расовых или религиозных групп. Причины К. различные: социальное неравенство по этническим признакам, изменения этнического состава населения и привычного образа жизни, так называемые исторические несправедливости, намеренная индоктринация по созданию негативного образа «чужого» или «врага» в лице иммигрантов или представителей меньшинств и др. К. связана с недостатками образования и информированности населения, но К. подвержены также образованные слои, в том числе политики и представители интеллигенции. В России К. распространилась среди части населения по отношению к выходцам из региона Кавказа и Средней Азии, особенно в отношении временных трудовых иммигрантов.

Меньшинства. Под меньшинствами понимают любые группы граждан, меньшие по численности по сравнению с остальным населением страны и не занимающие господствующего положения. В ситуации меньшинства может оказаться и численно доминирующая в государстве/регионе группа, если ее политические или культурные права ущемлены, т.е. понятие М. имеет как статистический, так и политический смысл. Рабочие определения меньшинств выработаны на основе следующих критериев: численность меньшинства, объективные отличительные признаки, недоминирующее положение в обществе, стремление сохранять свою групповую отличительность и наличие гражданства соответствующей страны. Однако выделение М. на основе этих признаков не свободно от недостатков и допускает неоднозначность толкования данной социальной категории. В числе проблем, с которыми сталкиваются меньшинства, основными являются проблема неравенства и дискриминации и проблема реализации права на сохранение своей самобытности. Большинство групп М. принадлежит к культурным М. (этническим, языковым, расовым, религиозным). В международном праве система защиты прав М. зародилась в рамках действовавшей после Первой мировой войны Лиги наций и оформляется в 1948 г., когда ООН приняла Конвенцию по предупреждению преступлений геноцида и наказанию за него. Конвенция была направлена на обеспечение права на существование «национальных, этнических, расовых или религиозных групп». В последующие годы проблема М. получила отражение в ряде международно-правовых документов. Наиболее значительные из них — принятая в 1992 г. ООН Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным, языковым меньшинствам, Европейская рамочная конвенция по защите национальных меньшинств 1994 года. В России термин «национальные меньшинства» (нацмены) вышел из употребления в 1960-е гг. как принижающий статус представителей той или иной этнической группы, которые считались «социалистическими нациями». Но Россия разделяет международные требования и стандарты по соблюдению прав национальных или этнических М.

Национализм. Политическая идеология и практика, основанные на представлении о нации и ее интересах как высших ценностях. В зависимости от понимания, что такое нация, Н. имеет две формы — гражданский, или государственный, и этнический. Гражданский Н. возник в эпоху буржуазных революций и становления современных государств, основанных на представлении о нации и о народе как согражданстве с общим самосознанием и историко-культурным наследием. Эта форма Н. направлена на обоснование легитимности государства, на консолидацию нации, но зачастую содержит в себе установки на дискриминацию и ассимиляцию меньшинств, а также на государственную экспансию (мессионизм) или, наоборот, на изоляцио-

низм. Этот вид Н. используется государствами через официальную символику и идеологические институты с целью утверждения общегосударственной лояльности и распространения общегосударственных правовых норм и морально-культурных ценностей.

Степень распространения государственного Н. в разных странах зависит от состава населения, исторической традиции, формы правления, статуса и политического положения страны. Государства со сложным составом населения стараются утверждать разные формы государственного (гражданского) Н., даже если это экономически развитые с демократической формой правления общества (напр., США, Испания, Канада). В странах с неразвитой экономикой и демократией, с большим этническим разнообразием и наличием сепаратистских движений государственный Н. служит одним из средств обеспечения власти центра, общественной консолидации и сохранения целостности государства (напр., Индия, Индонезия, Китай, арабские страны). Государственный Н. обретает крайние формы шовинизма и экспансионизма в условиях войн и кризисов. Он особо заметен во вновь образовавшихся странах, где выполняет функции дистанцирования от прежних государств, политической мобилизации и нового «нациестроительства». Это имеет место в постсоветских государствах, но в форме симбиоза с этническим Н. Вместе со становлением гражданских наций ранний Н. как источник суверенной власти утверждал право наций на самоопределение. В экономической области Н. проводит политику протекционизма, в социокультурной — единство и сплоченность нации утверждаются общими языком, культурой, а также версией общей истории.

Этнический Н. (чаще просто Н. или этнонационализм) предполагает, что нация является высшей формой этносоциального организма, создателем «национального государства» и его культурной системы, имеет исключительное право на обладание его ресурсами и институтами, включая власть. Этнический Н. основывается на биологических и расовых аргументах, и он сложился в эпоху господства эволюционизма и этнорасовых теорий во 2-й пол. XIX в. Он может быть как этнонационализмом от имени большинства (сходное с ним явление — шовинизм), так и этнонационализмом от имени меньшинств (сходное с ним явление — сепаратизм). Этнический Н. получил распространение во всех регионах мира по мере модернизации государств и развития локальных культур и этнополитических организаций. В России этнический Н. возник в рамках почвеннического варианта славянофильства в противопоставлении либеральному западничеству, а также в среде этнической периферии как движение за повышение статуса «иностранцев» или за обладание собственной государственностью нерусскими народами, находившимися под властью российской короны. В кон. XX в. этнонационализм усилился в странах коммунистического блока, особенно в СССР, где поддерживалось развитие этнических культур, а этнонационализм был частью официальной идеологии и основой т.н. социалистического федерализма. В ситуации кризиса коммунистической идеологии и политической системы этнонационализм сыграл важную роль в распаде многоэтничных государств (СССР, Югославии, Чехословакии).

В зависимости от целей и форм проявления этнический Н. имеет культурный или политический характер. В первом случае речь идет о сохранении этнической общности (народа), развитии языка и образования, пропаганде наследия и традиций. Такой Н. играет положительную роль, если не содержит антимодернизационных установок и негативной направленности против других культур и народов. Во втором случае этнический Н. направлен на достижение преимуществ для представителей одной национальности в сфере власти и доступа к ресурсам. Этнический Н. основывается на упрощенных

трактовок истории, узурпации культурного наследия в пользу одной группы, на конфликтных территориальных интерпретациях и включает в себе негативные стереотипы в отношении других народов. Этнонационализм со стороны доминирующих групп носит дискриминационный характер по отношению к меньшинствам и мигрантам. Радикальный этнонационализм меньшинств может обрести сепаратистский характер с требованием изменения границ или создания отдельного «национального государства». Он становится причиной этнических конфликтов.

В России сохраняется традиция трактовки Н. как идеологии превосходства одной нации над другой и как проповеди национальной исключительности. Негативное употребление понятия «националист» бытует и в других странах. Проявления крайнего Н., включая разжигание межнациональной розни и этническую дискриминацию, относятся к международным правонарушениям. В Российской Федерации также действуют законы против крайних националистических идеологий и действий.

Национальное самосознание (идентичность). Разделяемое всеми гражданами представление о своей стране, ее народе, чувство принадлежности к своей стране и народу. Основу национальной идентичности составляют базовые национальные ценности и общая историческая судьба. Формирование национальной идентичности — формирование у личности представления о многонациональном народе Российской Федерации как о гражданской нации и воспитание патриотизма. Н.с. утверждается через распространение знаний о прошлом страны, исторических победах и драмах, воспитание патриотизма, освоение общих культурных ценностей, через символику и календарь, топонимику и увековечение событий и исторических лиц). Большую роль в формировании Н.с. играют медиа, туризм, спортивные и другие мировые достижения страны.

Нация. Распространенное в науке и общественном сознании понятие с разным смысловым содержанием. В современной науке и праве под Н. понимаются два типа человеческих сообществ: совокупность граждан одного государства (политическая, или гражданская, Н.) и этническая общность (этническая Н., этнонация, культурная Н.). В раннем Средневековье слово Н. обозначало язычников. Позднее Н. называли университетское землячество или выходцев из одного города или местности. Купечество и церковные соборы также делились на Н. по принципу происхождения. Назв. Н. распространялось на высшие сословия феодальных государств Европы. В России в XVIII в. термин Н. использовался применительно к дворянству, а Петр I мечтал сделать Россию «регулярной политической нацией» по примеру европейских. Понятие Н. широко употреблялось в эпоху формирования современных государств вместо феодальных образований. В государствах Нового времени с утверждением единых управления, рынка и массового образования распространялись культурно-языковое единообразие вместо локального своеобразия или наряду с ним, общие гражданские и правовые нормы, а также и общая идентичность. Так возникли гражданские Н. в Европе и в регионах переселенческих колоний (Сев. Америка, Австралия, Новая Зеландия), а также в Лат. Америке на базе колоний Испании и Португалии. В Азии и Африке понятие Н. было заимствовано из Европы, особенно в ходе деколонизации и образования суверенных государств в XX веке.

Ныне понятие гражданской Н. как сообщества под единой суверенной властью отражено в понятиях «национальное государство», «здоровье Н.», «лидер Н.», «нац. экономика», «нац. интересы» и пр. В политическом языке Н. иногда называют просто государство (Организация Объединенных Наций

и др.). Понимание Н. как гражданско-политической общности с 1990-х гг. утверждается также в России и в других странах бывшего СССР. Члены политических Н. отличаются общегражданским самосознанием, или национальной идентичностью, выражающейся в соотношении гражданина со своей страной, что отражается прежде всего в названии ее жителей (американцы, британцы, индийцы, испанцы, китайцы, мексиканцы, россияне, французы). Членов Н. отличает чувство общности исторической судьбы, культурного наследия, духовно-нравственных ценностей. В последние десятилетия за счет интенсивной миграции, роста локальных идентичностей и группового (этнического) самосознания увеличились культурная гетерогенность и этнорасовое многообразие европейских и других Н. Вместо идеи «плавильного котла» формулой современных Н. чаще является «единство в многообразии». В современных государствах предпринимают усилия по формированию общегражданской идентичности и сохранению целостности Н. через утверждение патриотизма, общих ценностей и символов, а также через политику поддержки этнокультурного многообразия и внутренние формы самоопределения (автономии).

Понимание Н. как этнич. общности имеет истоки в идеологии австро-марксизма и восточно-европейской социал-демократии, у которых оно было заимствовано в СССР, где сложилась концепция Н. как «высшего типа» этнической общности, а государственная политика была направлена на формирование, «расцвет и сближение наций». Так из многоплеменного населения возникли аварская, алтайская, азербайджанская, грузинская, казахская, киргизская, таджикская, туркменская, узбекская и др. «социалистические Н.». При этом существовали также общесоветская идентичность (сформировавшаяся на основе прежней, общероссийской) и историко-политическая общность — советский народ. Идеология советского патриотизма и доктрина «единого советского народа» заменяли доктрину гражданской нации.

В России этническое понимание Н. сохраняет свое влияние, и это отражается в политической лексике, а также в массовом сознании. Часть политиков и общественных активистов отрицает понимание российского народа как социально-политической и историко-культурной целостности в форме гражданской Н., настаивая на использовании понятия Н. только в отношении этнических общностей (русских, татар, башкир, чеченцев и т.д.). Однако авторитетные опросы населения страны показывают, что российская идентичность («мы — россияне») стоит на первом месте среди всех других форм коллективной идентичности.

Многозначное использование понятия Н. присутствует в общественно-политическом языке, хотя его этнический смысл не признается международно-правовыми нормами и нормами большинства государств мира. Ряд этнических сообществ, добываясь политической и культурной автономии в составе единого государства, требует одновременно признать за ними статус нации. Такого права добиваются, например, франкофоны в Канаде и каталонцы в Испании. В России фактически все российские национальности считают себя нациями.

Раса. Понятие «раса» относится к той части обществоведческих категорий, которые во многом утратили былую научную значимость, но сохраняют общественную актуальность, особенно на уровне бытового мышления и среди политических экстремистов. Первоначально термин использовался для обозначения фенотипически (по физическому облику) и биологически отличающихся групп людей. Термин возник еще в XVI в., и тогда предполагалось, что расовые различия неизменны и обуславливают не только физические особенности людей, но и культурные отличия между группами. С тех пор содержание понятия несколько раз менялось. Сегодня большинство ученых признают, что Р. — это классификационный конструкт, используемый

в науке и общественной практике, который существует для классификации социальных групп. В то же самое время Р. есть некая обобщенная категория, используемая для изучения и объяснения биологических и фенотипических различий между разными человеческими популяциями.

Расизм. Расизм есть приверженность идее о расовом делении общества и биологически обусловленном превосходстве одних рас над другими. Позднее под Р. стали понимать убеждение в том, что принадлежность к социально созданной категории обуславливает определенные характеристики личности. Таковой категорией может быть не только расовая (биологическая или псевдобиологическая), но и культурная, историческая, религиозная. Р. может проявляться как на индивидуальном уровне, так и на институциональном. При первом это выражается в личном негативном отношении к представителям других этнорасовых групп, при втором он связан с политикой, при которой члены какой-либо общественной группы подвергаются дискриминации по признаку расы, религии или культуры. В Европе расистская идеология применялась для оправдания колониальных захватов и колониальной эксплуатации, агрессии против наций и притеснения групп меньшинств. Р. играл решающую роль в формировании идеологии германского фашизма. В России имеет место распространение идей так называемой «расовой теории» или расологии, которые объявляют представителей небелых рас и некоторых национальностей «ублюдками», а представителей «белой расы» носителями высших качеств и способностей. Р. осуждается международным сообществом и наказывается национальными законодательствами, в том числе и в Российской Федерации.

Самоопределение. Самоопределение есть культурное и политическое позиционирование личности и группы в их отношениях с другими культурными и политическими субъектами. Соответственно право на С. есть возможность свободно определять культурный и политический статус как отдельной личности, так и группы в целом. Право на С. является одним из ключевых принципов в системе международного законодательства. Вместе с тем право наций на С., которое является основой государственности, нередко вступает в противоречие с принципом нерушимости границ, являющимся одной из основ идеи государственного суверенитета. В 1945 г. была принята Хартия ООН, в основу которой был положен принцип территориальной целостности государств-членов этой организации и запрещение использовать силу при разрешении международных конфликтов. Но в 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, в которой говорилось, что «подчинение народов иностранному игу и господству» является отрицанием основных прав человека и противоречит уставу ООН. Здесь же заявлялось, что всякая попытка, «направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами устава организации». Иными словами, принцип С. был утверждён в качестве нормы международного права, но сопровождается оговорками. Если брать доктринальную сторону С., то с этой точки зрения такого выражения, как «право наций на самоопределение», не существует, потому что нация — это есть состоявшаяся общность, оформленная государством, и потому уже самоопределяющаяся общность. В современных условиях гораздо большее значение приобретает международная стабильность и развитие демократии в сложных обществах, нежели идеи партикулярной суверенизации. В сложных по составу населения государствах могут успешно реализоваться формы внутреннего С. через этнотерриториальную и национально-культурную автономии.

Сепаратизм. Сепаратизм (от лат. *separatus* — отдельный) — политическая идеология и практика, направленные на отделение части страны от единого государства и обретение ею политической самостоятельности. Сущность этнического С., который является разновидностью радикального этнического национализма, состоит в том, чтобы добиваться политической автономии или полного отделения территорий проживания этнических сообществ от основной территории страны. Идеологической основой этнического С. служит концепт нации-этноса. С. часто обретает форму открытой вооруженной борьбы или террористической деятельности. Национальные государства противостоят внутреннему С., в том числе с использованием вооруженных сил, но могут симпатизировать и даже поддерживать сепаратистские силы в других странах.

Федерализм. Федерализм (от лат. *foedus* — союз, объединение) — политический принцип, суть которого состоит в разделении государства на составные части — субъекты, обладающие высокой степенью политической самостоятельности. Обычно субъекты федерации создаются по территориальному признаку. В случае, когда в основу выделения субъектов берется также этнокультурный признак, имеет место т.н. этнический Ф. Этнический Ф. — довольно редкое явление, ибо совместить этнические и административные границы весьма сложно. К федерациям с этническим компонентом можно отнести уже распавшиеся страны — Югославию, Чехословакию, СССР, а также современную Российскую Федерацию, Бельгию, отчасти Великобританию, Канаду, Китай.

Этническая общность (группа). В отечественной научной традиции изучения истории, культуры и быта различных народов ключевым понятием долгое время являлся «этнос». При этом в советской традиции было принято считать этнос объективной реальностью, своего рода «коллективным телом», имеющим и биологическую, и социальную природу. В зарубежной науке термин «этнос» не употребляется, и западная социально-культурная антропология занимается изучением не этносов, а культур. В связи с этим при анализе этнических явлений ключевое значение здесь имеет термин «этничность». Этничность рассматривается как комплекс чувств, основанных на принадлежности к культурной общности, как коллективное ощущение, в результате которого формируется общая идентичность. Помимо сферы самосознания (идентичности), существуют некоторые характеристики, свойственные общностям, которые называют этническими. К числу таких характеристик относятся: разделяемые членами группы представления об общем историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры; политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые входят в понятие «народ»; чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней и основанные на этом формы солидарности и совместные действия.

Характерные черты этнических групп не могут сводиться к сумме содержащегося в их пределах культурного материала, а определяются прежде всего тем значимым, что для себя считают сами члены группы и что лежит в основе их самосознания. Таким образом, этничность — это форма социальной организации культурных различий. Исходя из этого, под Э.о. понимается группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут связывать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности.

Этнический конфликт. Форма гражданского противостояния внутри государства или на трансгосударственном уровне, когда одна или более сторон

конфликта организуется и действует на этнической основе или от имени этнической общности. Э.к. может иметь разные причины (политические, территориальные, социально-экономические, ресурсные, историко-культурные) и протекать как в скрытых формах межэтнической напряженности, так и в форме открытого насильственного конфликта. Распространенными формами Э.к. являются конфликты сепаратистского характера, когда представители этнического меньшинства выступают за отделение от государства своего проживания и создание собственного. Помимо такого рода конфликтов («группа против государства»), имеют место конфликты между двумя или более этническими группами, которые зачастую обретают крайне жестокие формы и имеют тенденцию к циклическому насилию. Способы и механизмы предотвращения и трансформации Э.к. составляют основу т.н. конфликтологии, которую можно считать поддисциплиной этнополитологии.

Этническая политика (этнополитика). В общественно-научной лексике термин Э.п. имеет ограниченное распространение. Его российским аналогом является понятие «национальная политика» (в последнее время чаще используется более корректный термин «этнонациональная политика»), под которой понимается государственная политика поддержки этнокультурного и языкового разнообразия и обеспечение социального мира и гражданского единства. Разные страны используют разные модели этнополитики. В прошлом, в эпоху становления национальных государств, преобладала установка на ассимиляцию и переплавку разных групп в культурно гомогенную нацию. В 1970-е гг. многие страны мира, в составе населения которых имелись многочисленные и влиятельные иммигрантские общины, значительное количество этнических, расовых и религиозных меньшинств, провозгласили мультикультурализм основным принципом своей внутренней политики. Эта модель предполагает государственную поддержку и преференции для этнических, расовых и религиозных групп в деле сохранения их культурной специфики, языка, религии. С этой целью формируются специальные институты и выделяются ресурсы для организации школьного обучения на языках меньшинств, создание телеканалов, вещающих на их языках и т.д. Мультикультурализм игнорировал проблемы большинства и обеспечение социально-политической солидарности и общей идентичности культурно сложного населения, интеграцию иммигрантов в основное общество. Эта политика находится в кризисе, особенно в странах Европы.

Политика исключения предполагает создание условий для политического, экономического и культурного доминирования одной этнической группы и вытеснения с ключевых позиций в политике и культуре представителей других групп. Такая модель может выражаться в конституционном национализме и этнической демократии, когда одна группа через демократические институты и процедуры захватывает доминирующие позиции (Эстония, Латвия), а может приобретать форму жесткого разделения этнических и расовых общин (ЮАР в эпоху апартеида). Крайней формой политики исключения является геноцид. В Российской Федерации Э.п. основана на формуле «единства в многообразии» и ставит целью этнокультурное развитие всех народов страны при обеспечении общероссийской идентичности и патриотизма. Основы Э.п. определяются Конституцией, федеральными и республиканскими законами, а цели и механизмы современной этнополитики изложены в документе стратегического планирования «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года».

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ И КУРСОВЫХ РАБОТ

1. Сравнительный анализ этнополитики в Российской империи, СССР и Российской Федерации.
2. Правовые основы государственной национальной политики Российской Федерации.
3. Роль этнического фактора в распаде СССР.
4. Югославский кризис: причины и последствия.
5. Проблемы Северной Ирландии и способы преодоления североирландского кризиса.
6. Французская Корсика: реальна ли борьба за самоопределение?
7. Этнополитический конфликт в Шри-Ланке.
8. Формы устройства полиэтничных государств.
9. Южно-Африканская Республика сегодня: смена этнических статусов?
10. Истоки и эволюция чеченского кризиса.
11. Феномен постконфликтной реконструкции на примере Чечни.
12. Курдские общины на Востоке и борьба за Курдистан.
13. Нагорный Карабах: проблемы разрешения конфликта.
14. Сепаратизм и экстремистское насилие в Стране басков.
15. Конфликт Каталонии и Мадрида.
16. Нигерийский опыт строительства нации.
17. Российская нация: идейная борьба вокруг проблемы нациестроительства.
18. Опыт функционирования саамских парламентов.
19. Самоуправляемая территория Нунавут: плюсы и минусы модели.
20. Проблема «коренных народов» в международной политике.
21. Русский национализм как идейное течение.
22. Местные этнонационализмы в России и их роль в политической жизни регионов.
23. Страны Балтии: проблема дискриминации русскоязычного населения.
24. Иммигрантские общины Европы и их влияние на политическую жизнь.
25. Кризис европейской миграционной политики.
26. Татарстан: модели этнополитического развития.
27. «Финно-угорский мир» — этнополитический миф или реальность?
28. Этнополитические проблемы Северного Кавказа.
29. Проблема ксенофобии в России и Западной Европе.
30. Языковые проблемы в Канаде и провал политики мультикультурализма.
31. Проблема сохранения и преподавания миноритарных языков в России.
32. Исламский фундаментализм как идеологическая основа эскалации этнополитических конфликтов.
33. Идеи еврорегионов как этнополитические проекты.
34. Права меньшинств в современной политике.
35. Воссоединение Крыма с Россией как пример самоопределения.
36. Этнополитическая ситуация в современном Крыму.
37. Этнополитическая ситуация в Молдове.
38. Дагестан: особая этнополитическая ситуация.
39. Индийский опыт нациестроительства и урегулирования внутренних конфликтов.
40. Среднеазиатские государства: выбор между традиционализмом и модернизацией.
41. Арабо-израильский конфликт.
42. Тибетская проблема в Китае.
43. Швейцарский опыт демократии согласия: идея и ее воплощение.
44. Этнополитическая ситуация в Грузии.
45. Этнорасовые проблемы в США.
46. Проблемы индейских сообществ в Латинской Америке.
47. Роль международного сообщества в решении проблем этнических, расовых и религиозных меньшинств.
48. Роль медиа в этнополитике.
49. Основные этапы этнополитики в постсоветской России.
50. Содержание и формы этнологического мониторинга.

Tishkov V.A., Shabayev Yu.P.

Ethnopolitics: Political functions of ethnicity. Textbook for higher education institutions. 3rd edition, corrected and enlarged / V.A. Tishkov, Yu.P. Shabayev. Moscow: Moscow University Press, 2019. 391 p. (Book Collection of Political Science Department of Lomonosov MSU).

The textbook is prepared by the Academician, Scientific Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences Valery Tishkov and the well-known specialist in ethnic studies, PhD in History, Professor at the Pitirim Sorokin Syktyvkar University Yuriy Shabayev. The textbook presents key concepts and problems in ethnopolitical studies — the discipline about political functions of ethnicity and interactions between political institutions and ethnic entities. The textbook covers subject and methods of ethnopolitics, theories of ethnicity and nationalism, ethnic conflicts and ethnopolitical mythmaking, political organization of multiethnic societies, evolution and contemporary strategy of nationalities policy in Russia. The textbook includes case studies, policy-oriented recommendations, list of literature, and glossary.

The textbook is commended for students, teachers of social sciences and humanities, ethno-cultural, social and political management of multiethnic societies.

